

Александр Федута



## Письма прошедшего времени

Материалы к истории литературы  
и литературного быта  
Российской Империи

*Александр Федута*



*Письма  
прошедшего  
времени*

*Материалы к истории литературы  
и литературного быта  
Российской Империи*



---

Минск «Лимариус» 2009

УДК 821.161.1.09  
ББК 83.3(2Рос-Рус)  
Ф 34

Научный редактор  
доктор филологических наук, профессор  
*Татьяна Автухович* (Гродненский университет)

Рецензенты:  
доктор филологических наук, профессор  
*Василий Щукин* (Ягеллонский университет);  
доктор гуманитарных наук, доцент  
*Павел Лавринец* (Вильнюсский университет)

**Федута, А. И.**

Ф 34 Письма прошедшего времени : Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи / А. И. Федута. — Минск : Лимариус, 2009. — 264 с.: ил.

ISBN 978-985-6740-95-7.

Новую книгу Александра Федуты составили архивные публикации последних лет, опирающиеся на разыскания исследователя в российских, польских, белорусских и литовских архивах, а также статьи, посвященные актуальным проблемам истории литературы XIX века.

УДК 821.161.1.09  
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-985-6740-95-7

© Федута А. И., 2009  
© ООО «Лимариус», 2009

# ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТЕКСТ. ТЕКСТ ЕСТЬ ЖИЗНЬ

Если исходить из того, что после каждого человека остается не только биологическое его продолжение — дети, внуки, правнуки, но и продолжение социальное, мы можем констатировать, что каждый живущий на земле есть автор некоего набора текстов. Ведь социальная сущность человека выражается преимущественно в виде текстов.

Вначале — это свидетельство о браке его родителей, затем свидетельство о рождении (крещении).

Еще чуть позже новый член общества учится писать и сам. И мы можем прочесть его или ее первую ученическую тетрадку, заботливо сохраненную родителями; его школьные сочинения; анкету, составленную либо списанную им (чаще всего — ею) и распространяемую среди одноклассников. Наконец он или она получает аттестат (диплом, свидетельство о кандидатской либо докторской степени).

Он или она пробует писать стихи. Из талантливой девушки вырастает Эмили Бронте или Эмили Дикинсон. Талантливый юноша превращается в Александра Пушкина или Адама Мицкевича. Но не всем дается талант. И вместо Пушкина мы имеем дело с Иваном Великопольским, а вместо Мицкевича — с Павлом Кукольником. Иногда им удается выпустить сборник стихов или книгу прозы. Иногда, заботливо переписанная специально нанятым писарем рукопись лежит в семейном архиве, ожидая внимательно-снисходительного чтения его будущих внуков. Дети на нее внимания не обращают.

Человек живет в обществе. Он вступает в отношения с другими людьми. Он пишет жалобы, на него пишут жалобы. Он болеет. Он ходит в библиотеку. Он выписывает журналы и газеты. И все это фиксируется на бумаге.

Он дружит. Его друзья уезжают далеко. Иногда он пишет им письма. Письма бережно хранятся адресатами — как память о том, что и они сами были когда-то кому-то дороги. Он вспоминает о друзьях в своем

дневнике. А если он — это она, то иногда в том же дневнике ею хранится цветок, сорванный самым дорогим другом и подаренный им ей в тот — «главный» — день ее жизни...

Все чаще и чаще человек болеет. Ночью им овладевает бессонница. Он понимает, что жизнь проходит. И для того чтобы как-то удержать или просто осмыслить эту проходящую, протекающую сквозь пальцы как сухой песок жизнь, он начинает писать воспоминания. И в какой-то момент ему кажется, что написанное им — гораздо более реально, чем то, что, собственно говоря, и было его — Жизнью.

Но знал ли он, наш среднестатистический человек, — иногда это мужчина, иногда женщина, — что текст, написанный им и предложенный детям и внукам в качестве воспоминания о прожитом, — будет читаться и другими людьми, кому он интересен не как предок, а именно как автор этого текста. И потомки — иногда это комментаторы и исследователи — будут тщательно проверять — а не изменила ли ему память, а не присочинил ли он сознательно что-то, что могло бы его реабилитировать спустя годы? Наконец, насколько написанное им совпадает с написанным другими людьми, жившими одновременно с нашим героем, но — так уж получилось — неизвестными с ним волею Случая.

Но кроме текстов, написанных нашим героем, есть тексты, им прочитанные. И мы — читатели, потомки, исследователи — спустя годы и столетия начинаем искать в прочитанном автором нашего текста массиве чужих текстов истоки его собственного текста — и отражение, осознанное им или несознательное, этих же текстов в его жизни.

Но находим то, что прочитал не он, а мы сами. Мы вкладываем в написанное им собственные наши мысли и собственные наши воспоминания. Мы сравниваем его жизнь с нашей жизнью. А его текст — с нашим текстом. Ибо и мы, как все другие люди на земле, документируем свою жизнь. И даже если мы не напишем за свою жизнь ни одной строчки, мы все равно создаем текст, оставаясь в текстах других людей, в их воспоминаниях, в написанных ими жалобах, сочинениях, письмах.

Именно поэтому история людей и созданной ими культуры — со всеми обретениями и потерями — есть совокупность текстов, созданных одновременно и разновременно. И хотя фраза известного литературного персонажа о несгораемости рукописей воспринимается нами как абсолютная истина, однако прочесть весь этот безграничный текст полностью мы не можем. Ибо мы не подозреваем что, какие-то необходимые для его адекватного понимания страницы как раз сгорели, и мы счита-

ем, что их попросту не было. Или вписываем вместо непонятого нами текста свое понимание — из своего текста. Навязываем жившим до нас людям собственную логику, собственное восприятие мира — и других людей, и других текстов.

Но точно так же обходятся или будут обходиться с нашей собственной жизнью и нашим текстом другие люди. Каждая написанная нами строка — каждый факт нашей жизни — начинает существовать независимо от нас, становясь всеобщим достоянием, если только кто-то спустя годы или столетия найдет эту строку, попытается разобрать почерк и понять, о чем там хотел сказать этот странный автор, так не похожий на своего читателя.

Потому что все мы не похожи друг на друга.

Все мы — авторы.

И все мы — читатели.

И жизнь каждого из нас интересна другим настолько, насколько интересна эпоха, в которую мы живем, страна, в которой мы живем, культура, к которой мы принадлежим.

Именно поэтому бессмысленно отказываться от создания архивов, уговаривая себя, убеждая в «некрасивости» быть знаменитым. Это просто не зависит от вашей воли. Время в равной степени сбережет для потомков жизни великого флорентийского поэта — и незаметного флорентийского купца, если только пожар, наводнение, архивная крыса или злобная воля коллекционера-эгоиста, не желающего делиться радостью неожиданной находки, не лишат их возможности свободно прочесть тот или иной оставленный вами документ. И рано или поздно материального воплощения вашего текста (альбомной записи, письма, дневника, а иногда — художественного произведения) коснется чужая рука, и понадобится напряжение, чтобы чужие глаза смогли разобрать ваш торпливый и путаный, такой старомодный почерк.

Кто-то пролистает, например, ваши воспоминания — и закроет их, не обнаружив желаемых живых картин описываемого времени.

Кто-то, напротив, дочитает до конца и попытается найти что-то об их авторе в справочниках. И если не найдет, то напишет статью для справочника сам, пошлет ее в редакцию энциклопедии или просто разместит в интернете.

Кто-то отправится в архив, чтобы раскопать в старых пыльных папках свидетельства о крещении, судные дела, жалобы и почтовые квитанции, рассказывающие о том, что за журналы вы выписывали. Он напечатает

ваши письма друзьям, снабдив их комментариями и попытавшись тем самым восстановить истинный смысл оставленных вами текстов.

А кто-то найдет альбом влюбившейся в вас девушки, раскроет на той самой странице, к которой ее рука бережно прикрепила первый подаренный вами цветок, — и напишет о нем роман.

И вас будут снова любить и ненавидеть — уже после вашей физической смерти. В зависимости от того, какое именно собственное понимание смогут они вложить в прочитанный ими — написанный вами — текст.

# Эпистолярый

ад. 16. Junii. 820.

Op. 23

Wielce miy moi Dobrotliwyj!

Winnimem obzorničiie na list 22. maja. Paa  
lobovskij Ludwile Magister libry bys na us-  
jain w francyie, a keru ny jeryba Tucwlic-  
go w klasicyteie, uwrerwat dawniy ku-  
wattij bibliografijare w des'innilicy, apo-  
mijy postawit robne dieło najpici na  
dodabedo Naubewskijgo. Tym koncu  
pawete wabawy pwyedat w korowach  
u jwu. Arakijgo Chreptowicja, libry ju wyu-  
wim Kuawerow ma jisteny bibliotelis: na  
kerawijnye zai wabawy jebie do pu-  
law. — Kijicijis Senabwoni Opinilicim  
nie jstena unajpmij i merniatu jwode  
wawerijy pwykowanica iz, arabu-  
wawerijy pwykowanica iz, arabu-  
wawerijy pwykowanica iz, arabu-



# КВАРТИРАНТ

## Письма М. Малиновского И. Лелевелю

Разгром Виленского университета и всей системы польского образования, инициированный правительственным комиссаром при императорском наместнике в Варшаве сенатором Николаем Новосильцовым, сопровождался массовой высылкой молодых выпускников университета, членов тайных студенческих обществ филоматов и филаретов, в центральные российские губернии. Это была парадоксальная ситуация: с одной стороны, они были ссыльными, а потому находились под постоянным надзором, с другой стороны, молодые, талантливые, интеллигентные, они поступали на государственную службу, знакомились с представителями российской элиты — и были приняты, поскольку хорошим тоном и накануне декабристского восстания, и сразу же после него считалось фрондирование. Опальные были в моде.

На этом во многом строился феномен российского восприятия ссыльного Адама Мицкевича. Разумеется, его гений импровизатора — на французском языке — был очевиден. Но собственно польский язык в профессиональной литературной среде Москвы и Петербурга знали далеко не многие. В. Г. Анастасевич, П. А. Вяземский, П. И. Гавевский, начавший изучать польский язык под влиянием Ф. В. Булгарина А. А. Бестужев, разумеется, выходцы из литовских губерний К. С. Сербинович, О. И. Сенковский и тот же Булгарин — вот, пожалуй, и все.

А «поляки» — так, не вдаваясь в существенные для самих бывших подданных Речи Посполитой нюансы этнического происхождения, называли в России и выходцев из Коронной Польши, и литвинов<sup>1</sup>, — весьма интересовались общественной и культурной жизнью метрополии. Напомним, что активным пропагандистом русской культуры в Виль-

---

<sup>1</sup> См., в частности, об этом наши работы: *Федута А. И.* Булгарин как «чужой»: К проблеме адекватности восприятия // *Tarptautinės mokslinės konferencijos «Žmogus kalbos erdvėje». Mokslinių straipsnių rinkinys 2003 m. Gegužės 8–9 d. Kaunas, 2003. P. 404–416; Федута А. И.* «Литвин» как литературная идентичность белоруса в первой половине XIX века (Сенковский, Булгарин, Мицкевич, Борщевский) // *Межкультурная коммуникация в современном славянском мире: материалы 1-й Международной научной конференции: В 2 т. Т. II. Тверь, 2005. С. 9–13.*

не был профессор университета И. Н. Лобойко, искренне веривший в возможность объединения «братских славянских народов» на основе близости культур и сам изучивший польский язык<sup>2</sup>. В свою очередь, о новинках русской литературы извещал виленских профессоров и студентов и библиотекарь университета Казимеж Контрым, состоявший в многолетней переписке с хорошо информированным литератором, цензором и библиографом В. Г. Анастасевичем.

Дневники, письма, воспоминания ссыльной виленской молодежи хорошо изучены в Польше, где их имена — как имена пострадавших патриотов и основателей новейшей польской литературы — окружены искренним почитанием. В России они известны в гораздо меньшей степени — преимущественно в связи с причастностью некоторых из молодых виленцев к ближайшему окружению Адама Мицкевича и фигурированием в их текстах А. С. Пушкина<sup>3</sup>. Вместе с тем в эго-документах ссыльных «поляков» содержится много ценной информации по истории литературного быта пушкинской эпохи.

Героем настоящей публикации является человек, известный исследователям по имени и по «Дневнику», — начинающий историк и архивист Миколай Малиновский (10.11.1799–29.06.1865).

Выпускник Винницкой гимназии, в 1821 г. Миколай Малиновский поступает в Виленский университет. Здесь он знакомится с теми, кто являлся лидером духовной жизни Вильно. Малиновский помогает библиотекарю университета Казимежу Контрымю в издании журнала «Dzieje dobroczynności». Латынь и античных авторов изучает Малиновский под руководством профессора Готфрида Эрнеста Гроддека<sup>4</sup>. Навыки библиографического искусства и любовь к истории прививает ему блестящий лектор, один из крупнейших исторических мыслителей первой половины XIX в. Иоахим Лелевель<sup>5</sup>. Наконец, сам Малиновский, по

---

<sup>2</sup> См. об этом: *Рейтблат А. И.* Иван Лобойко: случай примирителя // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимариус, 2008. С. 71–80.

<sup>3</sup> В частности, Т. Г. Цявловская перевела с польского и опубликовала фрагменты утерянного ныне дневника Франтишка Малевского, П. Д. Эттингер — главу из воспоминаний Станислава Моравского. См.: Пушкин в дневнике Франтишка Малевского. Публикация Т. Цявловской // Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 263–268; *Эттингер П. Д.* Станислав Моравский (из записок польского современника поэта) // Московский пушкинист. П. М.: Федерация, 1930. С. 241–266.

<sup>4</sup> О Гроддеке и его взаимоотношениях с Малиновским см.: *Meżyński Kazimierz. Gotfryd Ernest Grodeck. Profesor Adama Mickiewicza. Próba rewizji.* Gdańsk: Towarzystwo naukowe, 1974. (См. именной указатель.)

<sup>5</sup> О Лелевеле см.: *Басевич А. М.* Иоахим Лелевель как исследователь // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 174–180.

рекомендации Гроддека, обучает польскому языку профессора русской словесности Ивана Лобойко.

Активно стремящийся к познанию и самосовершенствованию студент, Малиновский закономерно входит в состав тайного общества филаретов — общества, ставившего своей целью просвещение и распространение любви к добру. В обществе, делившемся на несколько разрядов, Малиновский становится руководителем так называемого голубого разряда, объединявшего молодых литераторов. На этом посту он сменил Яна Чечота и Юзефа Ковалевского. Чечоту суждено стать выдающимся белорусско-польским поэтом и фольклористом, Ковалевскому — известнейшим востоковедом, исследователем Китая и Монголии. Причем их дарования, по свидетельству современников, были заметны уже тогда. Это означает, что Миколай Малиновский считается достойным членом студенческой элиты Виленского университета.

После того как тайные общества были обнаружены следственной комиссией сенатора Н. Н. Новосильцова, Малиновского арестовывают (между 30 октября и 15 ноября 1823 г.) и размещают в виленском Бернардинском костеле<sup>6</sup>. Вместе с тем его имя не значится среди подлежащих высылке. Публикатор «Книги воспоминаний» Малиновского Юзеф Третьяк предполагает, что «тут могли сыграть какую-то роль <его> взаимоотношения с Лобойко, профессором российской литературы»<sup>7</sup>, который, как мы помним, брал у Малиновского уроки польского языка. Современная исследовательница Малгожата Стольцман утверждает, что «освобождением <Малиновский> был обязан усилиям Юзефа Завадского, под руководством которого собирал материалы к новому изданию “Истории литературы польской...” Бентковского и второй части “Двух библиографических книг” Лелевеля»<sup>8</sup>. Не исключено, что за своего подопечного ходатайствовали оба — и профессор Лобойко, и руководитель университетского издательства Завадский.

Дальше в известной нам биографии Малиновского наступает перерыв. Мы не знаем точно, чем он занимался сразу же после окончания следствия. Но в 1826 г. он оказывается в столице Российской империи — Санкт-Петербурге. Судя по его собственным словам (в публикуемых ныне письмах), он сопровождает в столицу брата своей будущей супру-

---

<sup>6</sup> См.: *Borowczyk Jerzy*. Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów 1823–1824. Poznań: UAM, 2003. S. 257.

<sup>7</sup> См.: *Tretiak Józef*. Od wydawcy // Mikołaja Malinowskiego Księga Wspomnień. Kraków: AU, 1907. S. 2–3.

<sup>8</sup> См.: *Stolzman Małgorzata*. Nigdy od ciebie, Miasto...: Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863). Olsztyn: Pojezierze, 1987. S. 47.

ги Эдварда Гутта, сына известного виленского аптекаря. Здесь Малиновский начинает вести дневник на латинском языке, что естественно для одного из лучших учеников латиниста Гроддека, который желает, чтобы его записи остались непонятными для возможных читателей. Дневник не на русском или французском языке, что объяснимо (эти языки возможные агенты тайной полиции знали наверняка), но и не на польском: понятная предосторожность, поскольку польский язык является родным для хозяина квартиры, где снимает комнату бывший подследственный Малиновский. Рукопись нечаянно может попасться ему на глаза. Этот хозяин — Фаддей Венедиктович Булгарин.

Малиновский поселился у Булгарина не сразу. Вместе с тем маршрут его переездов с квартиры на квартиру чрезвычайно показателен. По приезде в столицу он селится в пустующей квартире профессора Осипа Сенковского. Затем, после возвращения будущего Барона Брамбеуса из Полоцкой губернии, где он инспектировал учебные заведения, находившиеся в ведении католических монахов, Малиновский переезжает на квартиру известного деятеля польской колонии в Петербурге, ходатая по делам виленских помещиков Гаспара Жельветра. И наконец, когда сам Жельветр отправляется в путешествие (из письма Малиновского следует, что он едет в Европу, в Париж), будущему историку и архивисту предлагает свои услуги в качестве хозяина квартиры редактор «Северной пчелы».

Почему Булгарин предложил малознакомому (в общем-то) выпускнику Виленского университета поселиться у себя на квартире, наверняка мы не знаем — только по версии самого Малиновского. Можно лишь предположить три причины подобного его решения.

Первая — возможная рекомендация Иоахима Лелевеля, с которым Булгарин ранее состоял в переписке по поводу написания им рецензии на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина<sup>9</sup>. В любом случае Булгарин знал, что имеет дело с учеником уважаемого им историка, поскольку позже именно через Малиновского Лелевель просит Булгарина вернуть ему рукопись его рецензии.

Вторая возможная причина — для Булгарина важно знакомство с покровительствовавшим Малиновскому Иваном Лобойко. Лобойко сотрудничает с изданиями Булгарина (А. Ф. Воейков в сохранившемся

---

<sup>9</sup> Рецензия была опубликована в журнале «Северный архив» в переводе редактировавшего журнал Булгарина. См.: *Лелевель И.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 4. С. 408–434; 1823. № 4. С. 52–80, 147–160, 287–297; 1824. № 9. С. 41–57, 91–103, 163–172; 1824. № 11. С. 132–143, 187–195; 1824. № 12. С. 43–53. (Публикация не была завершена.)

в фонде Лобойко в Государственном историческом архиве Литовской Республики письмо к Ивану Николаевичу даже жалуется на то, что это сотрудничество идет чуть ли не в ущерб его журналам). Отношения у Булгарина с Лобойко старые, они знакомы еще по Вольному обществу любителей российской словесности, в котором оба состояли.

Третий путь — рекомендация от Казимежа Контрыма, с которым Булгарин был знаком, ибо состоял в известном виленском Обществе шубравцев (бродяжек) — кружке интеллигенции, ставившем перед собой задачи нравственного совершенствования современного общества путем обличения его недостатков и выпускавшем с этой целью сатирическое издание «Уличные ведомости». Булгарин начинал публиковаться (на польском языке) в «Ведомостях» и других журналах, к которым имели отношение члены общества.

Вероятность протекции со стороны виленского типографа и книгоиздателя Юзефа Завадского представляется нам не слишком большой: как раз в этот период их отношения с Малиновским достаточно напряжены. Однако даже одной из упомянутых выше рекомендаций было бы достаточно, чтобы Булгарин, всегда радушно принимавший своих земляков-литвинов, оказывавший им всевозможную протекцию, согласился помочь начинающему историку Малиновскому. Учитывая же, что кроме официального рекомендательного письма Малиновский по праву мог сослаться на всех троих своих покровителей, редактор «Северной пчелы» с готовностью согласился предоставить ему одну из комнат в своей большой петербургской квартире (тем более что он держал, как следует из опубликованного «Дневника» Малиновского, и других квартирантов).

При этом показательно, что Булгарин, к которому благоволили далеко не все представители власти, еще совсем недавно не горел желанием вообще встречаться с представителями виленской молодежи, о чем и уведомлял, в частности, того же Лелевеля в письме от 15 июня 1824 г.: «Прошу сообщить Контрыму, Онацевичу, Шидловскому, чтобы не рекомендовали мне виленской молодежи, потому что от виленской молодежи больше беды, чем пользы. Я вообще ни одного из студентов у себя принимать не буду, да хранит их Бог, а нам, мирным литераторам, нужно их сторониться»<sup>10</sup>. Тем не менее для Малиновского он сделал исключение.

О том, что Булгарин оказывал и иную протекцию своему молодому земляку, косвенно свидетельствует тот факт, что Малиновскому удалось

<sup>10</sup> Цит. по: Listy Tadeusza Bułharyna do Joachima Lelewela // Biblioteka Warszawska. 1877. T. 1, zeszyt II. S. 230.

получить доступ к легендарной библиотеке братьев Залуских, после разделов Речи Посполитой перешедшей в собственность России (фактически похищенной у Польши) и влившейся в состав Императорской публичной библиотеки. Основу библиотеки составляла *polonica* — книги и рукописи, посвященные Речи Посполитой и ее культуре. Специалистов, знающих польский язык, среди штатных сотрудников Публичной библиотеки в этот период практически не было. Малиновский неоднократно обращался к ее директору, А. Н. Оленину, с просьбой разрешить ему работать с фондами библиотеки Залуских, но, как свидетельствует он сам в своем «Дневнике», Оленин весьма неодобрительно относился к этому интересу молодого литвина, так что тому приходится даже обращаться за рекомендацией к управляющему канцелярией Государственного Секретариата Царства Польского Игнацию Туркуллу<sup>11</sup>. Понятно, что получить такую рекомендацию без чьей-то мощной поддержки далеко не самому благонадежному молодому человеку вряд ли удалось бы. Однако, на первый взгляд, все разрешилось благополучно. В результате Малиновский «описал библиотеку Залуских и подготовил “Мемориал по вопросам Польского Отдела Императорской Публичной Библиотеки”». Добивался в нем надлежащего хранения вывезенных туда материалов, посвященных Польше, которыми должен заниматься библиотекарь, назначенный Ягеллонским университетом, с помощниками, делегированными Варшавским университетом и Обществом Друзей Наук»<sup>12</sup>. Это требование, граничащее с дерзостью, разумеется, принято не было, и благосклонности директора библиотеки, судя по всему, Малиновский лишился.

Однако именно Малиновскому и другому недавнему виленскому арестанту, сыну бывшего ректора Виленского университета Франтишку Малевскому удается получить официальное дозволение издавать польскоязычную частную газету. Так появился «*Tygodnik Petersburski*», ставший несомненной вехой в истории польской культуры и одновременно оплотом консервативного крыла польской общественной мысли, лояльного к имперским властям. Поскольку известно, что Булгарин несколько позже ходатайствовал за еще одного виленца, Адама Гонория Киркора, добиваясь разрешения выпускать ему польскоязычное изда-

---

<sup>11</sup> Мы приводим цитаты по польскому изданию «Дневника» Малиновского, выполненному первопубликатором документа проф. Манфредом Кридлом. См.: *Malinowski Mikołaj. Dziennik. Wilno, 1921. S. 17*. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием даты записи. Перевод фрагментов дневника выполнен нами.

<sup>12</sup> *Stolzman Małgorzata. Nigdy od ciebie, Miasto...: Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863)*. Olsztyn: Pojezierze, 1987. S. 47.

ние (хотя и безуспешно), есть основания полагать, что и в случаях с Малиновским и Малевским не обошлось без его протекции.

Закономерно, что двумя центральными фигурами «Дневника» Малиновского становятся Адам Мицкевич<sup>13</sup> и Фаддей Булгарин. Малиновский и в Петербурге продолжает общаться преимущественно со своими земляками. 1827–1830 годы — годы образования в столице империи своеобразной польско-литовской колонии. Один из естественных центров ее интеллектуальной жизни — дом Булгарина, одно из ключевых событий — пребывание в Петербурге наиболее выдающегося поэта, пишущего на польском языке, — Мицкевича.

Булгарин предстает перед нами как радушный хозяин, за столом которого собираются и домочадцы, и многочисленные гости. Среди них художник и мистик Юзеф Олешкевич, увековеченный Мицкевичем в «Дзядях» и Пушкиным в примечаниях к «Медному всаднику», воспетый Пушкиным в «Руслане и Людмиле» блестящий рисовальщик Александр Орловский, первый иллюстратор мицкевичевского «Конрада Валленрода» Винцент Смоковский, автор парных портретов Мицкевича и Пушкина Валентий Ванькович. Из людей пишущих следует отметить, разумеется, Пушкина, «первого из поэтов российских» (см. запись в «Дневнике» Малиновского от 7 января 1828 г.), частого гостя Булгарина, журналиста, писателя, ученого Осипа Сенковского, соредатора Булгарина Николая Греча, литераторов и цензоров Василия Анастасевича и Константина Сербиновича, известного Китаиста и монголоведа о. Иакинфа Бичурина, редактора уже упоминавшейся нами газеты «Tygodnik Petersburski» Юзефа Пшецлавского<sup>14</sup> (будущего мемуариста, фигурирующего в русской литературной традиции под именем Осипа Пржецлавского и известного под псевдонимом Ципринус, первого переводчика на польский язык пушкинской «Пиковой дамы»). Наконец, показательна последняя запись, оставленная Малиновским в дошедшем до нас тексте дневника: «Пообедал дома с Б<улгариным> и отцом Иакинфом, который зачитывал мне отдельные места из своего описания Монголии. На обед были приглашены мать и три сестры несчастных юношей Николая, Петра, Александра, Михаила и N (?) Бестужевых.

<sup>13</sup> Мы не будем специально останавливаться на том, каким предстает на страницах дневника Малиновского А. Мицкевич, поскольку на это неоднократно обращала внимание польские исследователи.

<sup>14</sup> См. о нем, в частности: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. С. 34–35; *Федута А. И.* Слово «белорус» в воспоминаниях Осипа Пржецлавского // *Поэтика и лингвистика: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р. Р. Гельгардта.* 16–19 октября 2006 г. Тверь: ТГУ, 2006. С. 42–44.

Не знаю, каким образом случилось, что я, который никогда не знал этих людей, не видел этих женщин — объятый какой-то грустью, тихой болью почувствовал несчастье этой семьи. “*Sacra re miser*”, — говорит Сенека; насколько точно и правдиво это замечание римского философа, сегодня я понял лучше всего» («Дневник» Малиновского, 4 апреля 1828 г.).

Речь идет о сестрах декабристов Бестужевых, пытавшихся в это время облегчить участь своих сосланных братьев. В частности, Е. А. Бестужева обратилась с этой целью и к Булгарину, бывшему в свое время активным участником литературной группы А. А. Бестужева — К. Ф. Рылеева и «вкладчиком», как было принято тогда говорить, их альманаха «Полярная звезда». К чести Булгарина должно быть сказано, что он не уклонился от этой возможности сделать доброе дело, тем более что часть рылеевского рукописного архива, как известно, хранилась у него дома. И тот факт, что квартирант присутствует на обеде с членами семьи государственных преступников, свидетельствует о степени доверия к нему со стороны Фаддея Венедиктовича.

Булгарин делится со своим квартирантом собственным мнением по поводу событий литературной жизни. Несомненно, в ряде случаев Малиновский разделяет булгаринские подходы. Об этом свидетельствует, например, запись, сделанная им 26 ноября 1827 г.: «Домой вернулся в 10 часов вечера и навестил Б<улгарина>, которого застал за работой. Среди россиян есть замечательный поэт Евгений Боратынский, который пишет прекрасные стихи; он же не раз своим ехидством задевал Б<улгарина>, но тот без всякого предубеждения и спокойно рассмотрел его произведения<sup>15</sup>». Очевидно, что здесь Малиновский почти пересказывает булгаринские реплики.

Явно не симпатизирует Малиновский Осипу Сенковскому, предстоящему на страницах его «Дневника» злым и холодным, хотя и остроумным человеком:

«Пришел Сенковский узнать, где живет цензор Сербинович, потому что хотел передать ему свою полемику с Гамером о происхождении русского народа на основании сведений восточных писателей. Из того, что говорил, нет ничего, достойного запоминания» (запись от 5 декабря 1827 г.).

---

<sup>15</sup> О взаимоотношениях Боратынского и Булгарина см., в частности: *Пильщикова И. А., Федута А. И.* «Прятедь строгой, ты не правь...»: Комментарий // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 427–428; *Федута А. И.* Послание «Булгарину» Е. А. Боратынского: авторские редакции и литературный контекст // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2003. № 4 (9). С. 155–160.



«Наконец вернулся мой сожитель, а тотчас за ним появился Юз<еф> Сенк<овский>. Рассказал множество забавных побасенок. Среди них и следующая: до сих пор есть в петербургском университете профессор права по фамилии Боголюбов. За несколько лет до того случилось, что министр просвещения прислал ему какие-то книги для изучения, могут ли они использоваться в школах. Среди прочих была также греческая хрестоматия Якобса и немецкая Гедике. Наш Боголюбов, прочитав “хрестоматия”, подумал, что в этих книгах говорится о Божьей Матери, а потому посоветовал отослать их в Св<ятейший> Синод. И не хотел слышать каких бы то ни было объяснений» (запись от 15 декабря 1827 г.).

«С мнением Мицк<евича> о Сенк<овском> охотно соглашусь, потому что он правильно считает его человеком пропащим» (запись от 16 декабря 1827 г.).

«Сенк<овский> представлял прекрасный пример циничной злости, Мицкевич же — большой силы диалектики, при помощи которой успешно его побеждал. После обеда снова спорили друг с другом... Сенк<овский>, в частности, подверг критике его <Мицкевича> пьесы, недавно изданные (Сонеты), утверждая, что поэт сильно провинился тем, что хотел употребить в своих стихах восточные метафоры, обороты речи и т. п., не зная в точности ни азиатских языков, ни литератур этих народов. Вооружившись цензорскими розгами, прошелся по всем подряд сонетам и, должен признать, что увидел и продемонстрировал множество ошибок — бегло, остроумно, справедливо и верно; что до отдельных вещей, я все-таки придерживаюсь иного мнения» (запись от 17–18 декабря 1827 г.).

«Сенк<овский> стрелял парадоксами во все время обеда» (запись от 27 декабря 1827 г.).

«После часа, приятно проведенного в разговоре с ним <Мицкевичем>, пошел на обед к Булгарину... После обеда играли в карты. Пришел Малевский, а вскоре после него Мицкевич. Немного выиграл, но поскольку <Мицкевич> все время дискутировал с Сенк<овским>, бросил игру и присоединился к ним. Сенк<овский>, чтобы удержаться на плаву, хотел нас разъединить, чтобы проще взять верх в споре, но я обругал его, процитировав текст Евангелия: “Пришел неприятель, посеял плевелы в пшеницу и ушел” (Матфей, XIII, 25). Сенк<овского> осмеяли, и он отступил от своего намерения. Началась беседа на разнообразные темы, в ходе которой Сенк<овский> по своему обычаю завзято защищал разные парадоксы. Среди прочего превозносил он под небеса Новосильцова, уверяя, что школы (в Виленском учебном округе. — А. Ф.) сейчас

устроены лучше, имеют более полезную программу, чем раньше, и даже литература сейчас там процветает. Б<улгарин> же напомнил ему, что он сам четыре года назад... лично осыпал Пеликана (ректора Виленского университета, назначенного на этот пост Новосильцовым. — А. Ф.) наилучшими упреками» (запись от 15 января 1828 г.).

На последней записи следует остановиться особо. Та пренебрежительность, с которой Сенковский относится и к собственному происхождению, и ко всему, связанному с его малой родиной, как раз и делает его столь антипатичным в глазах Малиновского. Булгарин, демонстрирующий уважение и к собственной истории, и к истории своей родины, пользуется у Малиновского гораздо большим уважением: «После обеда прибыл Орловский и принес обещанный Б<улгарину> портрет, представляющий Григория Кастриота Скандербега как живого. С высшей благодарностью принял Б<улгарин> этот подарок<sup>16</sup> и, желая отблагодарить взаимностью, дал знаменитому художнику изображение мужа, равного древним, Тадеуша Костюшко, вместе с кусочком орденской ленты Белого Орла. Чудно, с каким волнением принял Орловский этот драгоценный дар» (запись от 6 января 1828 г.).

При этом того же Булгарина осуждают, почувствовав малейшее неуважение к соотечественникам: «Б<улгарин>, упрощенный всеми, прочел несколько фрагментов своего произведения (Жиль Блас) (имеется в виду “Иван Выжигин”. — А. Ф.), но почти все его осудили, потому что несправедливо и зло показал поляков. Мы же, которые и чтим предков, и занимаемся благородным исследованием древности, с огорчением слушали, как злоупотребляет искусством своего воображения и речи очень талантливый человек ради бредней такого рода. Не потому, как если бы мы думали, что “тот стар и невинен, кто прожил сто лет”, но потому, что [говорил] с пренебрежением о предках, чью наготу не следует показывать<sup>17</sup>, из-за того только, что их время было несколько грубовато» (запись от 15 января 1828 г.).

Это чрезвычайно интересное замечание. Известно, что русские читатели «Ивана Выжигина» именно первые главы романа, посвященные детству заглавного героя, прошедшему в белорусских губерниях, считали наиболее удачными. В данном случае налицо разница в восприятии: то, что представители одной нации воспринимают спокойно как их не касающееся напрямую, вторые воспринимают болезненно — их чув-

---

<sup>16</sup> Булгарин принадлежал к роду, согласно легенде выходившему от Скандербега (у них был общий герб), чем чрезвычайно гордился.

<sup>17</sup> Явная апелляция к библейской притче о Хаме, открывшем братьям наготу их отца Ноя.

ства это затрагивает. При этом сатира Булгарина осуждается не потому, что она несправедлива, и не потому, что она излишне остра (сатира И. Красицкого и Ю. У. Немцевича, как известно, стала классикой еще при их жизни), а потому — и это как раз и прочитывается в библейских аллюзиях его квартиранта — выносится за пределы национального читательского круга.

При этом Малиновский искренне симпатизирует Булгарину-писателю: «Читали некоторые произведения Б<улгарина>, полные таланта и хорошо написанные» (запись от 27 ноября 1827 г.).

Малиновский обращает внимание на определенные нюансы во взаимоотношениях между писателями, входящими в один и тот же круг. Так, например, Сенковский может придти к Булгарину на обед без предупреждения, но сам Булгарин не может себе этого позволить, чем Сенковский пользуется в самый неожиданный для Булгарина момент: «Через час (Мицкевич и Малевский. — А. Ф.) ушли, просив нас, чтобы мы пришли утром на завтрак к Сенк<овскому> Юзеф<у>, но поскольку мы (Булгарин и Малиновский. — А. Ф.) не были приглашены им самим, то, не желая быть назойливыми гостями, решили туда не идти» (запись от 7 декабря 1827 г.).

Позже Сенковский вновь повторит этот же трюк, причем в аналогичной ситуации: он вновь ждал к себе Мицкевича.

Но Сенковский и Булгарин объединяются в тот момент, когда Малиновский совершает, по их мнению, недопустимую оплошность. Это связано со скандалом вокруг публикации в варшавской «Газете польской» частного письма Малиновского известному ходатаю по петербургским судебным инстанциям Гаспару Жельветру, в котором квартирант Булгарина описывает, как слушатели принимали импровизацию Мицкевича 24 декабря 1827 г. (едва ли не единственное описание импровизации Мицкевича о судьбе известного деятеля Речи Посполитой Самуэля Зборовского, дошедшее до нас в двух описаниях Малиновского — в «Дневнике» и в письме Жельветру, — позже подвигнет другого великого польского поэта, Юлиуша Словацкого, знакомого, конечно, с опубликованным текстом письма Жельветру, написать произведение на ту же тему): «Не знаю, кто поместил отрывок из этого письма в варшавской “Газете Польской”. Неосторожность этого человека оказала мне плохую услугу. Сенк<овский>, Конарс<кий> (известный педагог Михал Конарский. — А. Ф.) и Б<улгарин> обрушились на меня, ставя в вину излишнюю благожелательность к Адаму. Наконец буря утихла, но сегодня перед обедом пришел Б<улгарин> и сказал мне, что великий князь (Константин Павлович, главнокомандующий войсками Царства Польско-

го. — А. Ф.) писал к Бенкендорфу, прислал номер газеты и жаловался, что человек, который из-за политических преступлений был осужден на изгнание, получил всеобщую благосклонность в столице Империи. Поскольку он считает это крайне опасным, предупреждает, чтобы внимательнее отслеживали все его шаги и т. д. Предпочел бы умереть, нежели это делать. Или если бы по неосторожности сам на себя навлек несчастье, сносил бы это терпеливей; но, думаю, ничего трагичнее не может быть, чем задеть порядочного человека, сделать несчастным друга. Утешил меня Б<улгарин>, уверив, что был у Бенк<ендорфа>, который поручил ему ответить великому князю. Он же обещал написать если не с пользой для А<дама> М<ицкевича>, то, по крайней мере, не для того, чтобы повредить. А именно, напишет, что М<ицкевич> находился тут под постоянным наблюдением, а что касается опубликованного письма, то написано оно было ради шутки, чтобы унизить его недоброжелателей в Варшаве. Умерил он немного мою тоску, но не вернул мне, однако, покоя» (запись от 21 марта 1828 г.).

Этим скандал не закончился. Поскольку Константин Павлович провел и собственное расследование, результаты которого серьезно расходились с версией, вымышленной Булгариным, было решено (запись от 24 марта 1828 г.), чтобы Малиновский не выезжал из Петербурга и во всяком случае никак больше не давал о себе знать в Польше. Вероятно, эта история и стала причиной того, что Малиновский прекратил вести свой дневник.

Вместе с тем Малиновский оставил еще один комплекс документов, которые до сих пор полностью не были опубликованы. Это хорошо известные в среде профессиональных полонистов письма к бывшему профессору Виленского университета Иоахиму Лелевелю. Переписка ученика и учителя шла с 1824 г., когда Лелевель был вынужден покинуть кафедру в Вильне в связи со следствием по делу филоматов и филаретов<sup>18</sup>, и до 1830 г., когда Лелевель стал членом революционного правительства в Варшаве и затем эмигрировал после поражения восстания. Комплекс писем Малиновского Лелевелю за эти годы хранится в Ягеллонской библиотеке в Кракове (копии, снятые в начале XX в., вероятно, известным историком Виленского университета Людвиком Яновским, хранятся в рукописном фонде научной библиотеки Вильнюсского университета).

Письма Малиновского Лелевелю полностью никогда не публиковались. В печати появлялись лишь небольшие фрагменты. В частности,

<sup>18</sup> См. об этом и предшествовавших интригах: *Лелевель И.* Новосильцов в Вильне // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимариус, 2008. С. 39–47.

уже в 1876 г. в третьем томе корреспонденции Адама Мицкевича сын поэта, Владислав Мицкевич, напечатал фрагмент письма от 28 декабря 1827 г., содержащего описание прибытия автора «Валленрода» в Петербург (этот же фрагмент в 1999 г. был воспроизведен Збигневом Судольским в третьем томе его фундаментального издания «Listy z zesłania»). Нами было опубликовано еще одно письмо (в оригинале и в нашем переводе)<sup>19</sup>, в котором упоминаются имена Е. А. Боратынского, А. С. Грибоедова и О. И. Сенковского. В целом же этот интересный эпистолярный памятник еще нуждается в изучении и полной публикации.

Учитывая тему нашей статьи, мы публикуем лишь те письма Николая Малиновского Иоахиму Лелевелю, которые написаны в период проживания бывшего ученика «брюссельского отшельника» в Петербурге, то есть с 1826 по 1 июля 1829 г., когда Малиновский непосредственно приступил к исполнению обязанностей генерального архивариуса Прокуратурии Радзивилловской комиссии (назначен 1 ноября 1828 г.)<sup>20</sup>. Публикация осуществляется по оригиналам, хранящимся в фонде И. Лелевеля в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове (Польша). Перевод писем с польского осуществлен Д. Ч. Матвейчиком под редакцией А. И. Федуты. Перевод фрагментов с латинского языка — Н. Романовского. Комментарий — А. И. Федуты. Нумерация публикуемых писем соответствует их последовательности и обозначает их место в общем комплексе писем М. Малиновского к И. Лелевелю (*BJ, rkps 4435*).

Публикатор благодарит за консультации и оказанную помощь проф. Л. Суханека и проф. В. Г. Щукина (Краков), А. И. Рейтблата (Москва), П. М. Лавринца (Вильнюс), проф. Н. В. Николаева и Н. Г. Патрушеву (Санкт-Петербург), Н. Романовского (Минск), а также сотрудников читального зала научных работников и отдела редкой книги Национальной библиотеки Беларуси.

---

<sup>19</sup> См.: Мицкевич, Боратынский и Грибоедов в переписке М. Малиновского и И. Лелевеля. Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечания А. И. Федуты // *Philologica*. Т. 7. № 17/18. М., 2003. С. 199–205. Перевод письма в указанной публикации содержит неточность, устранимую в настоящем издании.

<sup>20</sup> См.: *Латушкін А. М. Маліноўскі Мікалай // Архівісты Беларусі: біябібліяграфічны даведнік*. Мінск: БелНДІДАС, 2006. С. 27.

# Письма М. Малиновского И. Лелевелю

№ 18

*BJ, rkps 4435, k. 565–566*

Мне стыдно, что, взяв перо в руки впервые после такого долгого молчания, я вынужден обременять моего милостивого и благодетельного друга своими просьбами<sup>1</sup>. Из приложенного здесь письма Вы поймете, о чем идет речь. Мне нужна только Ваша помощь, чтоб Вы соизволили или непосредственно сами, или через лиц, близких к графу Залускому<sup>2</sup>, вступить за меня, чтоб я мог получить эту должность и на хороших условиях в таком дорогом для меня месте. В этот раз я ничего не пишу о себе, я болен и очень устал, надеюсь в ближайшую среду дать Вам обширный отчет о моем здесь пребывании, только мне неприятно оправдываться, что я до сих пор не писал. Я все время надеюсь вскоре вернуться в Вильно, я хотел оттуда возобновить прерванные отношения, но когда мое здесь пребывание чрезмерно затянулось, то я почувствовал себя виноватым. Соизвольте милостиво простить мне эту нерадивость, которая ни в коем случае не идет от сердца, и я обещаю в дальнейшем исправиться.

Мне здесь было обещано место библиотекаря, но так как это еще зависит от разных причин, то я предпочел бы похлопотать о краковском<sup>3</sup>. Если это не удастся, то я окажусь в странном положении: возвращаться в Вильно незачем, сидеть здесь не для чего. Не знаю, что мне предпри-

<sup>1</sup> Характеризуя отношения, сложившиеся между И. Лелевелем и его студентами (в частности, и М. Малиновским), биограф историка А. Сливиньский пишет: «К нему тянулась молодежь, и он тянулся к молодежи. Он умел быть одновременно профессором и братом. Спустя много лет разбросанные по всему свету студенты Виленского университета с волнением вспоминали те времена, когда счастливая судьба позволяла им общаться с любимым профессором. Они окружили его уважением и любовью, нашли же в нем горячего защитника и опекуна» (цит. по: *Śliwiński A. Joachim Lelewel. Zarys biograficzny. Lata 1786–1831. Warszawa, 1932. S. 78–79*).

<sup>2</sup> Залуский Юзеф (ум. 1866) — граф, генерал, представитель аристократического рода меценатов Залуских, дядя Юзефы Лелевель — жены брата И. Лелевеля, Прота Лелевеля. С 1826 г. — генеральный куратор научных учреждений Вольного города Кракова и его округа. Добивался открытия при Петербургской императорской публичной библиотеке ставки библиотекаря, который занимался бы книгами и рукописями на польском языке, в том числе — из знаменитой библиотеки Залуских, вывезенной российскими войсками после разделов Речи Посполитой. Библиотека Залуских была конфискована по инициативе Екатерины II, поскольку, по мнению императрицы, именно из книг патриотического содержания поляки набирались бунтарского духа.

<sup>3</sup> Насколько вытекает из контекста, Малиновский рассматривал возможность переезда для работы в Краков, в библиотеку Ягеллонского университета.

нять, но надеюсь, что если что-либо возможно сделать, то милостивый государь мой ничем не пренебрежет.

Сенковский<sup>4</sup> сегодня должен был писать графу, не знаю, сдержал ли он слово. Однако я не считаю, что мое письмо будет некстати, даже если будет получено перед письмом Сенковского. Когда Вы изволите ответить мне, то это можно делать через обычного курьера. У меня есть знакомые в бюро Государственного Секретариата<sup>5</sup>, они сразу же перешлют. Я просил уведомить меня, вернулся ли уже князь Адам<sup>6</sup> или когда ожидается <его возвращение>.

Я не могу дольше писать, я слишком устал. У меня едва хватает силы сердечно обнять моего милостивого Государя. Вверяю себя Вашей заботливой памяти, искренний и благодарный друг

Миколай Малиновский

13 апреля

1827 г. Петербург

## № 19

*BJ, rkps 4435, k. 567–568*

Дня 1 июня 1827 г. Петербург

Ваш ответ обязывает меня к новой благодарности. Вы мне прощаете нерадивость в писании, самым активным образом выполняете мои просьбы и разрешаете обращаться к Вам по любому поводу. Судьбой всей моей жизни я буду обязан Вашей опеке и заботливой поддержке. Я не отвечал до сих пор, так как не мог встретиться с господином Сен-

---

<sup>4</sup> Сенковский Осип Иванович (Юзеф Юлиан) (1800–1858) — выпускник Виленского университета, выдающийся ориенталист, профессор Петербургского университета. Русский писатель и журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения». Получил широкую известность под псевдонимом Барон Брамбеус. Некоторое время М. Малиновский жил у него на квартире. В одном из писем Ю. Завадскому (от 19 октября 1826 г.) он указывает: «Адрес: Николаю Ивановичу Малиновскому в Коллегиях, в квартире г-на профессора Сенковского, Васильевский Остров» (см.: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805–1865. T. I. Wilno, 1935. S. 280*).

<sup>5</sup> Имеется в виду Государственный Секретариат Царства Польского.

<sup>6</sup> Чарторижский Адам Ежи (1770–1861) — один из ближайших советников и друзей Александра I, член Государственного совета и сенатор. Крупнейший политический деятель Польши первой трети XIX в. В 1803–1824 гг. — попечитель Виленского учебного округа. При Николае I перешел в оппозицию русскому правительству, участвовал в восстании 1831 г., потом жил в эмиграции. М. Малиновский рассчитывал на его протекцию при трудоустройстве в библиотеку.

ковским, несколько недель я осведомлялся о нем, но мне всегда было трудно застать его дома. Только вчера я поговорил с ним. Я сообщил ему, что через Ваше посредничество Булгарин<sup>7</sup> ответил графу Залускому. Сенковский говорил мне, что уже 3 раза писал графу, что завтра напишет еще раз, прося ускорить это дело, что здесь на месте он займется тем, чтобы дело кончилось успешно. А потому с этой стороны можно быть полностью спокойным.

Вы пишете, что не понимаете, что я пишу насчет обещанного мне места. Я вынужден пояснить. Я приехал сюда, скорее, чтобы проводить Эдварда Гутта<sup>8</sup>, чем с целью добиться какого-либо места. Не желая, чтобы это путешествие стало совсем бесполезным в отношении Бентковского<sup>9</sup>, я начал ходить в Библиотеку<sup>10</sup>. Я нашел ее в чрезвычайном беспорядке. Будучи малоизвестным, поначалу я не мог даже иметь свободный доступ, но немного позже мне удалось большее. Я познакомился с иными собраниями книг и рукописей. Я видел, что никто ими не занимается. Тогда у меня появилось желание остаться здесь при библиотеке. Нет никого, кто бы хотел заниматься этим. Благородный Александр Востоков<sup>11</sup>, библиотекарь, потому как плохо читает по-польски, был силой прикреплен к ней, но он был бы сердечно рад избавиться от утомительного занятия собранием книг, не приведенным в порядок и не каталогизированным. Я обратился к нему, прося об указании мне способа ходатайствовать об этой службе. Он ответил мне, что надо действовать путем рекомендации к господину Оленину<sup>12</sup>, от которого

---

<sup>7</sup> Булгарин Фаддей Венедиктович (Ян Кристоф Тадеуш) (1789–1859) — писатель и журналист. Редактор журналов «Литературные листки», «Северный архив», «Эконом», издатель альманаха «Русская Талия на 1825 год», редактор газеты «Северная пчела». В его квартире в Петербурге жил М. Малиновский.

<sup>8</sup> Спутником М. Малиновского в путешествии в Петербург был Эдвард Гутт, сын виленского аптекаря Ежи Гутта, один из братьев будущей супруги Малиновского. Его имя часто фигурирует на страницах «Дневника» Малиновского.

<sup>9</sup> Бентковский Феликс (1781–1852) — известный польский библиограф и историк литературы, автор двухтомной «Истории польской литературы» (1814). Известный виленский издатель и типограф Юзеф Завадский инициировал подготовку третьего тома, посвященного современной польской литературе, и Малиновский помогал ему в сборе информации и описании выходящих изданий, что он и имеет в виду, говоря что посещение библиотеки делает его путешествие в Петербург бесполезным. Однако этот проект ничем не закончился.

<sup>10</sup> Имеется в виду Императорская публичная библиотека.

<sup>11</sup> Востоков (Остенек) Александр Христофорович (1781–1864) — поэт, филолог, с 1841 г. — член Императорской Академии наук. С 1828 г. заведовал библиотекой Румянцевского музея.

<sup>12</sup> Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) — русский историк, археолог, художник, государственный деятель. С 1804 г. почётный член Академии художеств,



единственно это зависит. Я обратился к господину Северину Потоцкому<sup>13</sup>, который активно взялся за это дело. Я подал прошение, в котором старался перечислить, насколько мои услуги могли бы быть полезны библиотеке. Оленин согласился, хотя под видом отсутствия вакансий отказал в этот раз, однако обещал позже устроить меня<sup>14</sup>.

Обслуга библиотеки состоит из 14 мест. Несколько из них не занято. Трое выбыли, а их места не заняты, так как Директор считает, что и меньшего числа достаточно, а лучше оплачивать служащих. В настоящее время они получают на содержание: старшие по 1200, младшие по 800 рублей ассигнациями. Оленин говорил о новой организации и новом большем штате и в этом случае обещал вспомнить обо мне. Тем временем я узнал, что господин Тадеуш Булгарин уже давно находится в списке кандидатов; я точно знаю, что Оленин никоим образом не сможет минуть его, поэтому я убедился, что обещание мне места библиотекаря польских книг было мнимым. Я поговорил с Булгариным, который охотно согласился отказаться от своего места в мою пользу, но надлежало ожидать нового штата, который Бог знает, когда стал бы набираться, а мне становится все трудней содержать себя здесь в Петербурге. Пришлось бы неизвестно как долго ожидать и жить Бог знает каким образом. Когда я говорил об этом Сенковскому, он сказал мне, что господин граф Залуский, будучи здесь в Петербурге в прошлом году, докладывал Его Величеству, что именно польская библиотека находится в чрезвычайном беспорядке, что Его Величество Император соизволил уполномочить его к употреблению средств для выхода из подобного положения, к опеке над ее пополнением и сохранением; что граф предложил ему (Сенковскому) место библиотекаря, что он, не имея возможности принять его, хочет предложить меня. Я охотно принял это, написал графу, отдал свою судьбу в Ваши руки, и мой милостивый благодетель своей заботой приобрел новые права на мою безграничную благодарность. Я уже говорил, что обещанное мне Олениным и Булгариным место зависит от разных причин, и так как назначенный графом библиотекарь мог бы сделать совершенно ненуж-

---

с 1817 г. ее президент, с 1811 г. директор Императорской публичной библиотеки, член Государственного Совета (с 1827 г.).

<sup>13</sup> Потоцкий Северин Осипович (1762–1829) — граф, действительный тайный советник, сенатор с 1801 г., член Государственного Совета.

<sup>14</sup> Известно, что А. Н. Оленин активно препятствовал польским интеллектуалам в работе с польскими книгами и рукописями, находившимися в фондах Публичной библиотеки. Одним из немногих исключений был митрополит Ст. Богуш -Сестренцевич, которому личным распоряжением Оленина было разрешено брать интересующие его издания на дом (о чем свидетельствуют его письма Сестренцевичу, публикуемые в настоящем издании, с. 97–104). Малиновскому же так и не удалось добиться разрешения работать с польскими рукописями.

ное назначение на должность директора, то я предпочитаю добиваться назначения меня из Кракова. Мое менее зависимое положение оставило бы мне больше свободы в моей работе.

От графа-полковника после виленского у меня не было никакого [ино-го] предложения, хотя он пообещал ксендзу Алоизию<sup>15</sup>, что возьмет меня *palam*<sup>16</sup> в Краков, видимо, обстоятельства не позволили ему сделать этого. Я прошу у Вас совета, должен ли я написать графу, благодаря его за обещание и прося об ускорении дела? Если будет прислано письмо министру Грабовскому<sup>17</sup>, то я уверен, что пойдет хорошо, у меня есть знакомые...<sup>18</sup>, которые помогут мне. Благородный генерал чрезвычайно порядочен и известен Его Величеству. Генерал-адъютант Бенкендорф<sup>19</sup> замолвил за меня слово. Я не ожидаю малейшего препятствия. Я только не знаю, как это письмо будет составлено: буду ли я считаться здешним библиотекарем или же зависимым от Краковского университета, буду ли подчиняться Комиссии вероисповеданий и просвещения в Царстве <Польском>; этот последний <вариант> я считал бы самым лучшим, но тогда откуда выплачивалось бы жалованье и т. д. Если бы опека ограничивалась только предложением меня на место библиотекаря под начало господина Оленина, то я опасуюсь, чтобы это не компрометировало меня в его глазах, потому как тогда бы он совсем недоброжелательно ко мне относился и мог бы доставлять любые неприятности. Я был бы рад ускорить это дело, так как, повторяю, жизнь стоит здесь дорого, а мои средства весьма скромны.

Я весьма сожалею, что не издал биографию Гроддека до моего отъезда<sup>20</sup>. Теперь я вынужден воздержаться или до возвращения в Вильно, или до окончания дела о месте библиотекаря. Я могу <ее> немедленно напечатать здесь. Людвик Бернатович<sup>21</sup>, заслуживший благодарность своего покорного слуги, хочет выделить средства на печать этой книги.

---

<sup>15</sup> Имеется в виду ксендз Алоизий Осинский (1770–1842) — историк, библиограф, языковед. Член Общества друзей наук (1818). Член Виленского университета (1826). Ректор Виленской духовной академии (1833–1839).

<sup>16</sup> Непосредственно (лат.).

<sup>17</sup> Имеется в виду Станислав Грабовский (1780–1845) — министр просвещения Царства Польского с 1820 г.

<sup>18</sup> Несколько букв не читаются — дефект листа.

<sup>19</sup> Вероятно, речь идет о Константине Христофоровиче Бенкендорфе (1785–1828) — генерал-адъютанте, генерал-лейтенанте с 1826 г., брате А. Х. Бенкендорфа.

<sup>20</sup> М. Малиновский работал над биографией своего университетского профессора Г. Э. Гроддека, однако так и не закончил свой труд. См.: *Młodecki S. Gotfryd Ernest Groddeck. Studium biograficzne na podstawie notat Mikołaja Malinowskiego // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. Z. 6. 1958. S. 301–350.*

<sup>21</sup> Бернатович Людвик — польский писатель, автор повестей из истории древней Литвы.

Можно бы было что-то дописать, что-то заменить, так как у меня руки были бы не так связаны. Однако, не имея теперь возможности сделать что-либо, я посылаю Вам каталог рукописей, составленный так, как я думаю печатать его в дополнениях<sup>22</sup>. Не знаю, застанет ли мое письмо Вас в Варшаве. Тем не менее я надеюсь, что Вы до святого Яна останетесь дома. Если мое письмо дойдет к Вам в Луцке, то прошу у Вас рекомендательное письмо к епископу Пивницкому<sup>23</sup>. Я б хотел познакомиться с благородным прелатом, но не могу воспользоваться этой чудесной возможностью [кроме] как через рекомендацию благороднейшего из людей. Вверяю себя памяти и сердечно Вас обнимаю

Искренний друг Миколай

Чарновский<sup>24</sup> здесь живет постоянно, хотя не состоит на службе. Он добивается своих денег, потерянных на Слувольдзе (?). Это самый пламенный англоман, но так как он гол, то не может держать пари, бегать на скачки и участвовать в петушиных боях. Он благодарен Вам, что Вы его помните.

Сюда недавно прибыли Ульдынский<sup>25</sup>, Крушчиньский<sup>26</sup>, Пташинский<sup>27</sup>, Альбин Пиотровский<sup>28</sup>, Сосновский<sup>29</sup>, Марек Пясецкий<sup>30</sup>.

---

<sup>22</sup> Вероятно, имеется в виду дополнение к книге Бентковского (см. примечание 9).

<sup>23</sup> Пивницкий Михал (ум. 1827) — каноник, затем епископ луцкий. Судя по воспоминаниям брата историка, П. Лелевеля, этот «хитрый иезуит» неоднократно бывал у них в доме. См.: Leleweł P. Pamiętniki i dziariusz domu naszego. Wrocław: Ossolineum, 1966. S. 245. (Возможно, в честь него И. Лелевель избрал в качестве одного из своих псевдонимов «Пивницкий»).

<sup>24</sup> Чарновский — неустановленное лицо.

<sup>25</sup> Ульдынский Юзеф (1792–1863) — профессор права и истории Кременецкого лицея. Его исторические труды доброжелательно рецензировал И. Лелевель.

<sup>26</sup> Крушчиньский Александр — член общества филаретов.

<sup>27</sup> Пташинский Антоний — выпускник Виленского университета, член общества филаретов.

<sup>28</sup> Пиотровский Альбин (1807–1876) — выпускник Кременецкого лицея, учился в Виленском, а затем в Петербургском университетах. Согласно некоторым данным, участник восстания 1830–1831 гг.

<sup>29</sup> Сосновский Леопольд (род. 1802) — юрист, выпускник Виленского университета, член общества филаретов. Неоднократно упоминается в «Дневнике» Малиновского.

<sup>30</sup> Пясецкий Марк (Мариан) (1794 или 1796 — после 1840) — кандидат юриспруденции, филарет. В 1830-х гг. жил в Петербурге и был поверенным в дела польских помещиков, занимался делами поляков — политических заключенных и ссыльных, в частности, по поручению А. Мицкевича распространял издания его стихов.

28 сентября 1827 г. Петербург

Милостивый и благородный Государь. Только незнание, где Вы находитесь, заставляло меня три последние месяца отказываться от удовольствия писания. Я бесконечно благодарен, что Вы милостиво уведомили меня о своем возвращении в Варшаву. Я сразу же спешу с ответом. Во-первых, по поводу поручения о Сенковском. Он мне отдал Ваше письмо, я немедленно спросил его об упомянутом в нем каталоге. Он говорит, что показывал графу Бальшу<sup>31</sup>(?), графу Кушелеву-Безбородко<sup>32</sup>, графу Сергею Строганову<sup>33</sup> и сенатору Шереметеву<sup>34</sup> — любителям живописи и владельцам ценных галерей, но все ответили, что вслепую, не видя, покупать не могут, что если б это собрание картин находилось здесь, то, *возможно*<sup>35</sup>, они купили бы какую-то часть. Ни Смоковскому<sup>36</sup>, ни Ваньковичу<sup>37</sup> он не сообщал о каталоге, так как считает, что они не знают никого, кто бы мог сделать подобную покупку, и он говорит правду.

Бусурманин<sup>38</sup> торжественно протестует против того, что он якобы гневается на Варшаву, но так как он безмерно занят, то был вынужден на

<sup>31</sup> Бальш — неустановленное лицо.

<sup>32</sup> Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800–1855) — граф, почетный член Императорской Академии наук, попечитель Нежинского лицея высших наук. В 1834–1837 гг. — управляющий Государственным банком. В 1850–1855 гг. — государственный контролер.

<sup>33</sup> Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) — граф, государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1827). В 1835–1847 гг. — попечитель Московского учебного округа, в 1859–1960 гг. — московский генерал-губернатор. Археолог-любитель, председатель Московского общества истории и древностей российских (1837–1874), основатель Строгановского художественного училища (1825), Археологической комиссии (1859).

<sup>34</sup> Шереметев Василий Александрович (1795–1862) — сенатор, действительный тайный советник (1857).

<sup>35</sup> В оригинале подчеркнуто.

<sup>36</sup> Смоковский Винцент (1797–1876) — художник, выпускник Виленского университета, выдающийся график. Первый иллюстратор поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод».

<sup>37</sup> Ванькович Валентий Вильгельм (1800–1842) — художник, выпускник Виленского университета, затем — Петербургской императорской академии художеств. Автор известного портрета А. Мицкевича и парного исчезнувшего портрета А. С. Пушкина (см. об этом: *Эттингер П. Д.* Станислав Моравский о Пушкине (Из записок польского современника поэта) // Московский пушкинист. П. М.: Федерация, 1930. С. 241–266.

<sup>38</sup> Вероятно, имеется в виду прозвище О. И. Сенковского, данное ему в обществе шубравцев в Вильне, — с учетом его профессионального интереса к языкам и культурам Востока.

некоторое время прекратить всякую переписку. Он действительно беспрерывно работает, у него нет ни дня свободного, ни ночи, но над чем же он работает? Над тем, чтоб у монахов отобрать школы в Беларуси, что с самого начала вынудило его к написанию почти стостраничного предложения и вызвало неприятие Министра<sup>39</sup>, однако он считает, что все преодолел, что Сперанский<sup>40</sup> согласился с его мнением и что вскоре священники будут изгнаны из школ<sup>41</sup>. Едва он окончил это, занялся написанием проекта нового педагогического института, так как сейчас только 6 учеников в <Виленском> Университете готовятся к учительскому званию, а будет необходимо несравнимо большее число, когда придется обеспечивать школы учителями. Весьма нехотя он напечатал арабско-французский словарь, сейчас обещает написать рецензию на

<sup>39</sup> Шишков Александр Семенович (1754–1841) — адмирал, писатель, президент Российской Академии, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства в 1824–1828 гг. Отставка Шишкова могла встревожить выходцев из Речи Посполитой, поскольку Шишков был женат на Ю. О. Лобаржевской, представительнице знатного литвинского рода Нарбутов, о которой говорили, что она особо покровительствует землякам (см. об этом: Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / изд. подг. А. И. Рейтблат. М.: НЛЮ, 1998. С. 148–149). Лобаржевская считалась дальней родственницей Булгарина (см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.–Л.: Academia, 1930. С. 694). О родстве с Лобаржевской пишет и О. А. Пшецлавский: «Г-жа Шишкова была моя родственница и приходилась мне бабушкой, но я называл ее ma tante» (см.: <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

<sup>40</sup> Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный деятель, реформатор системы государственного управления России. С 1826 г. фактический глава II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, руководил работами по кодификации Основных государственных законов Российской империи (1832), подготовкой Полного собрания законов и Свода законов.

<sup>41</sup> О. И. Сенковский после инспекционной поездки в Полоцк попытался инициировать отстранение монахов католических орденов от возможности преподавания в школах и высших учебных заведениях. «Мы знаем, что “шубравцы”, среди которых еще недавно был этот инспектор (Сенковский. — А. Ф.), отличались сильно развитым антиклерикализмом. Самый неприятным аспектом этой инспекции (Сенковского в белорусских губерниях. — А. Ф.) была сопутствовавшая ей полицейская разведка. Это единственный случай... когда профессор таким утонченным способом начинает, как полицейский, допрашивать учащихся. Это также единственный пример использования инспекции как средства дисциплинарного давления и характерного для реакции тех времен способа совершения личной карьеры» (см.: *Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. 1803–1832. T. II. Szkoły podstawowe i średnie. Lublin, 1991. S. 83*). Один из учащихся, Юзеф Добишинский, даже приклеил в знак протеста к воротам трактира, где остановился инспектор, польские стихи, заканчивавшиеся призывом к студентам расправиться с императорской фамилией (см. об этом: *Мальдзіс А. І. Творчае пабрацімства: Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемазвязі ў XIX стагоддзі // Мальдзіс А. І. Выбранае. Мінск: Кнігазбор, 2007. С. 29*).

«Этнографический атлас» Бальби<sup>42</sup>, где намеревается ударить по Абелью Ремюса<sup>43</sup>, Клапроту<sup>44</sup> и здешнему Аделунгу<sup>45</sup>. Атлас Бальби — это жалкая работа.

Насчет моего дела с библиотекой: оно движется весьма медленно, а иначе и быть не могло, потому как оно зависит от такого ленивого человека, как граф полковник. Вам уже известно, как он неуместно начал, что не хотел связаться со мной до отправки письма графу Грабовскому. По той причине, что ничего не подготовлено, Его Величество Император приказал договариваться об этом деле с министром Шишковым, очень дряхлым человеком. Тот через три с половиной месяца дал наконец ответ, в котором говорится, что так как Публичная библиотека содержит едва тридцатую часть в польских книгах и 801 рукопись, которые не важны ни для истории, ни для литературы, то министр считает, что отдельные библиотекари не нужны, но, впрочем, если краковские профессора (потому как и в том Залуский мне подпортил, назвав их будущими библиотекарями) захотят пользоваться этими жалкими остатками, то могут приехать в Петербург, и в те дни, когда библиотека открыта для публики, могли бы пользоваться вместе с другими. Конечно, такой неверный, лживый ответ принят быть не может. Я написал проект нового устройства польской библиотеки, приспособленный к местным условиям. Я написал ответ для Залуского и подал его графу Грабовскому для пересылки в Краков, но поскольку Залуский выехал куда-то на Украину, поскольку неизвестно, где он находится и когда вернется, то надо ждать неограниченное время. Я б мог быть привлечен здесь, мне даже делались издаелека предложения, но потому как это и позже могло бы не минуть, потому как место необычайно доходно — максимальный доход от него доходит до 1200 рублей ассигнациями, то я не хочу жадничать, чтоб не навредить новому устройству, если оно будет введено. Надеюсь, что граф Залуский, возвращаясь из Кракова, будет в Варшаве, я прошу моего милостивого друга увидеться с ним, передать ему, чтоб

---

<sup>42</sup> Бальби Андриано (1782–1848) — итальянский географ и статистик. Его «Этнографический атлас» вышел в 1826 г.

<sup>43</sup> Ремюса Жан-Пьер-Абель (1788–1832) — французский ориенталист, президент французского Азиатского общества, профессор китайского и маньчжурского языков в Коллеж де Франс.

<sup>44</sup> Клапрот Генрих Юлий (1783–1835) — этнограф, в 1804–1812 гг. — адъюнкт Петербургской Академии наук, с 1815 г. — профессор в Париже. Автор книг о своих путешествиях на Кавказ, в Сибирь, Азию.

<sup>45</sup> Аделунг Федор Павлович (Фридрих) (1768–1843) — историк, библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1809 г.; почетный член с 1838 г.). Выходец из Германии. С 1794 г. в России. Один из создателей Румянцевского музея в Санкт-Петербурге (1831).

он отказался от проекта со своими профессорами, который не удастся осуществить и который только осложняет все дело, чтоб действовал скорее, доверял тому, кто придет отсюда, и не обманывался надеждой свободного распоряжения библиотекой, находящейся вдали от него за 200 миль.

По поводу Брониковского<sup>46</sup>, я не считаю, что я оказал литературе большую услугу, я сделал это для заработка. Завадский дал мне 200 экземпляров, которые я продаю здесь по 15 рублей ассигнациями. Я смогу содержать себя. Я б не хотел, чтоб было известно, что это я переводил, хотя удержать это в тайне не удастся. Я перевел и иные его романы. Я уже принялся за *Французскую тюрьму*, затем выйдут: *Завещицы*, *Замок Мыши над Гоплом*, *Казимир Великий*, но я отношусь к этому как к спекуляции. Возможно даже, мне не удастся избежать неудобств, связанных с успехом.

Господин Булгарин предложил мне жить у него, я принял эту жертву как весьма удобную для себя, до сих пор я жил с Жельветром<sup>47</sup>, который выезжает в Вильно, дольше жить с ним мне было бы неудобно, так как, имея много дел, они принимают у себя много людей, он не мог предоставить мне свободного места для работы. У Булгарина у меня будет отдельная комната<sup>48</sup>.

Тут много молодых поляков, образованных и благородных, с которыми приятно провести время в товарищеском обществе. Некоторые работают, а именно: Собаньский Готард<sup>49</sup> — над переводом истории

<sup>46</sup> Опельн-Брониковский Александр фон (1773–1834) — немецкий романист польского происхождения, автор многочисленных романов, посвященных польской истории.

<sup>47</sup> Жельветр Гаспар (ок. 1780 — ок. 1855) — виленский шляхтич, с 1800 по 1831 г. живший в Петербурге в качестве ходатая по делам соотечественников. Его квартира была одним из центров общения польско-литовской диаспоры в столице империи. По словам О. А. Пшецлавского, «это был очень умный, практически-добродетельный человек. Он всем, кому только мог, деятельно помогал, многих прибывших из провинции молодых людей, с хорошими качествами, вывел в люди...» (цит. по : <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874). Его адрес указывает Малиновский в письме к Ю. Завадскому от 11 декабря 1826 г.: «Г-н Сенковский еще не приехал, прошу письма адресовать г-ну Жельветру так: Малиновскому — С.<анкт> П.<етербург>, Большая Миллионная, дом Петровой № 28» (см.: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805–1865. T. I. Wilno, 1935. S. 287*).

<sup>48</sup> Очевидно, что Малиновский воспользовался этим предложением очень быстро: уже в его письме Ю. Завадскому от 19 ноября 1827 г. он указывает адрес: «Н. И. Малиновскому. Офицерская улица в квартире Г-на Ф. В. Булгарина» (см.: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805–1865. T. I. Wilno, 1935. S. 299*).

<sup>49</sup> Собаньский Готард (1800 или 1801–1841 или, по другим данным, 1852) — граф, выпускник Кременецкого лицея. По поручению А. Мицкевича наблюдал за

Ваги<sup>50</sup> на английский язык, Игнатий Зенович<sup>51</sup> — переводит *Малую русскую грамматику* Греча<sup>52</sup> на польский язык, Рогальский<sup>53</sup> пишет грамматику по примеру *Писем о мифологии* Демутье<sup>54</sup> и т. д. Здесь находится Леопольд Сосновский, он служит в Сенате, дела у него не очень, Игнатий Пиотровский<sup>55</sup> — в Главном комитете цензуры, у него дела получше. Винцент Бобинский<sup>56</sup> служит в Сенате переводчиком, у него дела идут совсем хорошо, но в ущерб здоровью, Ясюкович<sup>57</sup> служит инспектором аптекарской школы, у него все благополучно. Пиотровский Альбин сдавал здесь экзамен на степень, ему была присуждена степень студента. Александр Мицкевич<sup>58</sup> был в Москве у брата и уже вернулся в Вильно, он не нашел ничего стоящего для

---

петербургским изданием его поэмы «Конрад Валленрод». После восстания 1830–1831 гг. был сослан в Ялуторовск, погиб от руки грабителей в собственном доме.

<sup>50</sup> Вага Теодор (1739–1801) — польский историк, автор фундаментального труда «*Historja Książat i Krolów polskich*» (1767), переработанного позже И. Лелевелем и выдержавшего 15 изданий.

<sup>51</sup> Зенович Игнатий — неустановленное лицо.

<sup>52</sup> Греч Николай Иванович (1787–1867) — писатель, журналист, филолог. Редактор журнала «Сын Отечества», газеты «Северная пчела» (с 1825 г., совместно с Ф. В. Булгариным). Автор книг «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827) и «Чтения о русском языке». На польском языке вышла его книга: *Gretsz, Nic. Początkowe prawidła rossyjskiej grammatyki*. Warszawa, 1834. Однако в качестве переводчика был указан А. Б. Глебович.

<sup>53</sup> Рогальский Леон (1806–1878) — переводчик, историк литературы, публицист. Был секретарем Совета Виленского университета. С 1835 г. — в Варшаве. М. Малиновский вел с ним переписку.

<sup>54</sup> Демутье Шарль Альбер (1760–1801) — французский комедиограф, автор книги «Письма к Эмили о Мифологии» (6 т., 1786–1798).

<sup>55</sup> Пиотровский Игнатий — неустановленное лицо.

<sup>56</sup> Викентий Бобинский (1798 —?) — член общества филаретов, юрист. С 1824 г. работал в канцелярии петербургского генерал-губернатора. Зять Гаспара Жельветра.

<sup>57</sup> Ясюкович — вероятно, Игнатий Ясюкович. А. Э. Одынец пишет о нем в воспоминаниях: «Господин Игнатий Ясюкович, ученик Боруньской школы с первого класса, затем в ней же — гувернер-пансионер, был человеком способным, работающим и достойным; и этими своими личными качествами был обязан в дальнейшей жизни успешной карьерой, которой и добился собственными силами. Получив в Виленском университете степень магистра обоих прав, отправился в Петербург, где получил место в Министерстве юстиции, и, постепенно продвигаясь в чиновничьей иерархии, стал, наконец, председателем Гражданской Палаты, то есть Апелляционного суда в Ковне, и в пожилом уже возрасте умер в этой должности, оставив после себя похвальную и доброжелательную память» (цит. по изд.: Odyńec A. E. *Wspomnienia z przeszłości, opowiadane Deotymie*. Warszawa, 1884. S. 50).

<sup>58</sup> Мицкевич Александр (1801–1871) — младший брат Адама Мицкевича, член общества филаретов, юрист. Избежал ссылки. В 1827 г. приблизительно шесть месяцев находился в Петербурге. С 1835 г. — профессор Киевского, с 1840 г. — профессор Харьковского университета.



себя. Корпус инженеров водной коммуникации заполняется вильнянами. В общем здесь проживает около 10 тысяч поляков, по большей части склочники, плохого поведения или распутники, которые здесь губят честь, деньги и здоровье. Впрочем, все поговаривают, что теперь они значительно исправляются, может, из-за недостатка денег. Среди господ Северин Потоцкий, как ни странно, не чужается своих, старательно помогает, гетманша Ожаровская<sup>59</sup> пользуется здесь большим уважением, она рада поддерживать в делах. Княжна Яблоновская, урожденная Моршковская<sup>60</sup>, у которой я бываю, особа ограниченных чувств и неспокойного характера, нарушает покой соседней процессами. Господин Филипп<sup>61</sup> выехал для посещения харьковского отделения, когда я познакомился с ним, он был истощен излишествами. У него нет здесь хорошей репутации, редко где рады его видеть. Он нескоро возвратится, поэтому я не знаю, когда смогу исполнить поручение. Вверяю себя милостивой памяти, всегдашний друг

Малиновский

Я писал в Дрезден Александру Брониковскому, прося его соизволить известить меня о своих литературных занятиях, но так как до сих пор у меня нет от него ответа, то я прошу Вас уведомить меня, что или Вы сами знаете о нем, или у других сможете узнать. Я сам перевел песенки, в которых, как считает автор, он подражал народным песням. Нельзя ли в столице Мазовии<sup>62</sup> переписать их? Я был бы бесконечно обязан, чем скорее, тем было бы лучше, если б я получил ответ на мою просьбу.

## № 21

*VJ, rkps 4435, k. 572*

Покорнейше прошу прощения у моего милостивого Государя, что в Ваши руки я посылаю присоединенное здесь письмо с настойчивой просьбой переслать его по указанному адресу. Ответ, осмеливаюсь рекомендовать, пусть будет прислан мне той же дорогой. Надеюсь, что мое письмо, написанное в прошлую среду, дошло к Вам. Ожидаю милостиво-

---

<sup>59</sup> Ожаровская Марианна (урожд. Дзержбицкая) — вдова великого гетмана Петра Ожаровского, казненного в 1794 г. восставшими варшавянами. Мать генерала от кавалерии и сенатора Российской империи А. П. Ожаровского.

<sup>60</sup> Жозефина Яблоновская, урожденная Моршковская, — супруга князя Кароля Яблоновского (ум. 1841).

<sup>61</sup> Филипп — неустановленное лицо.

<sup>62</sup> Столица региона Мазовия Коронной Польши — Варшава.

го ответа на него. Ничего ни в моем положении, ни в проекте не изменилось. Если ничего не получится с местом библиотекаря, то думаю весной выехать в Варшаву и осесть там, так как Вильно мне так надоело, что стало бы для меня настоящей пыткой, если б я там должен был жить.

Если это не причинит Вам какого-либо неудобства, я бы просил Вас соизволить прислать мне рекомендательное письмо к отцу епископу Пивницкому, я б хотел познакомиться с этим прелатом.

Соизвольте простить меня, что я пишу так кратко, так как у меня мало времени. Сообщаю, что Смоковский и Ванькович получили золотые медали второй степени.

Вверяю себя доброжелательной памяти  
слуга и друг

Миколай  
5/17 октября  
1827 г. Петербург

## № 22

*BJ, rkps 4435, k. 573–577*

Дня 28 декабря 1827 г. Санкт-Петербург

Милостивый и благородный Государь. Не знаю, через кого было написано последнее Ваше письмо, но меня чрезвычайно удивило, когда я получил его почти через два месяца после написания. Соблаговолите отныне адресовать через польскую канцелярию<sup>63</sup> прямо ко мне, и мы не увидим никакой задержки. Посылаю желаемые гравировальные доски, я опасуюсь, не сделал ли я что-нибудь неправильно, но поскольку у Вас часто появляется необходимость в гравировании, то я надеюсь, что они придут своевременно.

Я бесконечно благодарен за сообщение мне научных новостей из Варшавы. Я рад стольким по-настоящему полезным предприятиям. Только не знаю, хорошо ли продумано намерение графа Рачинского<sup>64</sup> печатать по-польски акты Томицкого<sup>65</sup>. Кто будет переводить? А может,

<sup>63</sup> Имеется в виду канцелярия Государственного Секретариата по делам Царства Польского.

<sup>64</sup> Рачинский Эдвард (1786–1845) — граф, польский землевладелец, меценат, прусский подданный с 1815 г.

<sup>65</sup> Томицкий Петр (1464–1535) — политик, религиозный и государственный деятель. С 1515 г. — подканцлер коронный, с 1520 г. — бискуп познанский, с 1524 г. — бискуп краковский. По его поручению С. Гурский издал огромный свод документов, известных как *Acta Tomiciana* (вышло 13 томов). Туда вошли письма знаменитых

<будет печататься> с менее правильных рукописей, тогда какая же это аутентичность? А печатать параллельно с текстом будет действительно много стоить, но и выгода немалая. Также и размещение многих листов на одном или полный пропуск <кажущихся идентичными листов при публикации> требуют большой осторожности. В них содержатся существенные расхождения не только в содержании, но и в выражениях, а то Станислав Гурский<sup>66</sup>, у которого было столько дел, не тратил бы попусту время на переписывание по несколько раз одной и той же вещи, если б она действительно была такой же. Впрочем, не знаю, все ли есть у графа. Тут есть два экземпляра этих актов: один полный, другой с дефектами. И все-таки в поврежденном содержатся многие документы, которых нет в первом, и, кроме этого, отдельные тома писем, написанных в Рим за то время, когда Томицкий был подканцлером, писем и посольских отчетов Дантышка<sup>67</sup>, а также публичных актов, выходявших во время занятия должности секретаря Гозиушем<sup>68</sup> и Кромером<sup>69</sup>. Если я здесь останусь, охотно возьмусь помогать в этом предприятии, сравню то, что в своей копии есть у графа-издателя, с тем, что здесь хранится, но для этого необходим реестр актов, находящихся у графа.

Что же касается библиотеки польских прозаиков, то я не вижу ничего более желанного, но пусть же стараются сохранить хороший подбор, пусть печатают их полностью, пусть найдут средства, чтоб издавать *Полное собрание*<sup>70</sup>. Я слышал, что Дмоховский<sup>71</sup> должен издать *Дворянина* Гурницкого<sup>72</sup>. Он хорошо делает, но с этим будет много работы. Если не будет очень осторожно обходиться с этим изданием, подвергнет себя неприятной критике. У меня здесь есть последнее варшавское из-

---

лиц, речи, постановления сеймов, информация для депутатов, королевские ответы, публичные и правительственные документы, современные исторические описания, стихи на случай и т. п.

<sup>66</sup> Гурский Станислав (1497 или 1499 или 1489–1572) — ксендз, историк.

<sup>67</sup> Дантышек Ян (1485–1548) — польский дипломат и латиноязычный поэт.

<sup>68</sup> Гозиуш Станислав (1504–1579) — польский теолог-полемист. С 1538 г. — королевский секретарь, с 1543 г. — руководитель канцелярии коронной. Кардинал (1561). Великий пенитенциарий (1573).

<sup>69</sup> Кромер Мартин (ок. 1512–1589) — хроникер, писатель. Королевский секретарь в 1545–1558 гг., бискуп варминский (с 1579 г.).

<sup>70</sup> Имеется в виду инициатива Ю. Завадского по изданию собрания «*Powieści i romanse z dzieł celniejszych pisarzy tłumaczone*».

<sup>71</sup> Дмоховский Франтишек Салезий (1801–1871) — поэт, переводчик, мемуарист, издатель.

<sup>72</sup> Гурницкий Лукаш (1527–1603) — поэт, переводчик, историк. В 1553 г. посол в Вене. В 1559–1561 гг. — королевский секретарь и библиотекарь. В 1556 г. опубликовал книгу «*Dworzanin Polski*» — адаптацию итальянского трактата «*Il Cortegiano*» Б. Кастильоне.

дание, каким-то внимательным читателем исписанное пометками. В нем есть столько знаков вопроса, что в самом деле надо хорошо разбираться в теме и знать польский язык, чтобы все это пояснить надлежащим образом. Впрочем, я б не хотел, чтоб *Дворянин* был издан так, как Фризе<sup>73</sup> когда-то в *Journal Littéraire* писал рецензию на *Историю* Гурницкого<sup>74</sup>, в которой к каждой фамилии, упомянутой в *Истории*, давал в дополнениях более-менее точную биографию этой личности<sup>75</sup>. Но надо же что-то сказать и о беседующих. Затем пусть Дмоховский не забудет перепечатать редкое и малоизвестное небольшое произведение этого же автора *Daemon Socratis*<sup>76</sup>, прекрасно написанное по-польски. Этим он окажет услугу всей читающей публике, даже покроеет в какой-то мере недостатки своей работы. Если б он смог каким-нибудь путем добиться предоставления себе заметок профессора Боровского<sup>77</sup> из Вильно и сумел бы их использовать надлежащим образом, то принес бы немало пользы.

Вы пишете мне, мой милостивый и дражайший Государь, что князь Адам<sup>78</sup> открывает типографию<sup>79</sup>. Наверняка время от времени в ней будут выходить хорошие книги, но если захотят осуществить намерение напечатать интересные выписки из рукописей, то кто будет делать эти выписки, каким образом и с какой целью? Наверняка возьмут за образец *Notices et Extraits des m<anuscripts> de la Bibliothèque du Roi*<sup>80</sup>. Но и их не стоит принимать за шедевр, и я уверен и мог бы даже подкрепить это доказательствами, что это произведение не несет большой пользы. Прошу Вас, соизвольте уведомить меня, кто у князя руководит научным отделом? Все так же ли Добровольский<sup>81</sup>? Я сомневаюсь, что поэт Кароль считал себя в исторических науках мудрее своего Пила-

---

<sup>73</sup> Фризе Кристиан Готтлиб (Кристоф Богумил) (1717–1795) — польский историк, публицист, переводчик. В 1754 г. издавал «Journal Littéraire de Pologne» — одно из первых культурно-просветительских периодических изданий в Польше.

<sup>74</sup> Имеется в виду книга Л. Гурницкого «Dzieje w koronie Polskiej od roku 1538 aż do roku 1572», опубликованная посмертно в 1637 г.

<sup>75</sup> Вероятно, Малиновский имеет в виду предисловие Фризе к немецкому переводу книги Гурницкого, вышедшему в 1753 г.

<sup>76</sup> Имеется в виду книга Л. Гурницкого «Demon Socratis, albo Rozmowa złodzieja z szartem», написанная в 1593–1603 гг. и опубликованная посмертно в 1624 г.

<sup>77</sup> Боровский Леон (1784–1846) — историк литературы, критик, профессор Виленского университета, преподаватель А. Мицкевича.

<sup>78</sup> Речь об А. Е. Чарторижском.

<sup>79</sup> Типография в Пулавах была открыта в 1828 г.

<sup>80</sup> «Выписки и выдержки из рукописей Королевской библиотеки» (фр.).

<sup>81</sup> Добровольский Адольф (1796–1866) — секретарь князя А. Е. Чарторижского. В 1831 г. по дороге из Петербурга был арестован и сослан в Орел, затем в Кострому, где полтора года находился под надзором полиции.

да<sup>82</sup>. Как же измельчали эти Пулавы<sup>83</sup>! И как эти Кременчане<sup>84</sup> все нам испортили! Сами мало зная, перекрывают доступ для лучших и более знающих, а если б кто-либо отважился сам приблизиться к их вотчине, сразу же надевают на него мешок.

Ответив на новости Милостивого моего Государя, я спешу с сообщением моих. Может, кто-нибудь предоставил их мне, так как они не являются самыми свежими. Во-первых, Леон Рог<альский> уже должен был писать, что он назначен историографом Виленского университета. Он обращался ко мне за помощью в указании источников, тем охотнее я это сделаю, что здесь находится большой фолиант, в который Залуский<sup>85</sup> вклеил то, что касалось Виленской Академии<sup>86</sup>. Затем Вы уже должны из Вильно знать, что Господин Людвик Соболевский<sup>87</sup> подал просьбу, в которой желает увольнения от абсолютно всех обязанностей, что хочет выехать в деревню и там в покое проводить дальнейшую жизнь. Далее, адъюнкт Вашкевич<sup>88</sup>, женившись на сестре жены ректора<sup>89</sup>, наказав ее за ветреность с Платоном Кукольником<sup>90</sup>, так себя

<sup>82</sup> А. Добровольский был женат на сестре К. Сенкевича, отсюда, возможно, ироническое сравнение их с мифологическими героями Орестом и Пиладом — неразлучными друзьями.

<sup>83</sup> Пулавы — имение князей Чарторижских, центр политического и культурного влияния этой семьи.

<sup>84</sup> Имеются в виду выпускники Кременецкого лицея — одного из главных центров польского просвещения на землях, захваченных у Речи Посполитой Российской империей. Кременецкий лицей был основан в 1805 г. по инициативе известного просветителя и мецената графа Т. Чацкого и существовал до 1832 г.

<sup>85</sup> Вероятно, имеется в виду основатель библиотеки Залуских, бискуп Ю. Залуский.

<sup>86</sup> До императорского указа 1803 г. Виленский университет существовал как Виленская Академия.

<sup>87</sup> Соболевский Людвик (1791–1830) — переводчик, адъюнкт кафедры древней литературы Виленского университета. Вероятно, его желание уехать в деревню связано с состоянием его здоровья: известно, что Соболевский страдал серьезным психическим заболеванием (умопомрачением).

<sup>88</sup> Вашкевич Ян (1797–1859) — с 1824 г. адъюнкт кафедры экономики, позже профессор экстраординарный политической экономики Виленского университета.

<sup>89</sup> Пост ректора Виленского университета с 1826 по 1831 г. занимал Вацлав Пеликан (1790–1873), профессор хирургии, глава Виленского цензурного комитета, один из клеветников Н. Н. Новосильцова, сыгравший важную роль в разгроме обществ филанатов и филаретов. С 1831 г. — в Петербурге, затем в Москве. Его жена — Эльжбета Пеликан. О сватовстве Я. Вашкевича вспоминает также Ф. Тустановский в письме к Ц. Дашкевичу от 19 октября / 1 ноября 1825 г. (см.: *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. I. Warszawa, 1997. S. 357).

<sup>90</sup> Кукольник Платон Васильевич (180? — 1848) — брат поэта Н. В. Кукольника и профессора Виленского университета Павла В. Кукольника. С 1824 по 1831 г. — эзекутор Виленского университета, затем, после его закрытия, служил некоторое время в канцелярии попечителя Виленского учебного округа.

грубо повел, что та прочь выехала от него, а ректор посчитал, что из 800 рублей пенсии 500 он обязан выплачивать ежегодно жене. Только эти новости залетели из Вильно.

Здесь в Петербурге у нас есть более важные: уже три недели как сюда прибыли Мицкевич и Малевский из Москвы в свите князя московского генерал-губернатора<sup>91</sup>. Малевский, может быть, останется здесь в Петербурге, а Мицкевич через несколько дней покинет нас и вернется назад в Москву. После стольких лет расставания и после стольких перенесенных нами мук, по-братски расчувствовавшись, мы приветствовали друг друга. Малевский, в дополнение к характерному для себя лоску, приобрел теперь большую сердечность в поступках, у него стало меньше упрямства в высказываниях, чрезмерность молодого возраста совсем пропала, а вместо нее рядом с полной живостью чувств пробивается зрелость в словах и делах. Мицкевич внешне немного изменился, отпустил бакенбарды, это делает его более важным. Цвет лица более здоровый, он немного возмужал, изменился, но на свой манер. Он уже не эксцентричен в обществе, как раньше, а наоборот, свободен и приятен. Его талант созрел, слова усилены тем, что он видел и слышал. Он носит печать своей богатой фантазии. Теперь он любит много говорить, часто только его голос слышен в обществе, и каждый услужливо замолкает, чтобы слушать его. Меня по-настоящему наполняет чувство гордости, что я был коллегой Мицкевича и что я его друг. Его прибытие в Петербург стало неслыханной сенсацией. Русские, поляки бегут наперегонки, чтобы высказать ему свое почтение. Мы ведем по-настоящему карнавальную жизнь, одни обеды, заканчивающиеся за полночь, скоро сменяются другими, но все равно он не может принять всех приглашений. Ему остается только тяжесть выбора. Счастливым стечением обстоятельств так случилось, что Хейдатель и Соболевский<sup>92</sup> приехали также в это время для сдачи экзаменов на поручиков, они уже получили эти чины, но пробудут здесь до Трех королей<sup>93</sup>. Мицкевич талант импровизации довел до удивительной степени совершенства. Когда он чувствует вдохновение, достаточно заиграть на фортепиано какую-нибудь знакомую песенку, сейчас же импровизирует и с такой скоростью, такой быстротой, что кажется, что какой-то дух терзает его, чтоб он как можно скорей избавился от сердечных чувств.

---

<sup>91</sup> Имеется в виду князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844), занимавший пост московского генерал-губернатора в 1820–1841 гг.

<sup>92</sup> Возможно, Соболевский Ян (1801–1829) — выпускник Виленского университета, член общества филаретов, учитель физики в Крожах. Считался одним из лучших инженеров своего времени. Умер в Архангельске.

<sup>93</sup> Три короля – три волхва, согласно евангельскому преданию, первыми поклонившиеся новорожденному младенцу Христу.

Я слышал его уже более десяти раз, писать неизмеримо трудно, так как никакое перо не угонится за скоростью поэта; при этом он не позволяет писать, говорит, что это убивает в нем вдохновение, когда он видит пишущих. По крайней мере, я каждый вечер описывал содержание каждой его импровизации, пусть эти несуразные черты удивительных картин, по крайней мере, останутся в твердой памяти. Если вам это будет интересно, я бы охотно прислал несколько самых красивых. Мицкевич приехал сюда и за компанию с Франтишком, и для того, чтобы добиваться для себя разрешения печати периодического издания под названием *Tryb* в Москве на польском языке. Это издание должно было быть посвящено литературе, философии, поэзии. К большому нашему сожалению, министр не позволил, не объяснил даже причины. Он привез с собой рукопись своей новой поэмы *Валленрод*. Я читал ее полностью много раз, но чем больше я вчитываюсь, тем больше вижу красоты. Еще ничего подобного нет в польской поэзии, и осмеливаюсь обещать, что порочащие славу Адама будут вынуждены замолчать или их визги протеста будут с презрением отброшены. Эта поэма имеет почти 2000 стихов, автор попытался ввести в рассказ гекзаметр, не знаю, как другие примут эту новость, а мне, знакомому с размерами древних, он приятен для уха, но тенденция поэмы возвышенна и благородна. Каждому народу и во все времена она будет нравиться. Здесь он не мог печатать из-за приближающихся праздников и некачественной печати, поэтому она выйдет из-под пресса после его возвращения в Москву, я сразу же вышлю Вам. В Москве Господин Август Семен<sup>94</sup> привез дидовские издания и, имея свою литейную, отлил по их примеру польские типы. Малевский подбадривал его, и тот был недалеко от того, чтобы выполнить за свой счет *une edition complete*<sup>95</sup> *Dziejopisów Polskich*<sup>96</sup>, т. е. чтоб Богомольцовское собрание<sup>97</sup> издать в двух томах в восьмушку *majogi*<sup>98</sup> в два столбца и дешево продать. Почему этого

---

<sup>94</sup> Типография Августа Семена находилась при Императорской медико-хирургической академии. Ему также принадлежала словолитня, в которой он изготовлял шрифты по образцам известного художника-шрифтовика и гравера Анри Дидо (1765–1862).

<sup>95</sup> Компактное издание (фр.).

<sup>96</sup> Польских историков (пол.).

<sup>97</sup> Богомолец Франтишек (1720–1784) — комедиограф, публицист, издатель. В 1764–1768 гг. выпустил четырехтомное издание «*Zbior Dziejopisów Polskich*», в котором опубликовал основополагающие источники по истории древней и средневековой Польши, дополнив их очерком польской истории до Августа III и очерком истории России.

<sup>98</sup> Из-за разной величины бумажного листа формат ин-октаво до середины XIX в. подразделялся на разновидности: большой (высота книжного блока 250 мм); средний (высота книжного блока 225 мм); малый (высота книжного блока 185 мм).

кто-нибудь у нас не делает? Мы хотим сразу издать что-нибудь совершенное и поэтому всегда медлим, пока момент не пройдет.

Что касается меня, то мое положение удивительно. Если б я не обращался к Залускому, то был бы доньше библиотекарем и мог бы спокойно работать. Тем временем граф полковник поступил нерассудительно и, могу сказать, даже недобросовестно. Уверив меня написанным Вам письмом, что сделает все, как я пожелаю, он отправил официальную ноту генералу Грабовскому, в которой предлагает библиотекарями профессоров Краковского университета, а в частном письме к генералу говорит, что хотел бы привлечь меня, но не знает, с чего начать. Это весьма удивило меня, с того времени я не писал ему, нужно было бы объясниться, прежде чем начинать что-то делать. Вы немного растормошите графа и выведете из вялости, это дело немалой важности, пусть он сам помнит об этом.

Тут уже год находится Альбин Пиотровский без какого-либо занятия, он втянул меня в проект выпуска периодического издания здесь в Петербурге на 1828 г. еженедельно на 3 листа печати. Я должен доставить в литературную часть по листу печати на неделю, он другие две части берет на себя. У нас еще нет ответа министра, но, может, разрешат, тогда я пришлю Вам проспект и буду просить милостивой помощи.

По поводу моего Брониковского: я печатаю его, и хотя со мной Глюксберг поступил недобросовестно<sup>99</sup>, я не откажусь от этого предприятия. Он не мог не знать об этом, так как мое предупреждение было в той же газете, где и он печатал свой проспект. Он изъясляет свою доброжелательность к польской литературе и доказывает это своеобразным способом — своими недостойными спекуляциями отбирая у работающих литераторов их честный заработок. Напишу об этом в нужном месте. В моих глазах это непорядочность, которую не должен допускать никто из издателей. Перепечатка — это еще большее преступление, а оно было допущено с *Сонетами* Мицкевича во Львове<sup>100</sup>. Может, это же сделают и с *Валленродом*. Будьте любезны, научите нас, каким образом возможно через Варшаву послать около ста экземпляров во Львов, к кому обратиться, к издателю ли или к частному лицу, если у Вас есть кто-то из знакомых, было лучше всего.

Но я уже заканчиваю, и сам я устал писать, и Вас опасаясь утомлять чтением. Прошу принять уверение в моей самой искренней дружбе и негасимой благодарности

Миколай Малиновский.

---

<sup>99</sup> Имеется в виду, что в издательстве Н. Глюксберга готовился к выходу другой перевод романа А. Опельн-Брониковского «Ипполит Боратынский» (переводчик Я. К. Р. Ордынец, опубликован в 6 томах в 1828–1829 гг.).

<sup>100</sup> Имеется в виду «пиратское» издание: *Mickiewicz A. Sonety. Lwów, 1827* (выпущенное по заказу издателей Кюна и Миликовского).



Милостивый и благородный Государь. Во-первых, отвечаю сейчас на последнее милостивое Ваше письмо. Я очень рад, что наконец после годового ожидания убедился, что на графа нельзя рассчитывать. Пусть делает, что сам считает нужным, я знаю только то, что он проспал самый удобный момент, и, кто знает, вернется ли он.

Я очень близко принял к сердцу проект перепечатки хроникеров. Здесь в столице это можно сделать, но на родине, вероятно, нет издателя, который дал бы на это средства. Приходится обратиться к обычному средству подписки. Среди постоянных или временных жителей Петербурга можно было бы раздать до 100 билетов<sup>101</sup>. Подолия возьмет 50 и более, Волинь столько же, меньше всего Литва. В какой мере можно было бы рассчитывать на Варшаву, Краков и Львов? Соизвольте милостиво уведомить меня, что Вы об этом думаете. Мне не нужны были бы деньги заранее, я б обошелся подпиской, но важно то, чтобы сразу после выхода первого тома можно было бы получить аванс и средства для окончания предприятия. Конечно, нельзя выпускать хроникеров так бедно. Кто бы взялся более добросовестно их доработать: предисловия, указатели и даже портреты и т. д.? Соизвольте представить мне обстоятельные заметки, основываясь на которых, можно просить разрешения на перепечатку, а именно продемонстрировать, что острые выражения могут быть сохранены без непристойностей, под чем понимается окончание Гваньини<sup>102</sup>, где речь идет о забавах и т. д.

Уже практически видно, что я получу разрешение на издание еженедельника здесь в Петербурге. Его предметом будет внутренняя и внешняя политика, освещенные не столько по газетному обычаю, сколько с точки зрения истории отчизны новости торговли и состояние промышленности на территории всей польской страны. Главным же предметом будет польская и русская литература. Под этой последней имеются в виду произведения наивысшего интереса, исторические труды, а прежде всего книги, в которых будут рассматриваться наши предметы. Мицкевич и Малевский, Ежовский и Ковалевский пообещали активно поддерживать меня. Надеюсь, что Вы почтите нас своими работами,

---

<sup>101</sup> Имеются в виду подписные билеты — такова была форма предварительной подписки с авансированием будущего тиража.

<sup>102</sup> Имеется в виду труд итальянца Александра Гваньини (1538–1614) «*Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque Campestruium arcium*», посвященный истории и современности России (в частности, содержащий сведения об опричнине и т. д.).

пришлите мне сведения об исторических работах Яна Потоцкого<sup>103</sup>. Это будет что-то вроде литературной газеты. Пришлите мне Ваше мнение о подобном предприятии. Как только министр даст разрешение, я сразу же напечатаю проспект, разошлю по родине и с июля начну добросовестно издавать. Если что-либо будет потеряно, то, по крайней мере, немного, так как временная редакция ограничена полугодом.

Смилуйтесь, возьмите в книжном магазине за свой счет:

Наленчи и Гржимайлы<sup>104</sup> (?),

Рущиц<sup>105</sup>,

Владислав Локетек<sup>106</sup>,

Шоповича о буквах<sup>107</sup> и др.,

а прежде всего соблаговолите прислать мне свою историю законодательства до Ягеллонов<sup>108</sup> и что-либо еще Вашего, если оно вышло. Эти книги я, прочитав, сразу же продам и деньги самым аккуратным образом и незамедлительно вышлю.

Вчера *Валленрод* уже покинул типографию, надеюсь, что Малевский, который остался здесь и получил поручение от Адама сразу же выслать Вам экземпляр, исполнит это.

Сейчас я заканчиваю перевод русской грамматики Греча, которая будет здесь печататься. Я сделал это, отложив более важные работы, для заработка денег. Греч платит мне за это 1500 рублей ассигнациями, за это я смогу свободно работать над более необходимыми вещами<sup>109</sup>.

Поговорите с варшавскими издателями, не хотели б они прислать мне по несколько произведений, выходящих у них, например, по 10 экземпляров, я б легко мог продать их здесь и в течение 3 месяцев деньги аккуратно выслать.

---

<sup>103</sup> Потоцкий Ян (1761–1815) — польский ученый-археолог, лингвист, писатель, путешественник. Автор знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе».

<sup>104</sup> Выяснить, о какой книге идет речь, не удалось.

<sup>105</sup> Имеется в виду роман писателя и государственного деятеля графа Фридрика Скарбека (1792–1866) «*Damian Ruszczyz, powieść z czasów Jana III*», вышедшая в трех томах в Варшаве в 1827 г.

<sup>106</sup> Возможно, имеется в виду роман Франтишка Венжика (1785–1862) «*Władysław Łokietek, czyli Polska w XIII wieku*», вышедший в Варшаве в трех томах в 1828 г.

<sup>107</sup> Вероятнее всего, речь идет о книге профессора краковского университета Франтишка Шоповича (1762–1839) «*Uwagi nad samogłoskami i spółgłoskami w ogólności, oraz nad niektórymi głoskami abecadła polskiego w szczególności*» (Kraków, 1827).

<sup>108</sup> Имеется в виду книга Лелевеля «*Początkowo prawodawstwo polskie cywilne i kryminalne do czasów jagiellońskich*» (Warszawa, 1828).

<sup>109</sup> Перевод какой-либо из книг Н. И. Греча, выполненный Малиновским, неизвестен.

Прошу прощения за то, что это письмо беспорядочно, я напишу Вам больше и точнее о многих вещах. Сейчас я вверяю себя дружественной памяти и прежде всего прошу прислать мне указанные книги.

Сенковский, который написал чудовищную работу против *Les Origines de la Russie*<sup>110</sup> Хаммера<sup>111</sup>, наверняка пришлет Вам экземпляр. Что же насчет посылки Даниловичу, то он говорил, что уже отдал господину Перовскому для отправки в Харьков. Наш Бусурманин сейчас болен, но не перестанет работать. Соизвольте принять сердечное почтение

Миколай Малиновский

Если господин Жельветр еще в Париже, то кланяйтесь ему от меня.

22 февраля 1828 г. Петербург.

## № 24

*BJ, rkps 4435, k. 580–585*

7/19 марта 1828 г. Санкт-Петербург

В последнюю субботу я получил Ваше письмо, сразу же спешу с ответом. На самом деле, не следовало мне ждать, пока меня попросят прислать обширное описание адамовых импровизаций<sup>112</sup>, но я сам не знаю, почему я это сделал. Медлительность в написании не может быть причиной, так как я не знаю более приятных минут, чем те, которые я посвящаю общению с моим благородным и милостивым другом. Сегодня я хочу заполнить этот пробел, но сразу же предупреждаю, что не могу прислать самих стихов. Мицкевич импровизировал здесь, окруженный обычно толпой слушателей, не было никого, кто бы хотел лишиться удовольствия смотреть на говорящего поэта, а если в торжественные моменты, как, например, в то время, когда он импровизировал трагедию, нашлись такие, кто хотел писать, то они не смогли сделать это достаточно осторожно. Адам увидел это и внятно заметил, что скрип пера уничтожает в нем поэтическое вдохновение<sup>113</sup>. Поэтому у меня не было

<sup>110</sup> «Происхождение Руси» (фр.).

<sup>111</sup> Хаммер-Пургшталь Йозеф фон (1774–1856) — австрийский дипломат и востоковед, почетный член Петербургской Императорской Академии наук (1823).

<sup>112</sup> Адам Мицкевич был популярен во многом как поэт-импровизатор. Причем если среди соотечественников он импровизировал на польском языке, то в среде русских слушателей — по-французски.

<sup>113</sup> В «Дневнике» М. Малиновский пишет: «Никогда не перестанем мы чувствовать боль от того, что все, вместе с голосом импровизирующего поэта, пропало для Вечности. Но мы не могли писать, поскольку поэт четко нам это запретил. Пшецлав-

иною способа, кроме как, вернувшись домой, записывать то, что я себе в общих чертах мог припомнить, но возвращался я чаще всего после вечеринок во 2-м или 3-м часу пополудни, *male sobrius*<sup>114</sup>, утомленный, сонный. Не знаю, записал ли я что-либо, достойное чтения, однако же я постараюсь исполнить Ваше приказание, насколько смогу.

Первый раз я слышал здесь импровизирующего Адама 16 декабря, поэт поддался просьбам всех присутствующих, но в осуществлении <намерения> появились непреодолимые преграды. Мицкевич привык импровизировать всегда при фортепиано, а тем временем инструмента не было, доставлять его, как казалось, было поздно. Где-то был найден чекан<sup>115</sup>, и при его звуках Адам пропел более десяти веселых строф, посмеиваясь над настоящим и прошлым временем. Когда среди девиц, среди товарищей приходилось выступать и когда не хватало рифмы, ему помогал кто-нибудь из знакомых с сердцем поэта, из понимающих его язык и т. д. Теперь же и петь трудно, первый раз он видит некоторых, опасается найти романтиков, которые без суда, без милосердия готовы его *crucifige*<sup>116</sup>. Поэтому он предпочитает быть поэтом по вызову, хочет петь по заказу, так как это лучше получается. Поэтому он просил, чтоб ему было подано содержание песни, и Юзеф Олешкевич<sup>117</sup>, художник, человек благородный, но, к несчастью, зараженный мистицизмом, подал идею воспеть сотворение мира. После стольких примеров великих и малых поэтов, которые либо начинали, либо заканчивали свою профессию пением восхваления создателю, я не надеялся услышать ничего нового, но как же приятно я был поражен, когда поэт восславил Бога, в замешательстве и неразберихе всех вещей раздвигающего хаос и в одной руке держащего свет, в другой — тьму. Я не могу успокоиться,

---

ский, Гостимский, Водзинский и Пиотровский, условившиеся, насколько это возможно, спасти произнесенные стихи, должны были отказаться от своего намерения» (запись от 24–26 декабря 1827 г.). О том же свидетельствует и О. А. Пшецлавский: «Заметив, что один из нас записывает его стихи, Мицкевич просил перестать, говоря, что это ему мешает» (см.: <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

<sup>114</sup> Нетрезвый (лат.). Цитата из Тибулла, Элегии, 1,10,51: «*Rusticus e lucoque uehit, male sobrius ipse, uxorem plaustro progeniemque domum*». По-русски: «Житель селенья, легконою подвыпив, из рощи священной Сам на телеге везет к дому жену и детей» (перевод А. В. Артюшкова). Некоторые комментаторы поясняют «*male sobrius*», наоборот, как «сильно пьяный» (иронически: типа «плоховато с трезвостью»).

<sup>115</sup> Чекан — небольшая высокого строя флейта тростью, которую держат вдоль, а не поперек.

<sup>116</sup> Распять (лат.) — евангельское «Распни!» (Ин. 19: 15).

<sup>117</sup> Олешкевич Юзеф (1777–1831) — польский художник и мистик, с 1810 г. жил в Петербурге. Принято считать, что он предсказал неевское наводнение, воспетое Мицкевичем в «Дзядях» и Пушкиным в «Медном всаднике».

что я не уловил этих несколько стихов и что никто их не запомнил. Мог бы выдержать сравнение, а может, и превзойти упомянутый образ Бога, который на ветрах перелетает неограниченные пространства, чьими посланниками суть громы и молнии и который так достойно разъяснил Кохановский<sup>118</sup>. Присутствующий Булгарин просил похвалу нашим легионам<sup>119</sup>. В нескольких десятках строф была необычайно восхвалена испанская экспедиция. Окончила импровизацию в тот день песня для хозяев за радушный прием.

22-го мы были у благородного юноши Постумиуша Прушинского<sup>120</sup>, где на свой манер импровизировал Орловский<sup>121</sup>, в мгновение ока настоящие и редкой красоты произведения искусства создавая с помощью мела, Олешкевич указывал <темы>, а Адам воспевал их обоих. Фрагмент, где он говорил об искусствах как о дочерях одной матери, об их взаимной любви и тесном семейном союзе, об их великом предназначении, он произнес необычайно красиво. Прушинский записал эту импровизацию, но графиня Ходкевич<sup>122</sup> отвезла ее с собой и так неожиданно, что не было времени ее переписать.

Большая импровизация Адама состоялась 24-го в день его именин. Не помню, как я описал ее Жельветру, не хочу повторять известные вещи<sup>123</sup>. Поэтому опишу ее вкратце. Князь Леон Сапега<sup>124</sup> просил Адама

---

<sup>118</sup> Имеется в виду великий польский поэт Ян Кохановский (1530–1584) и его сборник стихотворного переложения псалмов Давида (1577), считавшийся непревзойденным в польской литературе.

<sup>119</sup> В составе польских легионов Булгарин, исключенный за предосудительное поведение (по версии Н. И. Греча — за сатиру на великого князя Константина Павловича) из русской армии, участвовал в испанском походе армии Наполеона. В 1823 г. его книга «Воспоминания об Испании» вышла отдельным изданием (фрагменты печатались в 1821 и 1823 гг. в журналах «Соревнователь просвещения и благотворения», «Благонамеренный», «Сын Отечества»).

<sup>120</sup> Постумиуш Прушинский — чиновник в Государственном Секретариате Царства Польского, приятель Малиновского. Судя по «Дневнику», часто бывал у Булгарина, неоднократно встречался с Мицкевичем.

<sup>121</sup> Орловский Александр (1777–1832) — блестящий график-импровизатор, упоминавшийся Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш» и Пушкиным в «Руслане и Людмиле».

<sup>122</sup> Ходкевич Франтишка Ксаверина (1806—?), урожденная Щеневская, с 1824 г. — вторая жена графа Александра Ходкевича, отставного бригадного генерала, камергера Царства Польского, бывшего под надзором полиции по подозрению в связях с тайными польскими обществами.

<sup>123</sup> Имеется в виду письмо Малиновского Жельветру, фрагменты которого были опубликованы в варшавской прессе и спровоцировали скандал (см. об этом во вступительной статье к данной публикации).

<sup>124</sup> Сапега Леон (1801–1878) — князь, камергер Царства Польского; в конце 1820-х гг. служил в отделе горного дела Государственного Секретариата Царства Польского.

произнести что-нибудь. Франтишек<sup>125</sup> сел за фортепиано и начал наигрывать известную нашим сердцам мелодию<sup>126</sup>. Адам сразу же начал пышную похвалу Литве<sup>127</sup>. Ее прежняя слава, приобретенная силой меча, ее полная предрассудков, поэтическая и высокая жизнь, ее союз с соседним народом, благородным и просвещенным<sup>128</sup>, успехи веры, смягчение обычаев, приобретение свобод, бóльшая слава и известность миру, все это в пышных и по-настоящему поэтических образах Адам развил в прекраснейшей песне, но только перейдя ко временам Сигизмунда III<sup>129</sup>, он предстал в всем великолепии блеска своего несравненного таланта, в быстром переходе упомянув тот удивительный ряд великих мужей, которые украсили это памятное правление, прославил короля, возвращающегося после долгих боев, в которых польский орел<sup>130</sup> покрыл себя новой славой, желающего передохнуть в покое, но сначала, как поощрение за славные дела, желающего вручить венец наивысшей заслуги первому из граждан. Среди почтенной свиты панов-рады<sup>131</sup>, полководцев, воителей, землевладельцев король должен был избирать претендентов, имеющих право на первую награду. Многие приходили, но наконец предстал Лев Сапега<sup>132</sup> со Статутом<sup>133</sup> в руке и высказал

---

<sup>125</sup> Малевский Франтишек (Франц Семенович) (1800–1870) — сын ректора Виленского университета, член общества филоматов. Ближайший друг, затем родственник А. Мицкевича (были женаты на родных сестрах — дочерях известной пианистки и композитора Марии Шимановской). Вместе с Мицкевичем прибыл в 1824 г. в Петербург, затем жил в Одессе, Москве и с 1827 г. постоянно в Петербурге. Учредитель (вместе с М. Малиновским) известной газеты «Tygodnik Petersburgsky» (1830). Совершил карьеру под руководством М. М. Сперанского; участвовал в кодификации законодательства бывшего Великого Княжества Литовского, был директором Метрики Литовской. Тайный советник, отказался от звания сенатора.

<sup>126</sup> О. А. Пшецлавский вспоминает: «Когда мы встали из за стола, Малевский сел за фортепиано, и послышались первые аккорды “Più non andrai”» (см.: <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

<sup>127</sup> Литва — имеются в виду литовские губернии, включавшие в себя Виленскую, Минскую и Гродненскую губернии. Собственно территория современной Литовской Республики обозначалась термином «Жмудь».

<sup>128</sup> Имеется в виду Польша, с которой Великое Княжество Литовское составляло федеративное государство Речь Посполитая обоих народов.

<sup>129</sup> Сигизмунд III Ваза (1566–1632) — король Речи Посполитой с 1587 г., король Швеции в 1592–1599 гг.

<sup>130</sup> На гербе Коронной Польши изображен белый орел в короне.

<sup>131</sup> Паны-рада — члены Государственного Совета, фактического правительства Речи Посполитой.

<sup>132</sup> Сапега Лев (1557–1633) — выдающийся государственный деятель и политический публицист, канцлер Великого Княжества Литовского с 1589 г.

<sup>133</sup> Имеется в виду Статут Великого Княжества Литовского (1588), автором которого был Л. Сапега. Содержал нормы, определяющие государственное устройство ВКЛ

пышную похвалу достойным законам в благоденствующей Речи Посполитой. Раздались рукоплескания присутствующих, даже противники Льва уступили ему первенство, Сапега получил канцлерство и булаву, и поэт окончил свое пение чудесной похвалой Статуту, благодеяниями которого мы пользуемся после падения Монархии<sup>134</sup>, святость которого те, кто все уничтожил, уважают донныне и т. д.

После короткого перерыва Адам сказал, что мог бы импровизировать трагедию. Мне предложили дать тему из отечественной истории. Я предложил *Самуэля Зборовского*<sup>135</sup>. Через несколько минут поэт вышел уже готовый, необычным для себя 13-сложным стихом декламировал произведшую большое впечатление сцену между слугой Зборовского, Вацлавом из Рогозино<sup>136</sup>, и тюремным надзирателем. Необычайное противостояние двух характеров, присущая для них обоим точка зрения на одну и ту же вещь были <изображены> невероятно красиво. Вацлав, который свою жизнь посвятил дому Зборовских, который Самуэля носил ребенком на руках, видит в нем не преступника, а потомка своих благодетелей, опасается, что его собственная честь может быть затронута, что и на его седую голову падет часть позора и стыда. Тюремный смотритель, напротив, за 30 лет привык к виду страданий, самый длительностью исполнения своих обязанностей лишен человеческого чувства, к своим узникам относится как к вещам, отданным ему на сохранение, и когда по приказу своего властителя он выдает их на эшафот или отпускает на волю, не испытывает ни грусти, ни веселья. Этот первый диалог был длинным, но таким новым, так притягивал меткостью наблюдений, познанием сердца, своевременностью вопросов и ответов, даже ...<sup>137</sup> шутками надзирателя и простой, проникающей чувствительностью Вацлава, что мы не замети-

---

и основы судопроизводства, а также нормы хозяйственного, уголовного и семейного права. Статут считался старейшим собранием законов в Европе и продолжал действовать вплоть до 1831 г., когда после поражения польско-литовского освободительного восстания Николай I прекратил его действие на территории литовских губерний.

<sup>134</sup> Имеется в виду — после фактического и юридического уничтожения Речи Посполитой как самостоятельного государства в ходе трех ее разделов.

<sup>135</sup> Зборовский Самуэль (? — 1584) — королевский ротмистр в Польше, выступал против короля Стефана Батория и канцлера Я. Замойского. Был схвачен и казнен по приказу Замойского. Был одним из любимых героев польских романтиков, в том числе А. Мицкевича и Ю. Словацкого.

<sup>136</sup> В «Дневнике» Малиновский пишет по этому поводу: «Орловский <во время импровизации> все время рисовал; прекрасно нарисовал польского рыцаря, вооруженного копьем, затем ловко портрет как раз Вацлава из Рогозино для (in gratiam) Бен<едикта> Рогоз<иньского>» (запись от 24–26 декабря 1827 г.). Бенедикт Рогозинский — чиновник в Государственном Секретариате Царства Польского, приятель Малиновского.

<sup>137</sup> Одно слово не читается.

ли, как Поэт произнес несколько сот стихов. Подкупленный надзиратель выпустил Вацлава в тюрьму, а его разговор с Самуэлем является настоящим триумфом таланта поэта. Я выписываю по латыни то, что я рассказал об этой сцене в своем дневнике, написанном на этом языке: «Jam vero scena inter Vencestaum qui herum ad fugam sollicitat et ipsum Samuel, summam admirationem altasque conclamationes exsultantium auditorum moverat. Nam et ingenium hominis, audax, subdolum infractum it ad fidem historiarum vere et vivide conformatum nobis astendit, et sermo eius ita moribus aptus accommadatusque, ut omnes ipsum Zborovium loquentem audirogis, de potentia et auctoritate Zamisci, ad multitudinis mentem et opinionem disserere incipit, jam ipsum Zborovium non in carcere, sed in fronte turbulentæ nobilitatis, in Equitum Polonorum corona declamantem erederis. Divinum plane poetæ nostri ingenium, inesfabilis abunantia, hic cum Horatio dicere prostat Multa Dircaem levat aura cyenum

Tendit Antoni, quotius in altos  
Nubium tractus &  
Tervet immensusque ruit profundo  
Adamus ore»<sup>138</sup>.

<sup>138</sup> Данный текст М. Малиновского не вполне соответствует правилам латинского языка. Приводим его в переводе Н. Романовского, с исправлением замеченных ошибок автора: «Уже сама сцена между Вацлавом, склоняющим господина к побегу, и этим Самуэлем привела восхищенных слушателей в высочайший восторг и вызвала громкие восклицания. Ибо (он = импровизатор) показал нам и талант человека — смелый, с хитринкой, извилистый (и?) для исторической верности правдиво и живо устроенный, и речь его — столь подходящую и соответствующую обычаям (характеру?), что все (будто) слышали самого Зборовского, как он говорит о могуществе и власти Замойского, как он принялся рассуждать, (обращаясь) к мысли и мнению множества, как уже уже сам Зборовский вещает не в темнице, а во главе волнующегося дворянства, в Короне польских шляхтичей. Поистине божественен гений нашего поэта и невыразимо его изобилие. Здесь можно сказать (вместе) с Горацием:

Multa Dircaem levat aura cyenum  
Tendit, Antoni, quotius in altos  
Nubium tractus.

(Гораций, Оды, 4,2, 25–27. Русский перевод:

Полным ветром мчится диркейский лебедь  
Всякий раз, как ввысь к облакам далеким  
Держит путь он...)

(Под диркейским лебедем Гораций разумел Пиндара.)

И

Fervet immensusque ruit profundo  
Adamus ore.

(Парафраз оттуда же — Гораций, Оды, 4,2,7–8: у Горация вместо Adamus стояло Pindarus, см. русский перевод:



После короткого перерыва поэт окончил свое произведение, декламируя сцены между Гризельдой Замойской и Зборовским. Поэт предполагает, что Зборовский, часто пребывая при дворе Стефана Батория<sup>139</sup> в Белой, в юности влюбился в племянницу княгини, что он прилагал все усилия, чтобы весомостью услуг, оказанных Баторию, получить его разрешение. Гризельда, невинная, спокойная, нежно привязанная, но пуливая, даже любя, с тревогой взирала на бурный нрав Самуэля. Его долгое отсутствие в Белой, зрелый возраст княжны, приказание отца, воля дяди и, наконец, опасные волнения Самуэля, авантюристские покушения на родину с казаками, итальянские скитания, донесения о неправой и преступной жизни стерли в сердце Гризельды память о прежней доброжелательности и легко склонили ее отдать руку мудрому в совете, мужественному в бою другу короля, любимцу народа Замойскому<sup>140</sup>, который нежностью и благородным поведением успешно смог погасить в мыслях Гризельды слабо тлеющую искорку первой любви. Она познала наивысшее счастье как невеста, стала женой великого человека. Но как только она узнала, что Самуэль томится в цепях, то, несмотря на то что произойдет, она тайно входит в его тюрьму и нежным уговором хочет склонить его к побегу, чтоб избежать позорной смерти. Этот разговор достоин наибольшего внимания с точки зрения поэзии.

Я ничего не говорю об образах, о сравнениях и т. д., потому как Адам иначе не может говорить, у него все приобретает чувственную форму. Его талант — этот не талант памяти, у него нет, как у иных, даже великих поэтов, смутных отголосков того, что они когда-то слышали или читали. Отнюдь. Язык его героев — это язык времени, места, в котором они жили, чувств, представлений, которые их занимали, словом, это верное повторение того, что в данных обстоятельствах они должны были бы говорить, учитывая только возвышенное состояние их души, а как же иначе поэт должен добиваться простой живописности событий повседневной жизни? Когда Самуэль говорит Гризельде, что она счастлива, что она отважилась открыть свое сердце более спокойным чувствам, что не вспылала ненавистью к тому, кто уничтожил все счастье своего первого любимого, когда он говорит ей, что он отваживается радоваться крикам счастья народа, приветствующего своего героя; когда Адам ри-

---

Ветса так, кипит глубиной безмерной  
Пиндара слово.

Пер. Н. С. Гинцбурга).

<sup>139</sup> Баторий Стефан (1533–1586) — князь седмиградский, король Речи Посполитой с 1576 г.

<sup>140</sup> Замойский Ян (1542–1605) — видный польский политический деятель, канцлер с 1578 г., ближайший советник короля Стефана Батория.

сует эту необычайную, прекрасную, трогающую сердце картину въезда Гризельды в Краков после каждого нового благодеяния, которое Корона получает из рук своего любимого сына, нам всем казалось, что мы присутствуем на этом празднике народного торжества, что благодарственные крики бьются из наших душ. Ничего красивей, ничего правдивей представить себе невозможно. А Гризельда одним словом выводит Зборовского из заблуждения и иллюзии. Она хочет исполнить данное ему когда-то в первых годах молодости обещание, что с опасностью для своей жизни она желала бы сохранить его жизнь. Не любовь руководит ею, а уважение к своей присяге, какое-то религиозное убеждение, вещей сон. Зборовский не привык видеть предпочитаемых ему, не любит Замойскую, так как итальянское распутство искоренило в нем чувство чистой любви, но это признание Гризельды пробуждает в нем самолюбие, он отрекается от ее помощи, заблуждается, что он еще слишком силен, чтобы бояться короля и гетмана. Он рассказывает о своих средствах защиты, об ожидаемом мятеже шляхты, и это описание подстрекаемой толпы, способы, которыми, лъстя порокам разнузданной черни, возможно было бы склонить ее к своим целям, принадлежит к самым превосходным поэтическим описаниям, где неподдающееся выражению ускоренное движение стихов как будто подражает неотвратимости и внезапному развитию событий. Но среди этих угроз, среди этих мечтаний о будущем могуществе он вспоминает, что говорит с женой Замойского, его речь переходит в горькую иронию, которая оскорбляет наконец благородные намерения Гризельды и заставляет ее предоставить непокорного смутьяна его судьбе. Поэт, возможно, еще говорил бы, но, утомленный декламацией почти 2000 стихов и большим напряжением голоса и сменой его по необходимости, упал на стул и более десяти минут вынужден был ожидать, пока оправится от слабости<sup>141</sup>.

<sup>141</sup> Сохранилось описание той же импровизации О. А. Пшецлавским: «Мы начали догадываться, что Мицкевичу хочется произвести на варшавян большой эффект, но не предвидели всего. Отдохнув немного, Адам обратился к ним и сказал: “Господа варшавяне, в честь посещения вами нашего кружка я хочу импровизировать трагедию или драму в пяти действиях и прошу вас выбрать и дать мне для этого сюжет из польской истории”. Сапега и Ленский да и мы все немало удивились. Мицкевич просил, чтобы они советовались только вдвоем, без участия других гостей, и они, перебрав разные драматические эпизоды, избрали сюжетом восстание Криштофа (явная оговорка — Самуэля. — А. Ф.) Зборовского в царствование Сигизмунда III. После нескольких минут, в которые он обдумал план, завязку и развязку драмы, поэт стал декламировать польскими александринами, то есть стихами в тринадцать слогов, с рифмами и с цезурой на седьмом слоге. Сцены следовали за сценами, без малейшего промежутка. Поэт не только не останавливался, не задумывался, но задыхался, не успевая выговаривать стихи по мере того, как они толпились в его мыслях. Он все более и более оживлялся, вызванное им вдохновение не покорялось уже ему, а овладе-

27-го Булгарин дал обед для Адама. На нем присутствовали Орловский, Сапега, Сенковский, Линовский<sup>142</sup>, Ленский<sup>143</sup>, Ельский<sup>144</sup>, Ходзько<sup>145</sup>, Малевский и др. Весь этот обед продолжался спор с Сенковским, который неслыханным способом, с непростительной дерзостью накинудся на все то, что благородные люди привыкли уважать, и хотя Сенковский весьма словоохотлив, хотя над своими доводами работает издавна, он часто повторяет свои парадоксы, по первому требованию может представить большое количество сфальсифицированных или перевернутых фактов, однако он не смог оказать сопротивление Мицкевичу, который его полностью разбил<sup>146</sup>. После обеда Адама попросили

---

ло всем его существом. Он, видимо, страдал под его гнетом, как древние Питии (пифии. — *А. Ф.*) страдали под наитием вызванного ими духа. Глаза его пылали, лицо попеременно краснело и бледнело, между тем как стихи, исполненные высокой поэзии, лились рекою из его уст. Некоторые места, особенно сцена Зборовского с гетманом, взявшим его в плен, сцена в подземелье, куда, подкупивши стражу, проникла его возлюбленная, нареченная невеста и где он, в цепях, прощается с нею пред ожидавшею его казнью, вызвали у всех невольные восклицания» (цит. по: <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

<sup>142</sup> Линовский Константин Александрович (1807–1858) — чиновник Государственного Секретариата Царства Польского, камер-юнкер. В 1831 г. присоединился к восставшим, затем эмигрировал. Служил в бельгийской армии (1832–1854), дослужился до майора. Умер в Париже.

<sup>143</sup> Ленский Адам Осипович (1799–1883) — состоял с 1825 г. при министре финансов Царства Польского (в 1827–1828 гг. исполнял обязанности главного директора контроля при министерстве финансов Царства Польского), с 1832 г. — помощник статс-секретаря Государственного Совета в департаменте дел Царства Польского, позднее министр финансов и директор Банка Польского, затем член Государственного Совета Российской империи.

<sup>144</sup> Ельский Людвик Францевич (1785–1843) — политик и хозяйственный деятель, с 1828 г. президент Банка Польского. Принял участие в восстании 1830–1831 гг., был послан в Австрию для ведения переговоров о кредите для повстанческого правительства. После восстания эмигрировал, умер во Франции.

<sup>145</sup> Ходзько Александр (1804–1891) — выпускник Виленского университета, позднее Института восточных языков в Петербурге, российский консул в Тегеране. После восстания 1831 г. эмигрировал. С 1842 г. — профессор славянских литератур в парижском Коллеж де Франс. Востоковед, поэт, переводчик.

<sup>146</sup> О подобном столкновении Мицкевича и Сенковского свидетельствует О. А. Пшецлавский: «Я был при том, как Мицкевич заставил Сенковского признаться в этом (фальсификации источников по истории Польши. — *А. Ф.*) и как живо упрекал его за такой исторический подлог. “Это тяжкий грех, это профанация священной вещи, истории (говорил взволнованный Адам). Если тебе непременно хотелось излить твою желчь на прошедшее родины, то что тебе мешало высказать все это от твоего же имени? Ведь от этого хуже бы не было, все тебя хорошо знают за ренегата; говорят даже, что ты перешел в магометанскую веру, и чего доброго, может быть, это и правда”. Сенковский отделялся шутками, но смех его, как французы говорят, был “желтого цвета”. Не помню, кто еще, кроме меня, был при

импровизировать. Сенковский, желая отомстить, дал ему весьма классическую тему — экспедицию капитана Парри на Северный полюс<sup>147</sup>, и сам шепнул мне на ухо, что ему любопытно, как поэт покажет себя.

Адам описал, как англичанам были известны ужасные стороны Ледовитого океана, как ученые ожидали расширения знаний, а купцы — нового источника доходов от открытия донныне недоступных путей, как призывались добровольцы для этого предприятия и как прибыл один только Парри. Описание поэтом строительства судна является достаточным свидетельством, как Мицкевич обращает внимание на все то, что связано с искусством. Сам Сенковский вынужден был поаплодировать, но спущенный корабль уже перешел границу известного. Моряки были вынуждены неслыханные преодолевать трудности, претерпевать работы, испытывать недостатки. Парри делит с ними все невзгоды, но когда другие падают духом, он один придает всем отваги. Но терпение исчерпано, матросы грозят бунтом, они уже ввалились в каюту капитана, тот, невозмутимый, спокойный, выходит против них и, выхватив пистолет из рук первого наглеца, приказывает молчать и берет слово. Он много говорил о славе англичан в мореходстве, об их стойкости, наконец, подняв глаза к небу, увидел *Белого Орла* и обращает внимание своих слушателей на королевскую птицу и говорит, что этот орел, которого над вашими головами видите, прилетел сюда с берегов Вислы. Народ, живущий у берегов этой реки, в минуту, более тяжелую, чем наша, не потерял себя, так, как вы сердца, и доказал свое величие. Славу своих подвигов на 3 материках, на обоих полушариях

---

этой *эзекуции*, когда Мицкевич так беспощадно бичевал Осипа Ивановича. “Впрочем (заключил Адам), быть может, ты и не совсем виноват; это, пожалуй, просто органический недостаток. Я подозреваю, что твоей матери, когда она была тобой беременна, попался в руки альбом с рисунками Гогарта; она заглядывалась на них, и вот теперь все тебе видится в карикатуре”. Сенковский однако ж не поссорился с Мицкевичем (он никогда не ссорился с сильнейшими себя) и не переставал ходить к нему. Он сделал для него подстрочный перевод арабского стихотворения, из которого у Мицкевича вышел его прелестный “Шанфарий” (*Szanfary*)» (см.: <Пшецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874). Как отмечает позднейший исследователь, то, «что два таких человека, как Сенковский и Мицкевич, должны были при личном столкновении оказаться на двух противоположных полюсах, было неотъемлемым качеством их натур, противоположных по сути, не только с точки зрения морали, но и психологии в целом. То, что было предметом любви, уважения, преклонения для поэта, давно стало целью саркастических упражнений ожесточившегося сатирика» (см.: *Jablonowski A. Oryentalista Sękowski w korespondencyi z Lelewelem // Jablonowski A. Pisma. T. VII. S. 145*).

<sup>147</sup> Английский мореплаватель и исследователь Арктики Уильям Эдуард Парри (1790–1855) совершил три путешествия в 1819–1820, 1821–1822 и 1823–1824 гг. Открыл ряд островов, в том числе Баффинову Землю.

земли<sup>148</sup> он оставил для потомков, а вы, еще свободные люди, не хотите следовать этому примеру и т. д. Далее описываются последствия этой речи, стойкость и примерное послушание и возвращение, принятое только тогда, когда природа отказала в своей помощи.

Мне бесконечно жаль, что я пишу эти бледные безжизненные фразы. Я никогда так не жалел, что не учился стенографии, как слушая Адама. Даже его речь начинает приобретать черты импровизации, так она замечательна, так богата собственными оригинальными мыслями. От всего сердца я поздравляю литературу за то, что у нее есть такой исполин.

Сердечно благодарю за милостивую память обо мне, не знаю, смогу ли я переехать в Варшаву, это будет зависеть от успешности моих петербургских предприятий. В этих днях я надеюсь получить разрешение издания еженедельника<sup>149</sup> при помощи Малевского, Мицкевича и некоторых других. Я упрашиваю Вас украсить это новое издание каким-либо разделом из не рецензированных донныне исторических произведений. Лучше всего, если б можно было принять во внимание изданные Жеготой<sup>150</sup> произведения Альбертранди<sup>151</sup> и даже «Владислава В. <азу><sup>152</sup>», изданного Квятковским<sup>153</sup>. Впрочем, полагаюсь на Ваш просвещенный выбор, так как я, верящий в доброту, не сомневаюсь в успехе моей просьбы. Хорошо бы было, однако, по причине перевода Карамзина<sup>154</sup>

---

<sup>148</sup> Имеются в виду Европа, Азия и Америка (как известно, некоторые участники восстания А. Т. Б. Костюшко во главе с самим Костюшко принимали участие в американской революции).

<sup>149</sup> Речь идет о газете «Tygodnik Petersburgsky».

<sup>150</sup> Имеется в виду Игнатий (Жегота) Онацевич (1780–1845) — историк, профессор Виленского университета.

<sup>151</sup> Альбертранди Ян Баптист (1731–1808) — польский историк, епископ зенопольский. Был библиотекарем короля Станислава Августа Понятовского. Инициатор создания Общества друзей наук и его первый председатель. И. Онацевич издал посмертно его труды «Panowanie Jagiellonów, Kazimierza, Jana Olbrachta i Alexandra» (2 т., Варшава, 1826) и «Panowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorego» (2 т., Варшава, 1823).

<sup>152</sup> Владислав IV Ваза (1565–1648) — король польский и великий князь литовский (1632–1848), титулярный царь московский (1610–1634) и титулярный король Швеции (1632–1648).

<sup>153</sup> Квятковский Каэтан (1770–1852) — польский историк. Одна из главных его работ — «Dzieje narodu polskiego za panowania Wladyslawa IV» (1823).

<sup>154</sup> Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель, историк. По заказу Ф. В. Булгарина И. Лелевель написал «Рассмотрение “Истории государства Российского” г. Карамзина» — рецензию на первые тома его «Истории...», которая частично была опубликована в журнале Булгарина «Северный архив» (1822. Ч. 4; 1823. Ч. 8; 1824. Ч. 9, 11, 12). Позже, вероятно, Лелевель просил Малиновского содействовать возвращению ему оригинальной рукописи рецензии, которую ему длительное время не возвращал Булгарин. В письмах Малиновского, как мы увидим, этот сюжет в дальнейшем прослеживается.

дать целую рецензию на его историю<sup>155</sup>, теперь наверняка можно бы было напечатать ее *mutatis mutandis*<sup>156</sup>.

На иные подробности Вашего письма я отвечу в ближайшую среду, так как это письмо и так длинное. Я повторяю просьбу насчет книг, которые я послал 22 февраля. Теперь я посылаю деньги на подписку польской газеты. Соизвольте сделать так, чтоб я мог получать ее через канцелярию Царства. Думаю, Глебович<sup>157</sup> устроит это.

Булгарин, у которого есть тетка<sup>158</sup> и жена<sup>159</sup>, возложил на меня обязанность доставить для них башмачки. По правде, мне стыдно обращаться к Вам с такой просьбой, но не отказывайте мне в этом. По присоединенным здесь мерам и пожеланиям этих дам прикажите купить башмачки и переслать на мой адрес в польскую канцелярию. Наши дамы хотели бы предстать на Пасху в варшавских башмачках<sup>160</sup>, думаю, что они смогут получить их своевременно.

Господину Нимце<вичу?><sup>161</sup> напишу в среду, потому что сегодня у меня мало времени, а я не умею писать в иной день, как тогда, когда я должен отправить письмо. Вверяю себя милостивой памяти

Миколай

Сюда приехал по делам Адольф Янушкевич<sup>162</sup>. Он просил, чтоб я напомнил о нем Вашей памяти.

<sup>155</sup> Вероятно, имеется в виду 12-томное издание: *Karamzin M. Historia Państwa Rosyjskiego, przekład na język polski G. Buczyński. Warszawa, 1824–1830.*

<sup>156</sup> С необходимыми изменениями (лат.).

<sup>157</sup> Вероятно, имеется в виду Антоний Болеслав Глебович (1801–1847) — чиновник канцелярии Государственного Секретариата Царства Польского, переводчик.

<sup>158</sup> Видеман Елена Ивановна — тетка (по другим данным — мать) Е. И. Булгариной.

<sup>159</sup> Булгарина Елена Ивановна (урожд. Иде; 1808–1889) — жена Ф. В. Булгарина с 1825 г.

<sup>160</sup> Знаток истории Варшавы и варшавского городского фольклора, писатель и журналист К. В. Вуйцицкий в цикле очерков «Варшавское общество в начале нашего столетия: 1800–1830» пишет: «С ягеллонских времен славились варшавские башмачники своим искусным ремеслом и справедливую себе известность снискали. С периода царствования Сигизмунда Августа сохранилась поговорка, которая советует следующие четыре вещи считать лучшими в мире: “коня-турка, жену-мазурку, краковскую девушку и варшавские башмачки”» (цит. по изд.: *Wójcicki K. Wł. Społeczność Warszawy w początkach naszego stulecia: 1800–1830 // Wójcicki K. Wł. Pamiętniki dziecka Warszawy i inne wspomnienia warszawskie: W 2 t. Warszawa, 1974. T. 2. S. 93.*)

<sup>161</sup> Вероятно, имеется в виду Немцевич Юлиан Урсын (1758–1841) — польский писатель, историк, политический деятель.

<sup>162</sup> Янушкевич Адольф (1803–1859) — член общества филаретов, позднее участник восстания 1830–1831 гг., попал в плен, был сослан в казахские степи и Сибирь. Оставил после себя письма родным, известные исследователям как «Письма из Сибири».

Дня 14/26 марта 1828 г. Петербург

Я обременяю милостивого моего Государя письмами, но не мог отказать от следующих просьб.

Небольшая карта Польши, которую Вы прислали для примера при отшлифовке английского перевода<sup>163</sup>, понравилась многим людям, меня просили доставить ее для них, поэтому я досаждаю Вам просьбой об удовлетворении этого желания.

Я не знаю, когда переводчик истории на английский язык окончит свою работу, так как его постигла судьба его брата Людвика<sup>164</sup>.

Господин Тадеуш Булгарин упрашивает Вас соизволить назвать ему способы стать членом Королевского общества друзей наук<sup>165</sup>. Он хотел бы прислать в библиотеку Общества 5 томов своих произведений<sup>166</sup> и по экземпляру издаваемых им газет<sup>167</sup>. Если же претендент должен подать просьбу, соизвольте прислать ее форму. Впрочем, я бы посчитал, что Общество поступило бы весьма хорошо, предоставляя ему эту честь, в особенности потому, что господин Булгарин является наилучшим русским прозаиком и сам Его Величество Император с удовольствием читает его произведения и вознаграждает автора<sup>168</sup>. Адам в последних днях получил через меня письмо от Миликовского<sup>169</sup> из Львова. Этот типограф предлагает ему дать свое разрешение на переиздание своих произведений и оправдывается, почему он перепечатал сонеты. Не знаю, что ответит Адам.

<sup>163</sup> Из контекста не ясно, о чем идет речь, поскольку исторические труды И. Левеля на английский язык в этот период переведены не были.

<sup>164</sup> Неустановленные лица.

<sup>165</sup> Общество друзей наук было создано в 1800 г. и стало главным распространителем просвещения на территориях Речи Посполитой, отошедших во власть Российской империи. Булгарин, тщательно заботившийся о своей репутации в глазах земляков, был принят членом-корреспондентом Общества в 1828 г.

<sup>166</sup> Имеется в виду издание Сочинений Ф. В. Булгарина в 5 т. (10 ч.), вышедшее в Санкт-Петербурге в 1827–1828 гг.

<sup>167</sup> В данный период Булгарин редактировал газету «Северная пчела», журнал «Северный архив» и был соредактором (вместе с Н. И. Гречем) журнала «Сын отечества».

<sup>168</sup> Известно, что Николай I читал романы Булгарина — прежде всего «Ивана Выжигина». Булгарин трижды награждался бриллиантовым перстнем — за Собрание сочинений 1827 г., за романы «Петр Иванович Выжигин» (1829) и «Дмитрий Самозванец» (1830).

<sup>169</sup> Миликовский Ян (1781–1866) — львовский типограф и издатель.

Франтишек<sup>170</sup> просил меня, чтоб я поблагодарил Вас от Адама за Вашу заботу о *Валленроде*<sup>171</sup>. Адам не против варшавского переиздания, но он хотел бы получить какое-либо денежное вознаграждение, так как, естественно, второе издание задержит продажу первого, по крайней мере частично. В этом он полагается на Вашу дружбу.

Мои письма, в которых я просил Вас о книгах, должны дойти к Вам. Соизвольте выслать их мне. Я сразу же отошлю деньги, так как у меня уже есть желающие. Газету прошу выписать. Я еще раз прошу прощения, что обременяю Вас, но это Булгарин во всем виноват, он меня к этому подтолкнул. Посылаю письмо к Госпоже Нимц...<sup>172</sup>. Соболаговолите приказать служащему передать его ей в руки.

Вверяю себя милостивой памяти

Николай

Почему Вы не соболаговолите уведомить меня, что Вы стали депутатом Сейма<sup>173</sup>, как мне сообщает Одынец<sup>174</sup>. Неужели Вы такого плохого мнения о моей доброжелательности к родине и привязанности к дорогой Вашей особе, что думаете, что это известие не наполнило бы меня самой искренней радостью?

## № 26

*BJ, rkps 4435, k. 588–589*

Дня 25 апреля 1828 г. Санкт-Петербург

Милостивый мой Государь. Сегодня я пишу кратко. Податель этого письма Господин Хаборский<sup>175</sup> едет в Варшаву для поступления

<sup>170</sup> Имеется в виду Малевский.

<sup>171</sup> Поэма А. Мицкевича «Конрад Валленрод» очень быстро стала культовым произведением у образованных поляков, легко прочитавших в сюжете поэмы о тайном мстителе, демонстрирующем лояльность к поработителям своего народа и, в конце концов, возглавляющего Тевтонский орден, призыв к терпению и выжиданию ради продолжения борьбы за свободу.

<sup>172</sup> К госпоже Немцевич?

<sup>173</sup> И. Лелевель был избран депутатом Сейма по Желеховскому повету. «Необходимое — совершенно фиктивное — удостоверение о наличии землевладения Лелевель получил благодаря помощи родственников — помещиков Цецишовских. Он был избран на сеймике значительным большинством голосов. Желеховский повет был районном поселении мелкой шляхты... и правительство не имело возможности существенно влиять на результаты выборов» (см.: *Кеневич С. Лелевель. М., 1970. С. 31–32*).

<sup>174</sup> Одынец Антоний Эдвард (1804–1885) — член общества филаретов, поэт, мемуарист. Вместе с Мицкевичем совершил заграничное путешествие, из которого Мицкевич уже не вернулся в Российскую империю.

<sup>175</sup> Неустановленное лицо.



на службу в Национальный банк<sup>176</sup>. Это добросовестный юноша, мой земляк, которого я могу смело рекомендовать Вашей протекции. Полагаю, что мое послание через Господина Качановского<sup>177</sup> дошло к Вам.

Теперь сообщаю, что Адам Мицкевич дня 23 этого месяца приехал в Петербург. При выезде из Москвы<sup>178</sup> тамошние литераторы устроили великолепный пир<sup>179</sup>. Ему вручили серебряный кубок, на котором были выгравированы имена участников банкета и ценителей таланта Адама<sup>180</sup>. Декламировались стихи, написанные по этому случаю<sup>181</sup>, пелись песни. Он ответил им импровизацией, которая пробудила такой энтузиазм, что поэт Боратынский<sup>182</sup>, упав на колени, воскликнул: «Ah, mon dieu, pourquoi n'est-il-pas Russe!»<sup>183</sup>.

Его Величество выехал в столицу сегодня в первом часу. Вчера министр Шишков получил отставку. Грянула весть, что Господин Новосильцов<sup>184</sup>

<sup>176</sup> Малиновский имеет в виду Польский Банк (Bank Polski) — правительственный банк Царства Польского, образованный указом от 29 января 1828 г. (незадолго до этого письма) и просуществовавший до 1886 г.

<sup>177</sup> По всей видимости, речь идет о Юзефе Качановском, втором секретаре Государственного Секретариата Царства Польского.

<sup>178</sup> Мицкевич покинул Москву 19 апреля 1828 г. (см.: *Sudolski Z. Mickiewicz: Opowieść biograficzna. Warszawa, 1995. S. 217*).

<sup>179</sup> Прием в честь Мицкевича состоялся между 15 и 19 апреля 1828 г. (см.: *Ibid.*, 217).

<sup>180</sup> Князь П. А. Вяземский в статье «Мицкевич о Пушкине» пишет: «В прибавлении к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке, находим мы известие, что московские литераторы дали ему пред выездом из Москвы прощальный обед с поднесением кубка и стихов. На кубке вырезаны имена Баратынского, братьев Петра и Ивана Киреевских, Елагина, Рожалина, Полевого, Шевырева, Соболевского» (см.: *Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1985. С. 125*).

<sup>181</sup> Стихи в честь Мицкевича декламировали Е. А. Боратынский и И. В. Киреевский (см.: *Sudolski Z. Mickiewicz: Opowieść biograficzna. Warszawa, 1995. S. 217*).

<sup>182</sup> Боратынский Евгений Абрамович (1800–1844) — русский поэт. Уточнение, что речь идет именно о поэте — чрезвычайно существенно для Лелевеля, не погруженного в литературную жизнь российских столиц: Малиновский тогда готовил к публикации свой перевод романа А. Опельн-Брониковского «Ипполит Боратынский» (см. прим. 97), посвященный одному из членов рода Боратынских, известных в Великом Княжестве Литовском (см.: *Niesiecki K. Herbarz Polski. Lipsk, 1839. Т. II. S. 235–238; Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. Мінск: Бел. Энциклапедыя, 1993. С. 285*), и постоянно консультировался на эту тему с Лелевелем.

<sup>183</sup> О, мой Бог, почему он не русский! (фр.).

<sup>184</sup> Новосильцов Николай Николаевич (1762–1838) — государственный деятель. С ноября 1821 г. — председатель Комитета для образования учебной части в Царстве Польском; с июня 1822 г. состоял для особых поручений при великом князе Константине Павловиче; с февраля 1824 г. член Комитета по делу о бес-

должен заместить его, Кайсаров<sup>185</sup> же — занять место императорского комиссара в Варшаве. Быть может, Ходзько выедет с господином Грибоедовым<sup>186</sup>, назначенным чрезвычайным послом, в Персию<sup>187</sup>. Родофиникин<sup>188</sup>, директор Азиатского департамента, противится этому, так как он хотел бы на этот место поставить какого-нибудь грека<sup>189</sup>, но Грибоедов *tient ferme*<sup>190</sup>, как он мне сам сегодня говорил.

Адам поговаривал, что Вашим произведением об Индии он перевернул здесь все представления московских ученых об этом полуострове<sup>191</sup>. Это загадка, к которой я вернусь позже. Сейчас я пишу беспорядочно и отрывочно, потому как на скорую руку.

Смилуйтесь, пришлите башмаки и газеты, так как я страдаю, как проклятый. Бабы не дают мне покоя. Если бы у меня было в распоряжении 100 рублей, я откупился бы от этой заботы. Освободите меня от адской пытки. Вверяю себя Вашей дружбе и памяти

Миколай Малиновский

---

порядках в Виленском университете (фактический глава следственной комиссии); с сентября 1824 по май 1832 г. — попечитель Виленского учебного округа; с января 1826 г. — одновременно главный делегат при Правительственном Совете Царства Польского. Назначение Новосильцова на пост министра народного просвещения фактически означало бы возведение полонофобства в ранг государственной политики. О его роли в разгроме Виленского университета см.: <Lelewel J.> *Nowosilców w Wilnie w roku szkolnym 1823–1824*. Warszawa, 1831. Сатирический портрет сенатора-полонофоба нарисовал Мицкевич в драматической поэме «Дядьды» (ч. III, сцена VIII).

<sup>185</sup> Могли ходить слухи о назначении в Варшаву одного из двух Кайсаровых — Василия Сергеевича Кайсарова (1783–1844), который в 1826–1829 гг. был сенатором, либо Петра Сергеевича Кайсарова (1777–1854), в 1811–1828 гг. исполнявшего должность обер-прокурора в Сенате. По всей вероятности, обсуждалась вторая кандидатура: в 1828 г. П. С. Кайсаров действительно получил новое назначение — возглавил департамент разных податей и сборов.

<sup>186</sup> Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский дипломат, поэт и драматург. Погиб, будучи послом в Тегеране.

<sup>187</sup> Пост российского консула в Тегеране Александр Ходзько занял уже после гибели Грибоедова (в 1830 г.).

<sup>188</sup> Константин Константинович Родофиникин (1760–1838) — дипломат, управлял Азиатским департаментом Министерства иностранных дел России в 1819–1837 гг. Об отношениях Грибоедова и Родофиникина см.: *Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*. М., 1960. С. 192–193.

<sup>189</sup> Намек на этническое происхождение К. К. Родофиникина.

<sup>190</sup> Крепко держится (фр.).

<sup>191</sup> Надо полагать, имеется в виду книга: *Lelewel J. Dzieje starożytne Indii ze szczególnym zastanowieniem się nad wpływem, jaki mieć mogła na strony zachodnie*. Warszawa, 1820.

*Анекдот.* В прошлую субботу<sup>192</sup> на обеде зашел разговор о благородстве польской шляхты<sup>193</sup>. Сенковский сказал, что звание польского шляхтича считает настолько оскорбительным, что свою фамилию он вычеркнул из гербовника<sup>194</sup>, — и посмотрел с улыбкой на Грибоедова, очевидно, ожи-

<sup>192</sup> 21 апреля 1828 г.

<sup>193</sup> Булгарин в письме к Лелевелю от 4 апреля 1823 г. пишет: «Сенковский закончил свое исследование о ляхах, пришло Вам, но не все рисунки готовы; едва не умер со смеха. Шляхта польская, по Сенковскому, суть Леты или Лезгины с Кавказа, а крестьяне — Немцы. Итак, Славяне не существуют» (цит. по.: Listy Tadeusza Bułharyna do Joachima Lelewela // Biblioteka Warszawska. 1877. Т. 1, zeszyt II. S. 228). Сам Сенковский также сообщил об этом своем фантастическом «открытии» в письме Лелевелю от 13 декабря 1823 г.: «Что касается Лехов и их происхождения от Тюрков, признаюсь, что ошибся, употребляя слишком восточные выражения. Арабы называют Тюрками Хаканскими все народы, которые в первые века (до и после) нашей эры составляли славное государство Хакана Туранского, пусть даже они не были из поколения Тюркменов или Тюрков. Но что Лехи, или Ляхи, не суть Славяне или Словаки, против этого делаю заявление, потому что до сих пор существует на земле народ, который называется в своем языке Лех, носит одежду без малейшей разницы польскую (во фраках, сюртуках, гранат с кармазиновым кафтаном), имеет принципиальные черты характера, схожие со шляхтой польской, заусенцы, бородавки, горб и т. п.». (цит. по: Jabłonowski A. Oryentalista Sękowski w korespondencji z Lelewelom // Jabłonowski A. Pisma. Т. VII. S. 80–81).

<sup>194</sup> Судя по всему, Сенковский все-таки сказал неправду. В авторитетнейшем польском гербовнике есть описание герба его рода (см.: *Niesiecki K.* Op. cit., Lipsk, 1841. Т. VIII. S. 324). Кроме того, весьма сомнительно, чтобы составители гербовников в своей деятельности руководствовались мнением одного, пусть даже столь известного представителя шляхетского рода. Скорее всего, мы имеем дело с очередной шутовской выходкой Сенковского. Впрочем, О. А. Пшецлавский передает в воспоминаниях следующий свой разговор с Мицкевичем о дворянстве Сенковского:

«— А знаешь, Адам, мне кажется, что я открыл в Сенковском настоящие элементы его желчного настроения вообще, а против всего польского в особенности.

— *Voyns*, Гляубич (он часто меня так называл по моему гербу); ты ботаник, у тебя и по призванию, и по привычке должен быть наблюдательный взгляд.

— А вот что: во 1-х, он не *Кармазин*; его Любич (герб) куплен у известного торговца, заправляющего нашими дворянскими делами. Некоторые положительно знают, что он из Видзких мешан. Вот он, чувствуя себя чуждым нашей среде, и ожесточается против нее, а затем и против всего польского, так как действительно Польша была не что иное, как только *дворянское* олигархическое государство, в котором плебейский элемент считался ни за что. Это одно; теперь во 2-х, он *рябой*, оспа глубоко изрыла ему лицо, а это наглядно доказывает происхождение его от одного из низших, непросвещенных слоев общества. Назад тому 40 лет только низшие классы не знали о предохранительной оспе или по невежеству отвергали ее, тогда как в высших классах прививали ее всем — и детям, и даже взрослым. С таким документом плебейства на лице он, естественно, завидует всем гладколицым и злится на них, то есть почти на все человечество.

Мицкевич выслушал меня с усмешкой и сказал: «И что ж, в самом деле. Ты, может быть, и прав; чего, хорошенько порывшись, не найдешь иногда на дне человеческих характеров!»» (см.: <*Пшецлавский О. А.*> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

дая похвалы. Но тот ответил: «Милостивый Государь, я вижу, вам приятно унижать самого себя, но если б я был уверен, что Вы говорите это искренне, то не хотел бы отныне одним словом с Вами перемолвиться». Сенковский был так смущен этим ответом, что почти четверть часа ни слова не смел произнести. Грибоедов сегодня — один из благороднейших людей. И кажется, что и в дальнейшем будет таким.

## № 27

*BJ, rkps 4435, k. 590*

Булгарина сейчас нет в Петербурге, он выехал в Ливонию с целью покупки имения<sup>195</sup>, вернется через несколько недель. Поэтому будет невозможно исполнить Ваше прежнее желание насчет отсылки рукописи. Я беру это на себя и, как только он вернется, вышлю Вам, но смилуйтесь, не подвергайте меня наибольшей в мире неприятности. Женщины доверили мне деньги, они могут мне постоянно надоедать, как доньине надоедают без конца. Больше я не приму никаких женских капиталов<sup>196</sup>.

Я читал в *Gazecie Polskiej*<sup>197</sup> уведомление о выходе *Kroniki literatury polskiej*<sup>198</sup>, но не знаю, сколько это стоит, но я б хотел подписаться. Сообщите мне, кто редактор газеты, я б хотел связаться с ним.

Я безмерно рад, что печатаются источники литовского законодательства. Мы будем ждать их с нетерпением. Эта работа, которая наверняка имеет наибольшую научную ценность, связана с положительными моментами прошлого. Скоро придет время подумать о Литовском Статуте. Сперанский, стоящий во главе законодательной секции Императорского кабинета<sup>199</sup>, хочет приказать корректно перепечатать Статут<sup>200</sup>, а может,

---

<sup>195</sup> Имеется в виду имение Карлово в окрестностях Дерпта, в котором Булгарин и был похоронен (ныне в черте г. Тарту, Эстония).

<sup>196</sup> Имеется в виду просьба купить варшавские башмачки для Е. И. Булгариной и ее тетки Е. И. Видеман.

<sup>197</sup> «Польской Газете».

<sup>198</sup> «Хроники польской литературы».

<sup>199</sup> Имеется в виду высшее государственное учреждение в Российской империи, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. Возникла в конце XVIII в. как личная канцелярия императора Павла I. Общегосударственные функции получила в 1812 г. Наибольшее влияние получила при императоре Николае I. Для ведения дел по различным отраслям управления в канцелярии существовало 6 отделений, из них II Отделение (1826–1882) занималось кодификацией законов, III — было органом политического надзора.

<sup>200</sup> Имеется в виду Статут Великого Княжества Литовского.

и *Volumina Legum*<sup>201</sup>. Малевский Франтишек стремится войти в его состав, он пообещал это Булгарину, который просил за Франтишка, а в то же время Ваши работы могут принести свою практическую выгоду. Если *Судебник* Казимира Ягеллончика<sup>202</sup>, изданный Рогальским<sup>203</sup> с рукописи Даниловича<sup>204</sup>, должен войти в сборник источников, то я мог бы доставить Вам замечания, сделанные к нему Александром Востоковым, ученым-библиотекарем Музея Румянцева<sup>205</sup>. Он прислал мне их прошлой зимой, и хотя этот предмет мне слабо знаком, однако я понимаю, что он удачно исправил в нем серьезные погрешности. Не могли б Вы сказать мне, какие польские периодические издания выходят в Кракове и Познани, хотя бы даже газеты. Я б хотел выписать их себе, так как считаю, что мне удастся издавать газету. Сейчас министр согласился на издание еженедельника. Министр иностранных дел позволил помещать внутреннюю и внешнюю политику, министр финансов — торговые и промышленные новости. Но я предпочел бы газету. Если ее не разрешат, буду вынужден печатать еженедельник с 1 июля.

Вверяю себя милостивой памяти, искренний друг

Миколай Малиновский  
15/27 апреля 1828 г.  
Санкт-Петербург

Это ложь, что Мицкевич сжег свои портреты. Варшавский ему был известен давно, он недоволен им. Парижский хоть был непохож, но нра-

<sup>201</sup> *Volumina Legum* — свод законов Речи Посполитой с 1347 по 1780 г., составленный монахами ордена пиаров по инициативе известного просветителя и библиофила епископа Юзефа Залуского с 1732 по 1782 г.

<sup>202</sup> Казимир IV Ягеллон (1427–1492) — король польский с 1447 г., великий князь литовский с 1440 г.

<sup>203</sup> Возможно, Рогальский Адам (1800–1843) — брат Л. Рогальского. В 1823 г. по причине скандала перебрался из Вильни в Санкт-Петербург, где стал чиновником и в 1830 г. дослужился до титулярного советника. Дружил с тамошними земляками — Малиновским, Булгариним, Малевским, Олешкевичем, Орловским, Пшещлавским, Ваньковичем. В 1826 г. издал перевод «Бахчисарайского фонтана», в 1830 г. основал сатирический еженедельник «*Balamut Peterburski*». Автор русско-польского словаря (Варшава, 1841).

<sup>204</sup> Данилович Игнат Николаевич (Игнатий) (1787–1843) — профессор Виленского, затем Киевского и Московского университетов, историк. Подготовил и издал в 1826 г. «*Statut Kazimierza IV*».

<sup>205</sup> Румянцевский музей — собрание книг, монет, этнографических и других коллекций, принадлежавшее известному государственному деятелю и меценату Николаю Петровичу Румянцеву (1754–1826), переданное после его смерти государству. Открытый доступ к коллекциям был разрешен с 1831 г. С 1925 г. на базе библиотеки и отдела рукописей Румянцевского музея начала действовать Библиотека имени В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека).

вился ему. Если б только то, что Вы их присылаете ему, могло б наполнить его радостью! Кто же сеет эти сплетни?<sup>206</sup>

## № 28

*BJ, rkps 4435, k. 591–593*

20 июня 1828 г. Санкт-Петербург

Милостивый Государь. Спешу с самой искренней благодарностью за присланные наконец башмаки. Ваши пожелания, чтоб я не брался за подобные поручения, исполню самым святым образом. Это стало мне костью в горле. Разве что ради жены я мог бы решиться вмешиваться в сапожничи поручения и обременять ими других.

Ваши письма я прилежно получил. Насколько первые два огорчили меня, настолько последнее порадовало. Я уже начал беспокоиться из-за Вашего мнения, что я отношу в первую очередь на счет своих непрошедших неудач. Но теперь я вижу, что это было временно. И все-таки я должен оправдаться от всего.

Вы пишете, что, думая о торговых и книжных предприятиях, надлежит стабилизировать кредит, а я его уничтожаю; что Завадский<sup>207</sup> сетует на меня, что у вас есть причины жаловаться на мою недобросовестность.

Даже если б я был ненадежен в делах или литературных предприятиях, насколько я знаю, никто не может жаловаться на меня за то, что я кого-либо подвел в денежных расчетах. Но по поводу Завадского меня

---

<sup>206</sup> Суть скандала вокруг портретов, якобы не понравившихся Мицкевичу, проясняется из письма самого поэта А. Э. Одынку от 20 мая / 1 июня 1828 г.: «В Варшаве литографировали из меня обезьяну. Кто-то ложно сообщил, что я очень из-за этого сержусь и что парижский портрет порвал. Большая ложь. Парижский портрет достаточно искусен; его повредили при пересылке, а я даже к карикатуре, полученной из рук г-на Иоахима (Лелевеля. — *А. Ф.*), не смел бы плохо относиться. Пусть г-н Иоахим таким и подобным вестям не верит» (цит. по: *Mickiewicz A. Dzieła*. Т. XIV. Warszawa, 1955. S. 395). К парижскому изданию сочинений Мицкевича, два первых тома которого вышли в 1828 г., была приложена гравюра, выполненная Луи Крутеллем по портрету Бернара Жюльена, сделанному, в свою очередь, по портретной зарисовке И. Лелевеля (см.: *Komza M. Mickiewicz ilustrowany*. Wrocław: Ossolineum, 1987. S. 180–181). Одновременно следует отметить, что в библиографии изданий (и портретов) А. Мицкевича, приложенных к первому тому издания «Korespondencja Adama Mickiewicza» (Париж, 1870) его сыном В. Мицкевичем, не указано какое-либо прижизненное издание портрета А. Мицкевича, выпущенное до 1828 г. в Варшаве.

<sup>207</sup> Завадский Юзеф (1778–1838) — виленский типограф и издатель, первый издатель поэзии А. Мицкевича и книг И. Лелевеля. Малиновский сотрудничал с ним во время своей студенческой юности в Вильно.

больше всего удивляет то, в чем он может меня обвинить. Разве только в том, что, выехав из Вильно, я уже не работаю на него бесплатно, как раньше. Никогда мне Завадский не давал денег вперед, а как он платил после уже завершённой работы, это Богу известно. Например, за корректуру и предисловие к *Иерусалиму* Кохановского<sup>208</sup> он дал мне 200 рублей ассигнациями. Когда я выехал в Петербург и хотел взять немного денег за счет Бентковского, он снабдил меня квитанцией на 200 рублей ассигнациями к господину Сенковскому, за которую я не получил ни гроша. Когда я писал ему отсюда, чтоб он назначил мне что-нибудь, а я бы спокойно занялся библиографией<sup>209</sup>, он ответил мне, чтоб я подумался некоторым нужным вещам, а он посмотрит, что удастся сделать. Это весьма интересный ответ, считаю его диковинкой. Я перестал писать, он опять начал от меня требовать. Я высказал ему свое желание печатать у него около 150 экземпляров моего перевода «Боратынского»<sup>210</sup>,

<sup>208</sup> М. Малиновский содействовал подготовке к печати «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, переведенного на польский язык П. Кохановским. Издание выпущено Ю. Завадским в 1826 г.

<sup>209</sup> Имеется в виду библиография к предполагавшемуся третьему тому «Истории польской литературы» Ф. Бентковского.

<sup>210</sup> В письме Ю. Завадскому от 11 декабря 1826 г. Малиновский пишет: «Нашел в книжной лавке г-на Греффа два романа Александра Брониковского, изданные в Дрездене на немецком языке, один под названием “Ипполит Боратынский”, второй “Казимир В<еликий>”: последний вышел в текущем 1826 году, первый — в 1825. Думаю, их перевод был бы полезен, потому что они по-настоящему хороши — несравненно лучше “Пояты” (роман Ф. Бернатовича. — *А. Ф.*) и “Яна из Тенчина” (роман Ю. У. Немцевича. — *А. Ф.*); если бы это пришлось Вашей Милости по вкусу, хотел бы их перевести, но нужно написать в Варшаву, чтобы г-н Венцкий постарался об информации в “Мониторе” и “Курьере”, что названные романы выйдут в скором времени из печати, чтобы избежать коллизии с каким-нибудь другим переводчиком. Буду ждать ответа» (цит. по: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805–1865. T. I. Wilno, 1935. S. 286–287*). Коллизии, однако, избежать не удалось: оба романа вышли в других переводах и у других издателей в 1828–1829 гг. Библиография публикаций М. Малиновского (см.: *Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». T. 8. Warszawa: PIW, 1969. S. 345–347*), как и другие библиографические источники, не указывают на издание перевода романа «Ипполит Боратынский» Малиновским. Вместе с тем воспоминания друга — историка, поэта А. Э. Одынца — содержат характеристику, проливающую свет на сложившуюся ситуацию: «Для облегчения постижения коллегами познания в названных языках (латынь и древнегреческий. — *А. Ф.*) он, Ежовский, и председательствующий Ковалевский обязались в течение всего учебного года проводить для них бесплатно, по два раза в неделю, повторение занятий Гроддека, первый по греческой, второй по латинской литературе. Кроме того, один и второй, для употребления в школах округа, обещают издать с составленными ими комментариями, первый — избранные *Оды* Горация, второй — также избранные — *Метаморфозы* Овидия. Заявление это и обещание было принято горячо. Малиновский же, поднявшись с места, добавил, что и он также жаждет принять участие в столь благородном

которые я сам продам или нет. Он охотно согласился на это предложение. Если же, посреди забот, подгоняемый Гречем к переводу обеих его грамматик, большей и меньшей<sup>211</sup>, я мучаюсь и не могу клятвенно пообещать перевод из-за отсутствия времени, то что же Завадский теряет на этом? Все равно без меня в Вильно никто ни переводить, ни печатать не мог бы, так как тамошняя цензура не позволит. Такая несправедливость со стороны Завадского самым болезненным образом оскорбляет

и прекрасном предприятии и как ученик профессора Ягелло из Винницы чувствует себя в силах прокомментировать тем же способом всю *Энеиду* Вергилия. Это шумное и неожиданное выступление нового и незнакомого коллеги обратило на него общее внимание и сразу вывело из сумрака на свет. К сожалению, нужно только добавить, что если Ежовский и Ковалевский на самом деле добросовестно выполнили все свои обещания, намерение Малиновского, в течение нескольких лет оставшееся только намерением, в конце концов не принесло результата. Происходило точно то же и позже с различными его проектами в отношении исторических разысканий. Не щадил он трудов и работы, если речь шла о приобретении сокровищ науки и знания, и редко кто собрал их столько. Но когда приходило <время> использования их, особенно на высоком уровне, на который обычно возносил он свои намерения, всегда ему не хватало чего-то — не знаю, то ли силы, то ли только терпения» (цит. по: *Odyńec A. E. Wspomnienia z przeszłości, opowiadane Deotymie. Warszawa, 1884. S. 115–116*). В качестве косвенного подтверждения характеристики, данной Одындом Малиновскому, с которым его связывала многолетняя дружба, можно привести и историю с газетой, основанной при деятельном участии Малиновского, однако в конце концов перешедшей под редактирование Ю. Э. Пшецлавского, гораздо более готового к систематической работе. Есть и ироническое высказывание Мицкевича в одном из его писем Лелевелю (от 16/18 января 1829 г.): «О переводе романа Малиновским уже ничего не слышно. Почтенный Миколай, как известно, страшный прожектер, всегда делает семь вещей одновременно. Похоже, одну лишь довел до конца: женился» (цит. по: *Mickiewicz A. Dziela. T. XIV. Warszawa, 1955. S. 453*).

Однако не исключено, что ситуация с «Боратынским» была вызвана вовсе не личными качествами Малиновского. Он, в частности, пишет Ю. Завадскому (письмо от 3 сентября 1827 г.): «Перевел роман “Ипполит Боратынский” — первый том уже отдал в цензуру. Хотел бы, чтобы Вы его печатали. Понимаю, что он будет затратным, тем более что собираюсь добавить пятый томик, в котором будут интересные исторические документы, касающиеся той эпохи, а именно письма короля Сигизмунда Августа», его обращения к народу — в поддержку Одровонжа и Анны Мазовецкой и т. д. Писал к автору, живущему в Дрездене, с просьбой сообщить мне известие о его литературных достижениях, а если ему этого не позволит его авторская скромность, одновременно обратился к г-ну Алексу Бернаговичу, моему знакомому, проживающему сейчас там же. Хотел бы дать знать читателям о личности автора. Это все повысит ценность этого романа. Чувствую, что предложение мое немного трудно, однако, учитывая мое положение, думаю, что Вы согласитесь с ним. Потому хотел бы получить 200 экз., потому что у меня здесь много знакомых, которые и сами захотят подписаться, и других за собой потянут. Вы на том не много потеряете в отношении сбыта книги, потому что, может быть, ни один из них не купил бы ее без данного обстоятельства» (цит. по изд.: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805–1865. T. I. Wilno, 1935. S. 297*).

<sup>211</sup> Переводы грамматик Н. И. Греча, выполненные М. Малиновским, неизвестны.



меня. И не со мной первым он так поступает. Но это не важно. На следующей неделе я пошлю ему «Боратынского», но это последняя работа, которая у меня будет с этим благородным типографом. Вы его сами испортили, приучили его к тому, что он считает, что, печатая чью-либо работу, он оказывает милость, и за работы, на которые он не выдал ни гроша, спрашивает как за свою собственность. Я ничего ему не писал и не буду писать. Как только я отошлю ему «Боратынского», разорву всякие отношения с ним. Недостаточно, что он злоупотреблял моим отношением, так он еще очерняет меня. Если Господин Венцкий<sup>212</sup> желает слушать и верить Завадскому, то я не принуждаю его ни к каким отношениям со мной. Я хотел иметь с ним дела, так как считаю его благородным и честным человеком. При всем этом я руководствуюсь, скорее, желанием распространения польских книг, чем личной выгодой. Мне казалось, что, получая еженедельно из Варшавы на 100 рублей ассигнациями книг и продавая здесь и на Белой Руси, что не трудно, можно будет получить какой-нибудь оборот. Надеюсь, что еженедельник<sup>213</sup>, если сверху не появятся какие-либо препятствия, а они могут появиться, наверняка с нового года начнет выходить. Он немало поспособствует распространению и сведений о книгах, и самих книг. А потому пускай Господин Венцкий, если захочет, не слушает обмана своего собрата. Пускай верит мне, потому что я не подставляю свою честь под удар ни за какую выгоду на свете. Я сейчас выписал книг на несколько сот злотых, они заказаны Поповским<sup>214</sup>, состоятельным юношей с Подолии, и Бобинским. Деньги после получения груза ...<sup>215</sup> Господин Венцкий, а если он не верит, пусть напишет, мы ему пошлем авансом, хотя это противоречит обычаю. Тогда я или искал бы человека более крепкой веры, или полностью прекратил бы дружбу с торговцами книг. В любом случае я не собираюсь жить за счет этого.

По поводу других обвинений. Я чувствую свою вину в отношении Свидзинского<sup>216</sup>, но из-за того, что я все время надеялся вернуться в Вильно и оттуда отправить рукописи<sup>217</sup>. Тем временем вопреки своим

<sup>212</sup> Венцкий Юзеф, родственник типографа и книгоиздателя Юзефа Завадского, с 1810 г. занимался книжной торговлей в Варшаве.

<sup>213</sup> Имеется в виду «Tygodnik Petersburgsky».

<sup>214</sup> Неустановленное лицо.

<sup>215</sup> Одно слово не читается. Вероятно, «будут отосланы».

<sup>216</sup> Свидзинский Константин (1793–1855) — польский библиограф и историк-медиевист. После 1831 г. занимался общественной и политической деятельностью.

<sup>217</sup> Имеется в виду рукопись рецензии Лелевеля на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (см. выше). Рукописи Лелевеля переходили в Петербурге из рук в руки, терялись, как и письма. Сенковский пишет ему (от 18/30 июня 1825 г.): «Статью твою о Карамзине давно отдал Булгарину; но твое второе письмо

желаниям и намерениям я сижу тут. Но я просил прислать мне рукописи Кшицкого<sup>218</sup> и Бельского<sup>219</sup>, и как только получу их, отправлю Вам.

Что Булгарин Вашей рецензии<sup>220</sup>, а Сенковский — «нумизматов» Даниловича<sup>221</sup> не отправили, моя ли в том вина, судите сами. Ваша рецензия пришла, но Булгарин обрел новую к ней страсть. Чтоб Вашу рукопись застраховать от утраты, я дал ее переписать и оригинал наверняка незамедлительно отошлю Вам. Сенковский повторяет, что «нумизматов» он отдал куратору Перовскому<sup>222</sup> 6 месяцев назад и что таким образом Данилович непременно получит их.

Насчет *Очерка польской истории*<sup>223</sup> будьте полностью спокойны. Он переписывается у меня, и как только я закончу, оригинал отошлю Вам, а копию отдам в цензуру. Нужно еще подождать пару недель, потому как сейчас организовывается новый комитет в соответствии с новым уставом. Я не сомневаюсь в получении разрешения. Стоимость печати следующая: обычный лист в восьмушку стоит от 600 экземпля-

---

к нему до сих пор лежит у меня, ибо он сам должен был за ним захватить, раз уж иначе никак не могу ему его передать; он живет где-то в деревне, а в городе не имеет жилья; в типографию же Греча отдавать не хочу, потому что там все пропадает» (цит. по: *Jablonowski A. Orientalista Sękowski w korespondencji z Lelewelem // Jablonowski A. Pisma. T. VII. S. 111*).

<sup>218</sup> Вероятно, имеется в виду Анджей Кшицкий (1482–1537) — польский писатель, юрист и государственный деятель. Малиновский перевел на польский язык его «*In vulgatum nuper quondam asianam diaetam Diogenis Dalmatae dialogues*» и опубликовал в 1864 г. в предисловии к сборнику «*S. Łaskiego prace naukowe i dyplomatyczne*». Не исключаем, что перевод мог быть выполнен значительно ранее публикации.

<sup>219</sup> Из контекста не ясно, труд какого Бельского имеет в виду М. Малиновский — Мартина Бельского (1495–1575), составителя «Хроники всего мира» (1551, 1554, 1564), или его сына Иоахима Бельского (около 1540–1599), составившего на основе фрагментов труда своего отца и собственных дополнений «Хронику Польши».

<sup>220</sup> Имеется в виду рукопись рецензии И. Лелевеля на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, публиковавшейся в журнале «Северный архив», редактором которого был Ф. В. Булгарин.

<sup>221</sup> Вероятно, имеется в виду статья И. Даниловича «*O medalach Radziwillowskich i o gabinetach Nieswiezkim i Charkowskim*». Она так и не вышла в «Библиотеке для чтения» и в конце концов была опубликована на языке оригинала в 1830 г. в газете «*Tygodnik Petersburgsky*».

<sup>222</sup> Перовский Алексей Алексеевич (1787–1836) — попечитель Харьковско-го учебного округа (1825–1830), писатель (под псевдонимом Антоний Погорельский). Данилович в этот период преподает в Харьковском университете.

<sup>223</sup> В оригинале стоит: *Obrazu dziejów Polskich* (Очерка истории Польши). Произведение под таким названием у И. Лелевеля отсутствует. Вероятнее всего, имеется в виду его книга «*Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedział...*», опубликованная на польском языке в Варшаве в 1829 г. На французском языке появилась лишь в 1844 г. после эмиграции Лелевеля.

ров 30 рублей ассигнациями без бумаги, если 1200 экземпляров, тогда на 5 рублей больше за лист. Если это будет напечатано по-польски, то мы могли бы издать по-французски, у нас здесь есть переводчик, но у меня еще достаточно времени, чтобы подумать об этом. Адам<sup>224</sup> здоров и весел. Франтишек<sup>225</sup> стал помощником архивариуса с жалованьем в 1000 рублей ассигнациями.

Вверяю себя милости и памяти

Миколай

Кому Адам обязан услугой печати его произведений в Париже<sup>226</sup>?

Прошу остаток газет. Если нужно будет что-нибудь доплатить, то Вы напишите милостиво. Ни у меня, ни у Вас нет необходимости тратиться на Булгарина. Ваши советы насчет членства<sup>227</sup> я хочу верно передать Булгарину.

Сенковский теперь печатает рецензию на *Путешествие в Тибет*<sup>228</sup>, переведенное с китайского отцом монахом Иакинфом<sup>229</sup> на русский язык и вышедшее в *Северной пчеле*.

---

<sup>224</sup> Мицкевич.

<sup>225</sup> Малевский.

<sup>226</sup> Первые два тома парижского издания сочинений Мицкевича вышли по инициативе и при организации публикации Леонардом Ходзькой, финансировала издательский проект графиня Клементина Островская.

<sup>227</sup> Имеется в виду желание Булгарина быть принятым в варшавское Общество друзей наук. В качестве посредника, рекомендовавшего осуществить его прием в Общество, выступал Лелевель.

<sup>228</sup> Имеется в виду книга отца И. Бичурина «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (вышла в Петербурге в 1828 г.).

<sup>229</sup> Бичурин Иакинф (Никита Яковлевич) (1777–1853) — архимандрит, известный русский синолог. В 1805–1819 гг. — глава русской духовной миссии в Китае. За «нежелательные явления, внесенные им в жизнь миссии», он был судим, лишен сана и сослан в Валаамский монастырь. В 1826 г. освобожден из заточения, жил в Александро-Невской лавре и состоял переводчиком в Министерстве иностранных дел. Академия наук в 1828 г. избрала его в члены-корреспонденты и награждала его труды премиями. Состоял членом парижского Азиатского общества. В 1829–1830 гг. по поручению Азиатского департамента путешествовал за Байкал с бароном Шиллингом.

Малиновский неоднократно встречался с о. Иакинфом. В «Дневнике» (запись от 30 января 1828 г.) он пишет: «После обеда много и хорошо рассказывал об обычаях китайцев и о своих собственных делах, между прочим о своем заключении в Финляндии, где был заточен по приказу императора Александра на основании донесения о развратной жизни в Китае. Обвинял своего преследователя петербургского митрополита Серафима в жестокости, корыстолюбии, глупости и о всяких грехах, которые только могут навлечь на человека позор». Но несколько ранее он описывает свою первую встречу с Иакинфом с другими подробностями (запись от 30 декабря 1827 г.): «Был когда-то профессором духовной Академии в Москве. Но когда возникла нужда в миссионере для российского посольства в Пекине, был избран (ибо

За подаренный мне экземпляр Ваших избранных произведений я сердечно благодарю. Общества литовских друзей уже нет<sup>230</sup>. Оно не ликвидировано, но распушено на неограниченное время. Поэтому я дал экземпляр Малевскому для дальнейшего распоряжения. Востоков охотно согласился дать свои заметки, но попросил немного времени для просмотра их.

Еще. Посылаю литографический портрет Ваньковича<sup>231</sup>.

## № 29

*BJ, rkps 4435, k. 594–595*

27 июня 1828 г. Санкт-Петербург

Милостивый Государь. Я писал Вам с прошлым курьером, и в этот раз мне нечего сообщить нового. Однако я спешу успокоить Вас насчет доверенной мне рукописи. Она уже переписана и находится у меня. У меня уже были *des pourparles*<sup>232</sup> с цензорами. Надеюсь, что они будут благосклонны к нашим желаниям, а если б они захотели выбросить что-либо, то надо пройти весь процесс. Можно смело подвергаться испытанию, так как в конце концов мы всегда можем выиграть.

Адам от кого-то получил известие, что в Кракове перепечатан *Валленрод*<sup>233</sup>, хотя б один экземпляр прислали показать ему. Парижского издания еще не видно, а претендентов без числа. Если б появились какие-то препятствия в продаже, можно было бы отослать в Гданьск, а оттуда — по воде сюда в столицу.

Кажется, замечания Завадского подействовали на Господина Венцкого, так как он не присылает мне выписанных книг. Я был бы рад ви-

---

проявил способности к чужим языкам) и направлен в посольство. Шестнадцать лет жил там спокойно, пока не прибыло новое посольство. Тогда оказалось, что предается педерастии).

<sup>230</sup> Вероятно, имеется в виду Союз друзей — тайное молодежное объединение, существовавшее в Вильне в 1819–1822 гг. как первая ступень к членству в обществе филوماتов. И. Лелевель, хорошо информированный о настроениях виленской молодежи, мог знать о его существовании и передавать членам общества свою книгу.

<sup>231</sup> О каком портрете В. Ваньковича либо его работы идет речь, неизвестно.

<sup>232</sup> Переговоры (фр.).

<sup>233</sup> См.: «В том же году в краковской типографии братьев Гешковских тиражом Мечислава Даровского появилась незаконная перепечатка “Конрада Валленрода”, практически ничем не отличающаяся от петербургского издания, однако более старательно выполненная. В частности, хорошо получились иллюстрации [в зеркальном отображении], литографированные Петром Вышковским по перерисовкам Яна Непомуцена Бизаньского. Также был добавлен портрет Мицкевича с подписью “Романтический поэт, рожденный в Литве в 1798 г.”» (*Komza M. Mickiewicz ilustrowany*. Wrocław: Ossolineum, 1987. S. 17).

деть что-либо позитивное. Завадский, видимо, опасается, как бы я не причинил ему неприятности. Забавный человек! Пусть заглянет в свои торговые книги, сколько он торговал с Петербургом и Белой Русью. Если Господин Венцкий будет понимать, что здравый смысл советует ему придерживаться предостережений своего товарища, то я хотел бы скорее знать об этом, чтоб я отдал распоряжения, которые у меня есть к другим продавцам книг. Может, опять придется последовать польской поговорке: как беда, так — к еврею. А что же делать, христиане очень любят выгоду, а некоторые, как Господин Юзеф Завадский, гnevаются даже, когда на них кто-нибудь бесплатно работать не хочет, особенно когда их время занято чем-нибудь лучшим.

В конце этой субботы я посылаю «Боратынского». Я рад был бы узнать, кто переводил для Глюксберга<sup>234</sup>, сколько вычеркнула цензура, потому как здешняя цензура отнеслась весьма добросовестно. Честно говоря, я не мог посвятить много времени выработке стиля этой работы, но надеюсь, что небрежности не будет. Если варшавский перевод будет таким же, как «Казимира В<азы>»<sup>235</sup> и «Яна Каз<имира>»<sup>236</sup>, то я не опасюсь конкуренции. Впрочем, пятый том, где есть письма и т. п., прибавит этому небольшому произведению много интереса.

Наша газета с нового года непременно будет выходить. Наверняка, нам будет трудно вначале, так как мало работников, но понемногу дело пойдет. Не знаю, как этот выйдет, но мы должны начать войну à toute outrance<sup>237</sup> с варшавскими критиками<sup>238</sup>. У нас уже есть некоторые статьи для этого.

---

<sup>234</sup> Имеется в виду варшавский книгоиздатель Натан Глюксберг (1780–1831), родоначальник известной династии книготорговцев и издателей. Перевод романа «Ипполит Боратынский» А. Опельн-Брониковского для издания Глюксберга осуществил Я. К. Р. Ордынец (см.: Hippolit Boratyński, romans historyczny A. Bronikowskiego, tłumaczony z niemieckiego przez J. K. Ordyńca. Т. 1–6. Warszawa, 1828–1829).

<sup>235</sup> М. Малиновский в данном случае критически отзываясь о переводах А. Кжижановского (см.: Więzienie we Francyi Jana Kazimierza Wazy. Powieść historyczna z XVII wieku A. Bronikowskiego z niemieckiego na ojczysty język przełożona. 2 t. Warszawa, 1828).

<sup>236</sup> Речь о переведенном тем же А. Кжижановским романе: Kazimierz Wielki I Esterka. Powieść historyczna z XIV wieku A. Bronikowskiego z niemieckiego na ojczysty język przełożona. Warszawa, 1828.

<sup>237</sup> До полной победы (фр.).

<sup>238</sup> О взаимоотношениях Мицкевича и его окружения с варшавской литературной элитой О. А. Пшецлавский пишет: «Надо знать, что такое Варшава, эта в полном смысле, как ее покойный Туркул называл, *aurea mediocritas*. Если верить, что есть феи, то можно подумать, что фея *золотой посредственности* председательствовала при закладке этого города и закабалила его себе навсегда. ...Варшава имела своих любимых литераторов, восхищалась своими стихотворцами, но всегда только

Поправился ли Сенковский, прячется ли — неизвестно, но он осел в деревне и всюю работает. На прошлой неделе на закрытии Университета он произносил речь о восточной литературе вообще. В конце своей речи он высказал сердечные пожелания, чтоб мусульмане когда-нибудь также были озарены светом христианской веры. В теперешних преимуществах он видел кратчайшую и провидением предназначенную к этому дорогу. Намного лучшим является то, что он печатает о Тибете в *Северной пчеле*<sup>239</sup>, это так хорошо, что я б посоветовал, чтоб Глебович это перевел для *Колумба*<sup>240</sup>, только не так по-шарлатански, как перевел слабые булгаринские произведения о Инфлянтах<sup>241</sup>.

Я присоединяю здесь небольшой анекдот, знаю, что он придется по вкусу. Из здешних литераторов, которые собирались у Булгарина, ни один мне не нравился. Я был мнения, что они ничего не сделали для избавления от первородного греха. Над ними я всегда превозносил Александра Грибоедова, который в то время был в Персии. Наконец он вернулся. И действительно, имея широкие знания, счастливые способности, широкою и справедливо приобретенною поэтическую славу, умеренность в образе жизни, отсутствие всяких предрассудков — и это, и мнения других говорят о нем как о благороднейшем человеке (я вынужден был молчать), он раньше небрежно относился к феодальным

---

*своими*, вышедшими из ее среды, верными местным вкусам и принятым понятиям. Горе тому, кто захотел бы вознестись выше этого уровня и, заставляя членов клуба мыслить, нарушил бы этим приятную общественную дремоту.

Это наглядно доказал пример Мицкевича. В то время как профессор с кафедры произносил на него анафему, варшавские газеты разбирали его творения по мельчайшим фибрам и со смешною важностью, без элементарных понятий о здоровой критике, пускались в нескончаемый диссертант над ничтожными мелочами. Они (как сказал Мицкевич в предисловии к петербургскому изданию своих стихов) напоминали собою муравьев, которые соединенными силами тащат четверть червячка или тушу мухи и едва не упадают под тяжестью такой огромной ноши.

Потомство с трудом поверит такому глубокому непониманию великого поэта в кругу родной его литературы. К вечному стыду Варшавы и большинства ее интеллигенции, единственная тамошняя ученая корпорация, Общество любителей наук (Towarzystwo Przyjaciół nauk), которое хотя бы ради своего названия должно было понимать сколько-нибудь более, чем толпа, и оно не пригласило Мицкевича в свои члены» (см.: <Пищевлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Вып. 1. М., 1874).

<sup>239</sup> Имеется в виду: Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага <Сенковский О. И.> О книге: Описание Тибета и проч. О. Иакинфом // Северная Пчела. 1828. № 72, 75–78.

<sup>240</sup> Имеется в виду журнал «Nowy Kolumb, Pamiętnik Podróży i Wiadomości statystycznych».

<sup>241</sup> Инфлянты — польское название Лифляндии. Неизвестно, какое произведение Булгарина, действие которого происходило бы в Прибалтике, было переведено Глебовичем.

пережиткам, но, став послем, распорядился ткать позументы с гербами, рисовать их на каретах и т. д. Вся трудность была в том, что он не знал, какой герб он должен был использовать в доме под Москвой, и его мать<sup>242</sup> требует документы, которые доказывали родовитость. Не разбираясь, Грибоедов отсылает их Булгарину. Каким же было наше удивление, когда мы нашли не только доказательства эмиграции его предка из Польши, но даже и герб, нарисованный красками на полотне, очевидно, в XVI веке: «Прус», или «Волчы Косы». Назывался его предок Грибовский<sup>243</sup>. Вверяю себя милостивой памяти

Малиновский

Прилагаемое письмо вверяю Вашей заботе<sup>244</sup>.

## № 30

*BJ, rkps 4435, k. 596*

4/16 июля

Милостивый Государь. Не знаю, застанет ли это письмо Вас в Варшаве. Я б хотел получить Ваши распоряжения, где мне надлежит искать Вас с моими письмами. Особенно теперь, когда я ожидаю ответа из цензуры. Оригинальный экземпляр Ваш<sup>245</sup> лежит у меня, копию я отдал цензору. Так в любом случае не сможет погибнуть.

Сколько я отыскал Ваших рукописей, столько посылаю. У Сенковского продолжение, он пообещал перевести на русский язык и отдать для архива. Если Вам оно необходимо непременно и быстро, скажу переписать.

Господин Венцкий ничего не отвечает мне. Я б хотел, наконец, знать, чего мне надлежит придерживаться?

Парижского издания произведений Адама у Вас наверняка еще нет. Если получите, пришлите мне экземпляр. Нельзя ли было бы также прислать краковского *Валленрода*<sup>246</sup>?

Вверяю себя милостивой памяти

Миколай

---

<sup>242</sup> Грибоедова Настасья Федоровна (1768–1839) — мать А. С. Грибоедова.

<sup>243</sup> Предком А. С. Грибоедова, выехавшим из Великого Княжества Литовского, считается Ян Грибовский.

<sup>244</sup> Вероятно, кто-то из знакомых М. Малиновского воспользовался оказией, чтобы передать через И. Лелевеля письмо в Варшаву.

<sup>245</sup> Имеется в виду авторская рукопись «Очерка истории Польши» И. Лелевеля.

<sup>246</sup> Имеется в виду издание: *Mickiewicz A. Konrad Wallenrod. Kraków, 1828.*

25 июля / 6 августа 1828 г. Петербург

Хоть я не знаю, найдет ли мое письмо Вас в Варшаве, хоть так давно я не получаю ответа на мои письма, я пишу Вам, понемногу расплачиваясь за обвинения меня в недобросовестности. На этот раз я отсылаю Кшицкого и Бельского. *Роксоланию* Кленовича<sup>247</sup> мне уже также прислали из Вильно, мне кажется, что эта была для меня переписана, что не одолжена ни у кого.

Как я прежде доносил, я не сомневаюсь, что присланная мне рукопись пройдет цензуру без исправлений. Только цензор сейчас в беспокойстве по причине подписания им первого тома *Жизни светлой памяти Вальтера Скотта*<sup>248</sup>, а сама книга была запрещена. Как же переводчик мог получить его для перевода? Как только это закончится, пойдет и наша рукопись.

Упрямый Господин Венцкий ничего не пишет в ответ. Я б хотел знать что-нибудь конкретное, потому как у меня есть предложение от Господина Завадского из Вильно, но я опасюсь принимать его, так как опять могут последовать обвинения.

Не зная, когда дойдет к Вам это письмо, заканчиваю вверением себя учтивой памяти

нижайший слуга

Миколай Малиновский

Господин Кайсаров<sup>249</sup> прислал мне газеты, но я не знаю, что мне с ними делать? Это часть 1827 г.

<sup>247</sup> Клёнович Себастьян Фабиан (ок. 1545–1602) — польский латиноязычный поэт, автор поэмы «Roxolania» (1584).

<sup>248</sup> Вероятно, имеется в виду невышедшее издание. Первое отдельное издание биографии В. Скотта на русском языке вышло только в 1835 (см.: Каннинггам А. О жизни и произведениях Вальтера Скотта. СПб., 1835).

<sup>249</sup> Вероятно, упоминавшийся выше Кайсаров Петр Сергеевич (1777–1854) — обер-прокурор 4-го департамента Сената.



Санкт-Петербург 1/13 августа 1828 г.

Сердечно благодарю Вас за милостивое письмо от 15 июля. Одной из самых горячо желанных целей моих занятий, одной из самых сладких наград будет похвала, полученная из Ваших уст, порицание же или неприязнь были бы мучительной карой, болезненным ударом. Я сам чувствую, что мне не хватает той стойкости, которая не рушится даже в тягостных обстоятельствах. Я еще не умею в работе искать утешения, мне необходим свободный разум, но понемногу я начинаю привыкать: в трудностях душа приобретает какую-то закалку. О, если б я смог когда-нибудь хоть издалека приблизиться к любимому мною единственному образцу великого польского ученого.

Сегодня я присылаю Господину Венцкому деньги. Пусть он не верит сплетням Завадского. Он убедится, что наши связи будут основываться на нерушимой честности. Только пусть поступает со мной искренне. Я не достаточно знаю книжные счета, ни к кому другому не буду обращаться. Ему одному буду доверять безгранично. Надеюсь, с его благородным характером, на полную взаимность с этой стороны.

Бентковского я обязательно буду заканчивать. Не годилось бы столько работы пропустить и выкинуть. Правда, надлежит пособирать тут и там библиографические работы разных лиц. Но как же трудно Завадского склонить к этому! О работе профессора Бандтке<sup>250</sup> нет никаких сомнений. Завадский охотней согласится на по-настоящему свободные его желания. Но с Сенкевичем<sup>251</sup>, честно говоря, я не знаю удастся ли что-либо сделать. Также я донес Вам, что тут в Публичной библиотеке есть 8 томов in folio<sup>252</sup> *Bibliothecae Polonicae* Залуского<sup>253</sup>, неточной с точки зрения библиографических мелочей, но единственной полной. В любом случае и это надо чуть ли не переписать, а Типограф отказы-

<sup>250</sup> Бандтке Ежи Самуэль (1768–1835) — польский историк, филолог, библиограф. С 1811 г. — директор Ягеллонской библиотеки в Кракове.

<sup>251</sup> Сенкевич Кароль (1793–1860) — польский поэт, историк и публицист, библиотечарь и секретарь семьи князей Чарторижских.

<sup>252</sup> В лист (лат.).

<sup>253</sup> Залуский Юзеф Анджей (1702–1774) — польский библиограф и литератор, епископ киевский. Один из владельцев знаменитой библиотеки Залуских, после разделов Речи Посполитой вывезенной в Петербург по личному указанию Екатерины II и включенной в состав Императорской публичной библиотеки.

вается от оплаты. Я ожидаю в скором времени письма от него, так как в письме к другим он велел кланяться мне. Мы опять вернемся друг к другу. У меня слабость к нему. У меня даже есть обязанности, потому что, как кажется, он был равнодушен к моей судьбе в днях мучений. Если Сенкевич находится в Варшаве, я б хотел договориться с ним. Я б хотел знать, что у него есть, какой ценности, как это сделано, а в то же время, может, удастся уговорить Завадского. Ничего сейчас ему не пишете, мы это утрясем в свое время.

Судя по всему, Сперанский пожелает печатать собрание польских законов, не знаю в каком объеме, не знаю даже в оригинале ли. Если б так было, Завадскому стоило бы поставить здесь несколько печатных станков для этой большой работы, так как здешние типографии не справятся с этим в настоящем их состоянии. Кто знает, не удалось ли бы Бентковского здесь издать. Митрополит Евгений<sup>254</sup> является большим сторонником этой идеи. Мы ожидаем его зимой. Необычное дело, этот прелат со времени, как начал работать над историей малороссийского духовенства<sup>255</sup>, по желанию ли или считая это своей обязанностью, часто грубо обходился с нашими авторами, особенно монахами, которые писали на этот предмет, все-таки излечился от предрассудков о тиранской нетерпимости прежнего правительства, о которой так громко кричали даже наши менее известные писатели, по-видимому, делая свои выводы из злополучных результатов. Он не помнит, что не всегда видимые причины являются действительными источниками событий. Но об этом в другой раз.

Простите меня, что я распорядился экземпляром Вашего произведения, прежде чем был к этому уполномочен. Я вручил его в качестве подарка от автора господину Анастасевичу<sup>256</sup>, цензору *Очерка польской истории*. *Captando benevolentiam*<sup>257</sup>. Переписывание не стоит ничего. Один благородный подолянин, господин Северин Мигурский<sup>258</sup>, переписал с усло-

---

<sup>254</sup> Евгений (в миру — Болховитинов Евфимий Алексеевич) (1767–1837) — киевский митрополит с 1822 г., историк Церкви и библиограф.

<sup>255</sup> Вероятно, имеются в виду труды митрополита Евгения «Описание Киево-Софийского Собора и Киевской иерархии» (1825) и «Описание Киево-Печерской лавры» (1826). В период, описанный в письме М. Малиновского, оба труда готовились автором к переизданиям.

<sup>256</sup> Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845) — литератор и библиограф, в 1826–1828 гг. — цензор Главного цензурного комитета. Поскольку Анастасевич владел польским языком, он часто выступал в качестве цензора книг польских авторов. В 1830 г. лишился места цензора именно за излишнюю неосторожность, в том числе за пропуск в печать произведений Мицкевича.

<sup>257</sup> Завоевывая благосклонность (лат.).

<sup>258</sup> Неустановленное лицо. Упомянуто несколько раз в «Дневнике» Малиновского.

ваем, что если работа может быть напечатана, он пожелал бы иметь, с согласия автора, оригинал на вечную память в архив своего рода. Если нет, оригинал вернется к своему автору. Цензор еще не решился, хоть торжественно пообещал подписать. Он сейчас в беспокойстве по причине подписанного им 1-го тома *Жизни светлой памяти Вальтера Скотта*, который собирались печатать в Москве. Что же насчет стоимости печати, то она наверняка будет высокой, но если бы Вы нам позволили, то это удалось бы уладить. Только пусть Вас не беспокоит, что надо бы продавать по 5 рублей ассигнациями за экземпляр. В Вильно можно печатать с подписью здешней цензуры, но, чтобы там не возникало каких-либо вопросов, лучше бы это сделать здесь, в нейтральном месте<sup>259</sup>. Впрочем, дело в разрешении. Буду стараться получить его, а получив, обо всем остальном легко договориться. Если пропустят текст, с таблицами будет легче.

Адам чрезвычайно недоволен пожертвованием, которое назначает ему графиня Островская<sup>260</sup>. Он не так нуждается, чтоб иметь необходимость 80 рублей принимать в дар от кого-либо. Он желал бы, чтоб ему прислали 150 экземпляров. Впрочем, дело уже сделано, повернуть назад невозможно. Не беспокойтесь, что *Валленрода* перепечатали, если во Львове сделано то же самое, то это хорошо со многих точек зрения. Из здешнего издания уже нет экземпляров, около тысячи рублей должны были выслать назад, так как, говорю, экземпляров не хватило. Благодаря киевским контактам, выйдет полное издание его поэзии здесь на родине: и сонеты, и *Валленрод*, и стихотворение, посвященное в Вашу честь<sup>261</sup>, несколько новых элегий<sup>262</sup>. Его стихи дидактичны даже для

---

<sup>259</sup> Лелевель покинул Вильно после соответствующего решения императора Александра I, утвердившего приговор по делу о тайных обществах виленской молодежи: «Для прекращения зловредного влияния... уволить от обязанностей профессоров ординарных Лелевеля, Бобровского и Даниловича, поскольку само пребывание их в Вильно не может им быть разрешено, потому первому из них Лелевелю, который родом из Царства Польского, разрешить возвращение на его родину...» (см.: Borowczyk J. Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów. 1823–1824. Poznań: UAM, 2003. S. 718). Разумеется, что все эти обстоятельства были хорошо известны в Вильно и Варшаве, но мало кого интересовали в самом Петербурге, где к тому времени уже сложилось своеобразное польско-литовское лобби. Поэтому Малиновский и предлагает пройти через цензуру в Петербурге.

<sup>260</sup> Графиня Клементина Островская (урожд. Сангушко) выступила в качестве спонсора инициированного Леонардом Ходзькой парижского Собрания сочинений А. Мицкевича (1828–1836).

<sup>261</sup> Имеется в виду стихотворение А. Мицкевича «Do Joachima Lelewela» (1822). Стихотворение было принято виленской молодежью с энтузиазмом, заучивалось наизусть.

<sup>262</sup> Какое именно издание Мицкевича имеет в виду Малиновский, понять из контекста трудно. В Киеве Собрание произведений поэта не выходило. Скорее все-

классиков. Так что, если бы автор хотел в какой-либо газете выдать его за найденное произведение Трембецкого<sup>263</sup>, варшавские критики скорей бы дали себе глаза вырвать, чем выбили бы из своих голов, что это не *purum, genuinum incornuplissimum omnibus numeris absolutissimum Trembeckianium*<sup>264</sup>, они никогда бы не поверили, что это не написал этот литературный еретик. Но не хотелось раздражать их. Разочарованный их жесточенностью, он опасается новой бури. *Tantæne animis cœlestibus iræ*<sup>265</sup>? Вверяю себя милостивой памяти

Миколай

Сенковский уже напечатал 1-ю часть своей подручной книги для солдат российских<sup>266</sup> ...<sup>267</sup>.

## № 33

*BJ, rkps 4435, k. 600–601*

29 августа 1828 г. Санкт-Петербург

Ваше письмо я получил вчера. Рукопись уже подписана цензором, но, несмотря на мои надежды и торжественные обещания, что она пройдет без изъянов, когда цензор, не доверяя себе, докладывал Комитету, она пострадала, совсем немного, но хотелось бы, чтоб и это не было вычеркнуто. Именно последнее исправление вызвало тревогу здешних знатоков. Посылаю несколько этих листов, но вместе с тем я заклинаю Вас не обращать на это внимания. Я прошу об этом от имени более чем десяти тысяч читателей, которые это произведение пожелают сделать своим требником. Эти несколько выкинутых строк

---

го, имеется в виду издание стихотворений в 5 томах, выпущенное Юзефом Мучковским в Познани в 1828–1829 гг.

<sup>263</sup> Трембецкий Станислав (1739–1812) — известный польский поэт-классицист, влияние которого испытал и Мицкевич.

<sup>264</sup> Чистое, подлинное, неподдельнейшее, в каждом стихе совершеннейшее трембецкианство (лат.) — насмешка над критиками, придерживающимися ортодоксально-классицистических взглядов.

<sup>265</sup> *Tantaene irae coelestibus animis* (Энеида, 1, 10) — Неужель небожителей гнев так упорен? (перевод С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского), буквально «Ужель толикий гнев в небесных душах?».

<sup>266</sup> Имеется в виду «Карманная книга для русских воинов в турецких походах» (ч. 1–2, СПб., 1828–1829, переиздание — 1854). За эту книгу Сенковскому был пожалован бриллиантовый перстень.

<sup>267</sup> Одно слово не читается.

каждый сам себе сможет дописать, и таким образом сохранится полнота. Я повторяю еще раз мою просьбу напечатать это. Эта работа будет сразу же переведена на русский и французский языки. Она разойдется, потому как небольшая, каждый издатель напечатает. Я не упоминаю иных причин, по которым ее обязательно надо печатать. Последующие работы, а особенно историю для детей, я б отдал иному цензору — Сербиновичу<sup>268</sup>. Можно было бы и за те изъятия, которые были допущены Анастасевичем, пожаловаться на него. Может, удалось бы добиться справедливости, но надлежало бы выбрать из напечатанных нот тогдашних государств то, что имело отношение к этой работе. Но дело затянулось бы надолго.

То, что Вы мне пишете о типографии, которая должна быть основана Завадским в Петербурге<sup>269</sup>, я ничего не знаю. Писал ли что-либо Типограф Господину Венцкому? Прошу Вас прочесть мое письмо, посланное Господину Венцкому с прошлым курьером, найдете в нем мои предложения насчет Бентковского. Понимаю, что вы признаете их справедливыми, а в особенности, если Господа Венцкий и Завадский думают и желают быстро приступить к печати. Насчет Сенкевича я уже дал знать, какого я о нем мнения. Так как это только названия произведений, без подробного описания, то я не знаю, мог бы ли я использовать их. Работы Залуского я считаю настолько важными, что этому обязательно

---

<sup>268</sup> Сербинович Константин Степанович (1796–1874) — литератор, цензор (1826–1830), редактор «Журнала министерства народного просвещения» (1833–1856), директор канцелярии обер-прокурора Синода с 1836 г. Как выпускник Полоцкого иезуитского училища, хорошо владел польским языком, отчего цензура-вал польские книги.

<sup>269</sup> Основать типографию в Петербурге Ю. Завадскому так и не удалось. Не удалось Завадскому и наладить полноценную книжную торговлю в Петербурге, ограничиваясь пересылкой книг оказией, по почте и книгообменом. При этом его комиссионерами выступали преимущественно его и Малиновского виленские знакомые, о чем свидетельствует, в частности, письмо Завадскому от Ф. Малевского (от 23 июля / 4 августа 1836 г.): «...Данных <мне> поручений я не выполнил. Греч на даче, за городом, сюда его вызвать трудно, до сих пор не удалось, поэтому я написал ему письмо. Но это не должно сильно задержать <решение вопроса?>. Греч мне хорошо знаком, обязательно прослежу, чтобы требуемые книги он как можно скорее выслал, чтобы дошли в срок. Утром его обязательно увижу. О скидке, однако, ничего не знаю и сомневаюсь, чтобы была такая же, как немецкая (вероятно, речь идет о скидках немецких партнеров Ю. Завадского. — А. Ф.). Греч статский советник etc. etc. Труднее с поиском человека для дальнейшей книжной корреспонденции. Здесь только два российско-европейских книготорговца, Сленин и Смирдин, особенно первый. ...Он выражает готовность высылать любые книги за наличные деньги, гораздо менее охотно берет на комиссию. Говорил мне даже, что брал бы польские книги на комиссию и взамен посылать русские, если бы это только происходило регулярно» (цит. по: Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. III. Warszawa, 1999. S. 359).

необходимо посвятить какое-то время. Не извольте обвинять меня в непостоянстве в занятиях, что я отказался от издания газеты в Петербурге. Это происходит только от усердия, направленного на скорый выход истории литературы. Эти два предприятия не могли бы идти в паре, так как я не мог бы справиться. Я не стал бы один писать, так как могу рассчитывать на других. Я отдаю это полностью и безусловно Вашему рассудку. Решайте, я согласен на любое.

Соизвольте отдать мне рукопись своего *Очерка польской истории*. Я обязываюсь напечатать здесь, в Петербурге. Я беспокоюсь, как бы в Вильно, когда грянет весть об издании этой работы, не чинили каких-либо препятствий. Мы напечатаем здесь 1200 экземпляров. Первые 100 или 150 продадим по 3 или 4 рубля ассигнациями здесь в столице, где каждому покупающему все равно по рублю или по 5 будет стоить. Остальное отошлем варшавским и виленским продавцам книг, частным лицам на Волинь, Подолию и Украину и будем продавать так дешево, как только возможно. Не считайте, что в этом был какой-либо обман, так как, я повторяю, для петербургских покупателей несколько рублей — это ничто, они не замечают дороговизны, привыкнув к ценам на российские брошюры, из которых всякая, какая б даже ни была, по 5 рублей может стоить. А остальное будут продавать по цене, которую вы сами назначите. Не отказывайте мне в этом, потому как меня наиболее интересует то, чтоб это быстро было напечатано и разошлось.

Я посылаю Вам начало библиотечного каталога Толстого<sup>270</sup>, дальнейшее продолжение буду регулярно посылать; тут граф в последние дни привез из Москвы почти 500 инкунабул.

Господин Свиный<sup>271</sup>, местный дилетант, в своем путешествии этим летом нашел в Вологде оригинальный привилей<sup>272</sup> Владислава Ягелло<sup>273</sup>, данный своему брату Скиргайло<sup>274</sup> на княжество Трокское, Минск,

---

<sup>270</sup> Толстой Федор Андреевич (1758–1849) — граф, сенатор, известный библиограф и собиратель старопечатных книг и рукописей. Его собрание было приобретено Императорской публичной библиотекой.

<sup>271</sup> Свиный Павел Петрович (1787–1839) — писатель, историк, издатель журнала «Отечественные записки» (1818–1830).

<sup>272</sup> Привилей — законодательный акт в Великом Княжестве Литовском, Польше и некоторых других государствах, которыми великие князья и короли подтверждали особые права феодалов (в том числе на земельные владения).

<sup>273</sup> Ягелло (Ягайло, православное имя Яков, католическое — Владислав) (1352? — 1434) — великий князь литовский (1377–1381, 1382–1392), король польский (1386–1434). Основатель династии Ягеллонов.

<sup>274</sup> Скиргайло (1354–1394?) — князь полоцкий, трокский и киевский (в Великом Княжестве Литовском).

Бобруйск, Речицу, Логойск, Свислочь, Любачев и др. в 1387 г. в воскресенье 1 поста на на Скойслерской охоте<sup>275</sup>. Привилей прекрасно сохранен, цела печать с гербами польским и литовским, вокруг латинская легенда. Если этот акт неизвестен, но необходим, я б мог его переписать. Я видел у Анастасевича точную копию, можно бы было составить другую такую же.

Поскольку газеты я отсылаю так, как они приходят в Москву Ежовскому<sup>276</sup>, потому как здесь есть ее экземпляр, то я не знаю точно, что каких номеров нам не хватает, но если получу известие об этом, сразу же уведомя.

От Востокова я еще не мог получить заметки о *Судебнике* Казимира, так как после смерти Ермолаева<sup>277</sup>, хранителя рукописей здешней Публичной библиотеки, он страшно занят как его заместитель, но он пообещал в скором времени доставить их. Следующей почтой я больше напишу. Но смилуйтесь, прикажите печатать свой очерк. Не надо присылать деньги, мы все уладим бесплатно. Вверяю себя памяти

Миколай Малиновский.

Здешний помощник архивариуса 9 класса Франтишек Семенович Малевский готовится сообщить Вам о предпринятом тут новом переводе Литовского Статута<sup>278</sup>.

---

<sup>275</sup> Ловы (охота) короля и великого князя нередко использовались крупными феодалами для решения интересующих их вопросов: хорошее настроение государя после удачной охоты делало его более милостивым.

<sup>276</sup> Ежовский Юзеф (ок. 1793–1855) — выпускник Виленского университета, один из лучших учеников профессора Э. Г. Гроддека. Один из инициаторов создания общества филоматов. Первоначально в ссылке преподавал в Ришельевском лицее, затем — в Москве. Некоторое время преподавал в Харькове. По просьбе друзей его комментарии к одам Горация (первая часть) были изданы Ф. В. Булгариным, из-за чего разгорелся известный скандал о якобы совершенном Булгариным плагиате.

<sup>277</sup> Ермолаев Александр Иванович (1779–1828) — художник-археолог, палеограф. С 1811 г. — в Императорской публичной библиотеке, вначале — помощник начальника, с апреля 1812 г. — начальник департамента манускриптов. Один из первых комментаторов «Слова о полку Игореве». Расшифровал древнерусскую тайнопись, известную как «тарабарская грамота». Подарил Публичной библиотеке список Ипатьевской летописи, известный ныне как «ермолаевский список».

<sup>278</sup> Неизвестно, о каком переводе идет речь. В Полное собрание законов Российской империи (1830) Статут Литовский не вошел.

Дня 5/17 сентября 1828 г. Санкт-Петербург

Милостивое письмо Ваше от дня 2 сентября я получил. Надеюсь, что мой и Адама ответ на последние письма Ваши дошел да Ваших рук. Я сильно беспокоюсь насчет рукописи. Несмотря на мою внимательность, невозможно было отвратить того, что случилось. Мне было самым торжественным образом обещано, и с тем только условием я доверил рукопись, чтоб ничего из нее не было вычеркнуто, а ведь Господин Анастасевич так и не был привлечен. Наиболее же меня возмущает то, что он не может надивиться, как образованный автор может так ценить свое произведение, что не хочет позволить цензору немного в нем поразбойничать<sup>279</sup>. Все-таки если просьбы и пожелания учеников и Ваших и наилучших друзей имеют над Вашим благородным сердцем какую-нибудь власть, не обращайтесь на это обстоятельство, позвольте печатать так, как есть, большая польза, еще бóльшая, чем из какой-либо книги, снизойдет на читателей. Мы напечатаем как можно скорее и аккуратнее. Насчет цены беспокоиться не надо. Мы это сделаем чем-то вроде подписки. Извольте же отослать мне манускрипт с разрешением издать его. Я не успокоюсь, пока не получу его. То, что Вы пишете о *Volumina Legum*, всегда было в моих мыслях. Хотя я знал, что милостивый Бандтке собрал много материала о первоначальном законодательстве, что при подробном освещении источников обязательно надлежит использовать их, я никак не ожидал, чтобы кто-либо отсюда брался ему советовать. Проект новой печати свода законов не принят окончательно. Только после окончания большой работы по перепечатаванию всех указов возьмутся за провинциальные законы. Тут вышел свод законов Великого княжества Финляндского<sup>280</sup>, на что Император из собственных доходов дал средства<sup>281</sup>. Это

<sup>279</sup> В. Г. Анастасевич вызывал недовольство не только своим желанием «поразбойничать» в авторских текстах, но и другими особенностями своей цензорской деятельности. В письме к Ю. Завадскому от 11 декабря 1826 г. Малиновский жалуется: «Г-н цензор Анастасевич — большой “кунктатор”, до сих пор не прочел Мицкевича, но ручается, что вскоре сделает это» (см.: *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadskiego w Wilnie z lat 1805–1865*. T. I. Wilno, 1935. S. 287).

<sup>280</sup> Великое княжество Финляндское — официальное название Финляндии после присоединения ее к Российской империи.

<sup>281</sup> Имеется в виду издание: Прибавление к изданному по Высочайшему повелению с переводом на русский язык Уложению, существующему в Великом княжестве Финляндском. СПб.: тип. Н. И. Греча, 1827.



подало Сперанскому идею издания сборника курляндских, инфлянтских, польских законов и т. д. Предприятие огромное, кто знает даже, будет ли когда-нибудь исполнено. А если и будет, то без сомнения не обратятся за советом ни к кому из ученых. Возьмут какого-нибудь чиновника-поляка, который как поляк *ge ipsa*<sup>282</sup> должен знать латынь, и доверят ему надзор за печатью. Приходится сомневаться в том, что это получится без ошибок. Нет речи даже о том, чтоб прежние были верно повторены. Тем временем назначен комитет для издания на русском языке Литовского Статута<sup>283</sup>. При теперешней почте я не знаю, исполнит ли обещание Франтишек подать обширный отчет об этом предприятии, но так как он Вас полней об этом известит, я ничего не буду писать на этот счет.

Извольте договориться с Венцким об издании Бентковского, а прежде всего убедить его немедленно мне ответить. Я нахожусь в таком положении, что время мне весьма дорого. Если мои справедливые и умеренные условия будут отвергнуты, я был бы рад как можно скорей об этом узнать, потому как в то же время я должен был бы приступить к изданию газеты. Время не ждет. Надо рассылать проспект и билеты. Когда я стану редактором, у меня будет к вам огромная просьба, а именно, я б хотел в первых номерах газеты подать общее обозрение политического положения мира в 1828 г., чтоб, отталкиваясь от какого-то начала, помещать последующие политические новости. Я чувствую, насколько я назойлив, но я не вижу, кто бы мог выполнить мне эту важную работу, кроме Вас. С какой точки зрения надлежит рассматривать, мне не надо предостерегать, важен только объем работы. Она не должна будет превышать 3 листа обычной печати. Очерк польской литературы я сам напишу в уходящем году. Мицкевич чувствует большую охоту к писанию прозой. Хочет поговорить и со своими поклонниками, и с противниками. Он хоть не пишет слишком чисто и безупречно, но я думаю, что ту оригинальность, ту точность здравого разума, которой приправлены его разговоры, он привнесет и в свои полемические произведения. Франтишек, который и в поэзии, и в музыке<sup>284</sup>, и в обществе утопил на время свою юриспруденцию, погрузившись теперь в метрическую пыль<sup>285</sup>,

<sup>282</sup> Тем самым (лат.).

<sup>283</sup> Возможно, речь идет о каком-либо неосуществленном издании Статута Великого Княжества Литовского, поскольку библиография изданий его на русском языке указывает как ближайшее по времени издание во Временнике Московского общества истории и древностей Российских (1854, кн. 19). В издание «Полное собрание законов Российской империи» (СПб., 1830) в 45 т. Статут Великого Княжества Литовского не вошел.

<sup>284</sup> Малевский был завсегдаем музыкального салона выдающейся пианистки и композитора М. Шимановской, на одной из дочерей которой, Хелене, он позже женился.

<sup>285</sup> Имеется в виду работа Ф. Малевского в Метрике Литовской.

опять становится серьезным. Обещает отдельные статьи или о работах, которые у него есть под рукой, или же о юридических произведениях, которые в последние годы вышли в Варшаве и где-либо вышли<sup>286</sup>. Здесь живет доктор Моравский<sup>287</sup>, стоящий во главе отделения естественных наук, хоть этим будет недолго занимать читателей, а если б хотел писать что-либо в роде *Sextus Empiricus adversus Mathematicos*<sup>288</sup>, то я б не смог отмахнуться от этого. Хейдатель<sup>289</sup>, Верига<sup>290</sup>, Янушевский<sup>291</sup>, Жилинский<sup>292</sup>, Нарбуты<sup>293</sup>, цвет виленских знатоков алгебры тут прозябает. Все служат офицерами в корпусе дорог и мостов. Сосновский Леопольд мог бы писать, но, будучи теперь повытчиком (подсекретарем) Сената в департаменте границ, так работает, что было бы жестокостью привлекать его к какой-либо другой работе. На этот раз хватит о ребенке, который, возможно, родится преждевременно.

Есть ли у Вас с Вильно какая-нибудь связь? Слышали ли о правиле, введенном ксендзом Клонгевичем<sup>294</sup>, о ворчании многих ксендзов, об

---

<sup>286</sup> Сотрудничество Ф. Малевского с «Тыгодником Петербургским» было эпизодическим. Вероятно, некоторое время он печатался анонимно либо под псевдонимом. Сам он в письме к М. Балиньскому от 5/17 января 1834 г. так определит свой статус: «Я к “Тыгоднику” и имею отношение, и не имею отношения» (цит. по: *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. III. Warszawa, 1999. S. 355).

<sup>287</sup> Моравский Станислав (1802–1853) — член общества филоматов, врач. В Петербурге — с 1828 по 1838 г. Сотрудничал в качестве автора с «Библиотекой для чтения» и «Тыгодником Петербургским». В 1835–1838 гг. — врач Государственного Секретариата Царства Польского. Мемуарист, автор книг воспоминаний «Несколько лет моей молодости в Вильне» и «В Петербурге».

<sup>288</sup> «Против ученых», соч. Секста Эмпирика (ок. II в. до н. э.).

<sup>289</sup> Хейдатель Ротвилль Ян (1801–1871) — сын французского эмигранта, кандидат философии. Член общества филаретов. С ноября 1824 г. — в корпусе водной коммуникации. В феврале 1825 г. в чине офицера был направлен в Архангельск. В чине генерала возглавлял округ путей сообщения в Ковне. Считался одним из лучших водных инженеров своего времени.

<sup>290</sup> Неустановленное лицо.

<sup>291</sup> Янушевский Ян Адам (1796–1831) — выпускник Виленского университета, друг поэта Ю. Словацкого. Занимался переводами.

<sup>292</sup> Жилинский Александр — помощник директора и преподаватель физики в Виленской гимназии. Привлекался по делу о тайных обществах студентов и учащихся в Виленском учебном округе.

<sup>293</sup> О каких Нарбутах идет речь, установить не удалось. О пребывании известного историка и военного инженера Т. Нарбута в Петербурге в этот период ничего не известно.

<sup>294</sup> Клонгевич Анджей Бенедикт (1765–1841) — профессор теологии и истории церкви Виленского университета, с 1828 г. — епископ суфраган, с 1841 г. — епископ виленский. В бытность профессором университета выступал против подчинения теологического факультета епископу виленскому. Вероятно, имеется в виду новый

обвинениях, которые ему предъявляют из-за его рождения<sup>295</sup>? Все это безуспешно, Клонгевич станет епископом, но болезненно то, что эта капитула так себя очерняет и приобретает дурную славу. Слышали ли Вы, что Людвик Замбжицкий<sup>296</sup> женится на девице Выссогерд<sup>297</sup>!

Если б можно было что-либо точное узнать о последнем пункте Вашей работы, было бы хорошо. Есть способы отвести посягательство, но надлежало бы заранее известить об этом. Мы здоровы, я веряю себя милостивой памяти

Миколай Малиновский

## № 35

*BJ, rkps 4435, k. 604*

Санкт-Петербург дня 12/24 сентября 1828 г.

С нетерпением я ожидаю ответа на мои письма, с тем бóльшим нетерпением, что *Очерк истории* лежит на сердце. Смилуйтесь, отошлите мне окончание посланной рукописи.

Главное Управление цензуры под председательством министра образования<sup>298</sup>, состоящее из президентов Академии наук Уварова<sup>299</sup>, художеств Оленина, российской Шишкова и нескольких ученых<sup>300</sup>, открылось несколько дней назад. В любой момент ожидаем утверждения

---

регламент Виленского капитула, введенный после назначения А. Б. Клонгевича епископом суфраганом.

<sup>295</sup> А. Б. Клонгевич был первым членом Виленского капитула, происходившим из крестьян. Вероятно, это также вызвало недовольство его подчиненных.

<sup>296</sup> Замбжицкий Тадеуш Людвик (1805–1834) — белорусский дворянин, военный. Во время восстания 1830–1831 гг. — адъютант генерала К. Залуского; после восстания — в эмиграции во Франции. Скандальность этого брака связана с тем, что Р. Выссогерд приходилась будущему супругу теткой по материнской линии.

<sup>297</sup> На самом деле это был второй брак Розы Выссогерд (урожденной Горецкой).

<sup>298</sup> Ливен Карл Андреевич (1766–1844) — князь, попечитель Дерптского учебного округа в 1817–1828 гг., министр народного просвещения в 1828–1833 гг.

<sup>299</sup> Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — государственный деятель, почетный член (1811) и президент (1818–1855) Петербургской Академии наук. В 1833–1849 гг. министр народного просвещения. Граф (1846).

<sup>300</sup> В состав Главного управления цензуры вошли: Комовский Василий Дмитриевич (1803–1851), правитель дел Главного управления цензуры; Дашков Андрей Яковлевич (ум. в 1831); Филатьев Владимир Иванович (1778–1842) как представитель Министерства внутренних дел; Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), в этот период — товарищ министра народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий.

цензоров Его Императорским Величеством, а потому и Сенковский зацветится в управлении.

Сюда дошла весть, что среди орудий, найденных в Браилове, было одно с гербами Потоцких и с надписью *civis me obtulit patriae*<sup>301</sup>. Его Величество подарил эту пушку распорядителю своего двора гофмаршалу Станиславу Потоцкому<sup>302</sup>, сыну Щенского<sup>303</sup>.

Сюда приехал Михал Ширма<sup>304</sup>, не знаю, помните ли Вы его, приехал по фамильным делам.

Не знаю, писал ли я, что Ширин<sup>305</sup>, мой давний соученик, магистр права, заболел умопомешательством, сейчас находится в госпитале для психически больных. Надеются, что его вылечат.

Профессор Бандтке прислал мне библиографические заметки, собранные Ольрихом Шанецким<sup>306</sup>. Но я не понимаю, что это должно значить? В этих заметках рассматриваются произведения из области права. Я всегда был уверен, что этот раздел, разработанный ученым профессором, даже будет составлять отдельный том в отдельном описании польской библиографии. Надежду на это Вы сами возбуждали во мне прежде. И Завадский в этом меня уверял. Поэтому я пропускал книги, относящиеся к этой области, за исключением некоторых брошюр большой редкости, как то работы польских учеников в заграничных университетах и т. п., с намерением отослать это когда-нибудь Господину Бандтке для использования. Если б еще и груз права пал на меня, не знаю, что б я должен был начать, — так много мне надо сделать с другими. Если только это должно было стать побудкой, чтоб я издателей торопил с окончанием. Господин Бандтке не оставил

---

<sup>301</sup> «Гражданин меня (т. е. пушку) пожертвовал отечеству». Гражданин, вероятно, Потоцкий, поместивший на пушку свой герб. Известны аналогичные надписи на польских пушках — «*amor patriae me obtulit*» («любовь к отечеству меня пожертвовала»); пушка с такой надписью лежит сейчас в Познани в королевском замке перед бюстом Яна Собесского.

<sup>302</sup> Потоцкий Станислав (1782–1831) — российский государственный деятель, сенатор, гофмаршал императорского двора.

<sup>303</sup> Потоцкий Станислав Щенсны (Феликс) (1752–1805) — польский государственный и политический деятель, воевода русский, генерал артиллерии коронной, маршал торговичской конфедерации. Был известен своей пророссийской ориентацией.

<sup>304</sup> Ширма Михал — выпускник юридического отделения Виленского университета, член общества филаретов. После восстания 1831 г. в эмиграции.

<sup>305</sup> Ширин Наполеон — выпускник юридического отделения Виленского университета, член общества филаретов.

<sup>306</sup> Шанецкий Ян Ольрих (1783–1840) — польский юрист и политический деятель. Депутат Сейма Царства Польского (1825), инициатор создания «Общества улучшения быта крестьян». Эмигрировал после восстания 1830–1831 гг.

намерения, Венцкому я написал большую жалобу. Вверяю себя милостивой памяти

Миколай

Мы тут здоровы. Прикажете ли болгаринские сочинения прислать Обществу, он этого жаждет, как проклятый спасения, и просит Вас о милосердии.

## № 36

*BJ, rkps 4435, k. 605–606*

Д[ня] 3/14 октября 1828 г. Санкт-Петербург

Я вынужден Вам на Вас жаловаться. Я чрезвычайно обеспокоен, Вы не уведомили меня, получили ли Вы последние листы *Очерка истории*, в которых цензор сделал изменения, и что Вы о них думаете. Если бы с Вашей стороны было согласие, мы торжественно клянемся, что максимально точно проследим за печатью. Нет также причины не доверять нам, потому как для чего нам вредить делу, которому мы помогаем? Наверняка мы не отважимся на подобное святотатство. Я также не знаю, откуда мнение, что «Москва» должна быть заменена на «Россию», вот я самым внимательным образом просматриваю рукопись и только во времена Августа П<sup>307</sup> нахожу названия России и Россиян. Насчет этого будьте абсолютно спокойны. У меня нет также никакого ответа на мое предложение, чтобы Вы мне позволили быть издателем, я бы здесь нашел средства, проданными экземплярами здесь на месте покрыл бы стоимость печати, остаток же, по Вашему приказанию, разослал бы книготорговцам. Соизвольте пару слов мне об этом написать. Потому как Вы обязательно хотите, чтоб я уведомил, сколько точно может стоить печать. Так, лист корпусной печати, неразбитый на шпоны, в восьмушку, полностью так, как это есть в библиографических книгах, колонка на 5 квадратов, на 2000 экземпляров последняя цена 50 рублей ассигнациями, на 1500 экземпляров — 40 рублей ассигнациями, лист такой бумаги, как в примечаниях к библиографическим книгам, на 2000 экземпляров 60 рублей ассигнациями, на 1500 — 50. Стопа бумаги, лист которой я посылаю Вам на пробу, стоит ассигнациями 11 рублей. Насчет раскраски карты, не знаю захотите ли Вы доверить здешним художникам, но в главном штабе в депо карт работают кантонисты (сыновья солдат) и, как мне кажется, изящно раскрашивают, маленькая карта стоила б 10 копеек или 5 грошей.

<sup>307</sup> Август II (1670–1733) — курфюрст саксонский (под именем Фридриха Августа I) с 1694 г., король польский в 1697–1706, 1709–1733 гг.

По моим подсчетам, *Очерк истории* в восьмушку составил бы не более 6 листов печати, а значит, это бы стоило 300 рублей ассигнациями, бумаги на 2000 экземпляров надо 25 стоп, а значит — 275 рублей, раскраска и брошюровка — 25 рублей, а значит, весь тираж — 600 рублей ассигнациями. Следовательно, продав здесь в Петербурге 100 экземпляров по несколько рублей, возвращается большая половина стоимости, но мы послали бы на Вольнь, Подолию и Украину, для чего ежедневно есть возможности. Я уверен, что ни с какого иного места ни так быстро, ни так широко книга не может разойтись, как отсюда. Я уже говорил, что Вам даже не надо присылать деньги, мы это сделаем через подписку, которую не извольте называть попрошайничеством, потому как каждый будет проситься, чтобы принять у него 5 рублей. В конце концов, подписчикам мы дадим по 2 экземпляра. В Вашем распоряжении осталось бы 1800 экземпляров, но я сомневаюсь, чтоб этого хватило надолго. Хорошая книга известного автора с неслыханной скоростью может разойтись, лишь бы не было рутины с продажей книг, это никому не нужно. Это вызывает неминуемые последствия, и для книготорговцев нет выхода, пока на родине не будет провинциальных продавцов книг.

Булгарин с огромной благодарностью принял доказательство памяти Вашей о его членстве, которого жаждет, как гриб дождя. Он посылает Вам 2 экземпляра своих произведений в шитой обложке — один для Общества, второй — для Председателя<sup>308</sup>. Я присоединяю два письма, которые Вы используете по своему усмотрению. Он не может так наспех собрать номеров своего «Архива»<sup>309</sup>, но позже для благодарности Обществу и к своей чести переслать не замедлит. Он теперь обременен неизмеримой работой — он купил имение под Дерптом, немного завяз в долгах, чтоб выпутаться из них, стремглав пишет, заканчивает свой русский перевод Зилота<sup>310</sup> и историче-

---

<sup>308</sup> С 1826 по 1831 г. председателем Королевского общества друзей наук был известный писатель, историк и политик Юлиан Урсын Немцевич (бывший адъютант А. Б. Т. Костюшко). Имя Немцевича было хорошо известно в России: его «Исторические песни» использовал как образец для своих «Дум» К. Ф. Рылеев.

О получении подарков Лелевель сообщает в своем письме от 6 января 1829 г. Булгарину как новоизбранному члену-корреспонденту Общества: «Письма и два экземпляра Вашего произведения Обществу и Председателю я преподнес. Брало меня только искушение не дать Председателю экземпляра Ваших прекрасных произведений и удержать их у себя, так как старый наш Председатель вряд ли на обложки их даже взглянул» (цит. по: Listy Joachima Lelewela do Tadeusza Bułharyna. Podał St. Ptaszycki // Gwiazda. St.-Petersburg, 1881. S. 73).

<sup>309</sup> Имеется в виду журнал «Северный архив», редактором которого был Ф. В. Булгарин.

<sup>310</sup> Из контекста не ясно, о каком переводе идет речь. Известно, что Булгарин переводил для своих изданий с польского и французского языков. Однако никого

ский роман *Дмитрий Самозванец*<sup>311</sup>. Он надеется иметь за это 20 000 рублей, и будет иметь, потому что тут были кровавые стычки с местными аристархами<sup>312</sup>, публике нравятся его произведения, а много раз поваленных противников он топчет беспощадно и мешает с грязью, что также немало способствует *ad favorem vulgi*<sup>313</sup>. Перевод произведений Булгарина вышел по-немецки в этом году в Лейпциге<sup>314</sup>, а по-французски выходит в Париже<sup>315</sup>, об этом газеты уже сообщили.

Что Господину Венцкому понравились мои предложения, я бесконечно рад, только я б желал, чтоб со мной закончили. Я ничего не говорю о жертвах, которые ради Бентковского несу. Я вынужден отказаться от выпуска периодического издания, которое бы в наихудшем случае могло быть причиной каких-либо споров, но если б хорошо пошло, может через несколько лет обеспечило б капитал, тем более что, как мне пишет из Вильно Марциновский<sup>316</sup>, он не будет в следующем году издавать газету. Бога ради, пусть же не тянут с окончательным ответом, потому что я уже почти предвижу промедления и увиливания Завадского. Если мне испортят октябрь, то я останусь на бобах. Наверняка было бы хорошо иметь заметки Сенкевича, но, не видя их, смею полагать, что 1000 злых — это много. Заметки Свидзинского являются архижеланными. Надеюсь, что будут точны и полезны. Тут в Петербурге у меня будет много работы с рукописями, как с теми, что *in rerum natura*<sup>317</sup> окажутся, так и теми, что из каталога, когда-то Троцом<sup>318</sup> составленного, я хочу при

---

из авторов под таким именем либо псевдонимом, а также произведений, у которых было бы название, содержащее слово «зилот», либо в которых действовал бы персонаж под таким именем, неизвестно. По версии, высказанной А. И. Рейтблатом, речь может идти о переводе произведения кого-либо из польских (виленских?) знакомых автора и адресата письма, фигурировавших в общении под именем «Зилота».

<sup>311</sup> Роман Ф. В. Булгарина «Дмитрий Самозванец» вышел в свет осенью 1829 г.

<sup>312</sup> Аристарх — нарицательное имя для обозначения строгих пристрастных критиков (по имени Аристарха Самофракийского, александрийского грамматика, подвергнутого строгому разбору сочинения греческих поэтов, особенно Гомера; ок. 170 г. до н. э.).

<sup>313</sup> Благосклонности толпы (лат.).

<sup>314</sup> См.: *Boulgarine Thadd. Sämmtliche Werke aus dem Russischen übersetzt von Aug. Oldekop. Vols 1–4. Leipzig, 1828.*

<sup>315</sup> См.: *Boulgarine Thadd. Archippe Thaddeevitch ou l'Ermite russe. Traduit du russe. Vols. 1–3. Paris, 1829.*

<sup>316</sup> Марциновский Антоний (1781–1855) — виленский типограф и издатель «Курьера Литовского» и «Виленского Дневника».

<sup>317</sup> В сущности (лат.).

<sup>318</sup> Троц Михал Абрахам (ок. 1689 или 1700 – 1769) — польский лексикограф, переводчик, издатель. Имеется в виду одна из двух фундаментальных работ Троца: «*Catalogus omnium et singulorum codicum manuscriptorum Zaluscianae Bibliothecae*» (Лейпциг, 1757)

подсчете печатных произведений подать сведения о рукописях, по крайней мере, наиболее известных писателей.

Что же насчет Соболевского<sup>319</sup>, я прошу Вас не говорить, не припомирать, что Университет имел бы право на его рукописи. Он и так тяжело страдает. Он сидит в Поневеже у брата на 400 рублях пенсии. Что эти проклятые шкафы наделали, настоящий lapis oftensionis<sup>320</sup>! Я б сильнее всего желал, чтоб его избранные работы принесли какую-либо пользу, но если эти Господа возьмутся за приобретение их для виленской библиотеки, они не соизволят и не будут способны сделать это искусно и с необходимой деликатностью. Распалят раздражительность библиографа, и в минуту неприязни, он, как и грозил, был бы в состоянии все кинуть в огонь. Не пристало поддувать огонь и подстрекать к произволу людей, самих по себе склонных к преследованиям.

Адам пишет много новых вещей, которые вместе с другими его произведениями выйдут до нового года. Сенковский жаловался, что Вы ему на какие-то его письма не отвечаете. Я ему показал последнее письмо, в котором Вы обещаете написать ему. Он успокоился. Что Кевлич<sup>321</sup> поддельвает? Я писал когда-то, прося оригинал автографа руки Симонидеса<sup>322</sup>, который есть на экземпляре Ливия<sup>323</sup>, подаренного Замойской

---

или «*Bibliotheca Polono-poetica, albo Urzędów wielkich splendorem jaśniejących, a ojczyzną wena na polskim Parnasie słyńiących poetów wiekuiste prace, dla głośniej resonancji zebrane i z regiestrami opatrzone*» (в 2 т., Лейпциг, 1728–1731) — скорее всего, первая.

<sup>319</sup> Речь, на наш взгляд, скорее всего, идет об упоминавшемся выше Л. Соболевском. Он был любимым учеником Э. Г. Гроддека и в 1817 г., несмотря на протесты тогдашнего ректора Виленского университета Я. Снядецкого, предпринял, по настоянию Гроддека, поездку в Париж, где работал в музеях и библиотеках, в частности, с целью изучения старопольских рукописей и их копирования. Затем, по просьбе Ю. М. Оссолинского, известного ученого и библиографа, на два года был командирован в Краков (обладавший статусом вольного города и не входивший в состав Российской империи) и Вену с той же целью. Вместе с тем Л. Соболевский страдал тяжелым психическим расстройством, о чем, вероятно, и идет речь далее. Л. Соболевский был близким другом И. Лелевеля, поэтому естественно, что Малиновский так подробно обсуждает с ним состояние здоровья его друга.

<sup>320</sup> Камень преткновения (лат.).

<sup>321</sup> Кевлич Станислав (1803–1879) — выпускник Виленского университета, друг многих участников общества филоматов. Преподавал в школе в Щебжешине. Директор Шляхетского института в Варшаве (1854–1862).

<sup>322</sup> Имеется в виду польский поэт-гуманист Симон Шимонович (Simon Simonides) (1558–1629). С 1599 г. жил в г. Замостье, в 1601–1614 гг. был воспитателем и врачом сына гетмана Я. Замойского, Томаша. После его смерти его богатая библиотека перешла в собственность Замойской Академии.

<sup>323</sup> Вероятно, имеется в виду издание известного труда Тита Ливия (59 до н. э. — 17 н. э.) «Римская история от основания города».



Академии, а теперь находящегося в Щебжешине. Если Вы контактируете с ним, соблаговолите припомнить мою просьбу. Ежовский добивался места в Казани, но тамошние мракобесы нашли его работу жалкой писаниной. Ведь это люди, которые ничего не умеют, и Лукаш<sup>324</sup>... Вверяю себя милостивой памяти

Миколай Малиновский

Хотят печатать в 3 столбца первоначальный Статут: кирилличными буквами, новый русский перевод и старопольский<sup>325</sup>, подвести конституции под статьи.

В настоящий момент я узнаю от секретаря Сената Бучинского<sup>326</sup>, что уже представлено где надлежит, чтоб вызвать <Дан>иловича<sup>327</sup> к редакции Литовского Статута сюда в Петербург, собираются использовать и Малевского. Нет больше места писать больше об этом, но я подгоню Франтишка.

## № 37

*VJ, rkps 4435, k. 607*

10/22 октября 1828 г. Санкт-Петербург

С нетерпением я ожидаю ответа, который Вы мне пообещали в последнем письме, но потому как я ничего не получил, я усиленно повторяю мою просьбу, чтоб Вы соизволили уведомить меня о результате моих предложений, сделанных Господам Завадскому и Венцкому. Я никогда не ожидал, что такое простое дело может повлечь за собой такое промедление. Время идет, я не смею публиковать проспект, потому как я стал бы заложником моего обязательства в отношении общественности. Соизвольте ускорить решение.

Документ Владислава Ягелло, о котором я сообщал, сейчас литографируется. Как только выйдет, не замедлю прислать Вам экземпляр.

Вверяю себя милостивой памяти

Искренне привязанный  
Миколай Малиновский

---

<sup>324</sup> В оригинале обрыв листа, и трудно установить по контексту, кто имеется в виду.

<sup>325</sup> Статут Великого Княжества Литовского изначально был написан на старобелорусском языке, использовавшим в качестве алфавита кириллицу. Затем он был переведен на старопольский язык, использовавший латинский алфавит.

<sup>326</sup> Бучинский Иван Юрьевич — коллежский ассессор, секретарь 3-го департамента Сената.

<sup>327</sup> Профессор Игнаций Данилович принимал участие в кодификации литовского законодательства в 1830–1835 гг.

17/29 октября 1828 г. Санкт-Петербург

Милостивый Государь. О чем о постоянно мечтал, то мне наконец-то судьба и послала. Графиней Витгенштейн я был призван к обязанности архивиста Радзивилловской комиссии<sup>328</sup> в Вильно. Я уже заключил договор. Мне назначено 600 рублей серебром в год и жилье с топливом или 100 рублей в год на жилье. Граф<sup>329</sup> понимает, что в течение двух лет можно упорядочить архив и переписать долговые расписки. Когда я это выполню и составлю каталоги, я должен буду получить одновременно 1000 рублей. Потому кажется, что моя судьба насчет *victum et amictum*<sup>330</sup> уже обеспечена. Я также смогу удовлетворить горячие желания моего сердца. Когда день будет окончательно назначен, не замедлю написать моему другу благодетелю, Ваше благословение принесет наверняка добро и покой в наш бедный дом.

Рукопись очерка польской истории оставляю у Адама Мицкевича. Прошу насчет этого обращаться к нему, если б Вы пожелали печатать в Вильно, то я как всегда готов к приказаниям и обещаю свои покорные услуги<sup>331</sup>. Я считаю для себя делом большого значения Ваши советы по упорядочению архива, который находится в большом беспорядке. Если есть какое-либо произведение на этот счет, соизвольте же без промедле-

---

<sup>328</sup> После того как последний наследник несвижской линии известных магнатов Радзивиллов князь Доминик Иероним Радзивилл (1786–1813) сражался на стороне французской армии и умер во Франции, его имения-майораты были секвестрированы и переданы его родственнику князю Антонию Генрику Радзивиллу. Дочь князя Доминика, княжна Стефания (1809–1832), получила в наследства имения, которые не входили в состав несвижского майората, а были приобретены Радзивиллами позже. В 1828 г. Стефания Радзивилл вышла замуж за князя Людвиг Витгенштейна, сына российского фельдмаршала П. X. Витгенштейна. Для разбирательств с ее наследственными правами и имуществом была создана специальная Радзивилловская комиссия, куда и поступил на службу М. Малиновский.

<sup>329</sup> Людвиг Петрович Витгенштейн, муж Стефании Радзивилл.

<sup>330</sup> Еды и одежды (лат.).

<sup>331</sup> «Вопреки предположениям, дело не пошло гладко. Цензор пожелал изъять несколько фрагментов из конечных разделов, посвященных царствованию Станислава Августа. Кажется, Лелевель, вопреки усилиям Малиновского, не желал уступить. В результате отъезда Малиновского в Вильно дело было отложено, и “Очерк истории...” дождался печати много лет спустя...” (см.: *Beniarzówna J. Wstęp // Lelewel J. Dzieła. T. VII. Warszawa: PWN, 1961. S. 20).*

ния прислать. Господин Завадский написал мне необычайно любезное письмо. Теперь мы договоримся лично. С моей стороны наверняка не будет никаких препятствий для того, чтобы предприятие Бентковского закончилось успехом. Посылаю Вам ранее обещанные замечания господина Востокова о *Судебнике*. Если Вы ему напишете, будете иметь в его лице аккуратного корреспондента. В субботу я выезжаю с Малевским, который едет навестить родителей<sup>332</sup>. Я так растерян, что не могу собрать мысли, а я должен был много написать Вам. Простите, в дальнейшем я буду более аккуратным. Вверяю себя милостивой памяти

Миколай Малиновский

---

<sup>332</sup> Судя по всему, с семьей Малевских Малиновский сохранил теплые отношения. Во всяком случае спустя много лет после его отъезда из Петербурга супруга Ф. Малевского Хелена Малевская передает ему привет от себя и мужа в письме к поэту А. Э. Одынцу (07.04.1854): «Господина Миколая Малиновского обнимаем сердечно, нетерпеливо ожидая обещанного письма» (Biblioteka Narodowa, mf 561, k. 42). Сам Малевский, заказывая в письме К. Брохоцкому (30.11 / 12.12.1855) панихиду по умершему А. Мицкевичу, называет Малиновского в качестве одного из немногочисленных друзей, кому следует об этом сообщить (см.: Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. III. Warszawa, 1999. S. 251–252). Это показательно, поскольку со своим бывшим квартирным хозяином, Булгариным, Малиновский практически прервал отношения. Во всяком случае сам Булгарин жаловался на это в письме от 12.07.1852 г. к другому виленцу, А. Г. Киркору: «Жил у меня в Петербурге и даже под моей опекой Миколай Малиновский, но когда он выехал из Петербурга и сделался <большим> Господином — забыл обо мне и даже ни разу не написал!!! Это сильно меня сразило, и я прекратил всякую корреспонденцию с Вильно» (LVIA, f. 1135, ap. 2, b. 1, p. 324–325). Впрочем, впечатлительность Фаддея Венедиктовича, судя по всему, была не столь уж и сильной, поскольку в другом письме тому же Киркору (27.06.1854) он просит с присущей ему экспрессивностью: «Прошу Вас, ради мук Христовых, узнать, где теперь Миколай Малиновский, который управлял делами Витгенштейна, прошу надписать адрес на письме и сразу же отослать ему, так как это письмо деловое. Вы меня этим сильно обяжете!» (LVIA, f. 1135, ap. 2, b. 1, p. 326), то есть редактор «Северной пчелы» пытался восстановить отношения со своим бывшим квартирником. Но удалось ли ему это, мы не знаем.

# СТРАДАНИЯ БУДУЩЕГО ЦЕНЗОРА

## Письма О. Пшецлавского П. Гаевскому

История культуры знает случаи, когда одно и то же лицо выступает поочередно в литературном процессе в нескольких социальных ролях. Писатель, он же издатель, он же цензор — самый типичный, с этой точки зрения, случай.

Настоящее сообщение мы посвящаем как раз такому типичному случаю, который, однако, до сих пор выпадал из поля зрения исследователей. Вернее, рассматривалась лишь одна из ипостасей нашего героя.

Юзеф Эмманюэль Пшецлавский<sup>1</sup>, выпускник Виленского университета, где он в течение двух лет слушал лекции вместе с А. Мицкевичем, в 1822 г. волею судьбы попадает в столицу Российской империи, где вначале, выступает в качестве поверенного по делу об имении своего дяди маршалка Слонимского повета Пусловского. «Это многих славный путь», — мог бы ехидно заметить его земляк и будущий сподвижник по журналистике Ф. В. Булгарин, приехавший в Петербург с той же целью. Затем Пшецлавский, используя дальнейшее родство с супругой адмирала А. С. Шишкова, Ю. О. Лобаржевской-Нарбут, и связи по масонской ложе, устраивается на государственную службу. И наконец, в 1829 г. он, вместе со своими товарищами Миколаем Малиновским и Франтишком Малевским, получает разрешение издавать на польском языке газету «Tygodnik Petersburski».

Нужно отметить, что Пшецлавский был искренне лоялен по отношению к имперским властям. Он быстро выучил русский язык, но так же быстро понял, что карьере может сделать только на «пограничье» — ибо властям он нужен прежде всего в качестве проводника имперской политики в Царстве Польском и среди поляков вообще.

Карьеру Пшецлавский действительно сделал блестящую. Его оценила и власть (он ушел в 1875 г. в отставку в чине тайного советника), и польские повстанцы, в 1833 г. учинившие в Париже показательную казнь над изображением самого Пшецлавского и троих его сотрудников по газете. Но и казнь, и отставка будут впереди. Нас в данном случае

---

<sup>1</sup> Наиболее подробная биография Пшецлавского (в русскоязычной литературе в соответствии с русифицированной традицией написания его имени он фигурирует как О. А. Пржецлавский) написана Е. Э. Ляминой для 5-го тома энциклопедического справочника «Русские писатели. 1800–1917». Т. 5. М., 2007. С. 137–139.

интересует тот самый казус, который и заявлен в качестве темы. Редактор газеты, спустя четырнадцать лет назначенный членом Главного управления цензуры, в качестве редактора неизбежно должен был с цензурой сталкиваться и ей противостоять.

Позже, в своих воспоминаниях, Осип Антонович Пржецлавский (так писалось его имя в русской интерпретации) выскажет свою оценку тогдашнему своему положению:

*«“Тигодник” заслуживал полного доверия со стороны правительства, представлял все ручательства благонамеренности и преданности долгу. За всем тем, по возникновении польского мятежа, положение редакции, особенно при тогдашней взыскательной цензуре, сделалось крайне деликатным, хотя, впрочем, взыскательность эта и не могла устроить меня. То, что мы сами, я и мои сотрудники по редакции, писали, не могло возбуждать даже сомнения; для статей же, сообщаемых посторонними, я был самым строгим цензором. Одно, о чем я молил проведение, это, чтобы моим цензором был умный человек, такой, который понимал бы все в том прямом смысле, в каком написано; не искал бы, как французы говорят, “полдня в четырнадцатом часу”, и на белой бумаге между строк не усиливался читать то, чего там нет. Я давно сделал замечание, что, в своем описании “Ада”, Данте пропустил одно из тяжких человеческих мучений: это положение редактора журнала, имеющего дело с глупым цензором, и вот чего я страшно боялся на этом еще свете»<sup>2</sup>.*

С цензором, однако, Пшецлавскому не слишком повезло, хотя в своих воспоминаниях он высказывает иную точку зрения. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (читателем которой, кстати говоря, Пшецлавский состоял с начала своего пребывания в Петербурге) в фонде цензурных материалов хранятся письма Пшецлавского к цензуровавшему «Тигодник» небезызвестному П. И. Гаевскому, цензору вьедливому и крайне осторожному. Письма относятся к 1835–1841 гг., то есть к периоду после польского восстания, когда степень недоверия к лояльности поляков у правительства империи действительно резко возросла. И поскольку всегда в таких случаях, обжегшись на молоке, начинают дуть на воду, Пшецлавскому предстоит убеждать своего цензора в том, что злого умысла в его редакторских действиях не было.

Скажем, Гаевского смущает публикация в газете списка не воспользовавшихся императорским прощением участников восстания. Список, действительно, очень длинный — свыше 2300 имен. Его публикация демонстрирует многочисленность повстанцев. Пшецлавский убеждает цензора: *«В ответе на почтеннейшее письмо Ваше от 26 сего Августа поспеваю уведомить, что список лиц, не воспользовавшихся Всемилостивей-*

<sup>2</sup> Русская Старина. 1875. Т. 14. № 9.

шим прощением, по Царству Польскому дарованным, заключающий да 2300 имен и прозваний, нескоро еще может быть окончен печатанием в Тыгоднике, в коем доселе помещено их не более 800. Что же касается до прекращения сего списка, то к сему не предвидится ни малой возможности, ибо это есть публикация официальная, состоящая в неразрывной связи с актами, уже обнародованными, составляющая прямое их следствие и необходимое дополнение. Сверх того, весьма, по мнению моему, не политически было бы прерывать сей список, вполне помещаемый во всех Варшавских Газетах, когда часть его была уже напечатана в Тыгоднике, — обстоятельство сие между читателями сего последнего, коим известны и Варшавские Газеты, без сомнения, породило бы множество превратных толков»<sup>3</sup>. И далее в двух письмах, вернее, записочках, поскольку объем их не превышает одной строки, — обещает Гаевскому покончить со злосчастливым списком.

В ряде случаев Пшецлавский пытается объяснить свою позицию еще до публикации материала. Для него это важно, поскольку предоставило бы возможность избежать конфликта с цензором. Вот, например, письмо от 27 ноября 1835 г.:

*«Во избежание всяких недоразумений я желал бы наперед знать Ваше, Милостивый Государь, мнение: могут ли быть помещаемы в Тыгоднике суждения насчет частных предприятий и спекуляций на акциях, которых теперь такое множество рождается в Петербурге. Тыгодник публикует все вообще новости этого рода, излагая основания и состав компаний; но доселе не было суждений ни a priori о правдоподобии успеха или неудачи этих предприятий, ни сведений о более или менее выгодном ходе самых дел их.*

*Отдаленные от столицы читатели не могут составить себе верного о том понятия, и судя по одним извлечениям из правил, помещаемым в Тыгоднике, они должны почитать все такие спекуляции равно выгодными, между тем как жителям столицы известно, многие из них совершенно или почти совершенно упали.*

*Я опасаясь, чтоб односторонние известия, мною в сем предмете распространяемые, необъясненные непристрастным суждением и сведениями о том, что в последствии доказано опытом, не ввели кого-либо из читателей моих в заблуждение и не вовлекли бы в участие в одном их таких предприятий, которые клонятся к упадку и могут принести одни убытки. Я думаю, что как, с одной стороны, поощрять публику к полезным делам, так, с другой, предостерегать от потери, представляя вещи в настоящем их виде со всех сторон, есть долг благонамеренного журналиста. Разумеется, что предметом подобных рассуждений*

<sup>3</sup> См.: ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 1–1 об.

могли бы быть одни частные предприятия, в коих Правительство не принимает никакого участия»<sup>4</sup>.

Попадают и совершенно анекдотические случаи. Например, связанные с отсутствием в польском языке специальной словоформы, обозначающей отчество человека. Гаевский, переводивший с польского, наверняка знает об этом, однако боится, и Пшецлавский вынужден объясняться:

*«Я сейчас увидел, к крайнему моему огорчению, что в сегодняшнем Тыгоднике, несмотря на двукратно мною в корректуре сделанную отметку, типографики мои забыли поставить в конце заграничных известий буквы, означающие источники. Я покорнейше прошу у Вас, Милостивый Государь, за то извинения, и Вы можете быть уверены, что этого более не случится. Я должен также объяснить насчет сделанного Вами к Рескрипту замечания, что я не решился вместо *Vazyli, syuи Vazylego*, поставить *Wasili, Wasiljewicz*, как потому что первый образ с давних времен принят в Тыгоднике, так и потому, что если допустить последнее правило, то были ли бы недоумения насчет других имен, напр[имер] *Józefowicz, Iwanowicz, Piotrowicz*, и т[ому] под[обные] из коих многие выражали бы, вместо отчества, некоторые из существующих фамилий, что в Русском, по изменяющемуся в таком случае ударению, не имеет места»<sup>5</sup>.*

С языком проблемы возникают периодически. Иногда типограф забывает внести в текст правку, и редактору приходится объясняться:

*«По крайнему сожалению моему, одно из выражений в прошедшей корректуре, Вами исключенное, осталось в номере; в 3<sup>м</sup> столбце вчерашнего Тыгодника в одном мере вместо кнут поставлено *chłosta*, а в другом остался кнут. Что не моя в том вина, о сем можно удостовериться из подписанного мною корректурного листа, на котором не только сделаны по Вашим, Милостивый Государь, заметкам нужные поправки, но и строгое подтверждение об исполнении их в точности.*

*Я уже отнесся к Г[осподину] Директору Типографии о строгом взыскании с виновного и об отвращении подобных случаев в будущее время; для успокоения же Вас на этот счет я долгом считаю доложить Вам, Милостивый Государь, что торговая казнь значит по-польски ничто иное, как кнут, и иначе с точностию переведена быть не может; я это говорю на том основании, что законодательная комиссия для Царства Польского, в которой я имею честь служить, приняла такую версию и она составляет официальный авторитет; выражение же *chłosta* есть общее, объемлющее все роды телесного наказания.*

<sup>4</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 6–6 об.

<sup>5</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 7–7 об.

*Убедительнейше прося о невзыскании с меня за недобровольную вину, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию»<sup>6</sup>.*

Иногда страховка Гаевского доходит до комического. В одном из двух сохранившихся в ОР РНБ его писем к Пшецлавскому, например, он объясняется:

*«На основании утвержденной в 1828 и подтвержденной в 1829 г[оду] программы газеты Tygodnik S[ankt]Petersburski, в ней могут помещаемы быть в переводе внешние происшествия, напечатанные в здешних: S[ankt]Петербургские Ведомости, Русский Инвалид, Journal de S[ankt]Petersbourg и других, с возложением на Вас обязанности означать: из каких именно в России выходящих журналов и газет заимствованы политические известия.*

*В 26 № Tygodnika сего года, в означении источников, показан между прочими один под буквами Р. Р. Не зная какая это газета, я остановился выдачею билета на выпуск из Типографии помянутого № до получения Вашего о том извещения. Покорнейше прося Вас, М[илостивый] Г[осударь], доставить мне сие сведение, вместе с сим возобновляю неоднократно уже повторенную, убедительную просьбу держаться строго утвержденной Правительством программы, от которой я, по долгу звания моего, не вправе нисколько отступить, и об отступлениях от оной вынужденным найдусь докладывать Цензурному Комитету»<sup>7</sup>.*

Можно представить себе ярость редактора, которому обеспечен скандал с типографией в связи с задержкой сдачи номера в печать. Однако Пшецлавский отвечает сдержанно и по существу:

*«На письмо Ваше от 19 сего Апреля имею честь объяснить, что помещаемые под некоторыми статьями моего журнала буквы РР. означают Северную Пчелу (Pszczola Półnosna). К сему долгом считаю присовокупить, что уже, по сделанному Вами, Милостивый Государь, на корректурном листе последнего, (27) номера о том замечанию, вместо букв РР. на 160<sup>й</sup> странице поставлено мною Pszcz. P., как сие изволите усмотреть в означенном номере, вышедшем вчерашнего числа»<sup>8</sup>.*

Согласитесь, ситуация трагикомическая: «Северную пчелу» никак нельзя причислить к «подозрительным» изданиям, а перепечатка из нее едва не становится поводом к задержке печати газеты.

В качестве тяжелой артиллерии Пшецлавский время от времени вынужден «выкатывать» — как аргумент — знакомство с публикуемым текстом и заинтересованность в его публикации высокопоставленных лиц:

<sup>6</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 28–28 об.

<sup>7</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 251, л. 2–2 об.

<sup>8</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 9.



*«Представляя при сем рукопись статьи под заглавием: “Owczarze” и пр[очее] имею честь доложить, что как самая эта статья так и мое к ней примечание, печатаются не только с дозволения, но и по приказанию Его Сиятельства Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа»<sup>9</sup>. Наряду с А. Х. Бенкендорфом редакторское алиби обеспечивают Л. В. Дубельт и статс-секретарь Царства Польского Игнатий Туркул, резолюции которых Пшецлавский — для того чтобы предотвратить возможные возражения цензора — сразу представляет на рассмотрение вместе с рукописью статьи.*

Нет сомнений в том, что в отделе рукописей РНБ сохранилась лишь незначительная часть переписки редактора главной польскоязычной газеты Российской империи и его цензора. Но уже на основании дошедших до нас писем видно, что у Пшецлавского спустя годы — и с учетом его собственного цензорского опыта — был несомненный повод вздыхать:

*«...сами собою явствуют условия, необходимые для правильного действия цензуры, где она существует, и для получения тех результатов, для которых учреждена.*

*Первое из этих условий есть самый строгий, самый целесообразный выбор лиц — исполнителей требований учреждения. Дабы в лице цензора соединены были речительства и для власти, в соблюдении ее интересов, и для частных лиц, в обеспечении их от притеснений, нужно, чтобы он знал писаные и неписаные законы, чтобы был не чужд ходу общих политических дел, общественному быту и движению, не чужд наукам и литературе, а более всего, настолько умен, чтобы взгляды и суждения его не шли вразрез степени общественного развития в пределах законности. Надо бы сказать себе однажды навсегда, что хороший цензор есть своего рода эклектическая специальность, и что если где фамусовский фаворитизм вреден, так это по преимуществу в назначении цензоров. И предвидеть невозможно, сколько вреда и частным интересам, и общей пользе может причинить на этом месте человек, неспособный по чему-либо: по незнанию, по излишней мнительности, с одной стороны, а с другой — по ложному либерализму и жажде популярности, хотя, впрочем, последнее случается у нас очень редко»<sup>10</sup>.*

Вряд ли сам Пшецлавский как член Главного управления цензуры соответствовал им же сформулированным требованиям. Однако, в любом случае, память о тех временах, когда не он цензуровал, а его цензуровали, осталась у Осипа Антоновича навсегда.

---

<sup>9</sup> ОР РНБ, ф. 831, ед. хр. 279, л. 13.

<sup>10</sup> Русская Старина. 1875. Т. 14. № 9.

# «ИМЕЯ ОТЛИЧНОЕ УВАЖЕНИЕ...»

## Письма А. Н. Оленина С. Богушу-Сестренцевичу

В Национальном историческом архиве Беларуси в фонде С. Богуша-Сестренцевича (фонд 1781, опись 28, дело 66) хранятся несколько рукописных документов, характеризующих отношения, сложившиеся у их владельца с Императорской Публичной библиотекой. Они примечательны не только тем, что эти отношения носят исключительный характер, но еще и тем, насколько читатель Богуш подчиняется общим правилам.

Дело в том, что уроженец Беларуси Станислав Ян Богуш-Сестренцевич<sup>1</sup> (3.09.1731–1(13)12.1826) с 1782 г. по указу императрицы Екатерины II являлся архиепископом митрополитом всех римско-католических церквей Российской империи. Учитывая более нежели сложные отношения официального Петербурга с Ватиканом, это было несомненным знаком личного доверия к епископу, тем более что епископский сан он получил во многом благодаря поддержке последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского. Демонстрируя несомненную лояльность ко всем венценосцам, с которыми сводила его судьба (а Богуш-Сестренцевич пережил не только Екатерину, но и подвергнувшего его опале Павла I и Александра I), митрополит не только упрочил свое положение, но и снискал несомненное уважение в обществе. Достаточно отметить, например, что с 1813 по 1823 г. он был президентом Вольного экономического общества, с 1821 г. — почетным членом Вольного общества любителей российской словесности, а с 1807 г. — членом Императорской Академии наук.

Основания для принадлежности ко всем этим почтенным институтам были. Митрополит был далеко не чужд литературной и научной деятельности. Широкою известность получила его франкоязычная «История Тавриды» в двух томах, посвященная императору Александру (1800–1801). Помимо естественных для его сана проповедей Богуш занимался поэтическим творчеством, писал трагедии, оставил филологические и исторические труды.

Разумеется, для всех этих занятий нужно было иметь доступ к книгам. А самый богатый книжный фонд на основных европейских языках в Петербурге был в Императорской Публичной библиотеке. Естественно, поэтому почтенный митрополит стал ее читателем.

<sup>1</sup> См. о нем, в частности: *Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny.* Warszawa — Poznań: Pax, 2000. S. 321–323.

И, учитывая его высокий сан и общественный статус, естественно, что читатель Богуш-Сестренцевич получил в конце концов письмо за подписью директора библиотеки Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), хорошо известного в истории русской культуры<sup>2</sup>.

Приводим письмо целиком<sup>3</sup>:

Ваше Высокопреосвященство!

Я узнал, что Вы изволите заниматься в Императорской Публичной библиотеке. Имея отличное уважение к Особе Вашего Высокопреосвященства и полагая, что таковые посещения Библиотеки сопряжены для Вас, Милостивый Государь, с некоторым трудом и что для ученых изысканий Ваших гораздо удобнее будет, если нужные Вам сочинения будут находиться у Вас дома, я обязанностию почитаю препроводить при сем к Вашему Высокопреосвященству те сочинения, кои Вы изволили прежде сего требовать, прося Вас, Милостивый Государь, и впредь, когда понадобится для Ваших занятий какие-либо книги из находящихся в Императорской Публичной библиотеке, присылать об оных записку, по которой те книги будут к Вашему Высокопреосвященству в скорости доставляемы под особую росписку Вашу.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть  
Вашего Высокопреосвященства  
Покорнейшим Слугою

Алексей Оленин

№ 109й

<февраля> 3-го дня

1816-го

---

<sup>2</sup> См. о нем, в частности: *Кубасов И. А.* Алексей Николаевич Оленин. — СПб., 1904; Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. — Л., 1983; Голубева О. Д. Хранители мудрости. — М., 1988; Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. — СПб., 2006.

<sup>3</sup> Черновик данного письма хранится в РНБ (см.: Архив РНБ, ф. 1, оп. 1–1816, д. 4), на что было нам указано И. С. Зверевой, которой мы выражаем свою глубокую благодарность. Это, на наш взгляд, именно черновик, хотя на нем стоит исходящий номер — № 109 — и дата: «Маия 3-го дня». Очевидно, что проставленная дата расходится с датой, проставленной на подлиннике письма (документ, хранящийся в РНБ датирован позже): вероятно, она означает дату поступления документа в архив. В тексте документа есть некоторые расхождения с письмом, в частности, при последнем упоминании, сокращение слов «Импер<аторская> публ<ичная>», «Мил<остивый>» и вписанное позже над строкой (при первом упоминании) этикетное обращение «Милостивый Государь». Не исключено, что черновик был продиктован А. Н. Олениным, и секретарь, не успевая за диктующим, вначале вписал пропущенное, а затем начал дописывать сокращения.

Митрополит принял инициативу директора Публичной библиотеки о переводе на абонементное обслуживание с благодарностью и немедленно воспользовался предложением А. Н. Оленина. Об этом свидетельствует пометка на письме, сделанная, вероятно, секретарем главы российских католиков:

NB приложенную при <сем> росписку, по получ<ении> книг, подписав с посланием вернул.

В том же деле хранятся остатки черновика — вероятно, ответного письма С. Богуша-Сестренцевича, продиктованного секретарю, — это полуистлевший клочок бумаги с записью тем же почерком, что и пометка на письме Оленина:

3 марта 1816

Алексею Николаевичу Оленину

Покорнейше благодарю ВВП (Ваше Высокопревосходительство, — *А. Ф.*) за Орозия и Арндта.

Б

Последняя буква, вероятно, должна была обозначать для секретаря подпись автора письма в сочетании с принятыми в то время этикетными формулами.

Мы не знаем наверняка, какие именно книги получил в тот раз глава российских католиков и зачем они ему понадобились. Однако с определенной степенью уверенности предположить можем.

Павел Орозий (ок. 380 — ок. 420) — римский историк, ученик Августина, автор сочинения «История против язычников в 7 книгах». Его труд написан с христианских позиций, гибель Рима преподносится в нем как закономерное наказание Господне гордому городу, погрязшему в грехах. При этом следует отметить, что Орозий пользовался не дошедшими до нас сочинениями Тацита и источниками по истории Причерноморья II–I вв. до н. э., что, естественно, не могло не интересовать автора «Истории Тавриды».

Иоганн Арндт (1555–1621) — немецкий лютеранский теолог и религиозный писатель, автор четырехтомного труда «Об истинном христианстве» (1605–1609), известный проповедник.

Блестящий оратор, Богуш-Сестренцевич тем не менее несомненно, нуждался в подкреплении и обновлении своего ораторского арсенала. И если книги отцов Католической церкви были хорошо известны его слушателям, то репертуар проповедников других христианских конфессий (во всяком случае их образная система, примеры и т. п.) после

некоторой адаптации вполне мог быть использован митрополитом для подготовки собственных проповедей и иных текстов. Да и критические выпады в адрес протестантских оппонентов вполне годились для католического иерарха, живущего в православной империи. Для этого ему и мог понадобиться лютеранский теолог Арндт.

С Орозием, на наш взгляд, дело обстоит еще проще. Не исключено, что Богуш-Сестренцевич собирался обновлять свою «Историю Тавриды», и Орозий служил ему в качестве первоисточника.

Однако это, напомним, лишь предположения. Вернемся к библиотечным делам нашего героя.

Митрополит, судя по всему, был читателем быстрым и аккуратным. Следующий документ, хранящийся в деле, говорит об обоих этих качествах. Это расписка о возврате прочитанной книги:

Книга от польского Митрополита Г-на Сестренцевича к Его Превосходительству Алексею Николаевичу Оленину получена Дмитрием Поповым.

1816

март 18 дня

Дмитрий Прокопьевич Попов<sup>4</sup> (1780–1864) — один из ближайших сотрудников А. Н. Оленина, в частности, в его научной деятельности. Незаурядный филолог-эллинист, Попов, судя по всему, неплохо владел и латынью, и польским языком — во всяком случае после поражения восстания 1830–1831 гг. он вместе с А. И. Красовским будет осуществлять ревизию библиотек католических учебных заведений в Полоцке и Варшаве на предмет пополнения фондов Императорской Публичной Библиотеки. Вряд ли можно считать случайным, что именно Попову поручено было обеспечивать связь с митрополитом Сестренцевичем; скорее всего, Оленин как директор на самом деле стремился обеспечить своему высокопоставленному читателю максимальный комфорт. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует еще одно письмо Оленина, хранящееся в том же фонде:

Ваше Высокопреосвященство  
Милостивый Государь,

С особенным удовольствием исполню требование Вашего Высокопреосвященства, в почтеннейшем отношении Вашем ко мне от 13 числа сего Июня № 164 изъясненное, имею честь препроводить при сем к Вам, милостивый Государь, точный за надле-

---

<sup>4</sup> См. о нем: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917. СПб.: Издательство РНБ, 1995. С. 420–422.

жащею скрепою список с хранящейся в Императорской Публичной Библиотеке Высочайшей Грамоты (sic! — А. Ф.), блаженной и вечной славы достойной памяти Государем Императором Петром I пожалованной Волошскому Господарю Князю Дмитрию Кантемиру на принятие его со всем народом его в Российское подданство. Вместе с сим не излишним считаю уведомить Ваше Высокопревосходительство, что, кроме сей Грамоты, Императорская Публичная Библиотека никакой другой, данной Князю Кантемиру, не имеет.

С отличным почитанием и преданностию имею честь быть  
Вашего Высокопреосвященства  
Покорнейшим Слугою

Алексей Оленин

№ 103

Июня 14 дня

1818

В принципе этикетные формулы, употребляемые в письмах директора библиотеки к высокопоставленному и весьма ученому читателю, вовсе не исключают искренности в отношении: Оленин, скорее всего, на самом деле уважал почтенного митрополита. Однако следует иметь в виду еще одно обстоятельство.

Выходец из земель, принадлежавших Речи Посполитой, Станислав Богущ-Сестрэнцевич оказывается одним из немногих привилегированных читателей Императорской Публичной библиотеки, читательские права которого, несмотря на его «польское» происхождение (для великороссов в это время любой славянин-католик — поляк) не сужаются, а расширяются. Императорская Публичная библиотека стала местом хранения конфискованной (фактически — отнятой силой оружия) у поляков легендарной библиотеки известных аристократов-просветителей Залуских. Именно А. Н. Оленин в качестве директора библиотеки делает все возможное, чтобы затруднить полякам доступ к ее фондам. Известно его крайнее нежелание брать на работу в библиотеку этнических поляков и выходцев из земель бывшего Великого Княжества Литовского — например, известный в будущем историк, выпускник Виленского университета Миколай Малиновский так и не сумел устроиться на работу в «публичку», хотя за него ходатайствовали многие известные люди начиная от сенатора С. О. Потоцкого и заканчивая журналистом и писателем Ф. В. Булгаринным, у которого Малиновский некоторое время квартировал, и будущим академиком, а тогда библиотекарем А. Х. Востоковым, нуждавшемся в помощнике, знающем польский язык. Эту историю Малиновский подробно рассказывает в хранящемся в Ягеллонской библиотеке (Краков, Польша)

письме историку и библиотекарю И. Лелевелю от 1 июня 1827 года, фрагмент которого мы позволим себе привести:

Вы пишете, что не понимаете, что я пишу насчет обещанного мне места. Я вынужден пояснить. Я приехал сюда, скорее, чтобы проводить Эдварда Г<утта><sup>5</sup>, чем с целью добиться какого-либо места. Не желая, чтобы это путешествие стало совсем бесполезным в отношении Бентковского<sup>6</sup>, я начал ходить в библиотеку<sup>7</sup>. Я нашел ее в чрезвычайном беспорядке. Будучи мало известным, поначалу я не мог даже иметь свободный доступ, но немного позже мне удалось большее. Я познакомился с иными собраниями книг и рукописей. Я видел, что никто ими не занимается. Тогда у меня появилось желание остаться здесь при библиотеке. Нет никого, кто бы хотел заниматься этим. Благородный Александр Востоков<sup>8</sup>, библиотекарь, потому как плохо читает по-польски, был силой прикреплен к ней, но он был бы сердечно рад избавиться от утомительного занятия собранием книг, не приведенным в порядок и не каталогизированным. Я обратился к нему, прося об указании мне способа ходатайствовать об этой службе. Он ответил мне, что надо действовать путем рекомендации к господину Оленину, от которого единственно это зависит. Я обратился к господину Северину Потоцкому<sup>9</sup>, который активно взялся за это дело. Я подал прошение, в котором старался перечислить, насколько мои услуги могли бы быть полезны библиотеке. Оленин согласился, но под видом отсутствия вакансий отказал в этот раз, однако обещал позже устроить меня.

---

<sup>5</sup> Спутником М. Малиновского в путешествии в Петербург был Эдвард Гутт, сын виленского аптекаря Ежи Гутта, один из братьев будущей супруги Малиновского.

<sup>6</sup> Бентковский Феликс (1781–1852) — известный польский библиограф и историк литературы, автор двухтомной «Истории польской литературы» (1814). Известный виленский издатель и типограф Юзеф Завадский инициировал подготовку третьего тома, посвященного современной польской литературе, и Малиновский помогал ему в сборе информации и описании выходящих изданий, что он и имеет в виду, говоря что посещение библиотеки делает его путешествие в Петербург бесполезным. Однако этот проект ничем не закончился.

<sup>7</sup> Имеется в виду Императорская Публичная библиотека, в состав которой была передана на хранение библиотека графов Залуских, содержавшая уникальные издания и рукописи, посвященные Польше.

<sup>8</sup> Востоков (Остенек) Александр Христофорович (1781–1864) — поэт, филолог, с 1841 г. — член Императорской Академии наук. С 1828 г. заведовал библиотекой Румянцевского музея.

<sup>9</sup> Потоцкий Северин Осипович (1762–1829) — граф, действительный тайный советник, сенатор с 1801 г., член Государственного Совета.

Обслуга библиотеки состоит из 14 мест. Несколько из них не занято. Трое выбыли, а их места не заняты, так как Директор считает, что и меньшего числа достаточно, а лучше оплачивать служащих. В настоящее время они получают на содержание: старшие по 1200, младшие по 800 рублей ассигнациями. Оленин говорил о новой организации и новом большем штате и в этом случае обещал вспомнить обо мне. Тем временем я узнал, что господин Тадеуш Булгарин<sup>10</sup> уже давно находится в списке кандидатов; я точно знаю, что Оленин никоим образом не сможет минуть его, поэтому я убедился, что обещание мне места библиотекаря польских книг было мнимым. Я поговорил с Булгариным, который охотно согласился отказаться от своего места в мою пользу, но надлежало ожидать нового штата, который Бог знает, когда стал бы набираться, а мне становится все трудней содержать себя здесь в Петербурге. Пришлось бы неизвестно как долго ожидать и жить Бог знает каким образом. Когда я говорил об этом Сенковскому<sup>11</sup>, он сказал мне, что господин граф Залуский<sup>12</sup>, будучи здесь в Петербурге в прошлом году, докладывал Его Величеству, что именно польская библиотека находится в чрезвычайном беспорядке, что Его Величество Император соизволил уполномочить его к употреблению средств для выхода из подобного положения, к опеке над ее пополнением и сохранением; что граф предложил ему [Сенковскому] место библиотекаря, что он, не имея возможности принять его, хочет предложить меня. Я охотно принял это, написал графу, отдал свою судьбу в Ваши руки, и мой милостивый благодетель своей заботой приобрел новые права на мою безграничную благодарность. Я уже говорил, что обещанное мне Олениным и Булгариным место зависит от разных причин, и так как назначенный графом библиотекарь мог бы сделать совершенно ненужное назначение на должность директора, то я предпочитаю добиваться назначения меня из Кракова. Мое менее зависимое положение оставило бы мне больше свободы в моей работе.

---

<sup>10</sup> Булгарин Фаддей Венедиктович (Ян Кристоф Тадеуш) (1789–1859) — писатель и журналист.

<sup>11</sup> Сенковский Осип Иванович (Юзеф Юлиан) (1800–1858) — выпускник Виленского университета, ориенталист, профессор Петербургского университета.

<sup>12</sup> Залуский Юзеф (ум. 1866) — граф, генерал, представитель аристократического рода меценатов Залуских. С 1826 г. — генеральный куратор научных учреждений Вольного города Кракова и его округа. Добивался открытия при Петербургской Императорской Публичной библиотеке ставки библиотекаря, который занимался бы книгами и рукописями на польском языке, в том числе из знаменитой библиотеки Залуских, вывезенной российскими войсками после разделов Речи Посполитой.



От графа полковника после виленского у меня не было никакого [иногo] предложения, хотя он пообещал ксендзу Алоизию<sup>13</sup>, что возьмет меня *palam*<sup>14</sup> в Краков, видимо, обстоятельства не позволили ему сделать этого. Я прошу у Вас совета, должен ли я написать графу, благодаря его за обещание и прося об ускорении дела? Если будет прислано письмо министру Грабовскому<sup>15</sup>, то я уверен, что пойдет хорошо, у меня есть знакомые ...<sup>16</sup>, которые помогут мне. Благородный генерал чрезвычайно порядочен и известен Его Величеству. Генерал-адъютант Бенкендорф<sup>17</sup> замолвил за меня слово. Я не ожидаю малейшего препятствия. Я только не знаю, как это письмо будет составлено: буду ли я считаться здешним библиотекарем или же зависимым от Краковского университета, буду ли подчиняться Комиссии вероисповеданий и просвещения в Царстве [Польском]; этот последний [вариант] я считал бы самым лучшим, но тогда откуда бы выплачивалась пенсия и т. д. Если б опека ограничивалась только предложением меня на место библиотекаря под начало господина Оленина, то я опасуюсь, чтобы это не компрометировало меня в его глазах, потому как тогда бы он совсем недоброжелательно ко мне относился и мог бы доставлять любые неприятности. Я был бы рад ускорить этот дело, так как, повторяю, жизнь стоит здесь дорого, а мои средства весьма скромны.

Таким образом, очевидно, что те условия для работы, которые создал директор Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленин одному из своих читателей митрополиту С. Богушу-Сестренцевичу были созданы исключительно, как писал Алексей Николаевич в своем письме, «имея отличное уважение». И это исключение только подтверждало общее правило.

---

<sup>13</sup> Имеется в виду ксендз Алоизий Осинский (1770–1842) — историк, библиограф, языковед. Член Общества друзей наук (1818). Член Виленского университета (1826). Ректор Виленской духовной академии (1833–1839).

<sup>14</sup> «Непосредственно» (лат.).

<sup>15</sup> Имеется в виду Станислав Грабовский (1780–1845) — министр просвещения Царства Польского с 1820 г.

<sup>16</sup> Несколько букв не читаются — дефект листа.

<sup>17</sup> Вероятно, речь идет о Константине Христофоровиче Бенкендорфе (1785–1828) — генерал-адъютанте, генерал-лейтенанте с 1826 г., брате А. Х. Бенкендорфа.

# ПРИВАТНАЯ ЖИЗНЬ ПРОФЕССОРА СЕНКОВСКОГО

Писатель и журналист Юзеф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский оставил в сознании современников сложную память. Судя по всему, он отличался достаточно вздорным и резким характером, неуживчивостью, что в сочетании с его привычкой шокировать окружающих, любовью к идеологическим провокациям создало ему строго определенную репутацию. Приведем лишь две цитаты.

Автор первой — известный в истории польской мемуаристики Станислав Моравский, сотрудничавший с Сенковским и печатавшийся в «Библиотеке для чтения»: «Возможно, я впадаю в грех, допуская, что в иные эпохи в неисповедимых предначертаниях своих Бог порой создает человека для того, чтобы тот творил зло просто из любви ко злу, чтобы жесты, деяния, речи, мысли, писания его всегда плескались в океане желчи, чтобы был он дурным *con amore*, с наслаждением, чтобы его собственная язвительность всегда рисовалась на лице его радостно и в определенном смысле триумфально, чтобы эта злобность была горше от того, что носитель ее одарен самым разносторонним, самым метким, самым комичным, самым чувствительным, самым язвительным остроумием и обладает одной из широчайших ученостей. Так вот, если такое допустить, то скажу я вам, что земляк наш Юзеф Сенковский тем именно и был человеком и пальмою за это если и не во всей Европе, то уж по крайней мере среди всех славян наверняка был бы увенчан»<sup>1</sup>.

Автор второй — русский ученый и педагог Александр Никитенко, так объяснявший нелюбовь к Сенковскому его коллег и студентов: «Он, по-видимому, дурно воспитан, ибо подчас бывает крайне невежлив в обращении. Его упрекают в подобострастии с высшими и в грубости с низшими. Он не любим ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всяким случаем сделать неприятное первым и вред последним. [...] Не умея и не желая заставить любить слушателей свои лекции, он вздумал гнать их туда бичом. Увидев как-то студента ... он начал бранить его самым неприличным образом и в порыве злобы сказал в заключение:

---

<sup>1</sup> Цитируем в переводе Ю. В. Чайникова, выполненном для издания: *Моравский Ст.* В Петербурге // Поляки в Петербурге: Николаевская эпоха. М.: Новое литературное обозрение, 2009 (в печати).

— Я сделаю то, что вас будут драть розгами: объявите это всем вашим товарищам. Не говорите мне об уставе — я ваш устав...

Я от имени товарищей просил попечителя принять меры... Он велел ректору объявить Сенковскому выговор. Должно полагать, что последний теперь перестанет обращаться с людьми так бесцеремонно, как с египетскими мумиями, от которых нечего ждать отпора»<sup>2</sup>

Цитировать можно и дальше, причем так вспоминают о Сенковском и русские, и поляки, и его оппоненты, и его друзья и коллеги. Это очень разные люди. Объединяет их всех одно — они мужчины.

Женщины вспоминают другого Сенковского. В частности, та, кого выбрал сам Сенковский, — Адель Александровна Сенковская, урожденная Ралль.

Жизнь Адели Александровны после смерти супруга превратилась в подвиг, более высокий по своему накалу, нежели подвиг Анны Достоевской или Софьи Толстой. Их покойные мужья были признаны гениями общественным мнением еще при жизни. Адель Александровна воздвигала посмертный памятник писателю, который успел растерять славу раньше, чем покинул этот мир. Она выпустила в свет посмертное собрание сочинений Барона Брамбеуса в 9 томах, причем пыталась позиционировать супруга как несравненного гения науки и литературы. Соответственно не менее положительно рисует она его облик и в своих воспоминаниях, изданных фактически как один из дополнительных томов к собранию сочинений Сенковского.

Какими же словами рисует Адель Александровна свою супружескую жизнь? Позволим себе процитировать ее воспоминания и отнестись к ним критически — в том смысле, в каком использовал этот термин сам профессор Сенковский, понимавший под этим готовность сопоставить данный текст с другими источниками, посвященными тому же предмету.

«Счастье — пишет Адель Сенковская, — легче понять, чем описать. Впрочем, отчего же не сказать мне, что великий человек, избравший меня своей супругой, был лучшим, единственным из мужей? Первые два года после моего замужества были исключительно посвящены мне. Он расставался со мною только четыре раза в неделю, когда ездил в Университет на лекции, что составляло шесть часов в неделю. Иногда, чтоб избежать и этой короткой разлуки, я провожала его до Университета и в условленный час снова приезжала за ним»<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Цит. по: *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. Л., 1955. С. 44–45.

<sup>3</sup> Цит. по: <*Сенковская А. А.*> Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены. СПб., 1858. С. 44–45. Далее ссылки на данное издание см.: *Сенковская А. А.* Биографические записки.

Сразу скажем, что автором «альтернативного» источника информации являются письма самой Адели Александровны Сенковской, хранящиеся в отделе рукописей Библиотеки Народовой в Варшаве. Это письма, адресованные свекрови — матери Осипа Ивановича и редко его сестре — Александре Щеповской. Судя по всему, их не касалась рука русиста, поскольку в противном случае первым их читателем наверняка стал бы В. А. Каверин — автор наиболее подробной биографии писателя. Однако Каверин их не цитирует и даже не упоминает, как не упоминает их и автор скрупулезно выверенной справки для биобиблиографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» А. И. Рейтблат. Письма написаны на французском языке (приписки самого Сенковского — на польском).

Письма Адели Александровны преисполнены нежности и любви. Уже в первом письме будущей свекрови она удивительно последовательно формулирует то, что пройдет лейтмотивом и через ее письма, и через ее воспоминания. Письмо это настолько впечатляет, что заслуживает воспроизведения полностью:

Мама.

Самое живое удовольствие получить Ваше благословение, самая насущная необходимость открыть перед Вами свое сердце, сладкая надежда заслужить однажды Вашу доброту, нежная привязанность, которую я питаю к Вашему сыну и которая распространяется естественно на тех, кто ему так дорог, все это заставляет меня взять перо и написать Вам. Хотя я не была знакома с тяжелыми страданиями, отравлявшими молодость Юзефа, счастливая клятва вернуть ее, посвятить свою жизнь для его счастья, была произнесена; и, узнавая обо всем, что он перенес, я чувствую себя вторично призванной при Божиим соизволении залечить раны его сердца, заставить его забыть их, заменить их спокойствием, счастьем счастливого брака. Воспитанная нежнейшей, добродетельнейшей из матерей, наслаждаясь с детства наилучшими примерами, зная счастье, цену добродетели, я осмеливаюсь сказать, что Вы можете мне доверить судьбу сына такого дорогого, такого достойного, как это возможно. Он найдет во мне женщину, которая будет полностью предана ему, которая сумеет оценить его благородные качества, его такую чувствительную душу, которая испытает самое сладкое наслаждение, видя и любясь его превосходством. Мое сердце, открываясь перед Вами, просит у Вас благосклонности. Могу ли я дать Вам так дорогое, так высокое имя матери, могу ли считать также дорогой сестрой? Извините, Мадам, за мою эмоциональность, отнеситесь ко мне со снисхождением, предоставьте мне место в Вашем сердце рядом с моим Юзефом; мое

счастье оставляет желать только этого, у моего сердца нет иного желания как получить имя

Вашей  
почтительной и покорной дочери  
Адель Ралль<sup>4</sup>.

О каких страданиях пишет Адель Александровна? Позволим себе вновь процитировать главного виленского сплетника первой трети XIX в. Станислава Моравского: «Я слышал, что, еще обучаясь восточным языкам в Литве, он женился на девице, которая ему 30 000 злотых принесла, что он просадил с ней вместе все по-турецки на бакалеи, шербеты, мороженое, конфитюры, табаки и иные глупости. Знал я и то, что если бы он во время своих многолетних вояжей под тюрбаном, который он тогда носил, головы бы случайно своей коснулся, то нашел бы на ней несомненные знаки того, что его, словно Актеона, в могучего оленя превратили». То есть почтенный молодой профессор был рогат. Причем, как утверждал все тот же Моравский, будущий редактор «Библиотеки для чтения» «расстался с женой и развод затеял, под тем лишь условием, чтобы в Консистории госпожа Сенковская обвиняла его не в *im-* а в *praepotentiam*<sup>5</sup>. И на этой именно канонической причине, как повсеместно говорили, весь его развод опирался»<sup>6</sup>.

Судя по всему, о нравственных страданиях молодожену Сенковскому удалось забыть. Во всяком случае в воспоминаниях Адель Александровна уверяет, что все свободное время супруг отдает ей.

«Цензорское место, которое взял мой муж незадолго до нашей свадьбы с целью прибавить еще несколько к нашему маленькому доходу, не давало ему больших занятий. [...] Когда литературные занятия моего мужа увеличились, он отказался от цензорского места, которое занимал в продолжении 4 лет. Может статься, он предчувствовал тогда же, что это были единственные годы, которые мог он исключительно отдать мне. Он хотел оставить мне вечный залог своей привязанности, он хотел показать мне, как умел любить. Будучи исключителен во всех отношениях, и в этом также он имел свое совершенно особенное понятие, может быть, несходное ни с чьим другим. Поэтому-то наш медовый месяц был и долог, и чудесен»<sup>7</sup>.

О том, насколько Сенковские были счастливы в браке, можно было бы судить по письмам Адели Александровны. Однако г-жа Сенковская

<sup>4</sup> BN, rps. III.7821, k. 1.

<sup>5</sup> Не в «им-» а в «сверхпотенции» (лат.).

<sup>6</sup> См.: *Моравский Ст.* В Петербурге // Поляки в Петербурге: Николаевская эпоха. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

<sup>7</sup> *Сенковская А. А.* Биографические записки. С. 45.

ограничивается предельно общими формулировками, не описывая своего счастья, а оценивая его.

Письмо 1839 г. (точная дата не указана): «Юзеф Вам расскажет больше, что же касается меня, то я только могу Вам сказать все то же, что мы так счастливы, как это может быть в этом мире, от нашей любви, от нашего союза, от всех наших чувств друг к другу. Действительно, я счастливейшая из женщин, так как мой Юзеф после одиннадцати лет брака все так же нежен, так же мил, так же внимателен, как в первых днях нашего брака, и то, что после этого я его страстно люблю, это абсолютно естественно»<sup>8</sup>.

Письмо от 7 марта 1845 г.: «Правда, это сейчас кажется весьма далеким, но четырнадцать лет, прошедшие с того времени, как я вышла замуж, как сладкий сон, каким будут еще два или три. Впрочем, когда мы видим друг друга такими нежными, такими любящими, такими счастливыми один около другого, мы едва ли думаем убеждать себя, что мы такие давние супруги, а мы думаем, что столько, сколько мы живем, мы будем оставаться такими же нежными»<sup>9</sup>.

Письмо от 11 мая 1845 г.: «Здоровье моего любимого Юзефа сейчас достаточно хорошо, так же, как и мое, а о нашей любви мне нет необходимости говорить Вам, что она всегда жива и нежна, как и в первые дни нашего союза, так что когда нас видят, нас часто принимают скорее за влюбленных, вступивших в брак лишь вчера, чем за давних супругов, женатых в течении четырнадцати лет. Действительно, хотя Вы, моя добрая Мама, не найдете никаких перемен в моих письмах начиная с первых, что я имела счастье писать Вам до своего замужества, когда я еще могла только смутно видеть свое счастье, которое меня ждало; но оно так велико, что охватывает все, на что только можно надеяться и желать»<sup>10</sup>.

Этот ряд цитат можно продолжать бесконечно. Кроме оценки собственного счастья Адель Александровна сообщает свекрови о состоянии здоровья супруга, о своих встречах с племянником его — Болеславом Щеповским (естественно, что бабушку интересует, что делает внук), и — все! Пятьдесят восемь писем — значительный эпистолярный комплекс, в котором супруга Барона Брамбеуса умудряется не сказать фактически... ничего! Как обратил наше внимание переводчик этих писем Д. Ч. Матвейчик, хорошо знающий французский язык, по сути Адель Сенковская использует в своих письмах строго этикетные фразы, которые в принципе не несут никакой информации. Ей не о чем писать:

<sup>8</sup> BN, gps. III.7821, k. 7.

<sup>9</sup> BN, gps. III.7821, k. 9–10.

<sup>10</sup> BN, gps. III.7821, k. 5–6.

в жизни четы Сенковских нет никаких событий! Они почти нигде не приняты (Сенковский успел поссориться со всеми своими друзьями, а друзья родственников Адели Александровны не спешат открывать свои салоны скандальному профессору). Они нигде не бывают. Остается одна тема — здоровье, о чем, собственно говоря, Адель и пишет.

Действительно, не будет же невестка описывать свекрови идиллические сцены вроде той, которую она воспроизводит в своих воспоминаниях:

«Он был мужчина и как мужчина он любил меня; он был молод, пылок и любил прижимать меня к сердцу, покрывать поцелуями мои руки, расточать мне самые нежные ласки... Но все это не могло же так продолжаться. Я хорошо понимала, что ни белизна рук, ни тонкая талия и шелковистые волосы не могут одни долго пленять такого человека, каков был Сенковский. Я понимала также, что не ему следует спуститься до меня, но мне следует возвыситься по возможности до него. Не умеря своей нежности, я сумела присоединить то, что должно было только продлить ее. Я стала обрабатывать свой ум; обогащать себя познаниями во всех родах. Это было легко мне, потому что я непрерывно могла черпать в неиссякаемом источнике, который находился подле меня. Я имела под рукой живую библиотеку и любовь объясняла мне то, что я хотела знать. К ласкам самым нежным, к выражениям любви самым страстным примешивались полные курсы истории, астрономии, химии, физики и естественной истории. Мы объезжали Восток и Запад; мы посещали мастерские художников и картинные галереи. Мы разбирали во всех подробностях фабрики, искусства и ремесла. В наших разговорах все было пройдено, и я училась гораздо больше, чем прежде надеялась. Лучший из учителей имел также и самую внимательную, самую благодарную ученицу. Так прошло около двух лет, в продолжении которых мы были, можно сказать, почти неразлучны»<sup>11</sup>.

И далее:

«Я садилась возле него и слушала. Он говорил так хорошо. Слова его были в одно время и красноречивы, и убедительны, ясны и снисходительны. Он так верно умел уравнивать свою глубокую науку с моим пониманием; он так хорошо умел объяснить мне то, чему никакая книга не научила бы меня. То, чего не понимала я с первого раза по совершенному незнанию предмета, он толковал мне во второй и третий раз для того, чтобы лучше осталось в моей памяти. Он почти делал меня судьей в предметах, которые до сих пор были мне совершенно чужды»<sup>12</sup>.

<sup>11</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 45–46.

<sup>12</sup> Там же. С. 223.

Известно, что Барон Брамбеус был поклонником Жорж Санд, причем не только ее таланта, но и ее жизненной позиции<sup>13</sup>. Можно, конечно, утверждать, что он искренне пытается воспитать свою супругу в соответствии с рецептами французской писательницы, но в этом конкретном случае мы становимся, скорее, свидетелями сцен из романа уже другого русского классика — Н. Г. Чернышевского, где Сенковский предстает в виде Лопухова, а Адель Александровна — в роли Веры Павловны<sup>14</sup>! В то время, как сама Адель Сенковская явно видит себя сквозь призму иного жанра. Об этом свидетельствует и следующая цитата из ее мемуаров, и обнажающая жанровую природу той модели, которой следует эта трогательная и, судя по всему, искренне любящая женщина в качестве автора воспоминаний о собственном супруге. Это воспоминание о трагическом событии в жизни Сенковских: у Адели Александровны обнаружили опухоль груди, и врачи посоветовали супругам уехать из столицы. Отправиться в Ниццу Сенковские не могли, поэтому решили на некоторое время поселиться на балтийском взморье, в Ревеле, у бывшей ключницы семьи Ралль.

«Ничто не может сравниться с прелестью этих простых чудесных дней, когда мы жили как простые поселяне, избавленные хотя на время от всех этих фантастических нужд и необходимостей, которые заковывают

---

<sup>13</sup> Родственник А. А. Сенковской (через А. П. Брюллова, замужем за которым была родная сестра Адели Александровны) художник П. П. Соколов вспоминал, что «Осип Иванович был весьма занят только что вышедшими в свет романами Жорж Занд, и главным предметом его споров была эта писательница». См.: *Соколов П. П.* Воспоминания. Л.: Комитет популяризации художественных изделий при ГАИМК, 1930. С. 115.

<sup>14</sup> Квартирная хозяйка Лопуховых так воспринимала их семейную жизнь: «Разойдутся, оба по своим комнатам сидят, книжки читают, он тоже пишет. [...] Легла она спать, лежит, читает книжку; только слышу через перегородку-то... слышу, встает. Только, что же ты думаешь? Слышу, перед зеркалом стала, значит, волоса пригладить. Ну вот как есть точно к гостям выйти собирается. Слышу, пошла. [...] “Можно войти, миленький?” А он: “Сейчас, Верочка, минутку погоди”. — Лежал тоже. Платышко натянул, пальто: ну, думаю, галстук подвязывать станет: нет, галстуха не повязал, оправился, говорит: “Теперь можно, Верочка”. “Я, говорит, вот в этой книжке не понимаю, ты растолкуй”. Он сказал. “Ну, говорит, извини, миленький, что я тебя побеспокоила”. А он говорит: “Ничего, Верочка, я так лежал, ты не помешала”. Ну, она и ушла». Цит. по: *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 115–116. И далее: «По обыкновению, шел и веселый разговор со множеством воспоминаний, шел и серьезный разговор обо всем на свете: от тогдашних исторических дел (междуусобная война в Канзасе, предвестница нынешней великой войны Севера с Югом, предвестница еще более великих событий не в одной Америке...) до тогдашнего спора о химических основаниях земледелия по теории Либиха и о законах исторического прогресса, без которых не обходился тогда ни один разговор...» Там же. С. 123.



людей в свои цепи. Мы сами ходили покупать провизию, жили почти в развалине, беспрестанно чего-нибудь недоставало; но зато сколько вознаграждений!

Опять я была одна с гениальным человеком, опять он был моею исключительной собственностью, я обладала сокровищем и мне могли позавидовать все счастливы в мире. Мы были так счастливы в Ревеле, как давно уже не бывали.

Однажды вечером луна светила на нас своим тихим, спокойным светом, тысячи звезд блистали над нашими головами. Осип Иванович сказал мне:

— Милый друг мой, знаешь ли, мне кажется, я никогда не любил тебя так, как люблю в эту минуту!»<sup>15</sup>.

Идиллия! Чего еще может желать влюбленная женщина, так воспринимающая мир? Того финала, описание которого другой ехидный классик — впрочем, откровенно не любивший Сенковского, — вложил в уста одной из своих героинь:

Две горлицы покажут  
Тебе мой хладный прах.  
Воркуя, томно скажут,  
Что она умерла во слезах<sup>16</sup>.

Однако совершенно очевидно, что эта идиллическая картина была бы не полной, если бы на семейное счастье Сенковских кто-то не стремился посягнуть. Адель Александровна обнаруживает источник угрозы в поклонницах супруга: «Женщины неумолимы в ненависти, но часто бывают оне тоже неумолимы и в привязанности.

Если оне не дают врагу ни покоя, ни отдыха, то очень часто поступают также и с другом. Это оправдалось совершенно в этом случае. Со всех сторон расставили моему мужу сети и он попался в них...»<sup>17</sup>.

Несмотря на то что сама г-жа Сенковская не раскрывает в своих воспоминаниях, кто же та, что смутила покой ее супруга, следы доходят до потомства совершенно неожиданным образом — через текст другого мемуариста — Адальберта Викентьевича Старчевского, с которым в последние годы своей жизни был вынужден сотрудничать Барон Брамбеус и который на старости лет опубликовал странный очерк под названием «Роман одной забытой романистки»<sup>18</sup>. Очерк странный,

<sup>15</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 198–199.

<sup>16</sup> См.: Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 5. С. 150.

<sup>17</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 114.

<sup>18</sup> См.: Исторический вестник. 1886. Кн. III. С. 203–234, 509–531.

поскольку Старчевский пытается договорить то, чего сознательно не договаривает в своих воспоминаниях Адель Александровна. По словам Старчевского, «Сенковская смотрела на Е. А. (Ган. — А. Ф.) как на соперницу, которая, познакомившись с ее мужем, вполне им завладела. Ему хотелось сделать Елену Андреевну писательницей, в чем он и успел вполне. Но для этого потребовалось значительное время, которым он и жертвовал для нее, что, конечно, не могло нравиться жене, которая все это время находилась на втором плане, пока занимательная игрушка не надоела учителю-журналисту»<sup>19</sup>.

Вероятно, это правда. Сенковская в силу особого положения своего супруга в обществе (напомним: они почти нигде не бывают!) рассматривает любое проникновение женщины из внешнего мира как появление соперницы. Она и в воспоминаниях рисует не портрет дерзкой соблазнительницы, а, говоря словами Пушкина, «семинариста в желтой шале / или академика в чепце»<sup>20</sup>. И это понятно: не названная по имени Е. А. Ган (если верить Старчевскому, речь идет именно о ней), претендует на тот статус любимой ученицы, который — единственный! — остается самой Адели Александровне: «Какая женщина не нашла бы в своем уме средства достигнуть до барона Брамбеуса, если б только она действительно этого захотела! Средства и предлоги были разные — но вывод все один и тот же.

То являлась женщина, чтобы испросить снисхождения грозного, опасного критика для какого-нибудь кузена, мужа или отца. То какой-нибудь синий чулок просил покровительства барона Брамбеуса для себя и для своего произведения. То являлась светская женщина, у которой был сынок, недоросль, но обещавший со временем сделаться восьмым чудом. Она приходила за советами, которые так драгоценны тому, кто их получает, и ничего не стоят тому, кто их дает.

То приходила несчастная вдова с детьми просить работы и хлеба. То престарелая дева, получившая отвращение от светских удовольствий и от света, который не умел оценить ее, приходила спрашивать у знаменитого автора «Фантастических путешествий» о ближайшей дороге к славе и знаменитости.

Бывали тоже и признания весьма откровенные, и не одна из них говорила не обинуясь, что единственною причиной ее посещения было любопытство, энтузиазм, возбудивший неодолимое желание увидеть и узнать того, которому так удивлялись.

---

<sup>19</sup> Цит. по: *Старчевский А. В.* Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. Кн. III. С. 204.

<sup>20</sup> См.: *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. С. 60.

Поводы были различны, но результат все один и тот же. Я уже сказала это. Все удоставлялись, что на барона Брамбеуса клеветали и что преследовали его совершенно напрасно. Все женщины, которым удалось проникнуть до барона Брамбеуса, нашли в нем человека, очаровавшего их с первого слова своей чрезвычайной учтивостью, приветливостью, любезностью и терпением, с которым выслушивал он их.

Ободренные первым успехом, многие из них не удовлетворялись этим. Первый шаг только труден и однажды сделанное знакомство поддерживать можно. Такой человек — клад! Гений, да еще с приемами большого света! Как он ловко умеет сказать любезность! Какая пронизательность, чтобы открыть малейшее достоинство! С каким знанием дела умеет он похвалить цвет платья, фасон шляпки, форму маленькой ножки или ручки! И потом еще, какое огромное преимущество, без которого нельзя было воспользоваться всеми другими, — он почтенный человек, он женат! Что за беда повторить посещение, которое было так хорошо принято? Клевете не к чему будет привязаться, а кузен, муж или отец милой посетительницы только выиграют от этого»<sup>21</sup>.

При этом уже сам, скорее всего, Старчевский усложняет интригу, вводя угрозу уже самой Елене Ган, которая включает в новую конфигурацию творческо-интимного треугольника своих кузин, претендующих на часть свободного времени редактора «Библиотеки для чтения»: «До сих пор Елена Андреевна проводила безмятежные часы, исключительно посвященные ей бароном Брамбеусом. Укрываясь под тенью литературных занятий, дозволявших ей свободный вход во всякое время, — часто, с сердцем переполненным гордостью, слышала, как запрещалось кого-либо пускать в кабинет, где она сидела, запершись вдвоем с Брамбеусом. До сих пор ей удавалось увертываться от всякой неприятной встречи. И что же? Теперь, когда она привыкла считать себя единственной в своем роде, не иметь соперниц равных себе, вдруг она видит себя принужденною сойти с пьедестала. Она ожидала совсем другого; а тут полное равнодушие Брамбеуса к ее словам ясно показало, что ей никогда не удастся зайти далее, что бы она ни предпринимала. Да, — думала она с отчаянным желанием утешить себя, — жена его права: он не умеет любить, он умеет только мыслить. Лучше любить его издали и умеренно пользоваться благодеяниями этого ума, который стремится всех согреть и освещать, а сам не хочет ничего чувствовать»<sup>22</sup>. Причем следует учитывать, что Ган совершила-таки ошибку и познакомила Брамбеуса со своими кузинами, о чем свидетельствует сам Сенковский

<sup>21</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 112–114.

<sup>22</sup> Старчевский А. В. Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. Кн. III. С. 214.

в письме к еще одной своей «ученице» по литературному делу — Елизавете Николаевне Ахматовой: «Она [Е. А. Ган], действительно, долгое время питала ко мне, могу сказать, живейшую признательность и почти романическую преданность, что весьма понятно при восторженности ее характера, пользовалась дружбой моего семейства, ее родные были мои друзья...»<sup>23</sup>.

То есть, как утверждает Старчевский, Елена Ган оказалась по отношению к своим кузинам, пытавшимся отнять ради собственного общения с Сенковским такие дорогие для нее минуты работы с «учителем», в точно такой же ситуации, как Адель Сенковская оказалась по отношению к самой Елене Ган. Проще говоря, если любовь к Сенковскому не могла реализоваться иначе, чем в виде сублимации творческого процесса, то чума на всех, кто мешает этому процессу! Так реагирует на внешние раздражители в юбках Адель Александровна — и так же заставляет в своем очерке реагировать ее соперницу Адальберт Старчевский.

Примечательно, однако, что в качестве «соперницы» Адели Александровны Старчевский избирает именно Елену Ган, а вовсе не Елизавету Ахматову. И, на наш взгляд, не потому, что для ревности г-жи Сенковской в этом случае не было оснований. Причина проста: Е. Н. Ахматова... еще жива, а потому может и сама огласить свою версию отношений с редактором «Библиотеки для чтения», что, в конце концов, она и делает, пережив всех остальных героев этой запутанной «любовной» (?) истории.

При этом в отличие от Е. А. Ган, родственники которой вымещают запоздало обиду на Сенковском, чей «литературный роман» дал А. В. Старчевскому возможность посмертно «замарать» репутацию писательницы, Е. Н. Ахматова пытается унижить Адель Сенковскую — точно продолжая ревновать Брамбеуса к его законной супруге: «Первое время он увлекся ею, потому что Адель Александровна, как она сама признавалась мне, была страстно влюблена в него и умела льстить его тщеславию, восхищаясь им, но когда та, которая пожелала этого брака, вскоре умерла<sup>24</sup>, Осип Иванович сам опасно занемог и чуть не умер, так велика была его привязанность к женщине, которой он

<sup>23</sup> Цит. по.: *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус) // Русская старина. 1889. Т. LXI. С. 287. Далее ссылки на данное издание см.: *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский.

<sup>24</sup> История любви О. И. Сенковского к сестре его будущей жены, Софье Александровне Ралль, реконструирована А. Е. Новиковым. См.: Новиков А. Е. «Любовь и смерть» Барона Брамбеуса (Факты биографии О. И. Сенковского и их творческое переосмысление) // Документальное и художественное в литературном произведении: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИГУ, 1994. С. 48–61.

необдуманно принес жертву, испортившую ему жизнь»<sup>25</sup>. И далее: «Трудно бы найти другой такой оригинальный и эксцентрический характер, в основании которого лежал самый утонченный эгоизм. Но она постоянно твердила, что считает себя самой счастливою женою на свете, и не только говорила, но и думала так. Действительно, трудно было найти мужа более внимательного, более баловавшего свою жену»<sup>26</sup>.

Ахматова подчеркивает, что была не только литературной ученицей Сенковского, но и подругой его жены: «Я храню глубокую признательность к А. А. Сенковской за ее неизменное расположение ко мне, за то радушие, с каким она приняла меня, приезжую издалека, но так как ее характер имел громадное влияние на настроение ума и образ жизни ее мужа, я не считаю себя в праве умолчать о том, что касается дорогого мне лица. В правдивых “Воспоминаниях” отзывы даже о близких людях должны быть беспристрастны, воспоминания не некролог, где обязательно должны воспеваться только похвалы. Притом Адель Александровна сама рассказала в своих “Воспоминаниях” историю свою и своего мужа, во многом далекую от истины, а я в своих “Воспоминаниях” считаю своею обязанностью эту истину восстановить»<sup>27</sup>.

«Восстанавливая истину», Ахматова строит текст своего очерка как ответ на воспоминания А. А. Сенковской, с текстом которых она, разумеется, хорошо знакома. Она словно следует по пятам за той, кто — как утверждает сама мемуаристка — не сумела сделать Барона Брамбеуса счастливым человеком, хотя он сделал счастливой ее саму. Приведем несколько примеров.

Адель Сенковская вспоминает, как муж уговаривал ее заняться музыкой — при том, что сама Адель Александровна сознавала свои слабые способности: «Я уже говорила, что в первые годы нашей женитьбы мы были почти неразлучны; если б я обладала хорошеньким талантом, то могла бы играть перед моим мужем и музыка никогда бы не разлучала нас. Но я играла очень дурно и хотя вышла из семьи чрезвычайно музыкальной, многие члены которой обладали таким музыкальным талантом, что могли бы стать наряду с первейшими артистами, я, однако ж, не была одарена музыкальным гением. К этому присоединилась еще непреодолимая робость, и я путалась и сбивалась лишь только кто-нибудь слушал меня. К чему было мне дурно играть перед моим мужем или, чтоб упражнять мой ничтожный талант, высылать его из комнаты, когда

<sup>25</sup> Ахматова Е. Н. Осип Иванович Сенковский. С. 334–335.

<sup>26</sup> Там же. С. 338.

<sup>27</sup> Там же. С. 334.

я могла быть так счастлива с ним?»<sup>28</sup> Однако Ахматова, фактически пересказывая воспоминания своей «соперницы», расставляет акценты по-своему: «Только музыка, занимавшая Адель Александровну до самой смерти, служила Осипу Ивановичу спасением, он в это время отдыхал. Странно то, что, не имея к музыке ни малейших способностей, Адель Александровна проводила за роялем целые дни. Она вполне сознавала свою неспособность, и это стоило ей многих горьких слез, а между тем по целым часам разучивала какую-нибудь пьесу, которую всякая малолетняя ученица сыграла бы лучше ее. Трудно объяснить эту несчастную страсть в женщине бесспорно умной и понимавшей в музыке толк»<sup>29</sup>.

Адель Александровна пытается представить себя рачительной хозяйкой, занимающейся, как и положено любящей супруге, рукоделием: «Мой муж входил во все мельчайшие подробности, касающиеся до меня. Мы все делали вдвоем, и я берегу еще большой ковер, в 5 квадратных аршин, который я вышивала под руководством Осипа Ивановича. Он выбирал цвета, подбирал тени, делал перемены в рисунке»<sup>30</sup>. Но Ахматова и здесь наносит ей удар: «Кроме музыки, Адель Александровна ничем не занималась, по крайней мере в то время, как я познакомилась с нею, я не видала у нее в руках ни одной книги, никакой женской работы...»<sup>31</sup>.

Даже когда г-жа Сенковская высказывает слова ревности в адрес женщин, окружавших ее дорогого супруга, — «Какая жена могла бы спокойно, равнодушно смотреть, как другие женщины рвут по клочкам, оспаривают друг у друга сокровища, которых достоинства и назначения не в состоянии оценить ни одна из них! Жизнь, здоровье, спокойствие, важные занятия человека, которого оне называют себя горячими и бескорыстными друзьями! Какая жена не дрожала бы, видя, как во зло употребляет он свои способности и не старалась бы оградить дорогие для нее дни и драгоценный покой того, кто растрачивал так опрометчиво свою жизнь, и щедрость которого ценили ни во что те, кто воображал, что любит его»<sup>32</sup>, — Ахматова страстно возражает ей, подвергая сомнениям искренность этих ее чувств, естественных в каждой любящей женщине: «Адель Александровна была так тщеславна и самолюбива и так уверена в своих собственных достоинствах, что не могла допустить мысли, чтобы какая-нибудь женщина могла сравняться с нею. Она знала очень хорошо всех обожательниц своего мужа, — а их было очень

<sup>28</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 132–133.

<sup>29</sup> Ахматова Е. Н. Осип Иванович Сенковский. С. 337.

<sup>30</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 47.

<sup>31</sup> Ахматова Е. Н. Осип Иванович Сенковский. С. 337.

<sup>32</sup> Сенковская А. А. Биографические записки. С. 116.

много, — и ни одна не возбуждала в ней ревности, а, напротив, их обожание нравилось ей»<sup>33</sup>.

Остается лишь посочувствовать профессору Императорского Санкт-Петербургского университета Осипу Ивановичу Сенковскому, представив себе его окруженным ненавидящими друг друга и буквально рвущими его на части в своих воспоминаниях женщинами.

Хотя почему посочувствовать, а не позавидовать? Такие яркие и умные женщины ненавидели друг друга лишь потому, что любили его. Значит, было за что любить?

---

<sup>33</sup> *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский. С. 337.

# Писатели — читатели

## 8-07-71 Т Е А Т Р Ъ АВГУСТА ФОНЪ КОЦЕБУ,

Содержащій въ себѣ:  
СОБРАНИЕ ИЗБРАННЫХЪ ЕГО ТРАГЕДІЙ,  
КОМЕДІЙ, ДРАММЪ, ОПЕРЪ И ДРУГИХЪ  
ТЕАТРАЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СЛАВНАГО  
СЕГО ПИСАТЕЛЯ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ,

Въ кошорой:

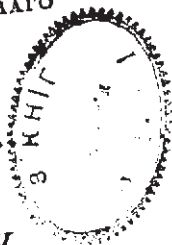
БАЯРДЪ, ДРАММА.

ПОСЪЩЕНІЕ, КОМЕДІЯ.

БЛАНКА фонъ МОНФОКОНЪ, драм-  
матическая картина.

Второе, умноженное изданіе.

МОСКВА.  
Въ Типографіи С. Селивановскаго.  
1824.





# «ПОДВИГ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»

## Об источнике пушкинской формулы

В академическом издании А. С. Пушкина «Дневники. Записки», подготовленном Я. Л. Левкович и вышедшем в серии «Литературные памятники» в 1995 г., известная пушкинская формула, выражающая его отношение к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — «не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» (Пушкин, 1995: 56), сопровождается следующим комментарием: «“Подвиг честного человека” — цитата из письма Гальяни о цензуре. Карамзину нравилось употребление этой формулы применительно к нему самому. В кругу Карамзина эта формула была хорошо известна. Пушкин это знал и еще раз употребил эту формулу в записке “О народном воспитании” (XI, 41). См. Вацуро В. Э. “Подвиг честного человека”. С. 68, 88, 95, 98» (Левкович, 1995: 260).

Вместе с тем ссылка на работу В. Э. Вацуро (Вацуро, 1986) не является сама по себе сколько-нибудь доказательной хотя бы потому, что ни на одной из страниц, указанных Я. Л. Левкович, формула «подвиг честного человека» не приводится с указанием на авторство Ф. Гальяни, известного религиозного деятеля и моралиста. Напротив, речь у Вацуро идет о совсем иной принадлежащей Гальяни формуле: «Знаете ли Вы мое определение того, что такое высшее ораторское искусство? Это — искусство сказать все, — и не попасть в Бастилию в стране, где не разрешается говорить ничего» (Вацуро, 1986: 87). На следующей же странице, на которую ссылается Левкович, говорится лишь о том, что «ёмкая формула “подвиг честного человека” вобрала в себя и воспоминание о внутренней борьбе и сомнениях Карамзина — о “цензуре совести”» (Вацуро, 1986: 88). Как видим, речь идет о совсем другой цитате из письма Гальяни.

Однако чуть далее и у Вацуро мы обнаруживаем ссылку на то, что «Пушкин не сам придумал эту формулу. Как и цитата из письма Гальяни о цензуре, она была хорошо известна в кругу Карамзина; за ней стояли факты и события, которые давали ей расширительный и глубочайший смысл» (Вацуро, 1986: 95). Таким образом, мы видим, что Вацуро разделяет мнение о цитатности пушкинской формулы «подвиг честного человека», однако вовсе не смешивает ее с формулой Галья-

ни. Вероятно, при работе над комментариями к изданию пушкинского текста и использовании исследования В. Э. Вацуры у Я. Л. Левкович почему-либо произошла контаминация двух цитат, и «подвиг честного человека» оказался приписанным автору, в произведениях которого он вовсе не указывается.

Это, однако, не снимает вопроса об источнике цитаты. Если мы признаем, что Вацура прав и что формула, употребленная Пушкиным дважды, «была хорошо известна в кругу Карамзина», это означает, что автор, произведение которого цитирует Пушкин, также был достаточно хорошо известен — и Карамзину, и Пушкину, и, вероятно, достаточно широкой читательской аудитории, если Пушкину не понадобилось специально оговаривать цитатный характер своей формулы.

Как нам кажется, мы нашли весьма вероятного претендента на авторство формулировки «подвиг честного человека». Это известный поэт конца XVIII — начала XIX в. князь Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий). Формулировка употребляется им в оде «На кончину Ивана Ивановича Шувалова»:

*Доколѣ человекъ на свѣтѣ мочь являетъ,  
То всякъ языкъ его блажитъ и восхваляетъ;  
Когда же взять твой духъ, Шуваловъ, отъ земли,  
Прими моихъ слезъ дань и истину внемли!  
Ты **подвигъ** совершилъ **честнаго человекъ**,  
Усердіемъ къ добру полезень былъ полвѣка;  
Царямъ ты былъ слуга и Царства сынъ прямой;  
Не случаемъ однимъ, ты высылся душой;  
Путями идучи единой только чести,  
Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой лести.*

.....  
*Среди своихъ гражданъ любя добро творить,  
Соотчичей своихъ старался просвѣтить.*

.....  
*Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,  
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь олтарей!  
Блаженъ тотъ міра край, отлично щастье граду,  
Которому Богъ далъ такихъ Мужей в отраду!*

(Долгорукий, 1817: 40–41)

Как мы видим, формулировка «подвиг честного человека» органично вписана в общий контекст стихотворения: И. И. Шувалов предстает в нем образцом чести и нравственности. Теперь попытаемся высказать аргументы в пользу того, почему именно стихотворение И. М. Долго-

рукова, а не какое-либо из писем аббата Гальяни (даже если схожая формулировка имеется в нем) является источником характеристики Н. М. Карамзина в пушкинских текстах.

1. Время первого появления в общественном сознании стихотворения Долгорукова совпадает со временем смерти И. И. Шувалова. Это 1797 г. В свою очередь, переписка аббата Гальяни выходит в свет лишь в 1818 г. Это означает, что даже если имеет место смысловое совпадение, текст Долгорукова становится известным русским читателям на 21 год раньше (известий о хождении каких-либо эпистолярных текстов Гальяни в рукописном виде мы не обнаружили).
2. Творчество И. М. Долгорукова было хорошо известно современникам, в том числе и кругу Карамзина. Долгоруков был другом князя А. И. Вяземского, отца П. А. Вяземского и тестя Карамзина (Долгоруков, 1997: 194–195). С Карамзиным он встречался и состоял в переписке (Долгоруков, 1997: 251–252). Поэтому шанс, что формулировка «подвиг честного человека» стала расхожей в карамзинском кругу именно благодаря Долгорукову, достаточно велик.
3. Стихотворение на смерть известного мецената, куратора Московского университета не могло в кругу историографа пройти незамеченным еще и в силу того, что новым попечителем университета стал М. Н. Муравьев, близкий друг Карамзина. Именно при Муравьеве Долгоруков был удостоен диплома почетного члена Московского университета (Долгоруков, 1997: 237). Поскольку значительное число стихотворений Долгорукова непосредственно касалось университета и свой итоговый сборник он посвятил «Императорскому Московскому университету» (Федута, 2002), можно предположить, что Муравьев, сам поэт, по крайней мере познакомился с творчеством того, кого он удостоивал высокого звания почетного члена.
4. В библиотеке Пушкина имеются как двухтомное издание переписки Гальяни 1818 г., так и четырехтомное издание итогового сборника И. М. Долгорукова «Бытiе сердца моего, или Стихотворенiя Князя Ивана Михайловича Долгорукаго» — третье, дополненное издание сборника, вышедшего впервые в 1802 г. и переизданного в 1817–1818 гг. Заметок Пушкина нет ни в одном из этих изданий (Модзалевский, 1910: 36, 236). Вместе с тем известно, что Пушкин интересовался творчеством Долгорукова, о чем свидетельствует сын «стихоплета великородного» (как охарактеризовал Долгорукова-старшего Пушкин в X главе «Евгения Онегина»: «Пушкин присылал ко мне сегодня (12.03.1822. — А. Ф.) просить батюшкиных сочинений» (Долгоруков, 1985: 370). Вероятно, речь идет именно о сборнике «Бытiе сердца моего...», поскольку трудно себе

представить, чтобы сын П. И. Долгоруков возил с собой рукописи отца, в то время как они были изданы чрезвычайно удобно и компактно.

5. Шувалов, которому посвящено стихотворение Долгорукова, как и Карамзин, присутствует на страницах дневников и записных книжек Пушкина (Пушкин, 1995: 91, 119, 123). При постоянном интересе Пушкина к XVIII в. легко предположить, что он обратил внимание и на этот текст.

Таким образом, по нашему мнению, достаточно велика вероятность того, что источником пушкинской формулировки «подвиг честного человека» является стихотворение И. М. Долгорукова «На кончину Ивана Ивановича Шувалова». Это не исключает того, что и Долгоруков, в свою очередь, мог заимствовать ее у какого-либо другого автора. Однако заимствование ее Пушкиным (либо Долгоруковым) у аббата Ф. Гальяни, на наш взгляд, по меньшей мере, пока трудно считать доказанным. Во всяком случае в его переписке, издание которой имелось в библиотеке Пушкина, соответствующую либо схожую формулировку нам обнаружить не удалось.

Однако очевидно, что со времени написания стихотворения Долгоруковым до момента употребления формулировки «подвиг честного человека» прошел значительный промежуток времени, и значения отдельных составляющих ее понятий сместились. В результате сама по себе формулировка в пушкинском контексте означает иное, нежели вкладывал в нее Долгоруков.

«Словарь языка Пушкина» приводит две формы эпитета — «честный» и «честной». При этом интересующая нас формулировка в каком-либо из вариантов использования ее Пушкиным отсутствует (Словарь языка Пушкина: 4, 906–908). Очевидно, что Долгоруков употребил слово «честной» в его втором значении — «почтенный, уважаемый, почётный» (Словарь языка Пушкина: 4, 906) либо перенес на него значение, закрепленное за формой «честный» в первом значении: «добросовестный, порядочный, достойный почтения, уважения; неспособный на низкие дела, поступки» (Словарь языка Пушкина: 4, 907). Характеристика, данная им И. И. Шувалову, полностью укладывается в совпадающую составляющую значений двух слов: Шувалов — человек почтенный и заслуживающий уважения.

Несколько сложнее обстоит дело со значением слова «подвиг». Естественно, что приведенное в «Словаре языка Пушкина» значение «героический, доблестный поступок» (Словарь языка Пушкина: 3, 421), несмотря на всю значимость благотворительной и просветительской деятельности Шувалова, вряд ли могут быть ему адресованы. Подвиг Шувалова описы-

вается поэтом как процесс, растянутый во времени. Однако и «самоотверженный, тяжелый труд, дело, важное начинание, предприятие» (Словарь языка Пушкина: 3, 421) не подходит к его характеристике. Вероятнее всего, Долгоруков употребил слово «подвиг» в более архаичном его значении. Как отмечает В. В. Виноградов, «в высоком стиле XVIII в. было очень живым употребление слова *подвиг* и в значении ‘движение, путь’... На основе этого употребления в стихотворном языке сложилось выражение *свершить свой подвиг* в значении ‘осуществить свой жизненный путь, окончить жизнь’» (Виноградов, 1989: 260). На наш взгляд, именно в этом значении и употребляет слово «подвиг» Долгоруков, говоря о Шувалове: Шувалов окончил свой жизненный путь, как подобает честному человеку.

## БИБЛИОГРАФИЯ

Вацуру, В. Э.: 1986, ‘Подвиг честного человека’ В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсон ‘Сквозь «умственные плотины»’, Москва, 29–113.

Виноградов, В. В.: 1989, ‘История слова *подвиг* в русском языке’ ‘Известия АН СССР. Серия литературы и языка’, Т. 48, № 3, 253–263.

Долгоруков, И. М.: 1817, ‘*Бытіе сердца моего, или Стихотворенія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго*’, в 4 ч., ч. 1, Москва.

Долгоруков, И. М.: 1997, ‘*Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни*’, Москва.

Долгоруков, П. И.: 1985, ‘35-й год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья’ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2 т., т. 1, Москва, 364–376.

Левкович, Я. Л.: 1995, ‘Комментарии’, А. С. Пушкин, ‘Дневники. Записки’, Москва, 207–312.

Модзалевский, Б. Л.: 1910, ‘Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание)’, Санкт-Петербург.

Пушкин, А. С.: 1995, ‘Дневники. Записки’, Москва.

‘Словарь языка Пушкина’: 1956–1961, в 4 т., Москва.

Федута, А. И.: 2002, ‘Публичное чтение интимного дневника (Проблема читателя в сознании И. М. Долгорукова)’ ‘Забывшие и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Маймина. 15–18 мая 2001 г.’, в 2 т., т. 2, Псков, 18–28.

## ТРИ «БУДРЫСА»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод

Баллада «Trzech Budrysów (Ballada litewska)» — бесспорный шедевр Адама Мицкевича — прочно вошла в сознание русскоязычного читателя во многом благодаря переводу «Будрысы и его сыновья», принадлежащему перу А. С. Пушкина. Канонизация этой блестящей поэтической интерпретации одновременно привела к тому, что соперничество с Пушкиным стало для русских поэтов невозможным. Вместе с тем первым переводчиком баллады Мицкевича на русский язык стал не Пушкин, а другой литератор — хороший знакомый Мицкевича, активный популяризатор его творчества Ф. В. Булгарин. Правда, Булгарин, некоторое время грешивший стихосложением, все же не отважился предложить собственную поэтическую интерпретацию «Будрысов» и ограничился лишь прозаическим подстрочником, который тем не менее был опубликован буквально вслед за печатным появлением подлинника, то есть намного ранее пушкинского перевода.

Подстрочник Булгарина был опубликован в журнале «Сынъ Отечества и Северный Архивъ» (1829, т. V, с. 113–115). Подстрочник опубликован анонимно, однако, поскольку из двух соредакторов объединенного издания польским владел именно Булгарин, в его авторстве сомнений ни у кого не возникало. Весьма вероятно, что Пушкин, внимательно читавший издания Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча<sup>1</sup>, был знаком и с этим номером их журнала. В этом случае его внимание наверняка обратило примечание переводчика: *«Эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты расказа и легкости. Форма стихосложенія совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ окончательное слово на цезурѣ составляетъ рифму съ последнимъ»*. И далее: *«Прелесть языка потеряна въ переводѣ, но читатели увидятъ, по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ умѣетъ замысловато разсказывать вещи самыя*

---

<sup>1</sup> Об этом свидетельствует, в частности, описание номеров «Сына Отечества» и «Северного архива» (до их объединения), сохранившихся в библиотеке Пушкина. См.: *Модзалевскій Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). — СПб., 1910. С. 133–134.

обыкновенныя, и как то самое воображеніе, въ которомъ родились Валленродъ и Дяды, представляетъ картины изривья»<sup>2</sup>.

Нет сомнения в том, что подобная характеристика должна была осознаться как своеобразный вызов русским поэтам. Тем более из уст Булгарина, чье этническое происхождение русские писатели помнили и поминали ему не раз (Булгарин, как и Мицкевич, был литвином, то есть славянином непольского происхождения из земель бывшего Великого Княжества Литовского; сейчас бы его назвали белорусом, но россияне первой трети XIX в. в такие нюансы не вникали и считали его поляком<sup>3</sup>). Кроме того, Мицкевич еще слишком недавно побывал в Москве и Петербурге, и триумфальное впечатление от его поэтических импровизаций хорошо помнили ведущие российские поэты<sup>4</sup>. Вместе с тем, как справедливо отмечал Булгарин в первом своем отклике на вышедший сборник Мицкевича, *«русскіе читатели знаютъ сочиненія Мицкевича по нѣкоторымъ отрывкамъ, переведеннымъ стихами и по большей части прозою. Смѣло можемъ увѣрить, что по всѣмъ этимъ переводамъ нельзя иметь ни малѣйшаго понятія о дарованіи Мицкевича, потому что перевестъ его почти невозможно»*<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> Цит. по: <Булгарин Ф. В.> Три Будриса. Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича // Сынъ Отечества и Северный Архивъ. Журналъ литературы, политики и современной исторіи, издаваемый Николаемъ Гречемъ и Ѳаддеемъ Булгаринымъ. 1829. Т. V. С. 113. Далее ссылка на данное издание дается в тексте, в скобках непосредственно после цитаты с указанием автора перевода.

<sup>3</sup> См., например, ехидное замечание А. А. Дельвига в его рецензии на булгаринского «Димитрия Самозванца»: «Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою націю; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским». Цит. по: Дельвиг А. А. «Димитрий Самозванец». Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина. 4 части // Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 219.

<sup>4</sup> Молодой историк и член общества филаретов Миколай Малиновский, в 1827–1828 гг. живший в доме Булгарина в Петербурге, писал Иоахиму Лелевелю, передавая рассказы (вероятно, самого Мицкевича) о прощении с польским поэтом в Москве: «Поэта провожали со слезами. Он отвечал им импровизацией, которая вызвала такое воодушевление, что поэт Баратынский, преклонив колена, зывал: Ah! mon Dieu, pourquoi n'est-il pas Russe?!. etc». Цит. по: Мицкевич, Боратынский, Грибоедов в переписке М. Малиновского и И. Лелевеля / Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечания А. И. Федуты // Philologica. 2003. Т. 17–18. С. 201. Ср.: «Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тут стенографа. Действие ее еще памятно, но, за неимением положительных следов, впечатления непередаваемы. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге». (Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 134).

<sup>5</sup> Цит. по: <Булгарин Ф. В.> Poezye Adama Mickiewicza etc. Собрание стихотворений Адама Мицкевича. Новое, умноженное издание, въ двухъ томахъ, въ 12-ю долю. С. П. б въ типогр. К. Края. 1829 // Северная Пчела. 1829. № 41. 4 апреля. С. 1.

В 1827–1828 гг., в Москве, и позже, когда Мицкевич прибыл из Москвы в Петербург, Пушкин неоднократно встречался с ним, в том числе на обеде у Булгарина<sup>6</sup>, отношения с которым у Пушкина в этот период еще не были столь натянутыми, как позже. Мицкевич был также приглашен к отцу русского поэта, Сергеем Львовичу Пушкину<sup>7</sup>. Общение между поэтами шло по-французски: этот язык они оба знали в совершенстве, в то время как Пушкин еще не пытался переводить с польского (стимулом для этого стало как раз общение с Мицкевичем), а сам Мицкевич достаточно свободно владел русским языком. Поэтические импровизации Мицкевича, ставшего позже прообразом Импровизатора в «Египетских ночах», также облекались в плоть французского языка<sup>8</sup>, что и вызывало столь яркую реакцию со стороны, например, Боратынского — так же, как и Пушкин, не знавшего польского языка. Даже если предположить, что Пушкин присутствовал при польскоязычных импровизациях Мицкевича, вряд ли они могли бы повлечь за собой желание перевести то или иное произведение польского поэта.

Следует отметить также, что в библиотеке Пушкина сохранились несколько изданий Мицкевича, в том числе два, содержащих в себе тексты, к которым позже Пушкин обратится в качестве переводчика. Это поэма «Konrad Wallenrod», выпущенная в 1828 г. той же петербургской типографией Карла Края, что и отрецензированный Булгариным сборник стихотворений, и сам этот сборник «Poezye Adama Mickiewicza. Wydanie nowe pomnozone», вышедший в 1829 г. Характеризуя состояние второго издания (двухтомника), Б. Л. Модзалевский отмечает: «Экземпляр совершенно свежий; замѣтокъ нѣтъ»<sup>9</sup>. Не исключено, что Пушкин пролистывал сборник, но он не вызвал у него живого интереса (именно в силу недостаточного знания языка). Вместе с тем именно в этом сборнике впервые и была напечатана баллада Мицкевича о трех сыновьях Будрыса, ставшая первоосновой для шедевра пушкинского переводческого творчества.

Таким образом, и польский текст баллады, и русскоязычный прозаический подстрочник Булгарина сами по себе оказываются недостаточными

<sup>6</sup> Что зафиксировал в своем дневнике, в частности, все тот же М. Малиновский. См.: *Malinowski M. Dziennik. Wilno, 1921. S. 76–79.*

<sup>7</sup> *Ibid*, s. 47.

<sup>8</sup> См.: «Для русских приятелей своих, не знавших по-польски, он иногда импровизировал по-французски, разумеется, прозой, на заданную тему. ... Чуждый ему язык, проза более отрезвляющая, нежели упоющая, мысль и воображение не могли ни подавить, ни остудить порыва его». *Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 134.*

<sup>9</sup> См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 288.*



поводами для того, чтобы разбудить пушкинский гений. Внешним толчком становятся события ноября 1830 г. — ноябрьского восстания в Варшаве, продемонстрировавшего существование реальной потребности польского народа отстоять свое право на государственный суверенитет, возможность самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Известно, что российская интеллектуальная и творческая элита — за исключением П. А. Вяземского — поддержала карательные меры, принятые императором Николаем I. Пушкин в данном случае не был исключением<sup>10</sup>. Для него речь шла не столько о праве наций на самоопределение, сколько о праве Российской империи оставаться целостной державой и включать в себя земли и народы, некогда присоединенные при помощи оружия. Политические прокламации, каковыми являются стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», выражают именно этот подход.

Однако нельзя утверждать, что Пушкин страдает полонофобией. Достаточно вспомнить поляков, изображенных им задолго до восстания в «Борисе Годунове», — старика Юрия Мнишка, его дочь Марину, «гордую полячку», — чтобы убедиться в этом. К тому же позади болдинская осень 1830 г., когда в цикле «маленьких трагедий» поэт попробовал заговорить языками образов и использовать темы различных народов и эпох. Этот удавшийся во всех отношениях творческий эксперимент поэта — «Протeya» (если использовать поэтический образ Н. И. Гнедича) позволил ему перенестись в Испанию, Австрию, Англию, Бургундию. Его поэтическая чуткость в этот период чрезвычайно высока.

Именно поэтому образ Мицкевича актуализируется в сознании Пушкина. Следует учитывать, что имя польского поэта после восстания 1830–1831 гг., когда его творчество стало знаменем борьбы поляков за независимость Польши, находилось в Российской империи под запретом. Книги Мицкевича провозились на российскую территорию нелегально<sup>11</sup>. Фактически переводить его стихи можно было только анонимно, без указания на авторство. Перевод и публикация стихов Мицкевича, таким образом, становятся выражением человеческой позиции переводчика, внятной тем, кто осведомлен о первооснове публикуемых текстов (и в первую очередь многочисленным друзьям и со-

<sup>10</sup> См.: *Федута А. И.* Еще раз о «Клеветникам России» («Польский вопрос» в пушкинскую эпоху) // Пушкин и мировая культура: Сб. научных трудов. — Минск, 2001. С. 47–65.

<sup>11</sup> См.: *Kopczyński Krz.* Mickiewicz i jego czytelnicy: O recepcji wieszczka w zaborze rosyjskim w latach 1831–1855. Warszawa, 1994. Это одна из серьезнейших работ, посвященная восприятию Мицкевича на польских землях, захваченных Россией в результате разделов Речи Посполитой. См. также: *Kacnelson D.* Poezja Mickiewicza wśród powstańców. Wiek XIX. Kraków, 1999.

отечественникам Мицкевича, продолжающим жить в Петербурге после его эмиграции).

Пушкинские переводы из Мицкевича «Будрысь и его сыновья» и «Воевода» были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения», редактировавшемся этническим литвином (как и Мицкевич, как и Булгарин) О. И. Сенковским, во втором томе за 1834 г. Переводы имеют подзаголовки соответственно «Литовская баллада» и «Польская баллада» (в последнем случае очевидно отступление от текста: «Czaty» у Мицкевича обозначены не как польская, а как украинская баллада). Вместе с тем, поскольку «Воевода» стал первым переводом на русский язык баллады Мицкевича «Czaty», он не вызывает у читателя каких-либо дополнительных ассоциаций (если только этот читатель не был знаком с оригинальным текстом баллады). «Будрысь и его сыновья» — словно ответ на вызов Булгарина трехлетней давности; баллада переведена в точности с соблюдением указанной Булгариным характеристики стиха Мицкевича: «*Форма стихосложения совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ окончательное слово на цезурѣ составляетъ рифму съ последнимъ*». (Булгарин, с. 113).

Что Пушкин наверняка имел в виду вводную заметку соредатора «Сына Отечества» и «Северного архива», косвенно подтверждается переводом баллады «Czaty» — «Воевода». Эта баллада, в оригинале написанная тем же размером, что и «Будрысы», переведена на русский язык без соблюдения размера, хотя и с четким следованием сюжету и образной системе Мицкевича. Перевод же «Будрысов» с адекватным следованием не только сюжету, но и поэтической ткани текста является для Пушкина принципиальным именно потому, что, как заявил Булгарин, «*эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты рассказа и легкости*» (Булгарин, с. 113). Тем выше искушение перевести ее адекватно; Пушкин, бесспорно, в переводческой деятельности выступавший последователем В. А. Жуковского, придерживается его тезиса: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник»<sup>12</sup>. Есть и еще один аргумент, также высказанный Жуковским: «Драйденов перевод Virgilia... знакомит нас с Virgiliem гораздо короче, нежели все те, которые переводили сего стихотворца в прозе, по крайней мере, мы видим поэта, выражающего мысли другого поэта»<sup>13</sup>. Это аргумент тем более действенный, что польский язык — родной для Булгарина, осмелившегося перевести польского Virgilia — Мицкевича — только прозой.

<sup>12</sup> Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 189 (выделено Жуковским. — А. Ф.).

<sup>13</sup> Жуковский В. А. О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 284.

Попытаемся увидеть, насколько отличается поэтический перевод Пушкина от прозаического подстрочника Булгарина. Отличие начинается уже с перевода первой строчки. В этом легко убедиться, последовательно сопоставляя фрагменты оригинального польского текста и переводов, выполненных Булгариным и Пушкиным.

*Stary Budrys trzech synów, tegich jak sam Litwinów,  
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:  
Wyprowadźcie rumaki i narządźcie kulbaki,  
A wyostrzcie i groty, i miecze<sup>14</sup>.*

*Старый Будрисъ, трехъ сыновъ своихъ, лихихъ,  
какъ и онъ самъ, Литовцев,  
Вызвалъ изъ избы и сказалъ:  
Выведите коней, приготовьте сѣдла,  
Наострите копья и мечи (Булгарин, с. 113).*

*Tri u Budrysa сына, как и онъ, три Литвина,  
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.  
Дѣти! Сѣдла чините, лошадей проводите,  
Да точите мечи съ бердышами<sup>15</sup>.*

Очевидно, что первое отличие перевода от подстрочника — возвращение Пушкина к оригиналу в обозначении национальности героев баллады. Здесь мы вынуждены повториться. Понятие «Litwin», употребленное Мицкевичем, отнюдь не тождественно понятию «Литовец», употребленному Булгариным. Само слово «Litwa» обозначало в первой трети XIX в. территорию союзного Польше (Коронной Польше) Великого Княжества Литовского (ВКЛ), входившего вместе с Польшей в состав федеративного государства Речи Посполитой. И слово «Litwin» обозначало, в свою очередь, славян, являвшихся жителями ВКЛ, но не являвшихся этническими поляками, чаще всего этнических белорусов. (Собственно литовский этнос, предки современных литовцев, обозначались либо словом «литовец», либо «жмудин» — от наименования одного из исторических регионов Литвы, Жмуди или современной Жемайтии). Эту разницу чувствовали выходцы с земель ВКЛ, в том числе Мицкевич (неслучайно герои его баллады отправляются с набегом

<sup>14</sup> Здесь и далее текст баллады Мицкевича приводится по изданию: *Mickiewicz A. Dzieła*. Т. 1. Warszawa, 1955. S. 309–311. Ссылка на данное издание дается в тексте после цитаты с указанием страницы.

<sup>15</sup> Здесь и далее перевод Пушкина цитируется по первому изданию: *Пушкинъ А. Будрысь и его сыновья. Литовская баллада // Библиотека для чтения*. Т. 2, 1834. С. 96–97. Далее ссылки на данное издание даются в тексте после цитаты с указанием страницы.

на польские земли), и Булгарин, обращавшийся в письме к известному польско-литовскому историку-дилетанту первой трети XIX в. Теодору Нарбуту с самохарактеристикой: «Возможно, Вы слышали обо мне. Я тот самый Булгарин, литвин, который стал писателем на русском языке и издатель “Северной пчелы”». <sup>16</sup>

Мы не можем точно объяснить в данном случае, почему Булгарин, знающий разницу между словами «литвин» и «литовец», использует второе, явно отходя от авторского оригинала. Можно лишь предположить, что, по мнению Булгарина, термин «литвин» мог вызвать недоумение великорусского читателя, не знакомого с подобными нюансами. Пушкин же сознательно возвращается от подстрочника к оригиналу, пытаясь прежде всего следовать музыке ритма и рифмы баллады Мицкевича (понятийные различия между двумя словами вряд ли были знакомы и ему). Тем более что слово «литовец» также ранее употреблялось Пушкиным, в частности, в 1828 г. (то есть за шесть лет до «Будрыса и его сыновей») в его переводе вступления к «Конраду Валленроду» Мицкевича.

В целом, характеризуя «Будрыса и его сыновей», Р. Сидеравичюс отмечает: «В переведенной Пушкиным балладе обнаруживаем лишь незначительные отступления от оригинала. В третьей и шестой строфах меняется имя одного литовского князя: Скиргайла (Скиргела у Мицкевича) у Пушкина называется Пазом (это написание по европейской транскрипции фамилии литовских вельмож Пацов). Причина такой замены, на наш взгляд, чисто техническая — поэту было необходимо в этих строфах более короткое слово. В шестой строфе оригинала не упоминается Польша и поляки: для Мицкевича — это край “за Неманом”. Пушкин вводит эти точные географические названия обоснованно: перевод будут читать люди другой страны» <sup>17</sup>. Наблюдения исследователя справедливы, однако в данном случае тем более показательным становится сравнение пушкинского перевода с булгаринским подстрочником.

Булгарин стремится к буквальной точности, пытаясь передать балладу Мицкевича дословно, не адаптируя ее к восприятию русскоязычного читателя (поэтому, кстати, «географическое» наблюдение Р. Сидеравичюса оборачивается против Булгарина, в чьем подстрочнике старый

---

<sup>16</sup> Цитируется по публикации в нашем переводе с польского по изданию: *Булгарин Ф.* Выбранае. Мінск, 2003. С. 436. Оригинал хранится в Библиотеке Академии наук Литовской Республики, в фонде Теодора Нарбута F-18-185-27-1 и F-18-185-27-2.

<sup>17</sup> См.: *Сидеравичюс Р.* Литовские мотивы в творчестве Пушкина // *Сидеравичюс Р. А. С. Пушкин и Литва.* Вильнюс, 1999. С. 13-14.

Будрыс наказывает третьему сыну: «*За Скиргейломь, пускай перелетитъ третій за Нѣмань*»; Булгарин, с. 114). Вместе с тем мы становимся свидетелем, как издатель «Северного архива» и «Северной пчелы» исправляет оригинал (явно ухудшая его и делая менее понятным) в соответствии с собственными представлениями о чистоте русского языка: Булгарин, как известно, был пуристом и пытался воплощать в жизнь языковую программу карамзиниста Н. И. Греча<sup>18</sup>, не оставлявшую места для грубых и просторечных слов. Мы имеем в виду перевод характеристики, данной Мицкевичем (вернее, его персонажем) крестоносцам-пруссакам:

*Niech zaciągnie się drugi w księdza Kiejstuta cugi,  
Niechaj tępi Krzyżaki psubraty...*

(Mickiewicz, s. 309).

Эти строки Булгарин переводит следующим образом:

*Пусть другой пристанетъ къ полчищамъ Князя Хейстута,  
Пусть губить крестоносцевъ, Тубратовъ...*

(Булгарин, с. 114).

Дословно в оригинале баллады крестоносцы характеризуются как «песьи братья» — «*psubraty*». Булгарин делает вид, что «не понимает» значения этого слова и изобретает созвучие, которое должно заменить его («*Тубраты*»? ). Созвучие, явно не имеющее смысла. Пушкин просто обходит эту «проблему»:

*А другой отъ Прусаковъ, от проклятыхъ Крыжаковъ,  
Можетъ много достать дорогаго...*

(Пушкинъ, с. 96).

Однако здесь у Пушкина, в свою очередь, возникает новая неточность, связанная с его переводческими принципами. Ориентируясь, как мы отмечали выше, на музыку стиха и отдавая ей приоритет по отношению к точности, он калькирует форму польского слова «*Krzyżaki*» («крестоносцы»), употребляя явный полонизм: просто адекватный перевод нарушает ритмику строки и разрушает систему рифм. Если это не является принципиальным для Булгарина, создающего подстрочник (но, как мы видели, отступающим от оригинала), то Пушкин вынужден пойти на стилистический сбой, оправданный его общей творческой установкой.

<sup>18</sup> См.: «Гречь былъ окончательнымъ моимъ наставникомъ, и ему именно обязанъ я тѣмъ, что теперь не иду путемъ такъ называемыхъ нововведеній, т. е. что знаю духъ и свойство русскаго языка». Булгаринъ Ѳ. К портрету Николая Ивановича Греча // <Гречь Н. И.> Сочиненія Греча. В 5 ч. Ч. 5. СПб., 1838. С. XIII.

Таким образом, суммируя, мы можем отметить: переводя балладу А. Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)», Пушкин мог ориентироваться на подстрочник баллады, выполненный и опубликованный пятью годами ранее Булгариным<sup>19</sup>, воспринимая болгаринские примечания к переводу как своеобразный вызов. Вместе с тем он не следовал подстрочнику слепо, а обращался к оригинальному тексту, ориентируясь на него. Кроме того, перевод Пушкина и подстрочник Булгарина в ряде случаев отражают их различные переводческие установки.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Учитывая, что подстрочник Булгарина никогда не перепечатывался, мы считаем необходимым републиковать его полностью, с соблюдением орфографии первопубликации.

### ТРИ БУДРИСА

*Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича.*<sup>20</sup>

Старый Будрисъ, трехъ сыновъ своихъ, лихихъ,  
какъ и онъ самъ, Литовцевъ,  
Вызвалъ изъ избы и сказалъ:  
Выведите коней, приготовьте сѣдла,  
Навострите копыя и мечи.

---

<sup>19</sup> Использование опубликованного прозаического подстрочника было в порядке вещей: например, Д. И. Хвостов признается, что при переводе «Чатырдага» А. Мицкевича использовал прозаический перевод П. А. Вяземского — см.: Николаев С. И. Граф Хвостов – переводчик Мицкевича // Николаев С. И. От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 235–238.

<sup>20</sup> Эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты расказа и легкости. Форма стихосложенія совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ, окончательное слово на цезурѣ, составляетъ рифму съ послѣднимъ. Для примѣра приводимъ одну строфу.

Stary Budrys trzech synów, tęgiŃ jak sam Litwinów,  
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:  
«Wyprowadźcie rumaki i narządźcie kulbaki,  
A wy ostrzcie i groty, i miecze.

Прелестъ языка потеряна въ переводѣ, но читатели увидятъ по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ умѣетъ замысловато рассказывать вещи самыя обыкновенныя, и какъ то самое воображеніе, в которомъ родились Валленродъ и Дзяды, представляеть картины игривыя. — *Переводч.*

Мнѣ сказывали въ Вильнѣ, что скоро возгласятъ  
Три похода, на три стороны свѣта:  
Ольгердь нападетъ на Русскія селенія, Скиркомо на  
Ляховъ сосѣдей  
А Князь Хейстуть ударить на Тевтоновъ.

Вы сильны и здоровы, ступайте служить отечеству,  
Да пекутся о васъ Литовскіе боги!  
Сего года я <не><sup>21</sup> пойду на войну, но отъѣзжающимъ  
дамъ совѣтъ:  
Васъ трое, три для васъ дороги.

Одинъ изъ васъ долженъ спѣшить за Ольгердомъ на Русь,  
Къ Ильмену, подъ стѣны Новагорода;  
Тамъ хвосты соболю, тамъ серебряныя оклады,  
И у купцовъ денегъ, какъ льду.  
Пусть другой пристанетъ к полчищамъ Князя Хейстута,  
Пусть губить крестonosцевъ, Тубратовъ;

Тамъ янтарю, какъ песку, сукна чуднаго блескомъ,  
И алмазныя ризы у святителей.  
За Скиргеиломъ, пускай перелетитъ третій за Немань:  
Не найдете тамъ въ домахъ вещей богатыхъ;  
Но за то выберете славныя сабли и щиты,  
И привезете мнѣ оттуда невѣстку.

Всѣхъ невольницъ милѣе Ляшскія красотки,  
Веселенькія, какъ молодыя кошечки;  
Лице бѣлѣе молока, рѣсницы черныя,  
А глазки блестятъ, какъ звѣздочки.

Оттуда я, полвѣка предъ симъ, когда былъ юношей,  
Привезъ <къ><sup>22</sup> себѣ — Ляшку,  
И хотя она уже во гробѣ, но я все объ ней вспоминаю,  
Когда только взгляну въ ту сторону!

Давъ такой совѣтъ, онъ благословилъ ихъ на дорогу;  
Они сѣли на коней, взяли оружіе и поскакали.  
Проходитъ осень и зима, а сыновей нѣтъ, какъ нѣтъ:  
Будрисъ думалъ, что пали въ бояхъ.

<sup>21</sup> В журнальной первопубликации отсутствует, что является явной опечаткой — ср. с оригиналом: «Тего гоку nie jadę...» (Mickiewicz, s. 309).

<sup>22</sup> В журнальной первопубликации явная опечатка — «къ» (Булгарин, с. 115).

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,  
И подь буркой что-то большое прячетъ.  
«Эй, это коробъ, а в коробѣ Новгородскіе рубли?»  
«Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка».

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,  
И подь буркой что-то большое прячетъ.  
«Вѣрно, изъ Нѣмечины, сынъ мой, везешь коробъ янтарю?»  
«Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка».

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,  
Бурка оттопырилась, вѣрно много добычи!  
Но пока онъ показаль добычу, старый Будрисъ приказаль  
Звать гостей на *три* свадьбы.



# ПУШКИН И ЛЕЛЕВЕЛЬ

## История одного недоразумения

Вопрос о рецепции конкретного литературного произведения зачастую усложняется определенными внетекстовыми обстоятельствами. Принципиальное значение могут иметь условия, при которых тот или иной реципиент познакомился с текстом, степень владения реципиентом языком, на котором написан текст. Иногда могут складываться комические ситуации.

Известно, что выдающийся польский историк и политический деятель Иоахим Лелевель после разгрома Варшавского восстания 1830–1831 гг. был вынужден эмигрировать из Российской империи и оказался в Брюсселе. Здесь 25 января 1834 г. он произнес получившую широкий резонанс речь, посвященную годовщине детронизации Николая I как польского короля и воспевающую декабристов как поборников вольности всех народов, живших в империи.

Приведем фрагмент из этой речи.

Niedawno jeden młody poeta rosyjski posłał carowi następującą bajeczkę: «Pewien człowiek przechodząc koło pewnej jaskini usłyszał wychodzący z jej głębi krzyk przeraźliwy, żalosne jęki. Tknięty uczuciem ludzkości pobiegł na ratunek tym nieszczęśliwym. Ale że ciemno było w jaskini, wziął światło, wszedł i z wielkim podziwieniem zobaczył, że jeden tylko człowiek miotał się na wszystkie strony wśród mnóstwa ludzi lękliwych, bijąc, kalecząc, dręcząc tych wszystkich, którzy mu się nawinęli pod rękę. Stąd krzyk, stąd jęki tych ludzi! Ale zaledwie światło oświetliło tę dziwną scenę, wszyscy postrzegli, że jeden tylko człowiek był ich katem. Nie potrzebując żadnego zachęcania związali go i jęki ustały. Po wniesionym świetle pokój i szczęście zamieszkało w jaskini».

Za tę bajeczkę car zasiał młodego poetę na ostatnią granicę państwa<sup>1</sup>.

«Байeczka», рассказанная Лелевелем, вряд ли привлекла бы наше внимание, если бы сам оратор при публикации не сделал к ней примечание, разъясняющее, что под молодым поэтом — автором пересказанного текста он имеет в виду Александра Пушкина.

Далее история развивается следующим скандальным образом.

---

<sup>1</sup> *Lelewel J.* Wybór pism politycznych. Warszawa, 1954. S. 221.

Речь Лелевеля была опубликована, и на нее немедленно отреагировали российские агенты в Европе. 11 апреля 1834 г. Г. А. Строганов присылает Пушкину № 101 газеты «Франкфуртский журнал», в котором неизвестным лицом (возможно, А. А. Бехтеевым<sup>2</sup>) опубликовано сообщение о брюссельском торжестве, о речи Лелевеля и о том, что Пушкин никуда не сослан, а, напротив, «часто видят его при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением Государя»<sup>3</sup>.

Реакция Пушкина лаконична: «Весьма печально искупаю я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь. Благодарю Вас однако ж за то, что Вы сообразовали сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди»<sup>4</sup>.

*Однако ни в этом письме, ни дневнике, куда он переписал фрагменты из статьи, опубликованной во «Франкфуртском журнале», ни в каком-либо ином тексте Пушкин не указывает на то, опознано ли им произведение, пересказанное Лелевелем.*

Ситуация усложняется тем, что в той же речи Лелевель приписывает Пушкину и вторую «сказочку». Ее источник определен: она явно не принадлежит Пушкину. В ней Лелевель вольно «пересказывает переведенную из Сегюра басню Д. В. Давыдова “Река и зеркало”, ходившую по рукам и в некоторых сборниках приписывавшуюся Пушкину; обе они последнему (по мнению исследователей. — А. Ф.) не принадлежат, и Лелевель, приводя их в своей речи, был введен в заблуждение»<sup>5</sup>.

Эта версия получила широкое распространение в пушкинистике. Первым, судя по всему, ее высказал Н. О. Лернер<sup>6</sup>. Докочевала она и до новейших исследований<sup>7</sup>. Отчасти скепсис исследователей кажется правомерным. «Запрещенные, презревшие печатный станок стихотворения в сознании читателя-переписчика приписывались знаменитому автору

<sup>2</sup> См. об этом в примечаниях к «Дневнику» Пушкина В. Ф. Саводника // Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835 / с комментариями Б. Л. Модзалевского, В. Ф. Саводника, М. Н. Сперанского. М., 1997. С. 502.

<sup>3</sup> Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. 1833–1837 / сост. Гархова Н. А. Москва, 1999. Т. 4. С. 174.

<sup>4</sup> Пушкин А. С. Письма последних лет: 1834–1837. Л., 1969. С. 33.

<sup>5</sup> Пини О. А. <Комментарий> // Пушкин А. С. Письма последних лет: 1834–1837. Ленинград, 1969. С. 219. Ср.: «Обе “сказочки”, как первая, так и вторая, приписаны Пушкину неправильно», — Модзалевский Б. Л. <Объяснительные примечания> // Дневник Пушкина. 1833–1835. М., Петроград, 1923. С. 153.

<sup>6</sup> См.: Лернер Н. О. Пушкин и Лелевель // Исторический вестник. 1905. Т. 101. С. 620–623.

<sup>7</sup> «Судя по всему, атрибуция Лелевеля ошибочна». См.: Николаев С. И. [Прижизненная известность Пушкина за рубежом: Польша] // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература (материалы к «Пушкинской энциклопедии»). СПб., 2004. С. 266.

вольнoлюбивых сочинений — А. С. Пушкину»<sup>8</sup>. Поэт и сам признавал это, свидетельствуя, что все антиправительственные стихи приписываются ему, как все эротические — князю Д. П. Горчакову.

Зададимся вопросом: насколько корректно говорить о «неправильном приписывании» Пушкину текста, который остается при этом неназванным? Очевидно, что проще всего было бы сопоставить содержание «сказочки» Лелевеля с текстами известных пушкинских произведений, попытавшись обнаружить первоисточник, после чего делать какие-либо выводы об авторстве, по крайней мере, фабулы пересказанного Лелевелем произведения и о том, насколько Лелевель был введен в заблуждение.

Очевидно, что в произведении, которое мог иметь в виду Лелевель, несомненно, должны присутствовать пещера (Лелевель с уверенностью повторяет: «jaskini») и, скорее всего, каторга (находящиеся в пещере люди явно согнаны туда для подневольной работы). Фабула произведения заканчивается освобождением каторжников.

По нашему мнению, речь может идти о послании Пушкина «Во глубине сибирских руд», где, в частности, есть и «каторжные норы», и заключительная сцена будущего освобождения узников:

Оковы тяжкие падут,  
Темницы рухнут — и свобода  
Вас примет радостно у входа...<sup>9</sup>

Стихотворение Пушкина написано в конце 1826 — начале 1827 г. Более семи лет отделяют его от речи Лелевеля. Мог ли Лелевель знать его текст и, если знал, то откуда?

Как указывает С. А. Рейсер, «Во глубине сибирских руд...» распространялось «в списках без загл<авия> и под одиннадцатую различными загл<авиями>»<sup>10</sup>. О том, как широко оно распространялось, вариантах, существовавших в списках, говорится в исследовании М. Г. Альтшуллера и И. Ф. Мартынова<sup>11</sup>. Через Е. П. Ростопчину, например, дошел его текст даже до А. Дюма<sup>12</sup>.

<sup>8</sup> Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучающий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976. С. 71.

<sup>9</sup> Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. Т. 1. Л., 1988. С. 236.

<sup>10</sup> Рейсер С. А. <Комментарий> // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Т. 1. С. 588.

<sup>11</sup> Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучающий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976. С. 56–70.

<sup>12</sup> См.: Алексеев М. П. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Ленинград, 1984. С. 421–443.

В России конца 1820-х гг. множество сосланных поляков. Преимущественно это хорошо образованные молодые люди — члены тайных молодежных обществ, разгромленных по инициативе Н. Н. Новосильцова. Есть и весьма вероятный реципиент-посредник данного пушкинского стихотворения, через которого пушкинское послание могло стать известным в польских революционных и литературных кругах. Это Адам Мицкевич. Именно в период с января по май 1827 г. Пушкин и Мицкевич активно общаются, их знакомство укрепляется во многом благодаря Зинаиде Волконской, в салоне которой они оба бывают.

Известно, что через родственницу З. А. Волконской, М. Н. Волконскую, Пушкин намеревался передать свое стихотворение в Сибирь его сосланным адресатам<sup>13</sup>. Не исключено, что с текстом нового произведения Пушкин мог познакомить и тех из посетителей салона Волконской, на чью политическую лояльность к вольнолюбивым идеалам собственной юности и адресатов послания он мог рассчитывать. Высланный с родины Мицкевич — в недавнем прошлом член тайного студенческого общества филаретов, — разумеется, из их числа: его сочувствие делу декабристов несомненно.

Но тот же Мицкевич, покинувший Россию еще до Варшавского восстания и ставший одним из идейных вдохновителей польского национально-освободительного движения, был хорошо знаком с Лелевелем еще по Виленскому университету. Их встречи в Европе известны. Несомненно, что Лелевель, имевший широкий круг российских корреспондентов, интересовался российскими новостями, в том числе и новостями культуры — темой наиболее близкой Мицкевичу. Можно предположить, что именно от Мицкевича и его окружения (Лелевель вел активную переписку и с другими филоматами, высланными из Вильно в том числе и в Санкт-Петербург и Москву) Лелевель мог узнать и о Пушкине, и о его антиправительственных стихах.

Вместе с тем высокая степень вероятности знакомства Мицкевича с текстом данного пушкинского стихотворения и его роли посредника в ознакомлении Лелевеля с ним предполагает одновременно постановку другого вопроса: если Мицкевич действительно был знаком со стихотворением «Во глубине сибирских руд...» и пересказывал его Лелевелю, откуда непропорционально большое число неточностей в пересказе самого Лелевеля?

Причин, на наш взгляд, может быть несколько.

Во-первых, Мицкевич явно недостаточно хорошо знал русский язык, чтобы воспринимать на нем стихи. Языком-посредником в его общении

---

<sup>13</sup> См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. 1825–1828 / сост. Тархова Н. А. Т. 2. М., 1999. С. 220.

с русскими друзьями был французский: во всяком случае о поэтическом таланте Мицкевича они судили по его французским импровизациям. Не исключено, что Пушкину пришлось сделать импровизированный французский подстрочник, чтобы прояснить отдельные моменты. Понятно, что в этом случае искажения закономерны и практически неизбежны<sup>14</sup>.

Во-вторых, Мицкевич — сам великий поэт-импровизатор. Его память неизбежно, даже против его собственной воли, должна была определенным образом «отредактировать» пушкинский текст, сделать его более «романтическим» и «революционным». Отсюда вполне могли появиться в «сказочке» Лелевеля и бунт каторжников, и поэт, поднимающий народное восстание — образы, традиционные для поэзии польского романтизма.

В-третьих, нельзя исключать и воздействие временного фактора. Мы не знаем, когда именно Мицкевич мог пересказать Лелевелю пушкинские стихи, но очевидно, что либо сам Мицкевич, либо Лелевель по прошествии времени могли деформировать в своей интерпретации пушкинский текст настолько, что его не узнали не только пушкинисты, но и сам автор. Да и ту давыдовскую «сказочку» Лелевель «излагает... по памяти, с большими искажениями, но в ней легко узнать... басню Давыдова»<sup>15</sup>.

В любом случае подтвердить эту версию возможно, лишь обнаружив список пушкинского стихотворения, принадлежавший Мицкевичу или Лелевелю либо доказав хождение рукописных переводов этого стихотворения на польском или французском языках. Вместе с тем у нас нет и оснований предполагать, что Лелевель выдумал свою «сказочку», возведя тем самым «напраслину» на Пушкина. Он явно не был введен в заблуждение, а лишь, на наш взгляд, неточно, прозой и на чужом языке пересказал послание «Во глубине сибирских руд...».

Это не означает, что исследователи вопроса ошибались, отрицая пушкинское авторство пересказанной Лелевелем притчи. Несомненно, что полноценным автором «сказочки» следует считать именно Лелевеля, однако сам по себе произнесенный им текст вполне может быть результатом рецепции изначального пушкинского текста, подвергнувшегося переработке в силу мировоззренческих и языковых причин.

---

<sup>14</sup> Что косвенно подтверждает перевод того же стихотворения, выполненный Е. П. Ростопчиной для А. Дюма. См.: *Алексеев М. П.* К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». С. 424–428.

<sup>15</sup> *Каллаш В. В.* Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. V. СПб., 1907. С. 114.

Показательно и другое. В ту же образную парадигму, характерную для «сказочки» Лелевеля, укладывается и ответное послание Пушкину, автором которого является А. И. Одоевский — «Струн вещей пламенные звуки...»<sup>16</sup>. Это не удивительно: оба текста — и принадлежащий польскому политику, и послание поэта-декабриста, — по нашему мнению, суть результат творческой рецепции пушкинского стихотворения.

---

<sup>16</sup> См.: *Одоевский А. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1958. С. 73.

# ТИПЫ И ПРОТОТИПЫ

Адекватность понимания текста читателями, обращающимися к нему спустя многие десятилетия, зачастую затруднена тем, что степень нашей информированности об эпохе, в которую жил и писал автор, решительно не совпадает с информированностью самого автора. Нам просто трудно бывает понять, что он имел в виду. Зато читатели-современники легко разгадывали самые сложные «кроссворды».

В первую очередь это касается вопроса о прототипах конкретных персонажей. И если прототипы героев произведений «первого ряда» русской классики давно уже разгаданы и описаны, то тексты третьеразрядных беллетристов иногда преподносят сюрпризы.

## 1. Представление с Кукольником

Литература в России не была уделом исключительно столичных городов — Петербурга и Москвы. Зачастую на страницы литературных журналов пробивались и авторы-провинциалы. И тогда читатели-провинциалы вынуждены были давать пояснения своим друзьям и знакомым.

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранится письмо известного в истории русской и польской литературы профессора Виленского университета И. Н. Лобойко к его московскому коллеге и многолетнему корреспонденту профессору И. М. Снегиреву, в котором, в частности, содержится следующий пассаж: «Напечатанная в последнем номере (декабрь) *Библиотеки для чтения* повесть “Катенька” сочинена здесь в Вильне разжалованным гвардейским офицером Веревкиным. Эпизоды заимствованы им с оригиналов. Луковкин списан с поэта нашего Павла Кукольника»<sup>1</sup>.

Действительно, сын московского коменданта генерал-лейтенанта Николая Никитича Веревкина, Николай Николаевич Веревкин (1813–1838), был разжалован в солдаты за участие в дуэли со смертельным исходом, после чего спустя два года получил звание унтер-офицера и оказался в Вильно. Служить там ему, скорее всего, было тоскливо, и он начал писать повести, которые и публиковал под псевдонимом «Рахманный» в самом популярном журнале эпохи — «Библиотеке для

<sup>1</sup> ОР РНБ, ф. 707 ед. хр. 49 л. 2 об.

чтения», редактировавшемся О. И. Сенковским. В частности, в томе 25 «Библиотеки...» и была опубликована повесть «Катенька» — обычная светская повесть, рисующая идеальный, по мнению автора, женский характер: Катенька — юная провинциалка, добродетельно сгорающая от страсти к развратному и недостойному ее светскому льву. Собственно говоря, история этого чувства и составляет основу фабулы повести Веревкина-Рахманного. «Катенька» пользовалась определенным читательским успехом, и даже молодой А. И. Герцен рекомендовал ее своей невесте Н. А. Захарьиной<sup>2</sup>.

Есть в тексте и поэт Луковкин. Это типичный вставной персонаж, на месте которого мог оказаться любой другой — и не поэт, и не Луковкин, и вовсе даже безымянный и не имеющий прототипа. Но раз профессор Лобойко утверждает, что в данном случае прототип имеется, придется поверить ему как лицу несравненно более — по отношению к нам — информированному и приглядеться к этому славному литератору.

Вот как рисует автор своего героя:

«П-ские дамы впали в меланхолию. Афанасий Ильич Луковкин, для развлечения дам, стал им декламировать свои сочинения.

Луковкин — удивительный сочинитель! Верите ли вы, он не только напишет стихи и прочтет их вам; но еще потом положит их на ноты и пропоет; потом из мотива романса смастерит Французскую кадрили и разыграет ее; и наконец, в довершение, попросив вас занять место свое у рояля, протанцует всю свою поэму. Кроме того, он истребляет клопов и тараканов, плачет над Роксоланой, вырезывает мозоли, выводит пятна с платьев приятелей, знает наизусть множество подблюдных песен, буффонит ничуть не хуже гаера; с большим остроумием назначает в святочных играх, что тому делать, чей фант вынется, и обладает важным секретом заговаривать собак от ревматизмов. Но главная страсть его — трагедии! Он вдолбил в гомеопатическую пропорцию мозгу, которую отпустила ему природа, что он сам — олицетворение трагедии в пяти действиях и в стихах; и в силу этой господствующей идеи он душит всех в губернском городе П\*\*\* тирадами из своих драматических творений, никогда непокидающими карманы его. Ему нет дела, где бы он вас ни поймал: на улице или в гостиной, в спальне или за обедом: лишь бы поймать вас и ухватить за фалдочку. Тогда он всхлипывает, ударяет себя в грудь и в голову, взмахивает руками, и стихи как дрова с треском валятся на вашу голову.

---

<sup>2</sup> См. об этом: *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2007. С. 325.



В этот вечер П-ская публика сосредоточилась у советника казенной палаты. Мужчины пили пунш и играли в бостон; дамы страдали мигренью; барышни злословили ближних. Один Луковкин, засучив рукава, ревел во все горло свою трагедию “Истинная любовь”. Читая роль мужчин, он держался правой стороны; читая роль женщин, переходил на левую; для роли королевича всходил на креслы, а для роли короля вскакивал на стол, предупреждая в местах, чересчур патетических, дам, страдающих нервами, чтобы они благоволили или выйти из комнаты или не слушать, поелику он сейчас сделает ртом подражание кораблекрушению и вместе представит отца, проклинающего сыновей. П-ския дамы, потрясенные перекатами громового голоса, как будто проснулись от долгого забытья, и меланхолия их снова превратилась в жадное любопытство»<sup>3</sup>. Впрочем, это любопытство касается вовсе не стихов незадачливого стихоплета Луковкина, а столичного гостя князя С\*\*\*, навстречу которому и посылают беднягу пиита, обреченного ждать гостя в нетопленном коридоре: «зуб у него не сходился с зубом; руки и ноги одеревенели, одно сердце кое-как еще колотилось, защищаемое от сквозного ветра четырьмядесятью писчей бумаги, исписанной стихами»<sup>4</sup>.

Чувствуется, что автор своего «незадачливого стихоплета» ни в грош не ставит, однако описывает его довольно точно — раз уж Лобойко его опознал. Посему присмотримся поближе к прототипу Афанасия Ильича Луковкина — Павлу Васильевичу Кукольнику<sup>5</sup>.

Сын известного педагога и юриста Василия Григорьевича Кукольника Павел Васильевич Кукольник (1795–1884) не обладал поэтическим размахом своего брата, Нестора Васильевича Кукольника, автора памятной драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла». Павел Кукольник сделал удачную педагогико-административную карьеру: благодаря покровительствовавшему ему Н. Н. Новосильцову он получил место профессора кафедры всеобщей истории и статистики Виленского университета, освободившееся после отставки и отъезда из Вильны Иоахима Лелевеля, вынужденного переехать в Варшаву в связи с причастностью к тайным виленским студенческим обществам. Фактически он стал глазами и ушами Новосильцова как куратора университета — неслучайно он значительно позже яростно вступился за честь Новосильцова, несправедливо, по его мнению, обиженного в мемуарах О. А. Пшецлавского.

<sup>3</sup> Цит. по: *Рахманний <Веревкин Н. Н.> Катенька // Библиотека для чтения. 1837. С. 114–115 (шестой пагинации).*

<sup>4</sup> *Рахманний <Веревкин Н. Н.> Катенька // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. С. 115 (шестой пагинации).*

<sup>5</sup> Подробно о литературной деятельности П. В. Кукольника см.: *Лавринец П. М. Русская литература Литвы: XIX — первая половина XX века. Вильнюс: ВГУ, 1999. С. 27–37.*

Получил Павел Васильевич некоторую известность и на цензурном поприще. Правда, цензором он считался достаточно либеральным, особенно в отношении польских текстов.

Поэзия — особенно нравственно-дидактическая и историческая — была его страстью уже в молодости. Младший современник, внук принопамятного ректора Виленского университета В. В. Пеликана, А. А. Пеликан, особо отмечает: «Павел Кукольник прежде всего был непризнанный поэт. [...] Всюду за собой он возил целый чемодан рукописей и читал их всем, кого только мог заручить в слушатели. Упиваясь чтением собственных стихов, он не обращал внимания на насмешки и шутки, которые на него сыпались со всех сторон. Особенно носился он с своей драматической поэмой “Иуда, брат Господень”. Он искренне верил, что поэма эта написана им по наитию свыше, что она новое божественное откровение. У меня в памяти из этой поэмы сохранились следующие две строфы: “Я вижу берег пред очами, рассеян тления туман”. Поэма эта, кажется, не напечатана, она в те времена никак не могла пролезть чрез духовную цензуру. Образцом остальных стихотворений Павла Кукольника может считаться напечатанное стихотворение: “За индейками уныло шла сиротка со двора, сердце юное грустило, много в свете есть добра...”»<sup>6</sup>.

Страстный театрал, Павел Кукольник в ранних своих трагедиях подражал Расину, так что пассаж о «трагедии», которой Луковкин «душит» своих несчастных слушателей, не есть исключительно результат внимательного чтения Рахманным «Евгения Онегина», автор которого, как мы помним, признавался:

...Я плоды моих мечтаний  
И гармонических затей  
Читаю только старой няне,  
Подруге юности моей,  
Да после скучного обеда  
Ко мне зашедшего соседа,  
Поймав неожиданно за полу,  
Душу трагедией в углу... (ЕО, IV, XXXV).

Цитата из Пушкина вовсе не дезавуирует возможное наличие аналогичной страсти как характерной черты литературного поведения Кукольника. Пушкин рисует в приведенной нами строфе ту модель поведения, которую общественное мнение провинции навязывает писателям, а Рахманный высмеивает ее на примере провинциального поэта-графомана, наделенного чертами реального лица. Кукольник, что называется, подвернулся.

<sup>6</sup> Цит. по: *Пеликан А. А.* Во второй половине XIX века. Студенческие годы // Голос Минувшего. 1915. № 1. С. 159–160.

Не исключено, впрочем, что подвернулся не только Кукольник и что прототипов имеют и персонажи других произведений Рахманного. Так, по нашему мнению, высока вероятность этого, если говорить об его повести «Женщина-писательница», опубликованной в той же «Библиотеке для чтения» двумя номерами ранее<sup>7</sup>. Во всяком случае в ее основе лежат явно виленские впечатления, о чем, на наш взгляд, косвенно свидетельствуют фамилии персонажей — явно полонизированные: Чаплицкий, Вельсовский и т. д. (напомним, что Вильно первой трети девятнадцатого века скорее польский, чем литовский город).

## 2. Страшная месть князя Волконского

Созвучие «Кукольник — Луковкин» также косвенно подтверждает правоту И. Н. Лобойко относительно возможного прототипа поэтаграфомана в повести Рахманного. Иногда сходство имени героя с именем прототипа — как своеобразная опознавательная метка, которой не Бог, но автор произведения шельму метит.

Автор вошедшей в историю русской литературы оперной пародии «Принцесса Африканская»<sup>8</sup> (более известной по имени главной героини — «Вампука») князь Михаил Николаевич Волконский был гораздо больше популярен среди своих современников как автор многочисленных романов, в которых вымышленные им герои действовали в антураже России XVIII в. Какие-то из этих романов удавались больше, какие-то меньше, но определенный читательский успех они имели.

К числу самых, на наш взгляд, слабых произведений Волконского относится его роман «Ищите и найдете». Запутанная интрига мало оправдана исторически. Дескать, в царствование Павла I сражаются между собой две тайные силы, два тайных общества, одно из которых стремится помочь французским эмигрантам, близким к будущему королю Франции Людовику XVIII, а второе, напротив, стремится их уничтожить. Этим вторым обществом и является орден иезуитов, пригретых в России аккурат в то время, когда его деятельность согласно решению папы была приостановлена во всей Европе. Но папа папой, решение же о деятельности ордена на территории империи принимала мать всея России — императрица Екатерина II. А императрица и не догадывалась, какой зловещей силе оказывала покровительство.

---

<sup>7</sup> См. *Рахманний <Веревкин И. Н.> Женщина-писательница // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. С. 17–131.*

<sup>8</sup> См.: *Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М.: Искусство, 1976. С. 523–531.*

Одним из членов этого общества, приближенным к его генералу патеру Йозефу Грубберу (кстати, вполне реальному историческому лицу), является жутковатый тип по имени Иосиф Антонович Пшебецкий. Волконский так изображает его: «У окна... сидел высокий, плечистый господин с такими большими черными глазами, что они как бы затмевали собою все остальные черты его лица, и казалось, что на этом лице, кроме больших черных глаз, ничего не было. Сила их взгляда была такова, будто они искрились и светились»<sup>9</sup>.

Этот примечательный взгляд Иосифа Антоновича Пшебецкого вполне оправдан с точки зрения сюжета романа: персонаж наделен злой гипнотической силой и умеет выведать у человека его тайные мысли против его воли. «Он был одет в платье светского человека и, очевидно, принадлежал к тайным иезуитам, которые, как известно, имеют право носить платье, соответствующее их положению в обществе и занятиям, избранным ими для достижения этого положения»<sup>10</sup>.

В конце романа зло наказано, и тайный иезуит Пшебецкий лишается своих способностей гипнотизера. Однако запутанный сюжет романа Волконского таков, что, как ни странно, Пшебецкий кажется в нем лишним, абсолютно вставным персонажем, что заставляет нас — как и в описанном выше сюжете с Луковкиным-Кукольником — подозревать: автор придумал линию этого персонажа именно для того, чтобы был повод о нем — вот таком, какой получился, — написать.

Осмелимся высказать гипотезу.

Та настойчивость, с которой Волконский называет этого своего персонажа по имени, отчеству и фамилии — в то время как все остальные запоминаются исключительно по фамилии, ибо по имени-отчеству автор их именует не более одного раза, — свидетельствует, что как раз в их звучании и есть некая загадка, адресованная читателю.

Героя — напомним — зовут Иосифом Антоновичем Пшебецким.

Но в русской литературе и общественной жизни предшествовавшего периода (роман впервые опубликован в 1904 г.) есть реальное лицо, которого зовут почти так же — Осипом (Иосифом) Антоновичем Пржецлавским (Пшецлавским).

Выпускник Виленского университета, редактор официальной газеты Царства Польского «Тыгодник петербургский» Юзеф Эммануэль Пшецлавский совершил блестящую карьеру, дослужившись до чина тайного советника. В мае 1853 г. он был назначен членом Главного управления цензуры, где снискал себе недобрую славу, то выступая за

<sup>9</sup> Цит. по: *Волконский М. Н.* Ищите и найдете // *Волконский М. Н.* Избранные произведения: В 6 т. Т. 6. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. С. 136.

<sup>10</sup> Там же. С. 137.

запрещение публикации стихотворений Н. А. Некрасова, то резкими выпадами против Н. Г. Чернышевского и, наконец, нападая даже на столь лояльное к властям издание, как «Московские ведомости», редактировавшееся в этот период М. Н. Катковым.

После ухода в отставку Пшецлавский начал публиковать — вначале в «Русском архиве» П. И. Бартенева, затем в «Русской старине» М. И. Севевского — свои воспоминания, вызвавшие бурную реакцию со стороны многих читателей. Дело в том, что на старости лет в Пшецлавском проснулась национальная гордость, и оценки многим видным русским деятелям — например, Н. Н. Новосильцову, А. С. Шишкову, А. А. Кавелину — он давал исходя в том числе и из их отношения к полякам.

Добро бы это! Ему простили бы даже Новосильцова (хотя воспоминания Пшецлавского как раз о Новосильцове вызвали специальный «антимемуар» П. В. Кукольника, вступившегося за память своего благодетеля). Но Осип Антонович посягнул даже на Пушкина, сравнив его с Мицкевичем в крайне невыгодном для русского поэта плане. По мнению Пшецлавского, Пушкин был значительно менее образован, нежели Мицкевич.

Вероятно, Пшецлавский был в этом вопросе прав. Царскосельский лицей, в котором учили «чему-нибудь и как-нибудь», вряд ли мог сравниться с одним из старейших учебных заведений Восточной Европы, каковым был Виленский университет. Но были живы современники и друзья Пушкина, и на воспоминания Пшецлавского — вероятно, с ведома, если не по непосредственной просьбе П. И. Бартенева — откликнулся П. А. Вяземский, специально написавший широко известный очерк «Пушкин и Мицкевич»<sup>11</sup>.

Одним словом, скандал с мемуарами Осипа Антоновича получился чрезвычайно громкий. Настолько громкий, что он прервал их публикацию, а возобновить ее довелось уже его сыну после смерти мемуариста.

Скандал усугублялся тем, что Пшецлавский был поляком. А Россия, пережившая на протяжении XIX в. два больших польских восстания, считала себя вправе подозревать поляков в тайной нелояльности. И хотя повстанцы 1830–1831 гг. показательно сожгли после эмиграции портреты Пшецлавского (тогда всего лишь редактора газеты) и троих его сотрудников на Батиньольских полях, предав таким образом их заочной смертной казни за измену «польскому делу», в России Пшецлавского постоянно подозревали в двойной игре. Настолько подозревали, что после

---

<sup>11</sup> И не только. Д. П. Ивинский публикует и черновые заметки Вяземского, продиктованные им по поводу очерка Пшецлавского о Новосильцове. См.: *Ивинский Д. П.* «Я уверен, что Сумбурнашев никогда не вел дневника...»: Из полемических заметок кн. П. А. Вяземского // *Ивинский Д. П.* О Пушкине. М.: Интрада, 2005. С. 213–236.

подавления восстания 1863–1864 гг. полковник Н. В. Гогель, служивший при М. Н. Муравьеве-Виленском, прямо заявил в своей книге, что, например, известному петербургскому заговорщику Иосафату Огрызко, получившему право издавать газету на польском языке, покровительствовал высокопоставленный поляк, служащий по цензурному ведомству. Таким быть мог только Пшецлавский. (Несколько позже Пшецлавского в том же косвенно обвинил и Н. В. Берг.) Пшецлавский опять начал оправдываться, но чем больше он оправдывался, тем меньше ему верили<sup>12</sup>.

Причем не верили Пшецлавскому даже тогда, когда его правота была очевидна. Скажем, серьезные возражения с его стороны вызвал очерк известного историка и писателя либеральной направленности Е. П. Карновича, посвященный цесаревичу Константину Павловичу. Пшецлавский, чья молодость прошла как раз в те времена, когда Константин Павлович управлял Царством Польским и литовскими губерниями, мог бы многое рассказать о формах и методах его административной деятельности. И свои замечания на очерк Карновича он направил в редакцию «Русской старины».

Однако редактор журнала М. И. Семевский встал на сторону Карновича и реплику Пшецлавского не опубликовал. Хотя можно предположить, что до сведения Карновича довел.

И вот здесь следует, на наш взгляд, упомянуть об еще одном обстоятельстве.

Евгений Павлович Карнович — двоюродный дядя по материнской линии Михаила Николаевича Волконского. Как утверждают авторы биографии Волконского, опубликованной в фундаментальном энциклопедическом словаре «Русские писатели», Н. Г. Охотин и И. И. Подольская, Волконский «рос под сильным влиянием своего двоюродного дяди»<sup>13</sup>. Этим влиянием была обусловлена и его страсть к исторической тематике. Не исключено, что воспоминания Пшецлавского, ставшие предметом бурных журнальных дискуссий, могли обсуждаться и в доме Волконских, так что сочетание звуков «Иосиф Антонович Пше...» будущий романист мог запомнить с детства. И когда ему понадобился отрицательный персонаж, да еще и католик-иезуит, Ципринус (псевдоним Пшецлавского) попросту всплыл в его памяти. Можно сказать, что вы-

<sup>12</sup> Это недоверие к Пшецлавскому как мемуаристу переключалось и к исследователям литературы. Как справедливо отмечает Д. П. Ивинский, «кажется, только Н. А. Тархова (в “Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина”. — *А. Ф.*) решилась взглянуть на воспоминания Пшецлавского непредвзято». См.: *Ивинский Д. П. Пушкин и Каролина Собаньская: Две заметки // Ивинский Д. П. О Пушкине. М.: Интрада, 2005. С. 207.*

<sup>13</sup> См.: *Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 471.*

ведя Пшецлавского под именем Пшебецкого, Волконский отомстил таким образом за своего дядюшку.

Попытаемся уточнить, насколько велико сходство описанного Волконским иезуита Пшебецкого с реальным Осипом Пшецлавским.

Нужно сразу отметить, что иезуитом Пшецлавский не был. Зато некоторое время являлся масоном. Интересовался он и проблемами магнетизма (то есть и собственно гипноз мог попасть в сферу его интересов). Так что определенное «тематическое» сходство между персонажем романа и его возможным прототипом, на наш взгляд, тоже есть<sup>14</sup>.

Но лишь «тематическое». Найти портрет Пшецлавского нам не удалось даже в крупнейших специализированных хранилищах Польши: в соответствующих фондах Библиотеки Народовой (Варшава), Библиотеки Ягеллонского университета (Краков) и Музея имени Адама Мицкевича (Варшава). Возникает ощущение, что при Батиньоле эмигранты-повстанцы сожгли едва ли не все изображения крупнейшего польского журналиста эпохи.

Единственное же современное (и вполне, на наш взгляд, достоверное) описание внешности Пшецлавского весьма расходится с тем образом Пшебецкого, который нарисован М. Н. Волконским. Его словесный портрет оставил известный польский мемуарист и общественный деятель эпохи освобождения крестьян Тадеуш Бобровский (кстати, дядя по матери признанного классика английской литературы Джозефа Конрада): «Низенький, пузатый, с мелкими чертами лица и маленьким красным носиком, белесыми мутными глазками и низким лбом, с чертами посредственности и коварства на лице, и при напускной, если того требовали обстоятельства, скромности был безмерного самомнения»<sup>15</sup>.

Очевидно, что внешность персонажа не совпадает с реальной внешностью потенциального прототипа. Именно поэтому мы не беремся с полной уверенностью утверждать, что Осип Пшецлавский действительно является прототипом (или единственным прототипом) иезуита-магнетизера, описанного М. Н. Волконским. Наиболее вероятной представляется нам версия, согласно которой в этом образе слились общие стереотипы эпохи о поляках — заговорщиках, участниках тайных обществ и коварных врагах России.

---

<sup>14</sup> Впрочем, не исключено, что вся сюжетная линия, связанная с гипнозом, могла появиться в романе Волконского под влиянием романов А. Дюма из цикла о Жозефе Бальзамо (графе Калиостро): как раз в то время, когда Волконский создает значительную часть своих «исторических» произведений, известный издатель П. П. Сойкин выпускает в свет пятидесятитомное собрание сочинений французского писателя.

<sup>15</sup> *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia. T. 1. Warszawa: PIW, 1979. S. 463* (перевод Ю. В. Чайникова).

# «ВЫЖИГИНСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СО-АВТОРСТВА

Романы Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» стали признанными бестселлерами русской литературы первой трети XIX в.<sup>1</sup> Одним из значимых признаков читательского успеха стало появление многочисленных текстов, в которых фигурировало имя главных героев булгаринской дилогии. Причем в первую очередь эти тексты принадлежали так называемым низовым авторам, чья читательская аудитория серьезно отличалась от читательской аудитории Булгарина<sup>2</sup>, а потому, будучи ориентированными не столько на фамилию автора, сколько на название произведения, на «торговый брэнд», они и покупали книгу с громким брэндом, не вдумываясь в то, насколько именно купленный ими товар соответствует тому, который на самом деле рекламировался.

Факт ориентации автора одного из подобных травестийных циклов — популярного «низового» писателя А. А. Орлова<sup>3</sup> — на булгаринские образцы несомненен. Он сам констатировал причины, по которым использовал булгаринские «бренды», причем использовал их в крайне негативном для самого Булгарина смысле, сопоставляя успех его романов с успехом романов Матвея Комарова: «*Публика над Ванькой Каином смеется, а замашкам Выжигиных удивляется. Ваньке Каину подражать никто не станет; но Выжигины, открывая завесу тонких оборотов преступлений, поджигают к сим пронырствам. Выжигины подают мысль к важнейшим преступлениям. Круг плутовства Каинова ограничивается площадью, а круг, начертываемый Выжигиными, велик*»<sup>4</sup>. Попытаемся понять, чем обусловлено столь негативное отношение Орлова к булгаринскому герою.

<sup>1</sup> См.: *Рейтблат А. И.* Русские «бестселлеры» первой половины XIX века // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М.: НЛЮ, 2001. С. 191–203.

<sup>2</sup> См.: *Рейтблат А. И.* Ф. В. Булгарин и его читатели // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М.: НЛЮ, 2001. С. 98–107.

<sup>3</sup> См. о нем: *Корнеев А. В.* Оправданный Александр Орлов // *Встречи с книгой.* Вып. 2. М.: Книга, 1984. С. 241–270.

<sup>4</sup> Цит. по: *Орлов А. А.* Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отродками. Нравственно-сатирический роман: В 4 ч. Ч. 1. М., 1831. С. 6.



Формально Выжигин вовсе не является в романе Булгарина тем символом зла, каковым его пытается представить в своих характеристиках Орлов. Напротив, мораль булгаринских размышлений сводится к обратному: пройдя через тьму искушений, его герой сохраняет способность к нравственному возрождению, к вхождению в «приличное общество» — несмотря на то что с самого начала романа он фигурирует как деклассированный элемент. *«Мой Выжигин — рекомендует публике своего персонажа Булгарин, — есть существо доброе от природы, но слабое в минуты заблуждения, подвластное обстоятельствам — одним словом: человек, каких мы видим в свете много и часто. Таким хотел я изобразить его. Происшествия его жизни такого рода, что могли бы случиться со всяким, без прибавления вымысла»*<sup>5</sup>.

Скорее всего, на отношение к персонажу в сознании Орлова накладывалось отношение к его создателю — Булгарину. Это становится очевидным, если мы обратимся к неопубликованному письму Орлова на имя М. Н. Загоскина, содержащему в себе описание условий, в которых приходится творить Орлову: *«Ныне, в первой раз выпечатавши на свой щет сие мое сочиненьице: ВЕРХОГЛЯДЫ, честь имею представить Вашему лицу с объяснением, что племя древняго Зоила обмакнет в желчь перо и на сию брошюрку незная того, что все мои изданныя сочинения (кроме Стихотворческих), пишутся прямо на бело; ибо я, по разстроенным своим обстоятельствам не в состоянии себе купить тридятикопееиной дести бумаги, между тем как они страницы не в состоянии написать без того, чтобы неперемарать ее раз двадцать. Versus (et omnia scripta) otia quarent; а у них этот otium есть всегда, а у меня никогда; ибо вставая по утру у них перед глазами чашка кофея, а у меня нет и черствяго куска хлеба; так тут думать de versibus или de pane quotidiano, надобно размыслить. У племя выжиги-каинанских Зоилов, от книг ломаются полки; а у меня книга одна моя голова»*<sup>6</sup>.

Этот пассаж чрезвычайно показателен: неимущий литератор, Орлов откровенно завидует тем своим собратьям по перу, кто имеет перед глазами по утрам гарантированную «чашку кофея» и при этом позволяет себе критиковать тех, кто добывает хлеб своей насущный с таким трудом. Зоилами же «племя выжиги-каинанское» именуется потому, что Орлов явно метит в критиков «Северной пчелы» и «Сына Отечества».

---

<sup>5</sup> Булгарин Ф. В. Иван Выжигин // Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина: В 7 т. Т. 1. СПб., 1839. С. VIII.

<sup>6</sup> А. А. Орлов — М. Н. Загоскину (б/д). РНБ, ф. 291, № 124 (приводим с модернизацией орфографии, однако с сохранением некоторых особенностей авторского написания).

Разница же в гонорах весьма существенна; здесь можно поверить Пушкину, свидетельствующему: *«В чем упрекают здесь почтенного Александра Анфимовича?.. В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? что же? бескорыстному сердцу моего друга приятно думать что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды, между тем как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30 000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!»*<sup>7</sup>.

Показателен и другой пассаж в том же письме Орлова к Загоскину: *«Пренебрегая, даже презирая все без исключения журналы (кроме “Телескопа”) за помещение не критики, но даже ругательств, открывающих злокачественные души журналистов, которым надлежит резать языки, я восхищен благородным соперничеством в литературе и с радостью видел, что люди, с великими талантами, никогда не отвечают на безмозглую критику противников, не постигающих ни цели, ни изящности творений других»*<sup>8</sup>.

Понятно, что произведения Орлова, считавшиеся не достаточно изящными для вкуса образованной публики, всячески критиковались прессой. «Телескоп» же выделяется из общего ряда журналов потому, что он становится единственным в тот момент изданием, авторы которого не просто благоволят к Орлову — они серьезно повышают его литературный статус, поскольку ставят его на одну ступень с Булгариным: вначале это делает Н. И. Надеждин («Телескоп», 1831, № 9), а затем и Пушкин («Телескоп», 1831, № 13 и 15), укрывшийся под псевдонимом Феофилакта Косичкина. Не задаваясь целью содержательного либо стилистического сопоставления произведений Булгарина и Орлова, они используют общность имен персонажей для унижения своего литературного оппонента и конкурента Булгарина за счет возвышения до его уровня Орлова.

К подобному приему прибегнет и Гоголь, намечая в письме к Пушкину от 21 августа 1831 г. схему сопоставления Булгарина и Орлова, однако уже так, что «оба героя... поставлены в ряд самых крупных фигур европейского романтизма, французской “неистойовой словесности”, что создает новый источник комических ассоциаций, причем не только эстетического свойства»<sup>9</sup>. Понятно, что сумей Гоголь осуществить свою идею и появиться параллель Булгарин — Байрон в печати в том

<sup>7</sup> Цит. по: Пушкин А. С. БПСС (Академическое, репринт). Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 209. Далее ссылки на данное издание см.: Пушкин.

<sup>8</sup> А. А. Орлов — М. Н. Загоскину (б/д). РНБ, ф. 291, № 124.

<sup>9</sup> См.: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809—1845. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 227.

виде, в каком ее задумал Гоголь (*«Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых портретах их заметно необыкновенное сходство»*<sup>10</sup>) — и общий контекст полемики вокруг сходства произведений Булгарина и Орлова стал бы еще более невыигрышным для редактора «Северной пчелы».

Кроме того, говоря о позиции «Телескопа», следует учитывать, что именно Надеждин мог выступать автором «социального заказа» на другое произведение Орлова — «Марфа Ивановна Выжимкина. Нравственно-сатирический роман. Сочинение Александра Орлова» (М., 1831. Ч. 1 — цензурное разрешение от 18 мая 1831 г., ч. 2 — цензурное разрешение от 18 мая 1831 г.). Очевидно, что фамилия заглавной героини напрямую соотносится с фамилией заглавных героев булгаринской дилогии: «выжимать» — «выжигать». Как отмечают современные исследователи, «есть все основания подозревать некий “сговор” или, во всяком случае, предварительный договор издателя “Молвы” и “Телескопа” с Орловым»<sup>11</sup>, поскольку «сочинение» Марфы Ивановны Выжимкиной бурно анонсировалось на страницах надеждинских изданий, а из них анонсы перекочевали и в «Литературную газету», редактируемую давним недоброжелателем Булгарина А. А. Дельвигом и примкнувшим к нему О. М. Сомовым.

Сопоставление Булгарина с Орловым вызывает бурное возмущение соредактора и компаньона Булгарина Н. И. Греча: *«В 9-й книжке “Телескопа” взяли две глупейшие вышедшие в Москве... книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым, и выписки из них смешали с выдержками из романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами и таким образом решили достоинства нового произведения»*<sup>12</sup>.

Греч абсолютно серьезно апеллирует к реально существующим различиям между произведениями сопоставляемых авторов. Это как раз то, от чего тщательно уходят все «защитники» Орлова, что является косвенным доказательством того, что собственно литературное качество текстов их не интересует.

---

<sup>10</sup> Цит. по: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1988. С. 138.

<sup>11</sup> Березкин А. М., Золотова О. Н., Лудилова Е. В. Примечания // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб.: ГПТЦ, 2003. С. 468.

<sup>12</sup> Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 21, № 27. С. 61–62. Цит. по: Березкин А. М., Золотова О. Н., Лудилова Е. В. Примечания // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб.: ГПТЦ, 2003. С. 470.

Вместе с тем тексты Орлова демонстрируют, что он помещает своих формально общих с болгаринскими персонажей в абсолютно иной контекст. В своих повестях он выводит генеалогию болгаринского творчества не от высоких западных и отечественных образцов эпохи Просвещения, как утверждает сам Булгарин: в посвящении романа «Иван Выжигин» А. А. Закревскому Булгарин поминает Пуффендорфа, Кантемира, Фонвизина, Капниста, Державина, Расина, Мольера, Крылова. Орлов же делает отцом Ивана Выжигина полулегендарного Ваньку Каина, московского вора, сотрудничавшего с полицией, ставшего героем романа Матвея Комарова. Собственно говоря, это то же, что делает Пушкин в эпиграмме «Не то беда, что ты поляк...», называя героя ее Видоком Фигляриным. Но Пушкин обвиняет таким образом в сотрудничестве с полицией и криминальном прошлом не героя, а автора.

Пушкин же впервые упоминает в связи с болгаринским творчеством и роман М. Комарова — правда, не о Каине, а «Английского милорда Георга». Однако, как справедливо замечает Н. Л. Вершинина, «ссылки Пушкина на “Совестдрала” и “Английского милорда” подводят к сравнению Выжигина с Ванькой Каином, которое... было усилено и развито в романах А. А. Орлова»<sup>13</sup>.

Вряд ли живущий в Москве и далекий от петербургских литературных баталий Александр Орлов мог таким образом вслед за Пушкиным намекать на прошлое и настоящее Булгарина. Вероятнее всего, он действительно видит параллель между перевоспитавшимся Выжигиным и «перевоспитавшимся» Каином, а также чувствует типологическое сходство позиций писателей-моралистов Комаровым и Булгариним.

Тексты носят откровенно личностный антибулгаринский характер, что особенно чувствуется в повести, травестирующей вторую часть болгаринской дилогии — «Петр Иванович Выжигин». Здесь Орлов рисует Петра Выжигина перебежчиком на польскую сторону (события происходят после ноябрьского восстания 1830 г.), причем противопоставляет его «истинно русскому» литературному персонажу — загоскинскому Рославлеву: *«Но так, как Петр Иванович на атаку ехал первой, следовательно в бегстве остался последним, то один Руской Офицер, по фамилии Рославлев, и схватил его. Окаянной! вскричал Рославлев, узнавши Выжигина, и ты передался к бунтовщикам! Пойдем-ка брат, я тебя покажу нашему начальству; пусть оно тобой полюбуется. Рославлев взял Выжигина и представил его начальству»*<sup>14</sup>.

<sup>13</sup> См.: Вершинина Н. Л. Памфлет А. С. Пушкина «Настоящий Выжигин» в контексте жанрово-стилевых процессов 1820–1830-х годов // Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 137.

<sup>14</sup> Орлов А. А. Бегство Петра Иванович Выжигина в Польшу. Нравственно-сатирический роман. М., 1832. С. 25–26.

Здесь уже откровенно реализуется схема, намеченная в статье Феофилакты Косичкина (Пушкина) «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», которая завершается планом-перспективой ненаписанного романа «Настоящий Выжигин», в котором, в частности, содержатся «Глава V. *Ubi bene, ibi patria*. Глава VI. *Московский пожар. Выжигин грабит Москву*. Глава VII. *Выжигин перебегает*»<sup>15</sup>, названия которых Косичкин-Пушкин формулирует, опираясь на факты из реальной биографии Булгарина, служившего некоторое время в войсках Наполеона.

Н. Л. Вершинина отмечает: «Орлов воспринимал образ Булгарина-Выжигина через концепцию Пушкина и стиль его памфлета»<sup>16</sup>. Однако вряд ли Орлов самостоятельно обратил внимание на пушкинский текст (если таковой факт вообще имел место; свидетельства тому мы не находим в опубликованных произведениях и письмах Орлова). Весьма вероятно иное: план, намеченный Пушкиным, вполне мог быть частично реализован Орловым при посредничестве все того же Н. И. Надеждина — тем более что и сам Надежин «весьма прямолинейно намекал на польские симпатии Булгарина, что в ситуации 1831 г., на фоне польского восстания, вполне могло расцениваться как политическое обвинение»<sup>17</sup>.

Что же касается параллельного травестирования булгаринских романов и стилистики повестей Матвея Комарова, следует учитывать, на наш взгляд, не столько знакомство Орлова со статьями Пушкина (и даже Надеждина), сколько иной, гораздо более существенный факт.

Параллельное травестирование связано, по нашему мнению, с ориентацией на различные слои читательской аудитории. И Булгарин, и Орлов в равной степени архаичны, их истоки — в литературе XVIII в. Однако ориентируются они в своем творчестве все-таки на различные слои «публики». Булгарин, как мы уже отмечали, для которого «публика» — прежде всего носитель определенного эстетического начала, образованные слои общества, хотя и не принадлежащий к числу «литературных аристократов»<sup>18</sup>, явно ориентируется на литературу высокую. Орлов же вынужден ориентироваться на вкусы тех, кто покупал

<sup>15</sup> Пушкин, Т. 11, с. 214.

<sup>16</sup> Вершинина Н. Л. Памфлет А. С. Пушкина «Настоящий Выжигин» в контексте жанрово-стилевых процессов 1820–1830-х годов // Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 138.

<sup>17</sup> Березкин А. М., Золотова О. Н., Лудилова Е. В. Примечания // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб.: ГПТЦ, 2003. С. 469. В целом обвинение в польских симпатиях по отношению к Булгарину было, как говорится, общим местом. См. об этом, например: Федута А. И. Еще раз о «Клеветникам России» («Польский вопрос» в пушкинскую эпоху) // Пушкин и мировая культура. Сборник научных трудов. Минск: Институт современных знаний, 2001. С. 47–64.

<sup>18</sup> См. об этом: Федута А. И. Фаддей Булгарин и проблема «литературного демократизма» (О литературной программе Ф. В. Булгарина) // Взаимодействие лите-

его книги, на массового полуграмотного читателя из социальных низов<sup>19</sup>. Классиком литературы для такого читателя и был биограф Ваньки Каина Матвей Комаров. Именно Комаров, с его огромными периодами, старомодной — с точки зрения литераторов 1820–1830-х гг. — лексикой, доминирует в низовом читательском сознании практически на протяжении всего XIX в. (напомним, что именно его считал Л. Н. Толстой самым читаемым русским писателем), и последующие «низовые» писатели, в частности такие, как И. Г. Гурьянов и А. А. Орлов, травестировавшие болгаринские романы, постоянно учитывают его присутствие в читательском сознании.

Вместе с тем показательно, насколько внешне отличаются подходы Комарова и Орлова. Комаров пишет с надеждой принести пользу: *«Многим, думаю я, известно есть, что чтение книг, просвещающее разум человеческий, вошло у нас в хорошее употребление, и миновалось уже то помраченное тьмою невежества время, в которое предавали анафеме тех, кои читывали Аристотелевы и другие некоторые книги, ибо ныне любезные наши граждaне, не бояся за сие пустого древнего анафемического грома, не только благородные, но среднего и низкого степени люди, а особливо купечество, весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняются...»*<sup>20</sup>

Орлов, напротив, стремится доставить своим читателям развлечение: *«По образу книжиц написанных и напечатанных писал я сию книжицу, вотще или не вотще; ибо отрацивающим чрева свои тунеядцам, не имущим ни сил телесных для работ физических, ни душевных способностей для упражнений умственных, что будет делать, ежели мы не будем для них сочинять романов и сказок! Театры и маскарады им прискучивают; на балах и с места на место передвигаться сил не имеют от тучности; на обедах и ужинах ни вкусные яства, ни сладкие пития*

---

ратур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы, 1997. С. 54–64.

<sup>19</sup> Как справедливо заметит В. Г. Белинский, у Орлова «была своя публика, которая находила в его произведениях то, чего искала и требовала для себя, и в известной литературной сфере он один, между множеством, пользовался истинною славою, заслуженным авторитетом». Цит. по: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина. Издание второе. Москва, 1838. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Сочинение М. Загоскина. Издание пятое. Три части. Москва, 1838 // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1977. С. 95.

<sup>20</sup> *Комаров М.* Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождениях, сочиненное М. К. в Москве 1775 года // Комаров М. История мошенника Ваньки Каина. Милорд Георг. СПб.: Журнал «Нева», «Летний Сад», 2000. С. 5.

*в горла их нейдут; ибо чрева их преисполнены уже; в компаниях, где рассуждают о чем нибудь дельном, они отдувают только свои толстые щеки и шевелят губами; ибо от самой юности, под руководством своих чадолюбивых матушек и под надзором дядек и учителей Немцов и Французов, отращивали свои бока и опасались взяться за те книги, при чтении которых надобен ум. Что же будет им делать без романов? Разваляся на мягких пуховиках, охвативши рукою свою милашку, а другою держа роман, как себя, так и милашку утешает повествованиями Романистов, особенно чтением Радклиф, Жанлис и Дюкредименил; ибо милашюнька тогда частехонько вскрикивает от представления мертвецов, от появления теней, а туняждствующий тогда может оказать неустрашимость своего духа уверением, что он в жизни своей мало чего боялся»<sup>21</sup>.*

Здесь, как ни странно, видно, что совпадают как раз подходы к чтению, характерные для Комарова и Булгарина. Булгарин также является сторонником «полезного» чтения, чтения, направленного на усовершенствование читательской нравственности.

При этом Орлов — как и Пушкин, и Надеждин — видит явное противоречие между декларируемой Булгариным высоко моральной целью и фактами его биографии. И художественные тексты Орлова, и критические выступления Надеждина, и сатирическая публицистика Пушкина в равной степени направлены на эстетическую дискредитацию произведений Булгарина и человеческую дискредитацию их автора.

Однако если Пушкин в своих памфлетах, несомненно, опирается на стилистику булгаринских текстов, то Орлов, пародируя биографию Булгарина, никак не отражает эстетику «выжигинской» дилогии, зато ориентируется на романы Матвея Комарова, превращая его персонажа Ваньку Каина и упоминавшегося Комаровым в качестве литературного прототипа Каина французского разбойника Картуша в персонажей своих произведений «выжигинского» цикла и выводя от них выжигинскую генеалогию: *«История Ваньки Каина известна почтенной публике; но она не полна; ибо у него был сын Иван же, только уж фамилия не Каинова; а прозвали: Выжига. ...Племя то чудесное! Делать нечего; надобно начать с родословной. Родоначальник есть Иван Каина, праправнук его Иван Выжигин, Петр, Игнат, Сидор, Хлыновские степняки, дети Ивана Выжиги»<sup>22</sup>*. Таким образом, содержание

---

<sup>21</sup> См.: Орлов А. А. Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. Сатирический роман. М., 1831. С. 9–10.

<sup>22</sup> Орлов А. А. Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отродками. Нравственно-сатирический роман. В 4 ч. Ч. 1. М., 1831. С. 7.

«выжигинских» повестей Орлова в читательском сознании обретает свою полноту исключительно с учетом предыдущего опыта читателей романа Комарова.

Нет сомнений в том, что Пушкин, всегда бывший талантливым полемистом, обратил бы внимание на эту «генеалогию» болгаринского героя, усердно прописанную Орловым. Это тем более важно, что, как мы уже отмечали выше, Ванька Каин может считаться аналогом Видока, образ которого активно использовался Пушкиным в борьбе с Булгариным. Однако можно предположить, что Пушкин не знал об этой «генеалогии» вовсе. Тем более что из всех книг Орлова в его личной библиотеке сохранился лишь роман «Федор Кривой, или Елисавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина. Ни девка, ни вдова и не мужняя жена» — одно из последних произведений «выжигинского цикла», причем Б. Л. Модзалевский, описывая экземпляр, отмечает на нем отсутствие каких-либо заметок<sup>23</sup>. Следует также учитывать, что этот роман вышел в свет лишь в 1832 г., в то время как основная полемика вокруг романов Булгарина, выход в свет большей части повестей-романов Орлова и всех критических статей Надеждина и Феофилакта Косичкина приходится на предшествующий, 1831 г. Единственное письмо Пушкина Орлову от 24 ноября 1831 г. с припиской от 9 января 1832 г. содержит тактично-комплиментарный отзыв: *«Первая глава нового вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта»*<sup>24</sup>. Однако из общего контекста письма невозможно понять, какое именно произведение имеется в виду и читал ли Пушкин Орлова вообще.

Попытаемся сделать некоторые выводы из наших наблюдений.

Общий «выжигинский текст» складывается из трех составляющих.

Во-первых, романов Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин».

Во-вторых, повестей-романов А. А. Орлова<sup>25</sup>, вызванных к жизни болгаринскими текстами. Однако произведения Булгарина в качестве

---

<sup>23</sup> См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 72.

<sup>24</sup> Цит. по: Пушкин А. С. Письма. Т. III. 1831–1833. М.: Academia, 1935 (репринт 1990 г.). С. 63. По смыслу Пушкин воспроизводит известную формулировку, которой И. И. Дмитриев отвечал Д. И. Хвостову на присылку его новых произведений: «Он пришлет ко мне оду, или басню; я отвечаю ему: “Ваша ода, или басня, ни в чем не уступает старшим сестрам своим!” Он и доволен, а между тем это правда». Цит. по: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев И. И. Сочинения. М.: Правда, 1986. С. 463.

<sup>25</sup> А также И. Г. Гурьянова, чьи произведения, в отличие от произведений Орлова, носили, скорее, подражательно-восторженный характер по отношению к бул-



«прототипов» травестийных произведений Орлова контаминируются в читательском сознании с романами Матвея Комарова, чего не скрывает сам Орлов.

В-третьих, критических статей Н. И. Надеждина и в первую очередь А. С. Пушкина, использующих произведения Орлова для литературной и этической дискредитации Булгарина. Вместе с тем есть некоторые основания для того, чтобы предполагать, что Пушкин не читал повестей Орлова (в отличие, например, от Надеждина и Гоголя, цитирующих их соответственно в своих статьях и письмах). Если мы примем это как рабочую гипотезу, то увидим, что Орлов получает сильного ироничного защитника в лице Пушкина лишь потому, что активно пропагандирует идею своего противостояния Булгарину — прежде всего в предисловиях к собственным повестям и в частной переписке, а также через посредничество покровительствующего ему Надеждина.

Поскольку полной завершенностью любой текст обладает лишь в читательском сознании, можно констатировать, что де-факто соавторами Булгарина по единому «выжигинскому тексту» становятся Орлов и Пушкин, причем канонизируется в литературной традиции тот вариант трактовки «выжигинского текста», источником которой является Пушкин. Таким образом, читатель булгаринских романов и «нечитатель» (?) романов Орлова А. С. Пушкин обладает эксклюзивным «авторским» правом на господствующий в современном нам читательском сознании «выжигинский текст» русской литературы, поскольку именно его позиция, канонизированная впоследствии советским литературоведением, стала доминирующей при определении позиции последующих поколений «нечитателей», не читавших уже не только Орлова, но и Булгарина.

---

гаринским романам. Мы не учитываем произведения Гурьянова, однако, не только по этой причине, но и потому, что они вообще не фигурируют — также в отличие от книг Орлова — в сознании последующих поколений читателей. На наш взгляд, это связано с тем, что читатели запомнили не столько самого Орлова и его тексты, сколько упоминание его имени Пушкиным.



# НАПОЛЕОН И ЯН СНЯДЕЦКИЙ

## К вопросу о семиотике поведения государя

Созданный фантазией Х. Л. Борхеса автор великого «Дон-Кихота», Пьер Менар<sup>1</sup>, справедливо полагал, что один и тот же текст, написанный в разные исторические эпохи, может восприниматься то как банальное современное чтиво, то как гениальная стилизация. Поведение исторического лица — также является текстом, прочитываемым в зависимости от жизненного или эстетического опыта воспринимающего его лица. Мало того, само историческое лицо, воспроизводя ту или иную коллизию, в зависимости от обстоятельств создает иной вариант этого текста.

Главным героем данной статьи является император Франции Наполеон I, создатель текста собственной судьбы — и одновременно исторического контекста, на фоне которого читаются тексты многих его современников. Мы попытаемся прочесть — разумеется, перечитать — полузабытую страницу его жизни, а именно рассказ о встречах императора с ректором Виленского университета профессором Яном Снядецким (1756–1830). Эта встреча была увековечена мужем племянницы Снядецкого, Зофьи, известным польским историком Михалом Балиньским (1794–1864) в очерке, название которого вынесено нами в заглавие настоящего исследования. Поскольку на русском языке очерк никогда не издавался, мы публикуем его в нашем переводе, осуществленном по изданию: *Baliński M. Napoleon i Jan Sniadecki // Baliński M. Studia historyczne. Wilno, 1856. S. 89–97*. Иноязычные вкрапления в польский текст сохраняются нами на языке оригинала, перевод дается в постраничных сносках, обозначенных «звездочкой». Авторские примечания Балиньского приводятся также постранично, сноски обозначаются латинскими буквами. Исторический комментарий к очерку Балиньского дается в конце настоящей статьи.

---

<sup>1</sup> См.: *Борхес Х. Л. Пьер Менар, автор «Дон-Кихота» // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1984. С. 62–68.*

## НАПОЛЕОН И ЯН СНЯДЕЦКИЙ

Когда еще в 1804 году Ян Снядецкий со всей энергией, присущей зрелому мужчине, возмущенный чудовищными фантазиями и безграмотностью Виллье<sup>а</sup>, выступил с большой честью для себя в оборону наук и польских ученых<sup>а</sup>: первый раз имя этого славного мужа достигло ушей всемирного героя. Наполеон с интересом читал основательное сочинение мудреца, живущего над Вислой, который, не обращая внимания на огромное уважение ученого ареопага Франции, осмелился из любви к правде и собственной стране, в противовес миллионному населению Парижа, указать на непростительную ошибку тем, кто доверчиво увенчал еще более грубые ошибки безграмотного автора. Так что Наполеон издавна знал славу ученого Снядецкого, когда навечно памятные события войны 1812 года сблизили их друг с другом, действительно, ненадолго, но достаточно занимательным способом, чтобы это осталось в памяти потомков.

Дня 28 июня (16 по ст. ст.) 1812 года, в день Святой Троицы, утром, около десяти часов утра вошли французы в Вильну, а в полдень прибыл сам Император Наполеон. Ректор университета не считал личным, а по крайней мере, необходимым пробиваться самому или со всем университетским корпусом в Императорские покои, потому ждал надлежащего времени для приема. Тем временем толпы военных разного звания и горожан обступали дворец. Наполеон, принимая дворянство, сказал, что слышал об университете и его ректоре, которого давно знает по его сочинениям и которого ему рекомендовали как достойного человека. — На третий день после пришествия французов, то есть 30 июня н. ст., один из императорских камергеров вошел к ректору с приказом<sup>II</sup>, чтобы он немедленно явился к Наполеону. Снядецкий ежедневно носил академический вицмундир, но, целое утро ходил по городу и по коллегиуму, для защиты его от толкавшихся всюду солдат: так <вицмундир> перепачкался, что <ректор> просил минутку

---

<sup>а</sup> Во время пребывания в Париже в 1804 г., видя, что Национальный институт Франции увенчал работу Виллье о влиянии реформы Лютера (*Essai sur l'Esprit et l'influence de la Reformation de Luther*), в которой содержалось сфальсифицированные места, незаслуженно унижающие Польшу, Снядецкий счел себя обязанным восстать против столь низкой несправедливости. Он написал и опубликовал на французском языке письмо к институту под названием «*Réflexions sur les passages relatifs à l'histoire et aux affaires de Pologne, insérés dans l'ouvrage de Mr. Villers, qui a remporté le prix de l'Institut national de France le 2 germinal an. XII*» («Замечания над некоторыми местами, относящимися к истории и делам Польши, находящимися в труде Виллье, получившем награду Национального института Франции»).

времени, чтобы он мог переодеться. Но камергер сказал, что это ничего не значит, и что Император ждет его незамедлительно. Ему пришлось идти во дворец, не переодеваясь. Перейдя покои, переполненные множеством сияющих золотом и серебром маршалов и генералов, в одиннадцать утра он был приведен пред лицо завоевателя Европы. Он застал Наполеона отдыхающим в кабинете после смотра войск, лежащего на кушетке, подперев голову рукой. — Наполеон, смерив пронзительным взглядом Яна Снядецкого, спросил его, не двигаясь с кушетки.

— *Etes-vous patriote monsieur le Recteur?*\*

— От колыбели, Ваше Величество, научился я любить мою страну, а ее несчастья еще больше меня к ней привязали, — ответил Снядецкий.

— *Qui, votre pays a passé par des grands malheurs, la faute en est aux polonaise en partie. Mais je suis venu réparer les torts, qu'on a eu envers vous. Le reste depend de vous autres. Mais vous n'êtes pas natif de cette province?*\*\*

Когда на это Снядецкий ответил, что родом из Великопольши<sup>III</sup>, Император ответил, что воспоминание об этой стране навсегда останется ему милой.

— *Depuis quand, êtes vous à la tête de l'université?*\*\*\* — спросил он далее.

Тут Снядецкий, отвечая на этот вопрос, должен был войти в детали о заведении, руководителем которого он был, его привилегиях, содержании, профессорах и преподаваемых ими науках. Вопросы сыпались внезапно и слушались внимательно и с почтением. — Наполеон до тех пор все время неподвижно лежал на кушетке, но когда Снядецкий, перечисляя благодеяния, излитые на это учреждения и науки, с чувством благодарности признал, что страна обязана ею прекраснодушию Императора Александра<sup>IV</sup>, Император быстро поднялся на кушетке и, быстро окинув взором Снядецкого, пораженный выражениями правды и благодарности, воскликнул:

— *Oui, l'Empereur Alexandre est un bon prince. Oui vous avez raison, c'est un bon prince!*\*\*\*\*

---

\* Вы патриот, господин ректор?

\*\* Да, ваша страна подверглась огромным испытаниям, частично виноваты в этом сами поляки. Но я пришел исправить несправедливость по отношению к вам. Остальное зависит от вас. Вы родом не из этой провинции?

\*\*\* С каких пор вы возглавляете университет?

\*\*\*\* Да, император Александр — это хороший государь. Да, вы правы, это хороший государь.

Потом встал с кушетки и, быстрыми шагами двигаясь по комнате, еще дважды повторил те же слова. Наконец, резко остановившись перед Снядецким, взял его за руку и сказал:

— Vous êtes un honnête homme monsieur le Recteur! allez et présentez moi vos Collègues.\*

Эта первая встреча длилась почти час. У Яна Снядецкого было совсем немного времени для сбора разошедшихся в военное время по городу профессоров и переоблачения, чтобы явиться в роли руководителя во главе обширного их круга пред столь великим воителем, который также сильно поддерживал науки. В то же время, то есть еще в те короткие благоприятные мгновения, составил он в нескольких фразах свою памятную речь, которую, став во главе круга ученых мужей, обратил к Наполеону и которая останется вечным памятником его разума и такта. В два часа того же дня пополудни Наполеон слушал ее, окруженный маршалами и двором, состоявшим при нем, а Ян Снядецкий сказал следующее:

«Sir! L'Université de Wilna vient presenter à Votre Majesté Impériale l'hommage du profound respect, de l'admiration, et de la confiance. Cette école antique fondée par Batori<sup>V</sup>, relevée par Stanislas Auguste<sup>VI</sup>, et comblée des bienfaits d'Alexandre I, voit son sort remis entre les mains du Héros, qui étonne le monde et son siècle par les prodiges de la valeur et du génie, et balance les destinées des Empires. Voués aux travaux de l'instruction publique, réfléchissant sur les bienfaits immenses, que la munificence de V. M. Impériale a répandu sur les sciences et les arts, nous osons nous attendre Sire! que Votre Majesté Impériale, dans nos travaux, daignera protéger l'ouvrage de Batori, qui merita la reconnaissance éternelle des Polonais et par la gloire des armes, et par le progress des sciences qu'il fit fleurir!»\*\*

С очевидным удовольствием принял Наполеон эти слова правды и благодарности, которые умел понять и оценить тем более, что в обычном своем положении редко с ними встречался. Император по отдельно-

---

\* Вы благородный человек, господин Ректор! Идите и представьте мне ваших коллег.

\*\* Сир! Виленский университет хочет засвидетельствовать Вашему Императорскому Величеству глубочайшее почтение, восхищение и доверие. Это старая школа, основанная Баторием, процветанию которой способствовал Станислав Август, щедро осыпанная благодеяниями Александра I, вверяет свою судьбу герою, который удивляет мир и свой век чудесами доблести и гения и решает судьбы Империй. Посвятив себя делу общественного посвящения, размышляя об огромных благодеяниях, которые щедрость Вашего Императорского Величества распространила на науки и искусства, мы осмеливаемся надеяться, что Ваше Императорское Величество в наших трудах соизволит защитить труд Батория, который заслужил вечную признательность поляков славою своего оружия и прогрессом наук, процветанию коих он способствовал.

сти расспрашивал каждого профессора о его науке и лекциях, а в своей с ними беседе проявил много основательных сведений и весьма точных суждений о предметах; уходя из аудиенц-залы пообещал собравшимся помощь и покровительство и закончил следующими словами. «*Je n'e veux pas vous faire du mal, au contraire, je veux faire du bien; — Je laisse tout, et peut-être, j'y ajouterai encore quelque chose!*»\* — И Снядецкий, вернувшись к себе, уже застал письмо от государственного секретаря графа Дарю<sup>VII</sup>, призывающего его по Императорскому приказу на совет о нуждах страны. Войдя туда, обнаружил много военных и столпившихся горожан. Дарю читал сего дня Императорский приказ, начинающийся тем, что «после бегства прошлого правительства, чтобы избежать могущих наступить беспорядков и для исполнения приказов, касающихся потребностей армии, Император приказывает представить себе пять особ из числа местных жителей во временное правительство, и троих для управления каждой провинцией. В число первых пяти тут же внесли Яна Снядецкого. Но тот, сильно занятый безопасностью университета и сдерживанием от падения общественного воспитания, а вместе с тем стольких прекрасных коллекций, посреди множества оружия, начал усиленно отказываться от столь тягостной для него чести. Он приводил и те причины, по которым не хотел ее принять. Прежде всего, что, будучи астрономом и ректором, был сильно занят; во-вторых, что люди, занятые наукой, не должны отрывать себя ради административных обязанностей, к которым они обычно не слишком способны. Наконец, что сам он недавно прибыл в эту страну, был ей почти чужим, и тем более не обладал недвижимостью. Первые две причины, которыми прикрывался Ян Снядецкий, были тут же отклонены, только последняя привлекла внимание графа Дарю, о чем обещал он доложить Императору. Когда же на завтра наступило время представления пяти членов временного правительства, между ними не было Снядецкого. Но шестью днями позже министр иностранных дел князь Бассано сообщил ему, что Император, желая сохранить университет, его учреждения и фонды, а также ради большего внимания делу воспитания молодежи в этих провинциях, счел в конце концов необходимым сделать его членом временного правительства. Наполеон, разговаривая об этом с князем Бассано<sup>VIII</sup>, сказал о Снядецком: «*le Recteur est un home très comme il faut, et ce qui est plus, il a du caractère*»\*\*. Седьмого июля вышел декрет Императора с назначением Яна Снядецкого, который на следующий день вручил ему князь

---

\* Я не хочу причинять вам неприятности, напротив, я желаю вам добра. Я все оставляю и, может быть, я добавлю к этому что-нибудь.

\*\* Ректор — это очень благопристойный человек, и вдобавок у него есть характер.

Невшательский<sup>IX</sup>, а в подчинение новому члену достался верховный департамент школ и духовенства. Пришлось незамедлительно подчиниться Императорской воле. С этого времени Снядецкий ежедневно имел случай и обязанность быть вблизи Наполеона во время его пребывания в Вильне и даже вступать с ним в длительные беседы. Одна длилась дольше иных; некоторые слова Наполеона из нее, насколько память позволяет, как нам ее пересказывали, приведем ниже.

Было это 10 июля после большого обеда, данного Императором (в восемь часов вечера) для членов временного правительства. Наполеон был в хорошем настроении и менее отягощен мыслями, чем обычно. Через пятнадцать минут после того, как встали из-за стола, вызвал Снядецкого в кабинет, и там началась беседа, которая продлилась почти до полуночи. Наполеон задавал ему все время разные вопросы, а именно о том, что Император Александр делал в Вильне, как он развлекался, что сделал для наук? И т. п. Говоря о городе, сказал: — «vous devez avoir beaucoup d'obligation à l'Empereur Alexandre, de n'avoir pas donné l'ordre de détruire la ville. Car dans la chaleur du combat, on n'est pas toujours maître de contenir les soldats! Vilna aurait pu être pillée»\* и т. д. — У него был широкий кругозор, а все его вопросы были так метки и важны, рассуждения так глубоки и точны, что в каждом высказывании этого необыкновенного человека проявлялся гений, поражающий своей мощью всякого, кто к нему приближался. Во время длительного разговора о Польше видно было, что он все о ней читал, что только было важнейшего написано историками на чужих языках, а именно о бурных событиях второй половины восемнадцатого века у Рюлье<sup>X</sup>; и это изучил он в точности. Желая, однако, узнать с большей уверенностью, как об этом авторе судят передовые жители самой страны, неоднократно спрашивал об этом мнение Снядецкого, и его замечания о фантазиях или ошибках рассматривал беспристрастно. Однако и в давней истории также был сведущ. Яна III<sup>XI</sup> любил и очень уважал. О нем сказал с живостью. «Vous avez eu parmi vos rois, un grand guerrier, un des plus grands capitaines, Sobieski, que j'estime fort, mais don't vous n'avez pas su apprécier le mérite.»\*\* — Снядецкий не колебался, выражая свое мнение об этом победоносном, но несчастливом короле; но Наполеон ценил его и уважал больше как военачальника и командира, чем монарха. — О России его

---

\* Вы должны быть благодарны императору Александру за то, что он не отдал приказ разрушить город. Ведь в пылу битвы не всегда можно сдерживать солдат. Вильня могла стать жертвой мародеров.

\*\* Среди ваших королей был великий воин, один из рыцарей Собоеский, которого я очень уважаю, но заслуг которого вы не смогли оценить.



познания были достаточно ограничены: только все время расспрашивал о Петербурге и о землях, расположенных между Вильной и Москвой; и так не только в тот раз, но и почти ежедневно. Снядецкий не мог доставить ему точных топографических сведений, потому что сам не знал той стороны, но как-то некоторое время отдыхал в Петербурге, и в конце концов все, что касалось наук по всей Европе, было ему известно, потому старался он из других источников успокоить ненасытное любопытство Наполеона. Рассказывал ему о главных научных учреждениях России. Тогда же пришлось ему на ум упомянуть о знаменитом ботаническом саде графа Разумовского<sup>XII</sup> в Горенках под Москвой, на содержание которого ежегодно тратилось около 20 000 рублей. Это сильно удивило Наполеона, который никак не ожидал, чтобы в глубинах Севера могло находиться такое огромное заведение и чтобы для одной только ветви знания один только господин столько делал. Это так глубоко поразило Императора, что, вызвав немедленно князя Невшательского, приказал он ему записать Горенки и пожелал строжайшим образом распорядиться, чтобы армия не уничтожила этот сад. Так же записан был и Полоцк, когда Снядецкий сообщил ему, что Иезуиты собрали там довольно значительную библиотеку и хороший физический кабинет<sup>XIII</sup>, своим мастерам приказав изготовить много точных и прекрасных инструментов. — Несколько раз еще в последующих днях своего пребывания в Вильне, на утреннем приеме (*au petit levé*) Император разговаривал со Снядецким об истории и современной политике. Его мысли и мнения были быстрыми и меткими<sup>b</sup>; на том в этот раз и остановимся, что мы вкратце вспомнили, ручаясь за правдивость нашего рассказа.

Очевидно, что воспроизводится привычная ситуация «воитель и мудрец», уникальная, как правило, для ее участников — но вовсе не для мировой истории. Но парадокс заключается в том, что и для Наполеона эта ситуация не уникальна. Во время встречи с российским императором Александром I в Эрфурте в 1808 г. специально по просьбе императора Франции были приглашены великие немецкие писатели И. В. Гете и Х. М. Виланд. Содержание их бесед с Наполеоном сохранил в своих

---

<sup>b</sup> Всем известны ответы Наполеона, часто лаконичные, но остроумные. Один из малоизвестных, из этого его похода 1812 года, припоминаем. Главная квартира Императора была в местечке Глубокое Минской губернии, он остановился там в большом и богатом монастыре тамошних Кармелитов и, отдыхая несколько дней, часто разговаривал с их пастырем. Раз спросил его Наполеон: насколько богаты Кармелиты в Глубоком? — Приор отвечал, что у них до тысячи дымов. — Наполеон сказал: *c'est trop*. — Чем же занимаетесь? Спросил дальше. — Бога хвалим, отвечал приор. — *«C'est peu»* сказал Наполеон.

мемуарах Ш. М. Талейран, осознававший историческую значимость этой хорошо «отрежиссированной» императором «постановки».

Можно сказать, что спектакль «Наполеон и Гете» отличается от спектакля «Наполеон и Ян Снядецкий» (а в обоих случаях именно Наполеон выступает в качестве постановщика) приблизительно так же, как «Дон-Кихот» Пьера Менара отличается от «Дон-Кихота» Мигеля де Сервантеса Сааведра, с той только разницей, что в случае «Сервантес — Менар» более поздний текст является более насыщенным палимпсестом, в то время как более поздняя постановка Наполеона демонстрирует выхолащивание его постановочных приемов.

Прочтем же воображаемые режиссерские тетради Наполеона — по тем описаниям спектаклей, которые оставили нам Балиньский и Талейран.

Итак, Балиньский описывает пожелание Наполеона встретиться с Яном Снядецким: *«Наполеон, принимая дворянство, сказал, что слышал об университете и его ректоре, которого давно знает по его сочинениям и которого ему рекомендовали как достойного человека. — На третий день после пришествия французов, то есть 30 июня н. ст., один из императорских камергеров вошел к ректору с приказом, чтобы он немедленно явился к Наполеону»*. Сравним с тем, как возникает подобное желание по отношению к Гете: *«...Наполеон давал аудиенции видным и заслуженным лицам, приехавшим в Эрфурт, чтобы его увидеть. Каждое утро он с удовлетворением читал список новоприбывших. Прочтя в нем имя Гете, он послал за ним»*<sup>2</sup>.

Несмотря на уверения Балиньского, что Наполеон знал Снядецкого по его переписке с Французским институтом, показательно, что император не вспоминает имя философа, но констатирует его ректорский статус и ту краткую характеристику, которую ему дали — *«отрекомендовано как достойного человека»*. Имя же Гете Наполеону, как мы знаем — и как знал сам Гете — было хорошо известно: *«Знаете ли вы, какую книжку возил с собою Наполеон в своей полевой библиотеке? Моего “Вертера”! ...Он изучил его, как изучает уголовный судья свои акты... и в этом духе он и со мною беседовал о “Вертере”»*<sup>3</sup>.

Разительно отличается и обстановка, в которой проходит первая из встреч императора с каждым из его собеседников. Гете не просто по-

<sup>2</sup> Цит. по: Талейран. Мемуары. М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. С. 198. Далее ссылки на данное издание см.: Талейран.

<sup>3</sup> Цит. по: Эккерман И. П. Разговоры с Гете / пер. Н. М. Холодковского: Захаров, 2003. С. 300. Подобные театрально-литературные эффекты вполне в духе времени: «один иенский студент, задумавший убить Наполеона, отправился в Шенбрунн с томиком сочинений Шиллера в кармане. Он был в мундире, правая рука его была на перевязи; в этой руке он скрывал кинжал». См.: Стендаль. Жизнь Наполеона // Стендаль. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. М.: Правда, 1959. С. 66.

лучает аудиенцию — он получает приглашение в Эрфуртский театр, где идет специально отобранная Наполеоном французская трагедия: *«В тех пьесах исторического содержания, которые он приказал играть в Эрфурте, политическая роль некоторых главных персонажей напоминала обстоятельства, ежедневно наблюдаемые с того самого момента, как он появился на мировой сцене, а это подавало повод для множества лестных сравнений»*<sup>4</sup>. «“Партер из королей” дополнялся прославленными артистами французской сцены во главе с Тальма»<sup>5</sup>. «Эти две недели развергивались как феерия торжественных приемов, балов, спектаклей, званных обедов, концертов, сменяющих друг друга в разнообразной и всегда интересной программе»<sup>6</sup>. Причем участники Эрфуртской встречи отдают себе отчет в том, что и они участвуют в спектакле — спектакле, который ставится Наполеоном: *«...люди, подчиняясь ему, рассчитывали тем самым лучше достигнуть и собственных целей, — утверждает Гете. — Именно поэтому они шли за ним, как идут за всяким, кто внушает им подобного рода уверенность. Так актеры хватаются за нового режиссера, если думают, что он в состоянии доставить им хорошие роли»*<sup>7</sup>. И встречу с Гете — правда, не первую, что тоже заслуживает внимания, — Наполеон также проводит «на зрителя»: *«Он был окружен владетельными князьями, у которых он уничтожил армии, отторгнул владения или которых он просто принизил. Среди них не нашлось никого, кто бы решился обратиться к нему с какой-либо просьбой; каждый желал только, чтобы Наполеон его заметил, и притом заметил последним, чтобы сохраниться в его памяти. Вся эта откровенная низость осталась без вознаграждения. Он отличил лишь веймарских академиков и говорил только с ними»*<sup>8</sup>. «Когда вечером Гёте по приглашению Наполеона пришел в театр, Талейран почтительно проводил его на место в первом ряду партера. ...Монархи, представлявшие старейшие германские династии, должны были смиренно потесниться»<sup>9</sup>. Наконец, «партнер по сцене» — император России Александр I — ведет себя должным образом: *«В театре он встал в присутствии всего Эрфурта и взял за руку Наполеона в момент, когда произносились стихи из “Эдина”:*

*L'amitié d'un grand home est un present des dieux!»*<sup>10</sup>.

<sup>4</sup> Талейран, с. 200.

<sup>5</sup> Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 550.

<sup>6</sup> Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 551.

<sup>7</sup> Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М.: Захаров, 2003. С. 293.

<sup>8</sup> Талейран, с. 214.

<sup>9</sup> Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 552.

<sup>10</sup> Талейран, с. 214. «Дружба великого человека является даром богов» (фр.).

Гете трактуется Наполеоном как равный — как один из властителей дум Европы<sup>11</sup>. Разговор с ним (и с Виландом, явно выступающим в качестве второй скрипки) для императора, получившего корону благодаря собственному гению, есть средство принизить (поставить на должное место) наследственных германских владетельных князей. Но к старому ректору виленского университета Наполеон поначалу относится с некоторым очевидным пренебрежением: «*Войдя в кабинет, застал Наполеона отдыхающим на кушетке после состоявшегося смотра войск, с головой, опирающейся на руку. — Наполеон, смеясь пронзительным взглядом Яна Снядецкого, спросил его, не двигаясь с кушетки*»<sup>12</sup>.

На самом деле и в случае с Гете, и в случае со Снядецким Наполеон ведет себя в абсолютном соответствии с приличествующей ему ролью. В Эрфурте он благодаря такому собеседнику, как Гете, позиционирует себя как личность, стоящую выше земных монархов<sup>13</sup>. В Вильне он — завоеватель, уставший от войны, и беседа с мудрым ректором для него — лишь средство отвлечься от военных будней.

Но и само содержание бесед в Эрфурте и в Вильне весьма различается. В Эрфурте Наполеон, как мы сказали выше, позиционируется как политический и государственный деятель, соразмеряющий свои действия с возможным мнением будущих историков и даже выступающему в качестве их пристрастного судьи. Вот, в частности, оценки, данные императором величайшему историку прошлого — Тациту: «...*Хорошая*

---

<sup>11</sup> Известный философ и историк Ф. Мейнеке назовет Наполеона «самым могущественным в столетии человеком действия, который в Эрфурте в 1808 г. приветствовал Гете словами “Voilà un home” как равного в царстве духа». Цит. по: *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. С. 372.

<sup>12</sup> Нужно отметить, что первая встреча с Гете происходит также далеко не в торжественной обстановке. Сам поэт оставил краткое описание ее декорации: «*Император завтракает за большим круглым столом; по правую его руку, немного поодаль, стоит Талейран, по левую, несколько ближе — Дарю, с которым он обсуждает вопрос о контрибуциях. Император делает мне знак приблизиться. Я останавливаюсь в пристойном отдалении...*». Цит. по: *Гете И. В.* Беседа с Наполеоном (Эрфурт, 1808 г.) // *Гете И. В.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 9. С. 436. Вместе с тем присутствие при императорской трапезе само по себе не является фактом принижающим: гость допущен к «рабочему моменту»; Талейран и Дарю наделены титулами владетельных особ, и Гете фактически приравнен к ним.

<sup>13</sup> Примечательно, что, «обращаясь к Гёте, Наполеон произносил его фамилию на французский манер: “Мосье Готт”. Писателю это, видимо, нравилось, по-немецки это звучало: “Господин Бог”». См.: *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 552. Не исключено, что императору сообщили, что он обращался к Гёте как к Богу, что делает честь чувству юмора Наполеона и той высокой планке равенства, которую он устанавливает для себя и своих собеседников.

трагедия представляет самую лучшую школу для выдающихся людей. С известной точки зрения она превосходит самую историю. Наилучший исторический труд производит лишь небольшое впечатление. ...Уверяю вас, что историк, которого постоянно цитируют, то есть Тацит, не научил меня ничему. Знаете ли вы более великого и более несправедливого хулителя человечества, чем подчас бывает он? В самых обыденных поступках он обнаруживает преступные мотивы; он превращает всех императоров в отчаянных негодяев для того, чтобы заставить восхищаться своим гением, который их постиг. Правильно говорят, что его “Анналы” представляет собой не историю империи, а выпуск из римских канцелярий. ...Говоря все время о доносительстве, он в сущности самый большой доносчик»<sup>14</sup>.

Совсем другое занимает Наполеона в его разговоре со Снядецким: «что Император Александр делал в Вильне, как он развлекался, что сделал для наук? ...Во время длительного разговора о Польше видно было, что он все о ней читал, что только было важнейшего написано историками на чужих языках, а именно о бурных событиях второй половины восемнадцатого века у Рюлье; и это изучил он в точности. Желая однако узнать с большей уверенностью, как об этом авторе судят передовые жители самой страны, неоднократно спрашивал об этом мнение Снядецкого, и его замечания о фантазиях или ошибках рассматривал беспристрастно. ...Все время расспрашивал о Петербурге и о землях, расположенных между Вильной и Москвой...». Наполеону не до личности Снядецкого — ему «нужно было устраивать Литву, организовывать ее гражданское правление; нужно было вести тонкую, сложную политику, не давая никаких точных обещаний полякам (насчет присоединения Литвы к Польше), чтобы не затруднять этим всегда возможного мира с царем»<sup>15</sup>. «Польская карта была избрана Наполеоном как наилучшая для идеологического обоснования войны с Россией. Она придавала войне справедливый характер в глазах Европы, вдохновляла его польских союзников и находила французскому императору новых друзей в западных губерниях России»<sup>16</sup>. Совершенно очевидно, что разговор касается только того, что может помочь Наполеону в той сложной ситуации, в какой он оказался после введения войск в Россию: он пытается понять, насколько реальную поддержку (если судить по истории Польши) ему могут оказать поля-

---

<sup>14</sup> Талейран, с. 208.

<sup>15</sup> Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992. С. 73.

<sup>16</sup> См.: Швед В. В., Данских С. У. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў: 1805–1815 гады. Гродна: ГрДУ, 2006. С. 57.

ки<sup>17</sup> и каким путем ему идти далее — на Петербург или на Москву<sup>18</sup>. «Он охотно восхвалял доблести Яна Собесского, говорил о великой роли Польши в истории Европы, но о будущем Польши высказывался туманно и неопределенно»<sup>19</sup>.

В целом видно, что общение со Снядецким для Наполеона носит, если можно так выразиться, дежурный характер. Он твердо знает, что в каждой покоренной им силой оружия стране необходимо доказывать и свою интеллектуальную, духовную состоятельность. В данном случае Снядецкий воспринимается императором как лидер виленских интеллектуалов, как фигура статусная — не более. И если встречу с Гете и Виландом Наполеон режиссирует, то здесь он практически не проявляет свои постановочные качества и инициативу проявляет лишь в той степени, в какой она необходима для поддержания разговора с интересующим его собеседником. «Чутье большого актера вдохновляло Наполеона на удачные импровизации»<sup>20</sup>, но ему нужен достойный партнер — равный по степени мастерства. Кроме того, как отмечает современная исследовательница, Наполеон желал «превратить “Германию с ее трансцендентальными идеями” в рекрутационную базу духовных сил будущей Европы, ничем не пренебрегая, чтобы использовать корифеев немецкой культуры, в том числе Гете, Виланда, Гримма или Иоганнеса Мюллера»<sup>21</sup>.

Гете это понимает. Для него очевидно, зачем он понадобился Наполеону и что он именно понадобился. «Наполеон знал людей слишком хорошо и умел делать надлежащее употребление из их слабостей»<sup>22</sup>, — трезво говорит он И. П. Эккерману. «Великий актер, Бонапарт в совершенстве владел тончайшим искусством обольщения»<sup>23</sup>. Понимают это и специально приехавшие в Эрфурт члены Веймарской академии, и Талейран,

---

<sup>17</sup> «...Если вы принудите меня к войне, я воспользуюсь Польшей как средством против вас», — говорит Наполеон в беседе с А. Б. Куракиным. Цит. по: *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992. С. 18.

<sup>18</sup> «Находясь в Вильне, Наполеон должен был одновременно обдумывать и предпринимать две операции: против Багратиона, отступавшего со 2-й армией (45 тыс. человек) к Несвижу, и против Барклая, который уже 26 июня вышел из Вильны со своей 1-й армией (около 100 тыс. человек) по направлению к Дрисскому укрепленному лагерю на Двине». См.: *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992. С. 78.

<sup>19</sup> *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 467.

<sup>20</sup> *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 551.

<sup>21</sup> См.: *Wawrykowa M.* Napoleon w oczach Niemców // *Europa i świat w epoce Napoleońskiej.* Warszawa: Wiedza powszechna, 1977. S. 268.

<sup>22</sup> *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете. М.: Захаров, 2003. С. 293.

<sup>23</sup> *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. С. 474.

заботящийся о том, чтобы описание этого роскошного спектакля жизни соответствовало истине и могло дойти до потомков: *«Молодые академики, опасаясь, чтобы память не изменила им, успели уже уйти, для того чтобы записать все слышанное ими. Мюллер явился ко мне в семь часов утра, чтобы проверить, точно ли записаны нападки императора на Тацита. Я изменил несколько слов, и это дало мне право получить полную копию труда указанных господ, предназначенного для литературных архивов Веймара»*<sup>24</sup>.

Вместе с тем отмеченное А. З. Манфредом «искусство оболыщения» действует. Как справедливо пишет Ф. Мейнеке, «боль и потрясение от испытанного Германией не были забыты, но они ушли вглубь, отнесенные восхищением перед Наполеоном и доверием к его способности завершить свою мировую миссию, верой в то, что и немецкая культура не погибнет при его мировом господстве, если только сами немцы позаботятся о ней»<sup>25</sup>. Но если, скажем, Гете способен дистанцироваться<sup>26</sup> и — хотя бы со временем — трезво оценить отношение к себе императора Франции, то Снядецкий — а Балиньский явно отражает его точку зрения — абстрагироваться и взглянуть на ситуацию со стороны не может даже со временем. Он не играет, а живет в описываемой ситуации, а стало быть, не может и почувствовать себя равным партнером императора Франции по исторической сцене. Именно поэтому автору очерка необходима аргументация собственной значимости, которая сознательно вынесена Балиньским в качестве обоснования интереса Наполеона к личности и трудам Снядецкого: *«Наполеон с интересом читал основательное сочинение мудреца, живущего над Вислой, который, не обращая внимания на огромное уважение ученого ареопага Франции, осмелился из любви к правде и собственной стране, в противовес миллионному населению Парижа, указать на непростительную ошибку тем, кто доверчиво увенчал еще более грубые ошибки безграмотного автора»*.

О некоторой надуманности этого обоснования свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что на протяжении всех встреч император Франции, гордившийся своим званием члена Французского института (*«Ведь я помню, — говорит ему Виланд в Эрфурте, — что, отбывая в Египет, вы подписывали письма: Бонапарт, член Французского института*

---

<sup>24</sup> Талейран, с. 211.

<sup>25</sup> Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. С. 372.

<sup>26</sup> Встреча с Наполеоном также позволяет Гете позиционироваться в глазах современников. *«Этот, возможно, величайший из немцев, второй Наполеон»*. — пишет в дневнике Ф. Грильпарцер (цит. по: *Грильпарцер Ф. Автобиография*. М.: Наука, 2005. С. 285).

и главнокомандующий»<sup>27</sup>), ни разу не вспоминает о трактате Снядецкого, непосредственно связанном с функционированием этого почтенного учреждения — и это несмотря на великолепную память Наполеона.

Михал Балиньский сам, вероятно, понимал, что аргументация интереса Наполеона к личности Снядецкого явно недостаточна. Поэтому при повторной публикации очерка — уже в составе своей фундаментальной биографии Яна Снядецкого — Балиньский прибегает к дополнительной верификации изложенных событий. В частности, он называет свидетеля встреч Наполеона со Снядецким — это камергер Александр Сапега, выступавший в роли переводчика при императоре Франции. Появляется упоминание о том внимании, которое оказывал Снядецкому во время своего пребывания в Вильне и российский император Александр I. Отдельным примечанием дает историк ссылку на воспоминания графини Шуазель-Гуффье, вышедших в 1862 г., то есть неизвестных Балиньскому в момент первой публикации очерка. Однако Шуазель-Гуффье описывает лишь общий прием профессуры университета, поэтому Балиньский вынужден особо оговорить, что не присутствовавшая при этом графиня не знакома с деталями встреч императора с ректором<sup>28</sup>.

Наконец, имя Яна Снядецкого попадает и в общий перечень выдающихся личностей, интерес к которым проявляет Наполеон: «*Расспрашивал именно о Томаше Вавжецком, который недолго был народным начальником после Костюшко, и о Михале Огинском, бывшем подскарбии Литовском, которого Император Александр I недавно произвел в сенаторы. Среди разных вопросов вспомнил наконец об Университете и его Ректоре, Астрономе. “Vous possédez, — сказал Наполеон, — un célèbre Université, nombre des savants professeurs. Vous avez ici un fameux Astronome...”* — Тут, не в состоянии вспомнить имя, задержался, как бы усиливаясь вспомнить его сам: когда со всех сторон, (а было множество различного положения лиц, больше учащейся молодежи, прибывшей из интереса и нетерпения увидеть Наполеона<sup>29</sup>) закричали:

---

<sup>27</sup> Талеѳран, с. 209. Экспедиция в Египет поначалу вообще носила научный характер: лишь «через месяц султан объявил войну Франции, разрушив планы Бонапарта». См.: Иванов А. Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 19.

<sup>28</sup> См.: Baliński M. Pamiętniki o Janie Śniadeckim, jego życiu prywatnym i publicznym i dziełach jego. T. 1–2. T. 1. Wilno, 1865. С. 693.

<sup>29</sup> Характеризуя эпоху 1810–1820-х гг. в Литве, известная польская исследовательница Алина Витковская справедливо отмечает появление в ней «поколения парней двенадцати, тринадцати, четырнадцати лет, которые также желали жить и умереть для императора, славы, родины. Даже имена носили в то время, как Мицкевич, значимые: Адам Наполеон». См.: Witkowska A. Rówieśnicy Mickiewicza. Warszawa: Rytm, 1998. S. 47.



“*Sniadecki Recteur de l’Université!*” — “*Oui! oui!* — сказал тут же и *novomysl*, — *Sniadeki, Sniadeki* (sic! — А. Ф.). *C’est un home fort instruit; je me rappelled sa rèsponse au pamphlet de Villers sur la Pologne!..*”<sup>30</sup>. Очевидно, что здесь мы имеем дело уже с несколько иным контекстом, нежели в первой редакции очерка: Наполеон помнит, что хотел встретиться именно с ректором университета и интересовался его личностью. Но — первичен все-таки статус ректора, который, собственно, и вызывает интерес императора Франции<sup>31</sup>.

Нет сомнений в том, что Балиньский не был знаком с воспоминаниями Талейрана об Эрфуртском свидании Наполеона с германскими литераторами: мемуары министра иностранных дел Франции будут опубликованы значительно позже, уже в конце XIX в. Но сходство поведения французского императора в обоих описанных ситуациях, на наш взгляд, очевидно. Если предположить на мгновение, что Наполеон действительно был великолепным режиссером (а его интерес к театру как к школе исторических личностей, повторимся, был очевиден, и он сам его не скрывал), очевидно, что в Эрфурте он реализовывает задуманную им историческую мизансцену, а в Вильне в общих чертах повторяет ее — но уже с новым героем, менее высоким (для избранного императором жанра), а потому и допускает определенные отклонения от рисунка собственной роли. Снядецкий — не Гете и не Виланд, да и императора Александра рядом нет, посему можно ограничиться констатацией своего интереса к «главному интеллигенту» захваченной столицы Литвы.

Но таким образом виленская «постановка» 1812 г. читается только теми, кто знаком с деталями «постановки» эрфуртской 1808 г. То есть при меньшей исторической значимости самого события и большей грубоватости (и наигранности) исполнителя главной роли эпизод встречи Наполеона с Яном Снядецким оказывается психологически гораздо богаче, чем встреча Наполеона с Гете и Виландом. То есть мы возвращаемся к тезису Пьера Менара о дополнительной эстетической насыщенности более поздних «художественных текстов».

Но кроме режиссерских и актерских приемов Наполеона эстетический эффект очерка «Наполеон и Ян Снядецкий», несомненно, зависит и от автора текста — Михала Балиньского. И если несколько выше мы говорили о тех приемах, которые использует Балиньский, чтобы заставить поверить читателя в адекватность своей авторской позиции и исто-

---

<sup>30</sup> *Baliński M.* Pamiętniki o Janie Śniadeckim, jego życiu prywatnym i publicznym i dziełach jego. T. 1–2. T. 1. Wilno, 1865. С. 688.

<sup>31</sup> Об интересе Наполеона к проблемам образования см., в частности: *Иванов А. Ю.* Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 127–139.

рическую достоверность описываемой сцены, то сейчас следует сказать несколько слов о том, какое дополнительное впечатление хочет вызвать Балиньский своим повествованием у читателя.

Показательно, что в тексте и Наполеон, и Снядецкий говорят на разных языках: реплики Наполеона всюду передаются исключительно по-французски, реплики Снядецкого в большинстве случаев — кроме официального приветствия, произносимого от имени возглавляемого им университета, — по-польски. Несомненно, Снядецкий хорошо знает французский язык и, скорее всего, беседа идет именно на этом языке. Но, вводя, так сказать, «лингвистическую» дистанцию, тем самым Балиньский всюду устанавливает и дистанцию идеологическую, подчеркивает отчужденность героев друг от друга — не скрывая при этом и собственного восхищения личностью Наполеона. Это связано с тем, что Снядецкий остается гражданином Российской империи, мало того — должностным лицом, и формально его сотрудничество с оккупационными властями уже само по себе должно рассматриваться как государственная измена. В задачу Балиньского как автора входит очевидная косвенная реабилитация своего покойного родственника: он подчеркивает, что Снядецкий не только не ищет встреч с императором сам, но и уклоняется от них (во всяком случае, от первой из них); что он отказывается от участия в самоуправлении; наконец, что функции его в правительстве оккупированной Литвы сводятся к организации (как подчеркивает Балиньский — к сбережению или сохранению) деятельности университета, которому оказывал свои благодеяния не только Наполеон, но и законный император — Александр. Отсюда и то особое внимание, которое Балиньский уделяет обсуждению личности Александра в беседах героев очерка.

Но остановимся на еще одном обстоятельстве. Показателен и общий контекст появления очерка «Наполеон и Ян Снядецкий». Михал Балиньский — один из ярких представителей эпохи романтической историографии в Польше — остался поклонником Наполеона и наполеоновской легенды даже тогда, когда она начала переживать в польском обществе несомненный кризис<sup>32</sup>: мнения интеллектуальных и духовных лидеров относительно роли Наполеона в новейшей польской истории раскололись как в самой Польше (литовские губернии в тот момент не исключение), так и в эмиграции, возникшей после поражения восстания 1830–1831 гг. Балиньский публикует свой очерк в 1856 г. — в начале российской «оттепели», связанной со смертью Николая I. «Воспоминания

<sup>32</sup> См. об этом, в работах крупнейшего польского специалиста по наполеоновской эпохе Анджея Загорского, в частности: *Zahorski A. Spór o Napoleona we Francji i w Polsce*. Warszawa: PIW, 1974. S. 87–98.

о Яне Снядецком» выходят уже после смерти историка в 1865 г., после поражения второго грандиозного польского восстания — 1863–1864 гг. Воспоминания о ректоре университета, ставшем членом временного правительства Литвы при Наполеоне, как мы отметили выше, уже сами по себе в этот период вызывают подозрения в возможной нелояльности к российской имперской власти<sup>33</sup>. И публикация мемуарного очерка М. Балинского в любом случае должна рассматриваться одновременно и как выражение определенной позиции.

## Комментарии

<sup>1</sup> Виллье Шарль-Франсуа-Доминик (1767–1815) — французский историк и писатель, один из первых исследователей Канта.

<sup>2</sup> Сапега Александр Антоний (1773–1812) — из белорусского магнатского рода, князь. Политик, с 1807 г. — при дворе Наполеона, входил в его ближайшее окружение.

<sup>3</sup> Речь Посполитая была федеративным государством, состоявшим из двух составляющих — Коронной Польши (так называемой Короны) и Великого Княжества Литовского. Снядецкий был родом из Великопольши — одного из исторических регионов Короны.

<sup>4</sup> Александр Первый (1777–1825) покровительствовал Виленскому университету, как и в целом польской культуре и образованию.

<sup>5</sup> Стефан Баторий (1533–1586) — король Речи Посполитой (с 1575 г.), основатель Виленского университета.

<sup>33</sup> Следует помнить, что именно «поляки дали Великой Армии больше всего (после Франции) солдат и вновь проявили в борьбе всеобщее мужество и самопожертвование» См.: *Skowronek J. Sprawa polska // Europa i świat w epoce Napoleońskiej. Warszawa: Wiedza powszechna, 1977. S. 380.* Значительно позже описанных Балинским событий, уже в 1877 г., публикуя в «Русском сборнике» мемуарный очерк О. А. Пржецлавского о Ф. В. Булгарине — символе, если можно так выразиться, лояльности бывшего польского подданного к Российской империи, редактор сборника В. Ф. Пуцыкович будет снабжать его ехидными примечаниями, в которых, в частности, обвинит Булгарина в службе в наполеоновской армии: «Тут дело не в происхождении. Насколько Ф. Б. был русский — видно из того, что, будучи русским подданным, он служил в армии вел<ичайшего> врага России». См.: *Пржецлавский О. А. Из воспоминаний Петербургского старожила. Фаддей Бенедиктович Булгарин // Русский сборник. 1877. Т. 2. Ч. 1–2. С. 193.* Особо следует отметить при этом, что Булгарин поступил во французскую армию в тот период, когда Россия и Франция являлись союзниками, но это никак не интересует редактора. См. об этом: *Федута А. И. Слово «белорус» в воспоминаниях Осипа Пржецлавского // Поэтика и лингвистика. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р. Р. Гельгардта. 16–19 октября 2006 г. Тверь: ТГУ, 2006. С. 42–44.*

<sup>VI</sup> Станислав Август Понятовский (1732–1798) — король Речи Посполитой с 1764 по 1795 г. По инициативе Станислава Августа прошла реформа образовательной системы в Польше и Литве.

<sup>VII</sup> Дарю Пьер-Антуан-Брюно (1767–1829) — граф, французский государственный деятель. В 1811–1813 гг. — государственный секретарь Франции.

<sup>VIII</sup> Маре Гюг-Берналь (1763–1839) — французский государственный деятель, герцог Бассано (с 1811 г.), министр иностранных дел Франции в 1811–1813 гг.

<sup>IX</sup> Бертье Александр (1753–1815) — французский государственный и военный деятель, маршал Франции (с 1804 г.), князь Невшательский (с 1807 г.), герцог Ваграмский (с 1809 г.). В 1812–1814 г. — начальник Генерального штаба Французской армии.

<sup>X</sup> Рюлье Клод Карломан де (1735–1791) — французский политик и историк, автор написанной для французского дофина (будущего Людовика XVI) «Истории Польши» (1768). Наполеон мог быть знаком с его незаконченным трудом «История смуты в Польше...» (т. 1–4, 1807).

<sup>XI</sup> Ян III Собеский (1629–1696) — польский полководец, с 1674 г. — король Речи Посполитой. Возглавлял коалицию христианских держав в битве при Вене 12 сентября 1683 г. и одержал в ней сокрушительную победу над турецкой армией.

<sup>XII</sup> Имеется в виду имение Горенки, принадлежавшее с 1746 г. семье Разумовских (фельдмаршалу К. Г. Разумовскому и его потомкам). В 1812 г. имение принадлежало Алексею Кирилловичу Разумовскому, известному своей страстью к ботанике.

<sup>XIII</sup> Библиотека Полоцкого иезуитского коллегиума после закрытия его в 1831 г. (после неудачного восстания на бывших польско-литовских землях) была вывезена в Петербург и передана Императорской Публичной библиотеке.

# «ГУМАННЫЙ ВНУК ВОИНСТВЕННОГО ДЕДА» А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии

Стихотворение Ф. И. Тютчева «Его светлости князю А. А. Суворову» достаточно хорошо известно, как известно и событие, послужившее поводом для его создания. Тютчев сам рассказал об этом в письме супруге и дочери: «Тебе (М. Ф. Тютчевой. — А. Ф.) известно, что *ко дню Михаила Архангела* мы послали Муравьеву серебряно-вызолоченный горельеф с изображением его небесного покровителя — в сопровождении адреса, подписанного 80 именами, в числе коих Блудовы, графиня Протасова, ее сестра Долгорукая и т. д., словом, именами высокочтимыми. А надобно тебе знать, что князь Суворов, человек, конечно, добрейший, но нелепый, давно провозгласил себя ярым противником Муравьева и не упускает случая побраниться. Поэтому он не преминул заявить, что рвет всяческие сношения с людьми, которые имели *низость* подписать названную бумагу. За ним, правда, признано право на подобные глупости. Но поскольку на сей раз затронут общественный порыв неоспоримой важности, глупость не сошла ему с рук — и он удостоился стихов, которые сейчас перед тобой»<sup>1</sup>.

Тютчев сам признает: поводом для появления стихов стал «общественный порыв неоспоримой важности», поэтому следует понять, в чем суть этого порыва.

Вручение горельефа с изображением было приурочено к именинам виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева (8 ноября 1863 г.). Праздновались именины торжественно: «Отовсюду, — вспоминает военный министр Д. А. Милютин, — полетели в Вильну поздравительные телеграммы; утром на прием к имениннику съехалось огромное число служащих чинов, представителей разных сословий и местностей, духовенство всех исповеданий; депутации подносили адреса и иконы. В самой Вильне собрана была по добровольной подписке значительная сумма на сооружение церкви во имя Архистратига Михаила: при поднесении Михаилу Николаевичу этого пожертвования, депутацией пред-

<sup>1</sup> Цит. по: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т. 6. М.: ИЦ Классика, 2004. С. 62–63.

ставлено было ему самому указать место для возведения этого храма. Наконец, прибывший из Петербурга камергер Шевич поднес Муравьеву икону св. Архистратига Михаила при коллективном письме от петербургского кружка почитателей его»<sup>2</sup>. Среди восьмидесяти подписавшихся, кроме подписи Милютина, есть и подпись Ф. И. Тютчева.

Примечательна и личность адресата этого коллективного послания. Сочувствуя в молодости декабристам, М. Н. Муравьев достаточно рано определился в выборе дальнейшего жизненного пути и стал одним из самых жестких администраторов в царской России. Вот как пишет о нем весьма осведомленный, хотя и далеко не беспристрастный современник — князь П. В. Долгоруков: «Муравьев явился рьяным защитником власти твердой, неограниченной, впрочем, гораздо более либерализма симпатичной его нраву злumu и жестокому. ... Он после взятия Варшавы (в 1831 г. — *А. Ф.*) назначен был военным губернатором в Гродно, и тут его природная свирепость, подстрекаемая желанием угодить Николаю, превратила его в лютого тирана несчастных поляков. Только что приехав в Гродно, он узнал, что один из тамошних жителей спросил у одного из чиновников: “Наш новый губернатор родня ли моему бывшему знакомому, Сергею Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826 году?” Муравьев вскипел гневом (кажется, было не из-за чего) и воскликнул: “Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьевых, которые были повешены, а из тех, которые вешают!”»<sup>3</sup>.

Курс, проводимый М. Н. Муравьевым в Литве, был обусловлен той миссией, которую поручил ему исполнять не любивший его император Александр II. Муравьеву было доверено усмирить восставшие литовские и белорусские земли, и он взялся за это так рьяно, как велело ему его собственное понимание служебного долга. «Генерал Муравьев не церемонился ни перед духовенством, ни перед помещиками, ни перед чиновным людом, ни даже перед женщинами; он сумел в короткое время восстановить авторитет русской власти и внушить страх тем, которые до того времени над ней насмехались. ... По мере того, как следственные комиссии разьясняли всю подноготную польской смуты, суды постановляли свои приговоры: начался ряд казней и высылка из края массы людей неблагонадежных. Первые... казни двух ксендзов, 22 и 24 мая (1863 г. — *А. Ф.*), произвели сильное впечатление на польское население, которое сначала не хотело верить, чтобы Муравьев решился

---

<sup>2</sup> Цит. по: Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 326–327.

<sup>3</sup> Цит. по: Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 317–318.

в самом деле казнить духовное лицо»<sup>4</sup>. Среди мер, принятых Муравьевым, следует также отметить официальный запрет всем, включая женщин, носить траур (за исключением тех, кто получил специальное разрешение от властей), решительную русификацию системы образования в подвластном ему крае, массовую конфискацию собственности заподозренных в нелояльности землевладельцев, зачистку государственного аппарата от этнических поляков и белорусов, что, разумеется, также не приносило ему дополнительных симпатий ни у большинства местной элиты, ни у петербургских либералов. Причем, по воспоминаниям другого современника, Муравьев испытывал даже внутреннее наслаждение, осуществляя свою миссию: «Если докладывавший дело пытался смягчить решение, Муравьев вырывал у него из рук бумагу и быстро подписывал. Слова: “повесить”, “расстрелять” выходили у него всегда разборчивее других, как будто писались с особенною любовью»<sup>5</sup>.

Правительство, в оппозиции к которому пребывал Муравьев, старалось сдерживать общественное мнение, тщательно подогревавшееся публицистами славянофильской ориентации. И. С. Аксаков, в недалеком будущем — зять Тютчева, откровенно жаловался А. Д. Блудовой, вероятно, в надежде, что его жалоба дойдет и до отца адресата письма: «Статью о Польше не пропустили. ... Чего же наконец хочет это несчастное правительство от литературы? Оно душит человека за горло и хочет, чтоб он пищал именно тем писком, который ему нравится и ему нужен. ... Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всяких неистовств польских действия самого русского правительства. Ксендзы, прибегающие к отраве, в тысячу раз нравственнее ваших Головнинных, Валуевых и всего Вашего петербургского правительства»<sup>6</sup>.

Одним из лидеров либерального крыла в окружении императора и являлся генерал-губернатор Петербурга князь А. А. Суворов-Рымникский, внук легендарного генералиссимуса А. В. Суворова. У Суворова-внука были свои, старые, счеты с Муравьевым, посему было очевидно, что он откажется подписать приветственное письмо «усмирителю Литвы». Что он и сделал, причем в достаточно жесткой форме: «князь Суворов называл его (Муравьева. — А. Ф.) “людоедом” (ogre)»<sup>7</sup> и «не велел принимать к себе подпавшихся на устроение образа Михаила Архангела М. Н. Муравьеву»<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 181–182.

<sup>5</sup> Цит. по: В. С. <Семевский В. И. ?> Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому. 1863–1864 // Голос Минувшего. 1913. № 9. С. 241.

<sup>6</sup> Цит. по: Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. ММІ. С. 343.

<sup>7</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 324.

<sup>8</sup> Снегирев И. М. Дневник // Русский Архив. 1905. Кн. 1. С. 503.

Суворов был далеко не одинок в своем негативном отношении к личности «усмирителя Литвы». «Мы очень хорошо знаем — писал эмигрант П. В. Долгоруков, — что возгласы, крики, вопли, адреса в честь Муравьева доказывают мнение лишь части публики, а не всей русской публики, потому что петербургское правительство, верное своей старинной системе обмана и лжи, действует наподобие отвратительного правительства бонапартовского, то есть разрешает и поощряет проявление тех мнений, которые ему нравятся...»<sup>9</sup>. Долгоруков действительно очень хорошо знал, что писал: инициатором появления приветственного адреса были околоправительственные круги. Среди подписавшихся — председатель Комитета министров граф Д. Н. Блудов, его дочь А. Д. Блудова и внук И. Е. Шевич (он и уполномочен был привезти адрес Муравьеву), военный министр Д. А. Милютин, а также — по воспоминаниям самого Милютина — «целый ряд имен семьи князей Мещерских, Карамзиных, генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева, графа Вьельгорского, графини Протасовой, Дм. Ник. Замятнина, А. А. Зелёного (министра государственных имуществ. — А. Ф.), П. П. Мельникова, графа Гейдена, графа Муравьева-Амурского, Ф. И. Тютчева, генерала Хрулева и т. д.»<sup>10</sup>. «Мысль этой манифестации принадлежала графине Антонине Дмитриевне Блудовой, которой удалось собрать до 80 подписей»<sup>11</sup>. Другой подписант — П. Н. Батюшков — приписывает инициативу себе<sup>12</sup>. Однако не вызывает сомнений, что собрать все подписи лиц, столь известных при дворе и в России, можно было лишь в том случае, если покровителем этой акции действительно было высшее должностное лицо в чиновничьей вертикали, номинальный глава российского правительства граф Д. Н. Блудов. «В маленьком нервно-подвижном старичке с смеющимся лицом и непрерывно играющими цепочкой руками никто бы не признал единственного образованного и умственно значительного человека в совете министров самодержца всея Руси...»<sup>13</sup>. Блудов, один из духовных воспитанников Н. М. Карамзина, член «Арзамаса», фактический автор первых государственных документов царствования Николая I, в том числе и актов следственной комиссии по делу декабристов, воплощал

---

<sup>9</sup> Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 341.

<sup>10</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 327.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> См.: Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Стихотворения, рассказы и очерки к его характеристике // Русская Старина. 1883. Т. XXXVIII. Апрель. С. 208.

<sup>13</sup> См.: Графиня Антонина Блудова (К характеристике двора 60-х гг.) // Голос Минувшего. 1917. № 5–6. С. 75–76.



в себе преемственность между двумя самыми блестящими эпохами XIX в. — эпохой конституционных мечтаний Александра I и эпохой великих реформ Александра II. Его мнение было весомо, к нему прислушивались все те, кто считал себя интеллектуальной элитой правящего класса России. Блудову доверялись и самые щекотливые тайны правящей династии: «Материалы по “секретной” истории XVIII в. поручались Блудову; к нему адресовал Николай I своих сыновей, если считал, что им нужно знать “как было на самом деле”»<sup>14</sup>. Поскольку же сам Дмитрий Николаевич был уже весьма стар (ему оставалось жить менее трех лет), двигателем всего проекта, скорее всего, стала его незамужняя дочь, графиня Антонина Дмитриевна. «...Дочь не разграничивала свои собственные взгляды и взгляды своего отца...»<sup>15</sup> Однако влияние ее не сводилось к влиянию отца: Антонина Дмитриевна была самостоятельным игроком на политической шахматной доске.

Антонина Блудова обладала собственными убеждениями и собственной позицией. Как свидетельствует ее подруга, А. Ф. Тютчева, Блудова «с тех пор, как славянский вопрос вошел в моду в высшем свете, имеет вид скромно торжествующей и счастливой матери, в любви воспитывающей красоту-дочь»<sup>16</sup>. «Ее тонкий ум и острый язычок были так же хорошо известны в городе, как и ее фанатическое ханжество и восхищение идеями московских панславистов школы Погодина»<sup>17</sup>. Искреннее славянофильство Блудовой сближало ее с группой Аксакова, женившегося на ее ближайшей подруге Анне Тютчевой, а через него — с «практическими деятелями», участвовавшими в подготовке освобождения крестьян. Акты 1861 г., ставшие главным событием в жизни ее отца, вместе с тем не были к 1863 г. распространены на всю территорию империи, в том числе на Северо-Западный край<sup>18</sup>. Истоиво верующая православная христианка Антонина Блудова считала своей миссией распространение реформ и превращение России в бесспорного лидера славянства, в державу-миссионера. Она вела широкую переписку с интеллектуалами из Чехии, Болгарии, Сербии и стремилась использовать свое влияние на императрицу как для помощи этим славянским наро-

<sup>14</sup> См.: Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. С. 20.

<sup>15</sup> Там же. С. 42.

<sup>16</sup> См.: Тютчева А. Ф. Письмо кн. П. А. Вяземскому // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Кн. V. М.: Студия «Три-тэ», Российский Архив, 1994. С. 109.

<sup>17</sup> Графиня Антонина Блудова (К характеристике двора 60-х гг.) // Голос Минувшего. 1917. № 5–6. С. 76.

<sup>18</sup> См. блестящее исследование А. А. Комзоловой: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.

дам, покоренным иноплеменными империями, так и для усиления позиций славянофильства и православия внутри самой России.

А. А. Суворов и А. Д. Блудова странно противостояли друг другу. Будучи генерал-губернатором Прибалтики, Суворов покровительствовал народам Лифляндии и Эстляндии, способствовал сохранению их национальной идентичности — в первую очередь религии (лютеранство) и языка (преимущественно немецкий). «Князь Суворов... в четырнадцатилетнее управление свое Остзейским краем выказал хорошие административные способности; хитер, но вместе с тем весьма честен... он одарен натурой симпатичной и замечательной отвагой; мы не говорим здесь о храбрости военной — кто не храбр из русских воинов, от фельдмаршалов до рядовых? — нет, мы говорим о качестве, весьма редком в странах самодержавия: мы говорим о мужестве гражданском и придворном!»<sup>19</sup> «В этом человеке странный контраст. В выражении его лица и во всей его манере держать себя есть что-то в высшей степени честное, открытое, рыцарственное и, тем не менее, в разговоре он проявляет самовлюбленность и тщеславие, совершенно несовместимые с натурой сколько-нибудь широкой»<sup>20</sup>. Став генерал-губернатором Санкт-Петербурга, он не подписал (что входило в его обязанности по должности) ни одного смертного приговора. Поэтому естественным было и то, что Суворов не смог переступить через собственные убеждения и подписать приветственный адрес человеку, приказывавшему расстреливать восставших священников.

Это могли списать на счет его чудачеств и забыть о поступке князя. Если бы не два существенных обстоятельства. Первое — это, разумеется, фамилия Александра Аркадьевича, его прямое происхождение от самого знаменитого российского полководца. И второе — Михаил Муравьев заработал репутацию «людоеда» и «палача» там, где сам Александр Суворов-внук получил личную славу героя и заслужил стихи величайшего из русских поэтов. Александра Суворова воспел Александр Пушкин<sup>21</sup>.

Дело в том, что именно А. А. Суворов, по личному настоянию императора Николая I, был направлен командующим русской армией И. Ф. Паскевичем с сообщением о взятии восставшей Варшавы в 1831 г. — за

---

<sup>19</sup> Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 339–340.

<sup>20</sup> См.: Тютчева А. Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 251–252.

<sup>21</sup> Подробно о «суворовских» сюжетах в творчестве Пушкина см.: Березкина С. В. Суворовская военная кампания 1794 года в творческих откликах Пушкина // Русская литература. 2007. № 2. С. 21–41.

тридцать два года до того, как М. Н. Муравьев, вооружившись уже не только саблей и ружьем, но и виселицами, уже в третий раз за неполное столетие принес туда «мир». Энтузиазм русского общества в 1831 г. был искренним. А. О. Смирнова-Россет рассказывала, как «он [Николай I] был тронут, когда выехал навстречу Суворову, которого Паскевич послал курьером: когда Суворов, увидя его, закричал: “Варшава взята, все кончилось благополучно!”, государь вышел из коляски, стал на колени и молился, потом отвез Суворова в Китайский домик, где ожидала его беременная жена, и затем уже в Александровский дворец»<sup>22</sup>. В апокрифических «Записках» «черноокой Росетти» есть существенное добавление: «Пушкин сказал мне, что его соседка Ламберт уже раньше меня велела передать ему приятную новость. Оказывается, что ямщик, который вез Суворова, крича сообщал новость всем прохожим, когда приехал в Царское Село...»<sup>23</sup>. При этом все знали, что Суворов-внук не только имени деда был обязан честью стать вестником победы: «Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным»<sup>24</sup>. Очевидно, что М. Н. Муравьев, бывший к моменту своего триумфа не ротмистром, а генералом, такой опасности не подвергался.

Именно Пушкин, адекватно «прочитавший» идеологическое значение выбора кандидата в «вестники победы», моделирует в финале стихотворения «Бородинская годовщина» общую поэтическую оценку взятия Варшавы Паскевичем:

Восстав из гроба своего,  
Суворов видит плен Варшавы;  
Вострепетала тень его  
От блеска им начатой славы!  
Благословляет он, герой,  
Твое страданье, твой покой,  
Твоих сподвижников отвагу,  
И весть триумфа твоего,  
И с ней летящего за Прагу  
Младого внука своего<sup>25</sup>.

---

<sup>22</sup> Цит. по: *Смирнова-Россет А. О.* Баденский роман // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 284.

<sup>23</sup> Цит. по: *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // *Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832.* Л.: АН СССР, 1927. С. 284.

<sup>24</sup> *Пушкин А. С.* Дневник.

<sup>25</sup> Цит. по: *Пушкин А. С.* Бородинская годовщина: («Великий день Бородин...») // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С. 275.

Слава русского оружия сопутствует внуку так, как она сопутствовала Суворову-деду. «Певец Империи» Александр Пушкин создает поэтически и идеологически совершенный текст, соответствующий торжественности момента. С резкой критикой его стихотворения выступает, пожалуй, только П. А. Вяземский, особо обративший внимание и на коллизию с Суворовым: «Хорошо *Инвалиду* сблизать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно. Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместною и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Нечего было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдание Паскевича, которое милостию божиею и без того обойдется. В Паскевиче нет ничего Суворовского, а война наша с Польшею тоже вовсе не Суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком»<sup>26</sup>.

Жуковский оказался в числе «обвиняемых» Вяземским далеко не случайно. Концептуально именно он в стихотворении «Русская слава» наиболее четко вписал взятие А. В. Суворовым Варшавы в число главных подвигов русского оружия:

Рымник, Чесма, Кагульский бой,  
Орлы во граде Леонида,  
Возобновленная Таврида,  
День Измаила роковой,  
И в Праге, кровью залитой,  
Москвы отмщенная обида<sup>27</sup>.

Потому закономерна и актуализация памяти о подвиге Суворова-деда: не Паскевич и даже не Николай I — реально победителем для Жуковского оказывается тот, кто сорока годами ранее силой оружия впервые присоединил Польшу к России. Николай и Паскевич лишь продолжают его дело.

Параллель с Суворовым подчеркивалась всеми. В семье Блудовых бережно хранились письма Дмитрия Николаевича, в том числе его письма из Петербурга в Берлин, где находилась летом и осенью 1831 г. его супруга с детьми: «Вчера, по утру, приехал ко мне проститься граф Сергей Строгонов и сказывал, что приступ точно долженствовал быть 25-го числа и что фельдмаршал даже прислал Государю сделанный им для того план; сказывал также, что, по мнению знающих военных,

---

<sup>26</sup> См.: *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л.: АН СССР, 1927. С. 294.

<sup>27</sup> Цит. по: *Жуковский В. А.* Русская слава // *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 285.

план был прекрасный; что главнокомандующий, следуя примеру Суворова, вызывал охотников на штурм; но тут вышло затруднение нового рода: охотников явилось слишком много, и принуждены были велеть им бросить жребий. ...Вечеру мне сказали только, что Варшава взята приступом и именно в назначенный фельдмаршалом день, 26 августа (день Бородинской годовщины. — А. Ф.), что нам достались 138 пушек и 17 000 пленных; что с известием приехал молодой князь Александр Суворов, внук генералиссимуса. Мысль прислать его с этой вестью истинно умна и прекрасна и делает честь графу Паскевичу: он сам как будто связал два равно славные взятия Варшавы»<sup>28</sup>.

В тот момент все участники идейной коллизии — Суворов-внук, тень Суворова-деда, победители и поэты были на одной и той же стороне. В отличие от 1831 г. в 1863 г. Суворов-внук оказался по другую линию фронта. И это особенно сильно чувствовали те, для кого память о 1831 г. также была далеко не пустым звуком. Дистанция между Паскевичем, рыцарственно ведущего на штурм враждебно настроенного города добровольцев, и Муравьевым, который «принял на себя роль тирана и палача из властолюбия и из жадности к наживе»<sup>29</sup>, колоссальна. «Идеалист» Блудов и его круг должны были бы осуждать его, но весь парадокс в том, именно сейчас они заинтересованы в сближении с Муравьевым и с превращением «кровавого виленского проконсула»<sup>30</sup> в общественном мнении в фигуру значительную — хотя и спорную. Это связано с той расстановкой политических сил, которая к середине 1863 г. сложилась при императорском дворе.

Как отмечает в своих воспоминаниях фельдмаршал Д. А. Милютин, «М. Н. Муравьев, которого за границей называли то пашой, то свирепым проконсулом или палачом, в действительности понимал вполне, что одними полицейскими и военными строгостями можно только временно подавить вооруженный мятеж и восстановить авторитет власти, но что нужны другие, коренные меры для того, чтобы на будущее время предотвратить возобновление смут. Такими мерами признавал он, в особенности, две: приведение крестьянского населения в такое положение, которое дало бы ему полную самостоятельность и независимость от помещиков, и во-вторых — обрусение верхнего, так называемого ин-

---

<sup>28</sup> Цит. по: Воспоминания графини А. Д. Блудовой // Русский Архив. 1874, № 8. Стлб. 873–875.

<sup>29</sup> Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Новosti, 1992. С. 341.

<sup>30</sup> Графиня Антонина Блудова (К характеристике двора 60-х гг.) // Голос Минувшего. 1917. № 5–6. С. 77.

телигентного слоя населения из состава местной администрации»<sup>31</sup>. Но фактически первая из мер абсолютно укладывалась в ту концепцию, которую исповедовали его влиятельнейшие оппоненты при дворе — братья сенатор Н. А. и военный министр Д. А. Милютины, министр внутренних дел П. А. Валуев, генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. А. Суворов-Рымникский, но главное — великий князь Константин Николаевич. Именно брат императора стал неформальным лидером этой группы лиц, контролирующих рычаги управления в стране и видевших свою задачу в полном раскрепощении крестьянства при сохранении самодержавного строя. «Без всякого сомнения, русские крестьяне обязаны Константину Николаевичу и своей свободой, и своим земляным идеалом. Это великая, бессмертная заслуга его перед Россией и перед человечеством»<sup>32</sup>.

Фактически инициативы Муравьева раскололи группу «константиновцев». Братья Милютины увидели в Муравьеве потенциального союзника. Их встречи убедили эту часть «константиновцев» в том, что сейчас Муравьев может превратиться в удобное орудие для проведения реформ в Северо-Западном крае. Известный славянофил, близкий сотрудник Н. А. Милютина князь В. А. Черкасский писал супруге в октябре 1863 г.: «Не могу сказать, чтобы сближение мое с М. Н. Муравьевым рассеяло или даже хоть сколько-нибудь ослабило мое прежнее мнение об его нравственном характере; но не могу не сказать, что он много выиграл в моих глазах в других отношениях: не говорю о несомненной и огромной услуге, им оказанной России... Этого гражданского мужества до него никто из высших наших сановников и — увы! — даже слишком многие из нашего земства не имели и, к сожалению, доньше не имеют... Как местный администратор Литовского края в эту минуту решительной борьбы, или лучше как усмиритель мятежа, он оказался человеком едва ли заменимым, с твердой силой, с ясным умом и знанием дела. Россия должна быть ему благодарна и может многое простить в возмездие за это»<sup>33</sup>.

Постепенно рядом с Константином Николаевичем, чье «отношение... к Муравьеву было резко негативное, и для великого князя был неприемлем его образ действий в Северо-Западном крае»<sup>34</sup>, остались из числа оппонентов Муравьева всего несколько человек — наместник

---

<sup>31</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 324.

<sup>32</sup> Долгоруков П. В. Великий князь Константин Николаевич // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 347.

<sup>33</sup> Цит. по: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 119.

<sup>34</sup> Там же. С. 116.

в Царстве Польском Ф. Ф. Берг, министр внутренних дел П. А. Валуев и А. А. Суворов. Суворов, пользующийся расположением императора, лично уважаемый за свою честность и свою храбрость, в тот момент, когда его бывшие «однопартийцы» Милютины подписались под адресом Муравьеву, демонстрировал не только личную неприязнь, но и отсутствие возможности компромисса между Муравьевым и Константином Николаевичем — компромиссом, к которому умный и сильный политик Муравьев был вынужден стремиться хотя бы для того, чтобы не утратить свое усилившееся влияние на государственный курс.

В этих условиях демарш Суворова воспринимается уже не просто как поступок чудака, совершившего глупость, — как оценивает его в процитированном нами выше письме Ф. И. Тютчев. Демарш Суворова следует воспринимать как акт политической борьбы — и, собственно говоря, именно таким образом и воспринимали его лица посвященные. Ф. И. Тютчев был не просто посвященным — он был активным участником борьбы как ближайший друг и советник главы внешнеполитического ведомства России князя А. М. Горчакова. Несмотря на то что сам Горчаков до поры успешно балансировал между противостоявшими лагерями, Тютчев не мог занять нейтральную позицию. По словам язвительного и осведомленного анонима (князь П. В. Долгоруков?), опубликовавшего свой очерк о графине Блудовой за границей России, именно «она... заказала стихи, в которых г-н Тютчев (внезапно прославившийся, а теперь снова забытый московский Ювенал) воспевал “великого миссионера”»<sup>35</sup>.

Сейчас, на наш взгляд, целесообразно перечитать тютчевское стихотворение.

Гуманный внук воинственного деда,  
Простите нам — наш симпатичный князь,  
Что русского честим мы людоеда,  
Мы, русские, — Европы не спрося...

Как извинить пред вами эту смелость?  
Как оправдать сочувствие к тому,  
Кто отстоял и спас России целость,  
Всем жертвуя призванью своему —

Кто всю ответственность, весь труд и бремя  
Взял на себя в отчаянной борьбе —  
И бедное, замученное племя,  
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

---

<sup>35</sup> См.: Графиня Антонина Блудова (К характеристике двора 60-х гг.) // Голос Минувшего. 1917. № 5–6. С. 77.

Кто избранный для всех крамол мишенью,  
Стал и стоит, спокоен, невредим —  
На зло врагам, их лжи и озлоблению,  
На зло, увы, и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой  
Письмо к нему от нас, его друзей —  
Но нам сдается, князь, ваш дед великий  
Его скрепил бы подписью своей<sup>36</sup>.

Нужно отметить несколько тезисов, роднящих позицию автора стихотворения и позицию В. А. Черкасского, изложенного в приведенном выше письме. Во-первых, Тютчев не берется отрицать, что Муравьев — «людоед», как Черкасский вовсе не скрывает, что его мнение о нравственных качествах «виленского проконсула» осталось прежним и после политического примирения. Во-вторых, Тютчев высоко ценит отношение Муравьева к крестьянам Северо-Западного края (Муравьев «бедное, замученное племя, / Воздвигнув к жизни, вынес на себе...») — но ведь именно это заставляет и Черкасского, и стоящих за ним Милютиных пересмотреть свое отношение к нему. Наконец, поэт отмечает несомненную, с его точки зрения, смелость Муравьева, отважившегося принять на себя историческую ответственность за разгром восстания в белорусско-литовских губерниях.

Отнюдь не случайно у Тютчева появляется мотив, которого нет и не может быть в письме Черкасского, но который присутствует в мемуарах другого активного участника событий — фельдмаршала Д. А. Милютина. Речь идет о мотиве Европы, у которой русские не спросили разрешения на чествование своего «людоеда». Милютин, для которого вся история с демаршем Суворова и стихотворением Тютчева спустя годы предстает пустяком, едва заслуживающим упоминания, разумеется, много внимания уделяет внешнеполитическому контексту «усмирения» восставших губерний. В частности, он цитирует речь императора Франции Наполеона III, произнесенную тем 24 октября / 5 ноября на открытии Законодательного собрания Франции: «Коснувшись в умеренных и примирительных выражениях хода дипломатических сношений по польским делам, император французов признал, что “дружественные советы Франции были истолкованы как угрозы” и потому не только не привели к желанному результату, но еще более ожесточили борьбу. “Что же остается делать?” — спрашивал себя Наполеон III. “Разве возможны только

---

<sup>36</sup> Тютчев Ф. И. Его светлости князю А. А. Суворову // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т. 2. М.: ИЦ Классика, 2003. С. 122.



два выхода: война или молчание?..” И на эти вопросы отвечал: “Нет, есть средство избегнуть и войны, и молчания: это — передать польское дело на решение суда Европы. Россия уже объявила, что не сочтет оскорбительной для своего достоинства конференцию, на которой будут разбираться и другие вопросы, волнующие Европу; пусть это заявление послужит к тому, чтобы раз навсегда уничтожить причины несогласий... Не настало ли время перестроить на новых началах здание, подкопанное временем и революциями? Не следует ли признать новыми договорами то, что бесспорно совершилось, и с общего согласия осуществить то, чего требует сохранение общего мира?”<sup>37</sup>. Фактически император Франции предлагал пересмотреть решения Венского конгресса 1815 г. — старую меттерниховскую систему — и создать взамен нечто более мобильное. Причем польский вопрос становился в данном случае ключевым: Россия должна была продемонстрировать на практике, что готова к модернизации европейской системы международных отношений, ценой уступки захваченных еще в восемнадцатом столетии территорий.

В письмах Тютчева — напомним, ближайшего сотрудника А. М. Горчакова — есть непосредственный отклик на речь Наполеона. В письме дочери Е. Ф. Тютчевой от 26 октября 1863 г. он рассказывает об обеде, который Горчаков дал в честь редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова<sup>38</sup> — одного из идеологов подавления восстания в Северо-Западном крае, однако вовсе не безоговорочного сторонника «муравьевской системы». (Сам этот обед, скорее всего, стал возможен после особой миссии, осуществленной летом 1863 г. самим Тютчевым, специально ездившим в Москву<sup>39</sup>.) Здесь же Тютчев пересказывает речь На-

---

<sup>37</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 316–317.

<sup>38</sup> Катков, по свидетельству хорошо осведомленного Н. С. Лескова, «еще большую, едва ли не всемирную славу стяжал в 1863 г. писаниями по польскому делу, посадивши в Вильну Муравьева и руководя передовицами из московского кабинета в многострадальной Литве и Польше, вызывая... яркий восторг политических кликуш в стиле Антонины Блудовой...». Цит. по: Лесков Н. С. На смерть М. Н. Каткова // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Т. III–IV. М.–Л.: Academia, 1934. С. 895. На наш взгляд, это косвенное признание той большой роли, которую играла А. Д. Блудова в антипольской идеологической кампании.

<sup>39</sup> «Тревожным летом 1863 года, когда полным ходом уже шла дипломатическая война между Российской империей и Европой, Тютчев появился в Москве. Правительство не исключало возможность военного столкновения с европейской коалицией, и Федор Иванович должен был осуществить зондаж общественного мнения и установить личный контакт с издателями наиболее авторитетных московских газет. ...Хотя с самого начала... <он> скептически оценивал перспективы своей миссии, приезд Тютчева в первопрестольную столицу был санкционирован министром иностранных дел». См.: Экуштут С. А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 249.

полеона, которая обсуждалась на обеде: «Событием дня здесь является тронная речь императора Наполеона, краткое содержание которой было передано по телеграфу Будбергом. Выдающимся местом речи является заявление о том, что трактаты 1815 г. больше не существуют, и сделанное вследствие этого предложение о созыве всеобщего конгресса, на котором были бы обсуждены все ожидающие решения вопросы, — комбинация, которая, будучи уже однажды указана самой Россией, может быть ей предложена без опасения ее задеть»<sup>40</sup>. Но «указать» — еще не означает «осуществить на практике». Империя не могла позволить вмешаться в свои «территориальные проблемы» (следом встала бы и проблема Финляндии, и Кавказа).

Стихотворение Тютчева может восприниматься как своеобразный неофициальный ответ на речь Наполеона III. Именно таким ответом — на речь Лафайета в 1831 г. — было стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Но Пушкин делает адресатом своего стихотворения непосредственно «народных витий» — депутатов Законодательного Собрания Франции. Адресовать резкий ответ венценосцу, да еще и демонстрирующему — пускай всего лишь формально — вполне миролюбивую позицию (Лафайет призывал к прямой интервенции, чтобы защитить восставших поляков), государственный служащий Тютчев просто не мог. Формально «домашнее», «салонное» стихотворение, адресатом которого является не государственный деятель, а частное лицо Суворов, отвечает, таким образом, на государственный заказ, формируя общественное мнение в соответствии с общей позицией российского правительства. Приблизительно так формулирует «заказ» Тютчев в письме Каткову, написанном, как признается сам поэт, по прямой просьбе Горчакова: «Кн. Горчаков желал бы очень, чтобы “Московские ведомости”, сохраняя за собою полную свободу суждений и оценки, избегали по возможности все слишком резко враждебное, обличающее решительную непримиримость — или, выражаясь словами князя, чтобы — говоря о Наполеоне с полной свободой, не слишком *дразнили* его»<sup>41</sup>.

Показательно, что Тютчев сам содействует распространению этого стихотворения, отправляя его жене и дочери в письме. «Посылка стихотворения в письме обращает литературное произведение не вовне к анонимному читателю, а к отдельным частным лицам достаточно ограниченного круга — членам семьи и светским знакомым. Эта тенденция — замыкающая, противоположна деятельности Тютчева как

<sup>40</sup> Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т. 6. М.: ИЦ Класика, 2004. С. 53.

<sup>41</sup> Там же. С. 55.

публициста»<sup>42</sup>. Вместе с тем очевидно, что стихотворение «Его светлости князю А. А. Суворову» распространяется в широкой публике практически мгновенно, так что становится известно и самому адресату. Его реакция также известна: «На это князь А. А. Суворов ответил, что дед его никогда бы не скрепил своей подписью письма, посланного М. Н. Муравьеву»<sup>43</sup>.

Стихотворение Тютчева не достигло цели — по крайней мере, внутри того узкого круга читателей, кто был прямо или косвенно посвящен в суть дворцовых интриг и политической борьбы. Скорее, оно содействовало росту популярности А. А. Суворова. История его появления получила широкий резонанс благодаря первому публикатору стихотворения, которым стал А. И. Герцен. Разумеется, Герцена волнует не Суворов и не Тютчев даже. Одна из главных мишеней лондонского изгнанника в этот период, конечно, Муравьев. Отношение к его личности становится для Герцена лакмусовой бумажкой: «Говорят, что кн. Суворов отказался от поклонения Муравьеву и назвал его людоедом. “Московский Ювенал” взял свою цевницу и так защитил человека литовской бойни... (далее публиковался текст стихотворения Тютчева). Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?»<sup>44</sup>.

Стихотворение Тютчева датировано 12 ноября 1863 г. Оно опубликовано в «Колоколе» 1 января 1864 г. Очевидно, что практически немедленно после того, как текст послания Суворову распространился сколько-нибудь широко, один из корреспондентов Герцена доставил его в Лондон. Герцена мало интересует внутренняя расстановка сил в императорском окружении, как и внешнеполитический контекст происходящего. Муравьев — «человек литовской бойни». Карфаген должен быть разрушен. «Литовский проконсул» должен сойти с политической арены. А заодно и те, кто его воспевают.

Ответная фраза А. А. Суворова стала более действенным аргументом, нежели стихотворение гениального поэта: он является единственным наследником славы великого генералиссимуса, и Тютчев, попытавшийся с ласковой учительской интонацией противопоставить внука деду, оказывается в весьма неловкой ситуации. Повторно разьяснять свою точку зрения — значит оправдываться. К тому же, формально стихотворное послание является фактом кружковым, почти домашним, а оправдание будет демонстрировать то, скрытое, значение, которое придавалось ему

---

<sup>42</sup> Юнгрен А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. М.: Наука, 2006. С. 74.

<sup>43</sup> Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Стихотворения, рассказы и очерки к его характеристике // Русская Старина. 1883. Т. XXXVIII. Апрель. С. 209. (Фраза принадлежит М. В. Быкову.)

<sup>44</sup> Цит. по: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18. М.: АН СССР, 1959. С. 19.

кружком Блудовой и, не исключено, Горчаковым. Реплику в заочном споре должен сказать кто-то другой, не Тютчев.

Этим другим становится князь П. А. Вяземский. В отличие от стихотворений Пушкина и Тютчева оно почти не известно, поэтому мы считаем возможным републиковать текст Вяземского полностью.

Да, князь! поэт прав: верно вашим дедом  
Было бы скреплено письмо друзей к тому,  
Которого вы, князь, честите людоедом  
За то, что он казнил по долгу своему.

Как вы, он не искал в народе популярность,  
Нежданная, она пришла к нему;  
Сльвет он извергом, однако же гуманность,  
Где можно допустить, доступна и ему.

Он жертвовал собой в минуту, где Россия  
Потрясена была злодействами врагов;  
Он подавил мятеж; дела его благие.  
Дай Бог побольше нам таких, как он, голов!

Не много толку в том, кто вместе с крикунами  
Готов порочить всех лишь болтовней пустой,  
Кричать не мудрено, а мудрено делами  
Так править хорошо, как Муравьев — Литвой.

Как верный русский, сам он действовал с отвагой;  
Он был уверен в том, что Русь вся за него;  
Хотя теперь пером дрался он, а не шпагой,  
Но имя на Руси прославилось его.

И так, гуманный князь, отдайте справедливость  
Тому, кто заслужил сочувствие сердец,  
Иль вы не русский, князь! Его неустрашимость  
Приобрела ему бессмертия венец!

Что дед ваш, князь, сказал: ужель вам не известно?  
Когда сражался сам он против поляков,  
Он Прагу брал тогда, напомнить здесь уместно  
Слова Великого... как наших знал врагов!

К солдатам обратясь, он крикнул громогласно:  
«Нешадно режьте их и режьте их детей,  
И знайте, что ваш штык заколет не напрасно:  
Вы жизнь спасаете тем ваших же детей!»

Вот что сказал ваш дед, кто этих слов не знает?  
Он русский был и с русской душой;  
Кто Муравьеву враг, его кто порицает,  
России тот не сын и русскому чужой<sup>45</sup>.

Это удивительно резкое, почти хамское по отношению к генерал-губернатору Санкт-Петербурга стихотворение уже никак не связано ни с речью императора Франции, ни с проблемой освобождения крестьян. Это не нападение — это защита. Причем аргументы Вяземского также весьма показательны: он защищает Муравьева, уже не отрицая «палаческий» характер его заслуг, но гордясь ими и откровенно перетягивая тень А. В. Суворова на сторону Муравьева. Причем не без оснований: именно так, палачом, воспринимали тогдашнего генерал-аншефа современники на Западе. «Английская и особенно французская печать того времени тенденциозно описывали штурм Праги... как невиданный пример варварства и насилия над беззащитным населением»<sup>46</sup>. Широкое распространение в конце XVIII в. получила гравюра, на которой «изображен Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей “после капитуляции Варшавы”»<sup>47</sup>. Этот же уровень аргументации — только с апеллированием к западному «опыту» — использует в своих воспоминаниях и графиня А. Д. Блудова: «Алжирские генералы, как Pelissier, так и Bugeaud, кажется, упражнялись охотно в поджогах и *выкурении* дымом неприятия. Также с “*дымом пожаров*” шел вперед Bugeaud, преследуя по своим инструкциям более герцогиню Беррийскую лично, нежели вооруженных крестьян, которых разорял и сожигал, где только мог. Оно, может быть, и неизбежно в этом роде партизанской войны; но тогда за чем же негодовать на Бакланова за рапорт: «аул истреблен», или на Муравьева, который нигде не поджигал и не истреблял, а только вырубал леса, где скрывались шайки, и казнил поджигателей и вешателей крестьян своих?»<sup>48</sup>.

Хотя под текстом Вяземского не стоит дата, осмелимся предположить, что оно появилось не без оглядки на публикацию в «Колоколе». Петербургские либералы-«константиновцы» реагировали на статьи Герцена с сочувствием. Кроме того, «в декабре 1863 г. близкий к придворным

---

<sup>45</sup> Цит. по: Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Стихотворения, рассказы и очерки к его характеристике // Русская Старина. 1883. Т. XXXVIII. Апрель. С. 209–210.

<sup>46</sup> См.: Суворов А. В. Письма / изд. подг. Лопатин В. С. М.: Наука, 1986. С. 666.

<sup>47</sup> См.: Долинин А. А. Байрон в пушкинском зеркале: два отражения // Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М.: НЛЮ, 2007. С. 183.

<sup>48</sup> Воспоминания графини А. Д. Блудовой // Русский Архив. 1874. № 7. Стлб. 749.

кругам граф Д. К. Нессельроде сообщал великому князю Константину Николаевичу, что “начинается уже в Питере реакция против Муравьева в лице разоренных помещиков... но что эта реакция еще слаба и не смела”. Поддерживал эту “реакцию” и... князь А. А. Суворов, о чем свидетельствует его особая записка шефу жандармов князю В. А. Долгорукову, составленная, вероятно, в 1864 г.»<sup>49</sup>.

Дальнейшее противостояние «либералов» и «муравьевцев» будет продолжаться и после смерти бывшего виленского генерал-губернатора. Попытка реабилитировать М. Н. Муравьева в общественном мнении уже в конце XX в. послужит поводом для мобилизации памяти еще одного русского поэта — Н. А. Некрасова, которому бесосновательно будет приписано стихотворение виленского чиновника И. А. Никотина «Бокал заздравный поднимая...»<sup>50</sup>. Но это — другой сюжет в истории русской литературы.

---

<sup>49</sup> См.: *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 134–135.

<sup>50</sup> Воспоминания И. А. Никотина были опубликованы в начале XX в., однако даже прямое указание мемуариста на его авторство не останавливает некоторых исследователей либо от включения его стихотворения в дубильный корпус сочинений Некрасова, либо от предположения о существовании еще некоего, утерянного некрасовского текста. Осмелимся высказать гипотезу о том, что в сознании людей 1890-х гг., когда начала распространяться легенда о «муравьевской оде» Некрасова, просто произошла аберрация: под «муравьевской одой», скорее всего, следует понимать широко известное стихотворение поэта «О. И. Комиссарову», посвященное спасителю императора Александра II от пули Д. В. Каракозова. Муравьев же, как известно, руководил следственной комиссией по делу Каракозова, отчего совмещение тем в принципе стало возможным.

# Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1820–1830-х гг.

В фильме выдающегося польского кинорежиссера Юлиуша Махульского «Ва банк» есть замечательная, хотя далеко не всем зрителям понятная сцена. К банкиру приходит обманутый вкладчик, чтобы с пистолетом в руках заставить его вернуть свои деньги. Но банкир применяет исключительно психологическую защиту — он вдруг уверенно кричит на посетителя на хорошем русском языке: «*Poszół won!*» Тот цепенеет от ужаса, теряется — и подоспевшая стража обезоруживает его и выводит.

Как правило, польские зрители в этот момент смеются и аплодируют. Смотрящие фильм в переводе на русский язык зрители постсоветского пространства не понимают истинного смысла происходящего на экране: там все говорят на русском языке. Чего же так испугался этот усатый пан?

Действие происходит в небольшом польском городке межвоенного двадцатилетия (XX в.). Польша только-только обрела независимость после двухсотлетнего пребывания в составе Российской империи. Русская речь все еще воспринимается как последний аргумент в споре — как непрменный атрибут начальника, господина, всевластно распоряжающегося судьбами поляков. И лишь в свободной Польше — сегодня — эта ситуация воспринимается как трагикомическая: поляки в зрительном зале смеются над собственным недавним страхом. То есть — над собой!

---

<sup>1</sup> Прием, когда отрицательный персонаж прибегает к «языку господ», чтобы вселить страх в подвластных либо подчиненных ему «туземцев», известен достаточно хорошо. Скажем, Э. Масальский, описывая в своих воспоминаниях допрос своего брата, члена общества филоматов Ю. Масальского, цесаревичем Константином Павловичем, сознательно прибегает к нему: «Через минуту быстрым шагом вошел Великий Князь с зажженной сигаретой в устах и, приблизившись к Юзефу, почти так, что касался его грудью, гаркнул: “*Gawari!*” Юзеф, увидев такую мифическую фигуру прямо перед собой, улыбнулся. А Князь отпрыгнул от него крича: “*Szczenok! Szczenok! W soldatu, skatina!*” — и вернулся в кабинет». — Цит. по: *Massalski E. Z pamiętników // Z filareckiego świata. Zbiór wspomnień z lat 1816–1824.* Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. S. 281. О сознательности использования данного приема

Вместе с тем есть определенные исторические фигуры, к которым даже спустя двести лет польское сознание не может относиться юмористически. Одной из них, несомненно, перманентно актуализирующейся в истории польско-российских отношений, является Н. Н. Новосильцов<sup>2</sup>.

Как заметил один из современников всемогущего комиссара российского правительства при правительстве Царства Польского, поэт-классицист Каетан Кожьян, «припомнить имя Новосильцова полякам в их теперешнем умонастроении — то же самое, что представить сатану честным и набожным католиком»<sup>3</sup>. Если учесть традиционную набожность поляков, сравнение Кожьяна приобретает специфический оттенок: ненависть поляков к Новосильцову предстает почти обязательным религиозным чувством всякого правоверного католика.

Следует отметить, что причины, по которым произошла актуализация образа Новосильцова в польской литературе первой трети XIX в. не являлись собственно литературными. Правая рука цесаревича Константина Павловича, он являлся теневым правителем Царства Польского, а после следствия о тайных обществах, созданных учащимися Виленского учебного округа, — и откровенным диктатором литовских губерний. Но в первом случае его статус второго лица позволяет ему избежать формальной ответственности за происходящее в Царстве; во втором же случае его печальная ответственность приобретает, так сказать, локальный характер: информация о психологическом терроре, организованном Новосильцовым в Литве, не получает широкого распространения в коронных землях.

О Новосильцове «вспоминают» после того, как в разгар восстания 1830–1831 гг. в Варшаве выходит анонимная брошюра «Новосильцов в Вильне». Автором, скрывшимся до поры, является известный историк и политический деятель, бывший профессор Виленского университета Иоахим Лелевель. Автор напоминает, а фактически впервые публично рассказывает о той роли, которую Новосильцов и его клеветы сыграли в разгроме Виленского университета как центра польской культуры и образования; о трагической судьбе лучших представителей молодой

---

мемуаристом свидетельствует, в частности, не только тот факт, что реплики Константина Павловича выделены в данном случае курсивом, но и то, что цесаревич — единственный персонаж в тексте, чья речь передается фонетически (речь, например, генерала Куруты, передается вполне польскими словами).

<sup>2</sup> Единственная монография, посвященная этому крупному российскому государственному деятелю, оставившему надолго запомнившийся след в истории российско-польских, российско-литовских и российско-белорусских отношений, вышла в Польше. См.: *Szyndler B. Mikołaj Nowosilcow (1762–1838). Portret carskiego inkwizitora. Warszawa: DiG, 2004.*

<sup>3</sup> Цит. по: *Koźmian K. Pamiętniki. T. III. Wrocław: Ossolineum, 1972. S. 95.*



польской интеллигенции, преданных суду коррумпированных и лично заинтересованных в таком трагическом исходе чиновников<sup>4</sup>.

Публикация брошюры Лелевеля становится идеологической бомбой: ненавистные российские оккупанты приобретают конкретный человеческий облик и конкретную меру ответственности. Если облик Константина Павловича был овеян определенным романтическим флером (а этому способствовал и его статус королевского брата, и женитьба на польке Иоанне Грудзинской — княгине Лович), то в облике Новосильцова, как он отныне формируется в польской литературе, сосредоточивается вся ненависть, которую деятели культуры одного народа могут испытывать к представителю другого народа. Ярче всего говорит об этом в своей «Мазурке» молодой поэт-повстанец Райнольд Суходольский, погибший на варшавской баррикаде в день взятия Варшавы войсками И. Ф. Паскевича:

Нам хватит висельников:  
Еще жив Новосильцов<sup>5</sup>.

Понятно, что поэтическая декларация подобного рода — всего лишь лозунг. Но в текстах современных Новосильцову литераторов совершенно очевидна целевая установка на компрометацию императорского комиссара.

Прежде всего это касается, разумеется, мемуарных текстов. Уже первое «документальное» воспоминание о Новосильцове — упоминавшийся нами очерк И. Лелевеля — является не мемуарами в чистом виде; по

---

<sup>4</sup> См.: *Федута А. И.* Иоахим Лелевель — свидетель и историк «процесса филома-тов» // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимариус, 2008. С. 9–18.

<sup>5</sup> В оригинале:

Nie zabraknie nam wisielców,  
Jeszcze żyje Nowosilców...

Цит. по: *Suchodolski R.* Mazurek // *Poezja powstania listopadowego*. Kraków: Ossolineum, 1971. S. 34.

Судя по всему, эта говорящая за себя рифма была широко распространена в повстанческой поэзии. Известная исследовательница этого литературного пласта Д. Б. Кацнельсон приводит в своей монографии «Осужденные за чтение Мицкевича: Из архивов Львова и Вильно» стихотворение «Новосильцов и цензура», в котором наблюдается та же рифма:

Wybornie cenzura  
Rymuje do «skóra»,  
Jak Nowosilców  
Do «wisielców».

«Цензура прекрасно рифмуется со шкурой, как Новосильцов с висельниками». Цит. по: *Kacnelson D.* Skazani za lecture Mickiewicza: Z archiwów Lwowa i Wilna. Lublin: Norbertinum, 2001. S. 80.

справедливому, на наш взгляд, замечанию Д. Бовуа, мы имеем дело не с чистыми мемуарами, а, скорее, с памфлетом<sup>6</sup>. Действия высокопоставленного российского чиновника, расследующего вопрос о существовании тайных обществ, рисуются Лелевелем как действия не публичного лица, а именно заговорщика, чей волюнтаризм при этом не знает пределов: «Ни указов, ни законов, ни “желтой книжечки” или военного права 1812 года, регулирующего ее положения — были только воля и приказ Новосильцова. Все в этой воле было тайным: и если призванные к ответу жаловались на искажение своих показаний и давление, то что же приходилось думать о допросах заключенных, которые многие месяцы не видели белого света»<sup>7</sup>. При этом аргументация, которую приписывает Лелевель Новосильцову в качестве оправдания подобного рода действий, носит обобщающий характер (императорский комиссар ведет себя вполне соответствующе своему статусу): «Новосильцов считал, что большому политику позволено пожертвовать хоть тысячей невинных, дабы наткнуться на то, что может угрожать миллионам»<sup>8</sup>. И далее: «Новосильцов в своей деятельности не смотрит ни на слезы, ни на несчастья, ни на число жертв — важна только польза империи...»<sup>9</sup>.

Последующий приговор участникам обществ филоматов и филаретов, таким образом, трактуется не как результат фальсификации, продиктованной частными интересами одного лица (Новосильцов был заинтересован в падении куратора Виленского университета князя А. Е. Чарторижского), а как результат целевой установки деятельности всей государственной машины Российской империи.

Иной аспект появляется в поэме Адама Мицкевича «Дзяды», третья часть которой полностью посвящена виленскому следствию. Здесь уже даже нет намеков на то, что Сенатор (Новосильцов именуется Мицкевичем согласно своему должностному положению) — политик. Поэт рисует своего персонажа прежде всего как человека низкого и безнравственного. В шестой сцене третьей части Сенатор предстает спящим, а постель его окружают черти во главе с Вельзевулом<sup>10</sup>. Главный черт заботится лишь обо одном: Сенатор не должен бояться пекла, а потому рисовать картину его посмертного будущего ему нельзя даже во сне:

---

<sup>6</sup> См.: *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na zemiach litewsko-ruskich. 1803–1832. T. 1. Uniwersytet Wileński. Rzym – Lublin, 1991. S. 53.

<sup>7</sup> Цит. по: *Лелевель И.* Новосильцов в Вильне (перевод М. Иващенко) // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимариус, 2008. С. 26.

<sup>8</sup> *Лелевель И.* Цит. соч. С. 28.

<sup>9</sup> *Лелевель И.* Цит. соч. С. 49.

<sup>10</sup> Сцена, напоминающая известную сказку Х. К. Андерсена «Соловей», где постель умирающего императора окружают совершенные им злые дела.

Можешь на душу напасть,  
Спесью ее раздуть,  
В лужу позора пихнуть,  
Общим презреньем жечь,  
Общим глумленьем сечь.  
Но о пекле — молчок!<sup>11</sup>

И, действительно, Сенатор боится императорской опалы больше, чем ада, — об этом свидетельствует и его бред сквозь сон:

Государь!.. Он стал ко мне спиною!  
Спиною... как следят чиновники за мною!  
Я умираю, мертв... Уже я тлен, гнилье,  
И червь презрения жрет естество мое.  
Все отшатнулись прочь!<sup>12</sup>

Но пробуждение приносит Сенатору и успокоение. Вместе с явью возвращаются почести, возможность получения взяток и удовлетворения собственного сластолюбия.

Следует отметить, что, несмотря на вполне объяснимую предвзятость, А. Мицкевич в целом вполне следует историческим фактам и не старается их исказить<sup>13</sup> — в том числе и создавая образ своего Сенатора. По сути, он акцентирует внимание на тех же негативных чертах, которые отмечались в реальном Н. Н. Новосильцове многими современниками. Какие же это черты?

Прежде всего любовь к алкоголю. Новосильцов в изображении современных мемуаристов-поляков — безудержный пьяница. «Как только он [Новосильцов] по обстоятельствам нашелся в положении самостоятельном, без контроля, несчастная страсть к крепким спиртным напиткам притупила в нем предохранительную силу разума, и вышли наружу все те дурные стороны его личности, которые до того были в нем как бы усыплены и которыми омрачается второй и последний период его жизни», — вспоминает хорошо информированный и тесно общавшийся с сенатором О. А. Пржецлавский<sup>14</sup>. И далее вполне лояльный к им-

<sup>11</sup> Цит. по: *Мицкевич А.* Дядя (пер. В. Левика) // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1968. С. 344.

<sup>12</sup> *Мицкевич А.* Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1968. С. 345.

<sup>13</sup> Историческую основу третьей части «Дядюв» подробно исследовал Хенрик Мосьцицкий еще в 1908 г. (см. последнее по времени издание: *Mościcki H.* Wilno i Warszawa w «Dziadach» Mickiewicza: Tło historyczne trzeciej części «Dziadów». Warszawa: Rytm, 1999), поэтому мы будем цитировать далее исключительно те литературные памятники (в том числе мемуарные), которые не были учтены Мосьцицким в процессе работы над его книгой.

<sup>14</sup> Цит. по: *Ципринус (Пржецлавский О. А.)* Калейдоскоп воспоминаний. Николай Николаевич Новосильцов // Русский Архив. Стлб. 1715.

перии действительный тайный советник Пржецлавский рисует одно из самых ярких впечатлений своей молодости: «Я вижу перед собою круглый стол, покрытый цветною скатертью, чайник, из которого, как бы для очистки совести, подливается в стакан немного чаю, и пресловую бутылку, часто и усердно нагибаемую, и за нею, в полутени, синеватое лицо государственного сановника, знаменитого дипломата, европейского деятеля, а теперь буквально управляющего судьбами отчасти Царства <Польского>, а вполне и безусловно девяти губерний. Мне слышится его речь, постепенно, с прогрессию опьянения, изменяющая свой диапазон, затрудняющаяся при выходе с разбухшего языка, из синелых губ, но, при своей алкоголической откровенности, все-таки исполненная ума и едкого сарказма. В конце концов, когда в бутылке не оставалось уже ничего или почти ничего, речь переходила в невнятное лепетание; глаза то закрывались, то открывались, голова наклонялась до самого стола и опять приподымалась...»<sup>15</sup>

<sup>15</sup> См.: *Ципринус (Пржецлавский О. А.)* Калейдоскоп воспоминаний. Николай Николаевич Новосильцов // Русский Архив. Стлб. 1717–1718. Публикация очерка в «Русском архиве» сопровождалось следующим осторожным примечанием П. И. Бартенева: «Таково изображение русского государственного человека, сделанное наблюдателем, передавшим, может быть, и точно отдельные черты, какие были доступны его наблюдению, но уже слишком односторонне» — и далее Бартенев призывает лиц, знавших Новосильцова, откликнуться и привести примеры, характеризующие покойного сенатора с более положительной стороны.

Категорически возражая на процитированное нами описание О. А. Пржецлавского, литератор и цензор П. В. Кукольник (брат поэта Н. В. Кукольника) в своем «Анти-Ципринусе» утверждает: «По естественному течению дел, эта несчастная страсть к крепким напиткам с годами должна бы усиливаться, а не ослабевать; между тем я вошел в сношения с Н. Н. позже г. Ципринуса, и в продолжении всего периода знакомства моего с ним и при столь частых свиданиях ни я, ни кто-либо иной из находившихся в нашем сообществе, не видали в нем и тени того, что могло бы подать повод к соблазну по этой части. Он ел и пил столько же, сколько и другие, и не напивался до того, чтобы не иметь возможности удержаться на ногах без чужой помощи. Я рассказывал о статье г. Ципринуса многим из жителей Вильны, кои имели случай видеть Новосильцева во время управления его Виленским учебным округом, и спрашивал их по совести, видели ль они когда-нибудь его в таком состоянии, в каком описывает его автор статьи. Все с негодованием отреклись и единогласно отвечали, что никогда его в таком безобразии не видали». См.: *Кукольник П. В. Анти-Ципринус* // Русский Архив. 1873. Стлб. 203–204. Однако для сравнения приведем также точку зрения Н. И. Греча: ««Новосильцов достиг всех орденов наших, был председателем Государственного совета и под конец спился: за несколько месяцев до кончины своей плясал он, пьяный, бычка в английском клубе». Цит. по: *Греч Н. И.* Воспоминания. М.–Л., 1930. С. 213. О том же говорит и Н. П. Макаров, утверждавший, что Новосильцов «был если не горький, то порядочный пьяница. До обеда он еще крепился, но потом начинал делать возлияния и к вечеру доходил если не до положения риз, то до весьма возбужденного состояния». Цит. по: *Макаров Н. П.* Мои семидесятилетние воспоминания.

Схожую картину рисует и другой мемуарист — Станислав Моравский, проходивший по делу филوماتов в качестве одного из подозреваемых: «Новосильцов сидел в кресле у стола, словно в корчме, обставленного уже пустыми бутылками, при нескольких коптящих свечах, перед огромным зеркалом и будто бы читал бумаги. Внезапно подняв голову и открыв глаза, увидел в зеркале за собой богатырскую фигуру <вошедшего ксендза Вильбика>, и сердце его содрогнулось: сорвался, думая, что видит подосланного к нему убийцу. Но когда Вильбик, как и хозяин дома, смиренно поклонился, то, ударив его по плечу и глупо засмеявшись, сказал: “Пан Ян, а дай-ка нам по стаканчику пунша!” — Новосильцов, счастливый и доброжелательный, едва держась на ногах, облобызал его в обе щеки...»<sup>16</sup>

Мицкевич же поэтически резюмирует рассказы о пьянстве сенатора и превращает его злосчастную страсть в общую характеристику преследователей своего народа и своего поколения:

Убийцы кровь на завтрак пьют,  
К обеду — подавай им ром<sup>17</sup>.

Вторая черта, отмечаемая всеми авторами, — стяжательство и взяточничество Новосильцова.

«Вся Литва, — пишет И. Лелевель, — является свидетелем его непристойностей и вакханалий, каждому знакомо его бескорыстие. [...] Взгляды эти разделяют и его клеветы. Во всем этом кругу напрасным было бы искать человека честного, поскольку на свою сторону он привлекает только самых негодяев, люди же честные обходят его издалека. Неразборчив он и в средствах добывания денег и ненасытен, поскольку является транжирой, да и окружен одними ворами»<sup>18</sup>. В качестве примера финансовых махинаций нового куратора Виленского университета Э. Массальский приводит аферу с покупкой университетом имени Замечек, принадлежавшего виленскому адвокату, а затем секретарю Новосильцова Тадеушу Кукевичу: Новосильцов, «выждав время, когда может подойти ожидаемая резолюция, приехал в тот день в Вильну, получил ее

---

наания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь. СПб., 1882. Ч. 4. С. 76. И даже П. А. Вяземский, лучше других относящийся к Новосильцову, вынужден констатировать: «Николай Николаевич был тонкий гастроном и виномом». Цит. по: *Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1883. С. 368.*

<sup>16</sup> Цит. по: *Morawski St. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825). Warszawa: PIW, 1959. S. 262.*

<sup>17</sup> *Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1968. С. 383.*

<sup>18</sup> *Лелевель И. Цит. соч. С. 63–64.*

и вызвал Кукевича. “Ваша милость продает свой Замечек и хочет за него двести тысяч?” — “Да, ваше сиятельство”. — “Очень хорошо; вот приготовлен контракт, вот деньги и квитанция о их выплате, — подпишите, ваша милость”. Кукевич, ошалев от неожиданного счастья и такого гладкого окончания сделки, подписывает. После подписи Новосильцов отдает контракт и квитанцию Пеликану (ректору университета. — *А. Ф.*) и, оторвав от лежащей на столе бумаги клочок, пишет на нем, что одолжил у Кукевича тридцать тысяч рублей серебром, и отдает ему эту бумажку. Кукевич лишился чувств. Однако, придя в себя, как разумный человек, припал к ногам Новосильцова и попросил, чтобы тот дал ему должность при своей канцелярии...»<sup>19</sup>.

Как следствие неумного стяжательства рисуют современники и поздний роман Новосильцова с вдовой князя Платона Зубова, урожденной Теклой Валентинович.

И. Н. Лобойко так объясняет причины этого внезапно вспыхнувшего чувства: «Года за два до начатия им в Вильне следствия княгиня Зубова, оставшись вдовою после князя Платона Зубова, владевшего в Курляндии и Виленской губернии огромными именьями, завела процесс с Жеребцовыми, ближайшими его родственниками. Княгиня Зубова приласкалась к Новосильцову, ища его покровительства для выгодного выдела наследства на свою долю. По наставлению матери своей, виленской небогатой помещицы Валентиновичевой, она так нежно обращалась с Новосильцовым, что он возымел надежду на ней жениться и не скрывал от нее этого желания. Мать и дочь ухватились за эту мысль и поддерживали его уверениями в этом мнении. Новосильцову было тогда уже за 70, но он был еще бодр. [...] Надежда жениться на княгине Зубовой и разбогатеть за ее счет казалась Новосильцову столь верною, что он принялся со всею горячностью обрабатывать это дело, считая его своим собственным»<sup>20</sup>.

Мемуаристы оставили впечатляющую картину того, как родственники арестованных студентов Виленского университета пытались прибегнуть к помощи княгини Зубовой, чтобы та использовала свое влияние на всемогущего сенатора. По воспоминаниям С. Моравского, которого следствие коснулось лишь незначительно, матери несчастных юношей «кидались [...] для спасения дитяти на остервеневшего тигра или медведя с голыми руками; бросались они в будку злобного пса, не пере-

---

<sup>19</sup> См. *Massalski E. Z pamiętników // Z filareckiego świata. Zbiór wspomnień z lat 1816–1824. Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. S. 300–301.*

<sup>20</sup> Цит. по: *Лобойко И. Н. Мои воспоминания // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимарнус, 2008. С. 163.*

ставали бросаться к ногам Зубовой»<sup>21</sup>. Но отчаяние матерей вызывает лишь смех новосильцовской фаворитки — что и дает основание для подобных сравнений. Этот ничем не завершившийся роман рисуется, таким образом, как союз по расчету двух равно порочных и злобных людей. Причем люди эти наделены правом вершить судьбы всей Польши.

Показательны, однако, слова, вкладываемые Мицкевичем в уста Русского офицера в сцене бала:

Нас ненавидят здесь все больше,  
Но виноват ли в том народ,  
Когда наш царь в пределы Польши  
Лишь подлецов упорно шлет!<sup>22</sup>

Автор «Дзядов» не переносит ответственность за поведение представителей российской власти и их преступления на весь русский народ. Точно так же разделял в своем сознании власть и народ его университетский профессор истории И. Лелевель: для Лелевеля всегда было характерно искреннее сочувствие ко всем славянам, живущим в Российской империи, включая этнических великороссов, которых он считает еще более поработанными и еще более угнетенными, нежели поляки<sup>23</sup>. В любом случае очевидно, что и сегодняшнее взаимное неприятие, характерное для многих представителей обоих народов, обусловлено их историческим опытом — в частности, той страницей совместной истории, где далеко не последнюю роль играл Н. Н. Новосильцов. Поскольку же объективное историческое знание до сих пор не стало всеобщим достоянием, в общественном сознании его место заняла литература — и созданные литературным гением образы. В исторической перспективе поэт побеждает политиков.

---

<sup>21</sup> См.: *Morawski St.* Kilka lat młodości mojej w Wilnie. 1818–1825. Warszawa: PIW, 1959. S. 326.

<sup>22</sup> *Мицкевич А.* Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1968. С. 383.

<sup>23</sup> См. об этом, в частности: *Федута А. И.* Пушкин и Лелевель: история одного недоразумения // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2005. № 8 (13). С. 200–204.

Часто кербанд

---

## ДЕТСТВО



### ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Маиор был скуп. Вздохнув, он заперся у себя в комнате и тайком пересчитал деньги.

Вспомнив, что еще в гвардии остался ему должен товарищ сто двадцать рублей, он огорчился. Шикнув на запевшую не вовремя канарейку, переоделся, покрасовался перед зеркалом, обдернулся, взял трость и, выбежав в сени, сухо сказал казачку:

— Собирайся. Да надень что-нибудь почище.

Потом, засеменив к боковой двери, приоткрыл ее и сказал нежно:

— Я пойду, душа моя.

Ответа не было. На цыпочках пройдя к выходу, маиор тихонько открыл дверь, стараясь, чтоб не скрипела. Казачок шел за ним с баулом.

Дом стоял во дворе, за домом был сад с цветником, липой и песчаными дорожками. Казачку было велено гнать оттуда соседских кур.

Дворовый пес, услышав шаги, пропроптал во сне. Маиор юркнул в калитку. Шел он довольно свободно, но было видно, что опасается, как бы не окликнули. Он пошел по улице. Немецкая улица, где он жил, длинный, серебристый от многолет-

воротах



# СМЕРТЬ ПОЭТА, или ПОСЛЕДНЯЯ АРЗАМАССКАЯ РЕЧЬ «Элегия на смерть Василия Львовича» Дмитрия Быкова

*О друзья мои, хотя я и не принадлежу  
к героям избранных притчей, но в эту  
минуту я почти сам сделался притчею  
и вместе с другими приступил к священ-  
ному гробу покойного!*

*Сердце мое сжалось, когда я увидел его  
неподвижного в сем гробе, и уста мои сами  
собою заговорили, и я умолк.*

<Жуковский В. А.>

Речь Светланы. 11 ноября 1815 г.<sup>1</sup>

«Не на радость приехал я в Москву. Я приехал быть свидетелем кончины бедного Василия Львовича. Он умер сегодня в два часа с чем-то, в то самое время, как читали ему молитвы и соборовали его маслом. Со вчерашнего дня он был уже очень плох. Я приехал к нему сегодня часов в одиннадцать. Он имел уже смертную хрипоту, лицо было бесстрадательно и бесчувственно, но он был еще в памяти и узнал меня, но равнодушно. На вопрос Анны Николаевны: рад ли он меня видеть, отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. Едва ли это были не последние слова его. За час до смерти протянул он мне руку свою, уже холодную, но в лице не было ни малейшего выражения. Вообще смерть его была очень тиха»<sup>2</sup>.

Так описывает князь П. А. Вяземский смерть В. Л. Пушкина. Судя по всему, это предельно точное — без каких-либо литературных домыслов — описание смерти человека<sup>3</sup>, с которым Вяземский был знаком, дружил, состоял членом одного литературного общества.

<sup>1</sup> «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. М.: Художественная литература, 1994. С. 295.

<sup>2</sup> Вяземский П. А. Письма к жене за 1830 год // Звенья. 6. М.—Л.: Academia, 1934. С. 312.

<sup>3</sup> Описание, во многом совпадающее с описанием смерти князя Андрея Болконского в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, — то же равнодушие к остающимся жить.

А вот описание, оставленное племянником покойного, также присутствовавшего при смерти, — А. С. Пушкиным, хорошо известное всем нам по его письму П. А. Плетневу: «Бедный Дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал потом, помолчал: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином <sic>, на щите, *le cri de guerre à la bouche!*»<sup>4</sup>.

Если добавить к приведенному выше описанию замечание того же Вяземского — «Пушкин был тут во все время, благопристоен и тронут»<sup>5</sup>, — становится понятно, что в обоих цитируемых нами письмах описывается, скорее всего, один и тот же момент. Но очевидно, что содержат эти тексты описание двух разных смертей одного и того же человека. Вяземский описывает финал земного пути раба Божия Василия Львовича Пушкина, племянник же последнего, Александр Сергеевич, создает легенду об уходе из жизни старосты «Арзамаса», «честного воина» российской словесности, сражавшегося против литературных «архаистов».

Причем легенда о символическом характере кончины дяди «солнца русской поэзии» оказывается настолько живучей, что попадает даже в биографии самого Александра Пушкина. Вот, например, как описывает этот уход первый биограф поэта-племянника П. В. Анненков: «Нам рассказывал один из близких его знакомых, что раз, утром, больной старик поднялся с постели, добрался до шкапов огромной своей библиотеки, где книги стояли в три ряда, заслоняя друг друга, отыскал там Беранже, и с этой ношей перешел на диван залы. Тут принялся он перелистывать любимого своего поэта, вздохнул тяжело и умер над французским песенником»<sup>6</sup>. Весьма вероятно, что этот «близкий знакомый» — как раз П. А. Вяземский, много общавшийся с П. В. Анненковым во время работы его над пушкинианой<sup>7</sup>. Но это описание опять-таки принципиально отличается от

<sup>4</sup> Пушкин А. С. Письма: В 3 т. Т. II. 1826–1830. М.–Л.: Госиздат, 1928. С. 106.

<sup>5</sup> Вяземский П. А. Письма к жене за 1830 год // Звенья. 6. М.–Л.: Academia, 1934. С. 312.

<sup>6</sup> Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 28.

<sup>7</sup> Показательно, что этой легенде противостоит другая. Л. Н. Павлищев в своих «Воспоминаниях об А. С. Пушкине» цитирует «французское письмо его племянницы, Ольги Матвеевны Сонцовой к моей матери (О. Л. Павлищевой. — А. Ф.). Извлекаю из него в переводе следующие строки:

«...Покойный расстался с здешним миром как истый христианин. Будучи прикован к смертному одру, дядя не переставал взывать к божественной благодати: *он просил читать себе Священное писание, и ни одна мирская мысль его не посещала*. А потому в утешительных словах Евангелия он почерпал всю свою безропотность, которая не изменяла дяде до последнего издыхания. Дядю соборовали, и он не подвергся ужасным мучениям агонии». Цит. по: Павлищев Л. Н. Воспоминания

того, которое дал князь в письме супруге, написанном сразу после смерти Василия Львовича: «мирная кончина» и чтение Беранже контрастируют между собой не в меньшей степени, чем лицо, в котором «не было ни малейшего выражения», и фраза о скучных статьях Катенина.

Упоминание о статьях Катенина появляется и в записных книжках Вяземского: «Накануне был он [Василий Львович] совсем уже изнемогающий, но увидя Александра, племянника, сказал ему: “как скучен Катенин!” Перед этим читал он его в “Литерат[урной] Газете”. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя как нельзя приличнее»<sup>8</sup>.

Примечательно, что письмо Вяземского к жене и описание смерти Василия Львовича, сделанное в записной книжке, разделяет пять дней (20 и 25 августа соответственно). В письме к Вере Федоровне упоминания о скучных статьях Катенина нет (письмо же Александра Пушкина Плетневу датируется и вовсе 9 сентября). Значит, разговор Вяземского и Пушкина-младшего состоялся в промежутке этих пяти августовских дней. И несомненно, что Вяземский, знающий вкус к «исторической» фразе, не преминул бы процитировать «последние слова» Василия Львовича уже в письме к жене, написанном сразу же после смерти Пушкина-старшего.

Значит, именно в эти пять дней оформляется литературная легенда о смерти старосты «Арзамаса». Далее она уже распространяется едва ли не сознательно. Пушкин-племянник пишет Плетневу; Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «Бедный наш Василий Львович! Он умер при мне. Последними словами его племяннику Александру накануне смерти были: “Как скучен Катенин”, — которого он перед тем читал в Литературной Газете. Это славно: это значит умереть под ружьем»<sup>9</sup>. «Под ружьем» — абсолютный смысловой повтор пушкинского «честного воина».

Но именно так, при всем ироническом подтексте, относился Александр Пушкин к Василию Пушкину уже на лицейской скамье. Достаточно вспомнить начало его юношеского послания:

Тебе, о Нестор Арзамаса,  
В боях воспитанный поэт,  
Опасный для певцов сосед

---

об А. С. Пушкине. Из семейной хроники // *Павлицев Л. Н.* Из семейной хроники: А. С. Пушкин; Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М.: Три века истории, 2000. С. 190–191. Очевидно, что версия Павлицева (Сонцовой) не противоречит первой версии Вяземского, изложенной в письме к В. Ф. Вяземской.

<sup>8</sup> *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М.: АН СССР, 1963. С. 192.

<sup>9</sup> Русский Архив. 1900. Кн. I. С. 356.

На страшной высоте Парнаса,  
Защитник вкуса, грозный Вот!  
Тебе, мой дядя...<sup>10</sup>

И П. А. Вяземский в своей речи при приеме В. Л. Пушкина в «Арзамас» обращает внимание именно на эту его литературную ипостась. Согласно «Асмодею», в «Арзамас» принимают «того, кто первый водрузил хоругвь независимости на башнях халдейских, первый прервал безмолвие робости, первый вырвал перо из крыла безвестного еще тогда арзамасского гуся и пламенными чертами написал Манифест о войне с противниками под именем Послания к Светлане и продолжал после вызывать врагов на частые битвы, битвы трудные, но всегда увенчавшие стены арзамасской крепости новою славою, новыми трофеями, новыми залогоми побед»<sup>11</sup>.

Нужно добавить к этому, что и сам Василий Львович воспринимал себя едва ли не в первую очередь как бойца литературной партии. Следует вспомнить, например, его автоэпитафию:

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:  
Он пел Буянова и не любил Шишкова<sup>12</sup>.

Фактически последняя фраза, приписываемая племянником умирающему дяде, — абсолютная калька содержащейся во второй строке автоэпитафии автохарактеристики Василия Львовича. Катенин — «Шишков нашего времени». Воевать с Шишковым бессмысленно хотя бы потому, что он давно перестал быть бойцом. Продолжающий и развивающий его эстетическую традицию, воинствующий Катенин<sup>13</sup> — достойная (в том числе и уважения) мишень для старого «арзамасца».

Можно предположить, что анекдот о «последних словах» Василия Львовича — вымысел Александра Пушкина, хорошо понимавшего культурно-историческую значительность личности своего дяди. Неслучайно в «Программе записок» ему предполагалось уделить специальный мемуарный блок<sup>14</sup>. Однако позже «анекдот» лишается своего

<sup>10</sup> Пушкин А. С. <Послание к В. Л. Пушкину> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1.: Лицейские стихотворения. СПб.: Наука, 1999. С. 194.

<sup>11</sup> Цит. по: «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. М.: Художественная литература, 1994. С. 339.

<sup>12</sup> Цит. по: Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 215.

<sup>13</sup> О позиции П. А. Катенина см., в частности, нашу статью: Федута А. И. Павел Катенин: в борьбе с читателем // Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. Nr. 4. Mokslinių straipsnių rinkinys (Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. № 4. Сборник научных статей). Vilnius: Вильнюсский педагогический университет, 2004. С. 44–50.

<sup>14</sup> См.: Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 57.

автора, который, в свою очередь, становится одним из его персонажей. П. И. Бартенев пишет: «Нам передавали современники, что, услышав эти слова от умирающего Василия Львовича, Пушкин направился на цыпочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: “Господа, выйдемте, пусть это будут последние слова его”»<sup>15</sup>. Показательно, что здесь Александр Пушкин является уже не единственным свидетелем «последних слов» своего «Парнасского отца»<sup>16</sup>, но подчеркивается, что именно он осознал их «исторический характер».

По другой версии гораздо более осведомленного, нежели Бартенев, современника — А. Я. Булгакова, свидетелей смерти Василия Львовича — по крайней мере, тех, о ком следует, по его мнению, упомянуть, — всего двое: «Он [Василий Львович] скончался вчера у Вяземского и племянника-поэта на руках, после двухдневной болезни; паралич в мозгу. Однако же он Вяземского узнал и подал руку. Добрый был человек! Что говорил о пеночках, горлицах и ручейках, умрет с ним; но его Сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных»<sup>17</sup>. Цитированное письмо А. Я. Булгакова брату, К. Я. Булгакову, датировано 21 августа, то есть Вяземский, будь он реальным свидетелем последних слов Василия Львовича, не преминул бы рассказать об этом Булгакову; в том, что они разговаривали как минимум один раз — скорее всего, на следующий день после кончины Василия Львовича — и именно от Вяземского Булгаков узнал о том, что Пушкин-старший подал ему перед смертью руку<sup>18</sup>, сомнений нет (Вяземский рассказывает об этом и в письме жене, с которого мы начали наше исследование: вряд ли кто-либо иной из тех, кто находился в день смерти Василия Львовича в его доме, стал бы вообще уделять этому предсмертному жесту какое-либо внимание).

Таким образом, современники оставили нам как минимум три версии обстоятельств смерти Василия Львовича Пушкина. Версия Александра Пушкина — самая ранняя, фактически появившаяся сразу после смерти его дяди — об уходе «честного воина» литературной партии, «арзамасского» старосты. Версия князя Вяземского (?), закрепленная П. В. Анненковым, — о кончине поклонника легкой французской поэзии (неслу-

---

<sup>15</sup> Русский Архив. 1870. Стлб. 1369.

<sup>16</sup> Появление анонимных «свидетелей» последних слов, якобы сказанных В. Л. Пушкиным, говорит о том, что легенда нуждается в дополнительном обосновании: подозрения в апокрифичности приписываемого «дорогому покойнику» явно должны были возникнуть уже в XIX веке.

<sup>17</sup> Русский Архив. 1901. Кн. III. С. 505.

<sup>18</sup> Жест совершенно символический, подобно тому, как Державин заметил младшего Пушкина «и, в гроб сходя, благословил» или как он же «передал лиру» Жуковскому.

чайно согласно этой версии Василий Львович читает перед смертью не галантные сентименталистские стихи, а фривольного Беранже). И версия Ольги Сонцовой, опубликованная Львом Павлищевым, — о благопристойной смерти честного, хотя иногда и заблуждавшегося, христианина. Фактически с трактовками смерти Василия Львовича Пушкина произошло то, о чем говорил Вяземский в письме к Жуковскому о смерти Н. М. Карамзина: «Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей»<sup>19</sup>. Каждый из интерпретаторов избирал свою версию событий, поскольку хотел акцентировать внимание на близкой лично ему ипостаси Василия Львовича и представить его в сознании потомков таким, каким покойник был дорог лично ему.

Канонизированной в истории и литературе оказалась версия Александра Пушкина. И дело не только в том, что сам ее автор пользовался наибольшим кредитом доверия у потомков и исследователей. Дело в характере самой версии: Пушкин-племянник сознательно выстраивает ее как рассказ о смерти исторического человека.

Показательно, что даже реально присутствовавший при кончине своего старшего друга и не слышавший от него ничего подобного П. А. Вяземский принимает пушкинскую версию как адекватную: «Это — говорит он о “предсмертных словах” Василия Львовича — исповедь и лебединая песня литератора старых времен, т. е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего»<sup>20</sup>. Характеристика анекдота, данная Вяземским, многое объясняет. Смерть Василия Львовича в изложении Александра Сергеевича Пушкина — еще один канонизированный вариант «смерти поэта», наряду с гибелью поэта на дуэли, голодной смертью непризнанного гения и т. п. Неслучайно желание поставить точку (почти эпиграмматический пуант) в виде легко опознаваемой и цитируемой фразы напоминает жизнеописание Плутарха<sup>21</sup>, усвоенные А. С. Пушкиным еще на лицейской скамье<sup>22</sup>.

<sup>19</sup> Цит. по: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М.: АН СССР, 1963. С. 135.

<sup>20</sup> *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1883. С. 261.

<sup>21</sup> Абсолютная аналогия — Перикл. Согласно Плутарху, умирая от «моровой болезни» (В. Л. Пушкин умирает от холеры), также произносит «последние слова»: «Ни один афинский гражданин из-за меня не надел черного плаща». Цит. по: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 200.

<sup>22</sup> См. об этом: *Федута А. И., Егоров И. В.* Читатель в творческом сознании А. С. Пушкина. Минск: Лимариус, 1999. С. 34.

Версия Пушкина-младшего стала, кроме того, литературно продуктивной. Постоянное цитирование именно ее исследователями, несомненно, знакомыми и с иными версиями и имеющими прекрасную возможность проверить ее реальность с документами в руках (мы цитировали выше только опубликованные в XIX в. источники), обусловлено, на наш взгляд, не только доверием исследователей к Александру Сергеевичу как источнику, но и символическим характером смерти Василия Львовича (по Пушкину-племяннику). В этом отношении показательны работы крупнейшего знатока жизни и творчества В. Л. Пушкина — Н. И. Михайловой. В 1989 г., например, именно этой легендой завершает она предисловие к изданию избранных сочинений Василия Львовича<sup>23</sup>. Некритически цитируется ею письмо А. С. Пушкина к Плетневу и в последней монографии, посвященной «творцу Буянова»<sup>24</sup>. Наконец, издавая «Стихотворения» В. Л. Пушкина, ссылок на то же письмо начинает свою статью С. И. Панов<sup>25</sup>.

Именно литературоведы-«пушкинисты» «повинны», на наш взгляд, в том, что легенда закрепляется и в художественной литературе. В частности, примечательной, на наш взгляд, является «маленькая поэма» известного современного журналиста и писателя Д. Л. Быкова «Элегия на смерть Василия Львовича»<sup>26</sup>.

Поэма носит подчеркнуто «литературный» характер. Ее текст проникнут реминисценциями из текстов А. С. Пушкина — причем не только тех, которые непосредственно посвящены Василию Львовичу, но и поэтических, хорошо известных нашим современникам со школьной скамьи:

... Он писал в посланье к другу:  
«Сдавшись тяжкому недугу,  
На седьмом десятке лет  
Дядя самых честных правил,  
К общей горести, оставил  
Беспокойный этот свет...» (с. 406).

<sup>23</sup> См.: Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин // Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1989. С. 24.

<sup>24</sup> См.: Михайлова Н. И. Поэма Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед»: Очерки о дяде и племяннике, Буянове и Онегине, «Арзамасе» и «Беседе» et cetera. М.: ИД «Литературная Учеба», 2005. С. 257–258.

<sup>25</sup> См.: Панов С. И. «Смирренный стихотворец» // Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 3.

Накануне нашего выступления с данным докладом на конференции «Липецкий потоп» А. Ю. Балакин сообщил нам, что в ходе Пушкинских чтений осенью 2006 г. С. И. Панов изложил иную точку зрения, близкую к нашей. Однако познакомиться с текстом доклада С. И. Панова нам, к сожалению, не удалось.

<sup>26</sup> См.: Быков Д. Л. Элегия на смерть Василия Львовича // Быков Д. Л. Последнее время: Стихи, поэмы, баллады. М.: Вагриус, 2006. С. 406–412. Далее текст поэмы цитируется по данному изданию с указанием в скобках после приводимой цитаты страницы.

Сюжет поэмы — размышления над кончиной «честного воина» Василья Львовича Пушкина, переплетенные с собственными воспоминаниями лирического героя (автора?) о службе в армии, с его раздумьями над поколением «книжных детей» (с. 409). Фактически Дмитрий Быков берет на себя роль историка литературы — анализирует в поэме литературную природу анекдота о смерти Василья Львовича. Неслучайно поэме предпослан эпитафия из Пушкина-племянника: «Это не умирающий Тасс, а умирающий Василий Львович»<sup>27</sup> (с. 406). Смерть Торквато Тассо, воспетого К. Н. Батюшковым, и смерть Василия Львовича Пушкина, воспетаемого Д. Л. Быковым, — явления одного порядка.

Вспомним дядюшку Василья!  
Произнес не без усилья  
И уже переходя  
В область Стикса, в царство тени:  
Как скучны статьи Катени-  
На!» Покойся, милый дя-  
дя!» Но чтоб перед кончиной,  
В миг последний, миг единый —  
Вдруг припомнилась статья?  
Представая перед Богом,  
Так ли делятся итогом,  
Тайным смыслом бытия?  
.....  
Впрямь ли в том твоя победа,  
Пресловутого соседа  
Всеми признанный певец, —  
Чтоб уже пред самой урной  
Критикой литературной  
Заниматься наконец? (с. 406–407).

Быкова волнует явное несоответствие между физиологической природой смерти пушкинского дяди (вспомним, А. Я. Булгаков говорит о «параличе в мозгу», — вероятно, имеется в виду инсульт головного мозга) и литературной легендой — явным «завещанием» «честного воина».

Но какой итог победней?  
В миг единый, в миг последний —  
Всем ли думать об одном?  
Разве лучше, в самом деле,

---

<sup>27</sup> Пушкин А. С. <Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.–Л.: Издательство АН СССР. Т. 12. (Факсимильное издание, М.: Воскресение, 1996.) С. 283.



Лежа в горестной постели,  
Называемой одром,  
Богу душу отдавая  
И едва приоткрывая  
Запекающийся рот,  
Произность: «Живите дружно,  
Поступайте так, как нужно,  
Никогда наоборот?»

Очевидно, что описанная выше дядюшкина «мирная кончина» — своеобразная интерпретация сонцовско-павлищевской версии о смерти Василия Львовича, слушающего Евангелии, взывающего к божественной благодати и т. д. Именно эта версия принимается Быковым как наименее литературная и укладываемая в бытовую традицию пушкинской эпохи — «умереть по-христиански»<sup>28</sup>. Но именно поэтому Быкова как поэта она мало устраивает.

О последние заветы!  
Кто рассудит вас, поэты,  
Полководцы и цари?  
Кто посмеет? В миг ухода  
Есть последняя свобода:  
Все, что хочешь, говори (с. 408).

Ряд «поэты, полководцы и цари»<sup>29</sup> — как зеркальное отражение другого исторического ряда «Лицейские, ермоловцы, поэты»<sup>30</sup> В. К. Кюхельбекера (вспомним, что Царскосельский лицей изначально задумывался как учебное заведение, в котором будут получать образование великие князья; ермоловцы — те, кто разделял военные будни с генералом А. П. Ермоловым, ставшим для пушкинского поколения символом воинской чести и человеческой порядочности<sup>31</sup>). В обоих случаях поэт приравнивается к тем, кто име-

---

<sup>28</sup> «Христианскую кончину» другого видного арзамасца — Д. Н. Блудова — описет в своих стихах Ф. И. Тютчев. См.: *Тютчев Ф. И.* 19-ое февраля 1864 года // *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т. 2. М.: ИЦ Классика, 2003. С. 126.

<sup>29</sup> Ряд типичных персонажей для биографий начиная с античности: «Естественными и излюбленными героями биографий были личности, принадлежащие либо миру книжной учености (философы, поэты, риторы, грамматика), либо миру уличной сенсации (монархи, разбойники, гетеры, чудачки)». См.: *Аверинцев С. С.* Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии // *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 643.

<sup>30</sup> См.: *Кюхельбекер В. К.* На смерть Якубовича // *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.—Л.: Советский писатель, 1967. С. 316.

<sup>31</sup> Насколько «идеальный» Ермолов отличался от Ермолова реального — предмет отдельного исследования.

ет право оставаться в Истории, обладает возможностью использовать «последнюю свободу» — и тем самым дорисовать свой портрет для потомков.

Дядюшка, Василий Львович!  
Как держался! Тяжело ведь —  
Что там! — подвигу сродни  
С адским дымом, с райским садом  
Говорить о том же самом,  
Что во все иные дни  
Говорил — в рыдване тряском,  
На пиру ли арзамасском...  
Это славно, господа!  
Вот достоинство мужчины —  
Заниматься в день кончины  
Тем же делом, что всегда (с. 408).

Последние процитированные нами строки Быкова — аналог высказывания П. А. Вяземского о «исповеди и лебединой песне литератора старых времен, т. е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего». Василий Львович на смертном одре не может слушать чтение Евангелия хотя бы потому, что он не делал этого при жизни. А если Василий Львович не просил о Евангелии, и чтение Священного Писания было инициировано его родственниками (что, судя по всему, и имело место — если следовать описаниям кончины Пушкина-дяди, сделанным Пушкиным-племянником и Вяземский, то получается, что он большую часть времени пребывал в забвении), творец «Буянова» непременно должен был прийти в себя — хотя бы для того, чтобы обозначить последними словами протест против столь явного насилия над природой своей литературной репутации<sup>32</sup>.

Именно это — желание оставаться самим собой, несмотря на традиции и смерть, сковывающие человека и в поступках, и в словах, — делает Василья Львовича образцом для подражания в глазах «книжного ребенка» Дмитрия Быкова. При этом «образцовость» Пушкина-дяди распространяется Быковым на все свое литературное поколение:

Книжные, святые дети,  
Мы живем на этом свете  
В сфере прожитых времен,  
Сублимаций, типизаций,  
Призрачных ассоциаций,  
Духов, мыслей и имен.

---

<sup>32</sup> Версия о предсмертном чтении Василием Львовичем песен Беранже — того же рода; неслучайно именно она настолько возмущает родственников покойного, что заставляет Павлищева заняться ее публичным дезавуированием.

Что ни слово — то цитата.  
Как еще узнаешь брата,  
С кем доселе не знаком?  
На пути к своим Итакам  
Слово ставим неким знаком,  
Неким бледным маяком (с. 409).  
...Слався, наш духовный предок,  
Вымолвивший напоследок:  
— Как скучны статьи Кате-  
Нина! (с. 410).

После обозначения таким образом своей литературной генеалогии Быков неожиданно обращается к страницам жизни своего лирического героя (своей?), с литературой никак не связанным. Последние слоги легендарной фразы Пушкина-дяди превращаются Быковым в имя героини стихов Пушкина-племянника — и одновременно предмета воздыханий обычного юноши позднесоветской эпохи, солдатака, лишенного возможности полноценной личной жизни:

Нина! Помнишь ли бывшее?  
Я у прапорщика, воя,  
Увольнение добывал...  
Помню пункт переговорный.  
Там кассиром непроторенный  
Непременный инвалид.  
Сыплет питерская морось,  
Мелочь, скатываясь в прорезь,  
Миг блаженства мне сулит (с. 410).

Солдатчина сопоставляется Быковым с иной реальностью, как раз в те же, 1980-е, годы входящей в массовое читательское сознание:

В письмах лагерников старых,  
Что слагали там, на нарах,  
То поэму, то сонет, —  
Не отмечен, даже скрыто,  
Ужас каторжного быта:  
Никаких реалий нет.  
Конспирация? Едва ли.  
Верно, так они сбежали  
В те роскошные сады,  
Где среди прозрачных статуй  
Невозможен соглядатай  
И бесправны все суды (с. 411).

Это соображение Быкова, на наш взгляд, абсолютно точное. Воспоминание о статьях Катенина для Василия Львовича Пушкина — такая же попытка отвлечься от мысли о неотвратимо приближающейся смерти, как попытка сосланного Р. Штильмарка написать историко-авантюрный роман «Наследник из Калькутты» или же стилизованные под поэзию эпохи французских религиозных войн «Злые песни Гийома дю Вентре» Ю. Н. Вейнерта и Я. Е. Харона. Однако верно и другое. С этой точки зрения, Пушкин-племянник, охарактеризовавший Пушкина-дядю как «честного воина», абсолютно прав: Василий Львович не бежит с поля литературного боя, а возвращается на него, настаивая — согласно легенде племянника — на своей правоте, на своей итоговой победе.

Но Быков сознательно отсекает от избранной им в качестве эпиграфа пушкинской цитаты все «лишнее», не укладывающееся в его концепцию. Полная цитата звучит следующим образом: «Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь (в элегии Батюшкова. — *А. Ф.*), кроме славобобия и добродушия... ничего не видно. Это умирающий В.<асилий> Л.<ьвович> — а не Торквато»<sup>33</sup>. Формально у Быкова есть на это право: заметки Пушкина-племянника на полях элегии Батюшкова были сделаны еще до смерти Василия Львовича. Та легенда, которую сложил племянник о смерти дяди, реальный смысл противопоставления Торквато и Пушкина-старшего не подтверждает, а опровергает.

И изначальное эмоциональное содержание эпиграфа из Александра Сергеевича, предпосланного Дмитрием Львовичем элегии о смерти Василия Львовича, текстом быковской элегии также не подтверждается, а опровергается. Умирающий Василий Львович предстает в элегии именно сражающимся даже на смертном одре литературным воином, а не потерпевшим поражение поэтом-узником. Легенда, порожденная А. С. Пушкиным, обращается в историко-литературной перспективе против его собственного иронического отношения к дядюшке: потомство запомнило не «певца пеночек, горлиц и ручейков», а поэта, скучающего над статьями принадлежащего к противному литературному лагерю Катенина.

И здесь мы сталкиваемся с еще одной, так сказать, генеалогической трактовкой сюжета о смерти В. Л. Пушкина. Как для Вяземского было важно последнее прижизненное рукопожатие Василия Львовича, так для Дмитрия Быкова важно рукопожатие посмертное — но с тем же Василием Львовичем. Поколение «книжных детей», изъясняющихся цитатами («Говорил с тобой, хватаясь / За соломинки цитат», с. 411), само избирает себе различных отцов. Быков выводит свое поэтическое

---

<sup>33</sup> Пушкин А. С. <Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.–Л.: Издательство АН СССР. Т. 12. (Факсимильное издание, М.: Воскресение, 1996.) С. 283.

происхождение от золотого века русской поэзии — это, кстати, отличает его от многих его ровесников, апеллирующих в читательском сознании к серебряному веку. Скорбная элегия превращается у него одновременно в похвальное слово поэту.

Но ведь и сам жанр похвального слова дорогому покойнику — вполне в духе пушкинской эпохи. Инаугурация нового члена Арзамасского общества безвестных людей сопровождается обязательным произнесением подобного слова: «По свистку президента (проштрафившийся член общества. — *А. Ф.*) начинает говорить самому себе надгробную речь (признав себя предварительно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе отвечает, хвалит самого себя с заметной недоверчивостью к похвалам своим; сам себе кланяется и сам за себя краснеет»<sup>34</sup>. И юридически Дмитрий Львович Быков, произнося похвальное слово умершему Василию Львовичу Пушкину, тем самым претендует занять его место в Пантеоне отечественной словесности, одной из возможных форм которого и был «Арзамас». Однако, как бы ни клялся Быков в верности арзамасским идеалам, очевидно, что речь идет уже о новом «Арзамасе» — том, для которого Василий Львович становится не более чем образцовым покойником, с заслугами, но все-таки покойником.

Нужно сразу напомнить, что персона, избранная Дмитрием Быковым, сама по себе занимала особое место в Арзамасском обществе. Василий Пушкин не только был старейшим по возрасту из членов «Арзамаса». Он был официально признан его старостой, специально для принятия его в «Арзамас» был изобретен шутовской церемониал, пародирующий во многом аналогичный церемониал масонов. Претензия Дмитрия Львовича занять место Василия Львовича — претензия на пост старосты нового литературного поколения, если не лидера его (напомним, Василий Львович никогда не претендовал на личное поэтическое первенство), то во всяком случае культовой фигуры, источника цитат и — «дяди», то бишь «Парнасского отца» будущего гения новейшей русской литературы.

---

<sup>34</sup> Протокол заседания 22 октября 1815 года // «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. М.: Художественная литература, 1994. С. 275.

# ТЕНЬ СТАРУХИ

Клейст Пушкина не читал. Он не мог его прочесть, даже если бы захотел. В 1811 г., когда, разувверившись в будущем своего народа и его культуры, немецкий драматург уговаривал свою случайную знакомую Генриэтту Фогель покончить с собой, будущему солнцу русской поэзии было двенадцать лет и он не был известен не только в Пруссии, но, собственно, и в России.

Труднее ответить на другой вопрос: читал ли Пушкин Генриха фон Клейста? Затруднение возникает потому, что в библиотеке Пушкина изданий Клейста ни на немецком, ни на французском (главный посредник европейской культуры того времени) языках не сохранилось, как не осталось ни одного упоминания о Клейсте в письмах и произведениях Александра Сергеевича. Упоминается, правда, Эвальд Кристиан фон Клейст<sup>1</sup>, но Клейст Клейсту рознь. Эвальд Клейст нас не интересуется.

Имя Генриха фон Клейста не упоминается и в письмах и статьях Жуковского и Дельвига — едва ли не главных источников информации молодого Пушкина о новинках германской словесности. Поэтому вероятность того, что Пушкин читал Клейста, ничтожно мала. Отчего еще более странной становится схожесть некоторых деталей в двух рассказанных ими мистических историях.

История старухи из Локарно была опубликована Клейстом в десятом номере издававшейся писателем «Берлинской вечерней газеты» — 11 октября 1810 г. Она проста. Маркиз, имени которого мы не узнаем, обнаружив, что его супруга пустила в комнату старую нищенку, приказывает той перейти в другой угол комнаты — туда, где старуха не будет ему мешать. Несчастливая пытается выполнить приказ хозяина дома, однако падает, повреждает себе крестец и умирает.

На этом заканчивается земное существование старухи. Однако призрак ее продолжает являться живым людям, пугая их своими шагами, шарканье которых слишком похоже на реальное, и в конце концов доводит маркиза до безумия. Сошедший с ума, бедняга поджигает свой замок и гибнет в пламени.

---

<sup>1</sup> См.: *Коренева М. Ю.* Клейст Эвальд Кристиан фон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004. С. 165–166.

В новелле, текст которой занимает менее трех страниц, Клейст четырежды (!) описывает движение старухи-нищенки и шарканье ее шагов<sup>2</sup>. Причем лишь в первый раз это движение живого человека: «Женщина, в то время как она подымалась, поскользнулась клюкою на гладком полу и опасно повредила себе крестец, настолько, что хотя она еще встала с несказанным трудом и, как ей было приказано, наискось пересекла комнату, но со стоном и оханьем опустила за печкой и скончалась»<sup>3</sup>. Из этого описания мы узнаем о направлении движения старухи, о случившемся с ней несчастье и об ее смерти. Авторский голос сух и бесстрастен, редкие прилагательные носят не оценочный, а констатирующий характер. Главное — событие.

Второй раз Клейст воспроизводит ту же картину глазами — а вернее, слухом — потенциального покупателя замка маркиза, некоего рыцаря, не знавшего о судьбе нищенки. Поэтому он может лишь констатировать, что «нечто, невидимое глазу, с шорохом, словно оно лежало на соломе, поднялось в углу комнаты, ясно слышными шагами, медленно и с трудом перешло комнату и со стоном и оханьем опустилось за печкой»<sup>4</sup>.

Если первое описание мы видим глазами человека, присутствующего при событии (скорее маркиза, нежели маркизы — та, будучи сострадательной женщиной, явно употребляла бы более эмоциональные характеристики), то рыцарь именно слышит эхо события, но не видит его. Точно так же будет происходить и далее, но атмосфера ужаса будет сгущаться от ночи к ночи. Вот и сам маркиз — человек рациональный, но обладающий излишней чувствительностью, слышит с боем полуночи, «словно человек поднялся с соломы, которая зашуршала под ним, наискось прошел через комнату и среди стенаний и предсмертного хрипения опустился за печкой»<sup>5</sup>.

Стон и оханье сменяются здесь уже стенаниями и предсмертным хрипением, ибо, в отличие от рыцаря, не знающего, что именно происходило за несколько лет до его ночлега в этой комнате, внешним звукам аккомпанируют собственные воспоминания маркиза, помнящего о смерти старухи.

---

<sup>2</sup> Подробно ритмическая организация текста новеллы рассмотрена в работе: Федоров Ф. П. О ритме прозы Г. Клейста // Вопросы сюжетосложения. Вып. 5. Рига: Звайгзне, 1978. С. 91–106.

<sup>3</sup> Цит. по: Клейст Г. фон. Локарнская нищенка // Клейст Г. фон. Избранное: Драмы. Новеллы. Статьи. М.: Художественная литература, 1977. С. 498. Далее ссылки на текст новеллы даются по этому изданию.

<sup>4</sup> Клейст. С. 499.

<sup>5</sup> Клейст. С. 499.

Но более всего насыщено ужасом заключительное описание явления призрака, когда вновь, наряду со слухом, включается зрение, и теперь уже маркиза видит, какую реакцию эти странные звуки вызывают у ее мужа и — самое страшное — у собаки, которая не может, не будучи человеком, помнить и сопоставлять происходившие в разное время в одном и том же помещении события: «Но вот в самую полночь снова слышится ужасный шорох; кто-то, кого не может видеть человеческий глаз, подымается на костылях в углу комнаты; слышится, как солома под ним шуршит, и при первом шаге: топ! топ! — просыпается собака, подымается внезапно с полу, настороживши уши, и с рычанием и лаем, точь-в-точь как если бы на нее наступал человек, пятится и отходит к печке. При виде этого маркиза со вставшими дыбом волосами бросается вон из комнаты; и в то время как маркиз, схватившийся за шпагу, кричит: “Кто там?” — и так как никто ему не отвечает, словно безумный, рассекает воздух во всех направлениях, она велит запрягать, решив немедленно уехать в город»<sup>6</sup>.

Это нагнетание ужаса — сухого, лишённого эмоций, основанного на странном образом возникающих в памяти ассоциациях, о которых человек хотел бы забыть, — чувствует каждый читатель. Как заметил еще Н. Я. Берковский, в самом по себе движении нищенки, в ее шагах и даже в случайной смерти нет ничего, что могло бы поразить наше воображение: «с соломы, сложенной в углу, поднялась старуха, на костылях она переходит комнату наискось, собака проснулась и залаяла, а старуха со стоном опустила за печкой. Все это как будто бы заурядный рассказ, если только не знать, что старуха на костылях — привидение. Тогда все обыкновенное в этом рассказе есть парадокс: и солома — парадокс, и ее шуршание — парадокс, и костыли, и само хождение старухи через комнаты — все сплошные парадоксы»<sup>7</sup>. Однако на самом деле ничто не поражает наше воображение так, как домысленная обыденность. Туча, нависшая над головами, кажется огромным вороном, тень, промелькнувшая за косогором, и вовсе воспринимается как нечто дьявольское:

То ль собака,  
То ль чертяка?<sup>8</sup>

---

<sup>6</sup> Клейст. С. 500.

<sup>7</sup> См.: Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973. С. 455.

<sup>8</sup> Словацкий Ю. Неведомо что, или Романтизм: Эпиграмм к балладам // Словацкий Ю. Избранное. М.: Художественная литература, 1984. С. 46. В оригинале дилемма лишена даже малейшего юмористического оттенка:

Czy to pies?  
Czy to bies? —



Но самое жуткое в обыденном — старость, ассоциирующаяся с неизбежностью, признак неминуемо надвигающейся смерти. Шаркающими шагами клейстовской нищенки, со вздохами и стенаниями подкрадывается она, заставляя человека чувствовать внутренний холод, пугаться. Но именно этот страх, в котором никто не решается сознаться себе, определяет дистанцию — и молодой человек смотрит на старуху холодно отстраненными глазами, не видя никакой связи между собой и нею. И Клейст с жестокостью истинного художника эту связь высвечивает, обнажая ее уже в первом предложении своей новеллы: «У подножия Альп, близ Локарно, в Верхней Италии, находился старый, одному маркизу принадлежавший замок, который теперь, когда едешь от Сен-Готарда, видишь лежащим в развалинах; замок с высокими и обширными комнатами, в одной из которых некогда на соломе, подостланной для нее, старая, больная женщина, подошедшая к двери, прося милостыню, была уложена из сострадания хозяйкой дома»<sup>9</sup>. И в последнем: «Напрасно посылала она [маркиза] в дом людей спасти несчастного; он уже погиб самым жалким образом, и донныне еще лежат его белые кости, снесенные поселянами, в том углу комнаты, из которого он приказал подняться локарнской нищенке»<sup>10</sup>. Жизнь и смерть, молодость и старость, невольный убийца, становящийся жертвой, и несчастная жертва, становящаяся невольным убийцей, связываются автором в единое кольцо, точно взявшись за руки, и страх идет по этому кольцу, передаваясь от одного персонажа к другому, от члена к члену, точно вторя шаркающей походке призрака старухи.

Именно невольность убийства старухи — маркиз никак не желал и не мог предвидеть тех последствий, которые вызовет его попытка освободить привычное место для охотничьего ружья, — делает настолько страшной смерть хозяина замка. А. В. Карельский цитирует фразу австрийской писательницы И. Бахман, сказанную по поводу драмы Клейста «Принц Фридрих Гомбургский»: «В его пьесе — и этого, по моему, никто еще по настоящему не оценил — нет ни одного злодея, ни одного персонажа, который был бы способен на низость, на интригу, на подлость»<sup>11</sup>. Мы не знаем о маркизе из новеллы Клейста ничего — был ли он способен на низость, на интригу, на подлость. Приказ старухе перейти в другой угол — это не приказ уйти из теплой комнаты

---

См.: *Slowacki Juliusz. Nie wiadomo co, czyli Romantyczność. Epilog do Bałlad // Slowacki Jul. Wiersze. Poznań: Wyd. nauk. UAM, 2005. S. 637.*

<sup>9</sup> *Клейст*, с. 498.

<sup>10</sup> *Клейст*, с. 500.

<sup>11</sup> Цит. по: *Карельский А. В. Драма немецкого романтизма. М.: Медиум, 1992. С. 149.*

под ледяной ветер и дождь, на улицу; это не проклятие с пожеланием ей смерти. Наказание — муки совести, проснувшиеся при звуке ветра в ночной трубе — если был еще этот ветер! — было бы нормальным, но призрак, шаркающие шаги которого, стенания и предсмертные вздохи при попытке незримо перейти комнату, приступ безумия, подкатывающий к горлу; наконец, гибель в языках пожирающего его пламени — холодного, вероятно, как та стужа, от которой пыталась спастись в замке локарнская нищенка... За что это?

Автор не задает вслух этот страшный вопрос. Он строит сюжет, который важнее психологических нюансов. Как справедливо заметил В. М. Жирмунский, «Клейст нигде не задерживается на так называемом психологическом анализе, т. е. на подробном описании и расчленении переживаний действующих лиц — он показывает их в действии, как элементы развития сюжета»<sup>12</sup>. И о том, что чувствует маркиз или маркиза, мы узнаем не из их монологов или диалогов, а из поступков, совершаемых ими. Поступок оказывается главным выражением чувства.

Для героев. Как и для автора «Локарнской нищенки».

...Клейст застрелился ровно через один год и одиннадцать дней после публикации своего маленького шедевра. Дальше текст его новеллы жил собственной жизнью, никак не связанной со смертью автора.

...Пушкин, как уже было отмечено, Клейста вряд ли читал. Но это не означает, что он не читал о Клейсте.

Еще в 1927 г. С. Штейн особо отметил интерес Пушкина к творчеству другого великого немца — Э. Т. А. Гофмана. В 1830-х гг. Гофмана в России читали все. Кто мог — на немецком языке, кто не мог — по-французски. Пушкин читал Гофмана на французском. В его библиотеке находилось Полное собрание сочинений Гофмана в 19 томах (1830–1833), двухтомное издание рассказов (1834) и написанная переводчиком Гофмана, Леве Веймаром, его биография (1833). «Все поименованные издания имеют следы пушкинского чтения»<sup>13</sup>.

Но Гофман, в свою очередь, внимательно читал Клейста и восхищался им. Устами Лотара — своего альтер эго в «Серапионовых братьях» — дает автор «Майората» и «Углового окна» оценку его мастерству: «“Локарнская нищенка” Клейста, по крайней мере для меня, полна такого ужаса, какой только возможен, и при этом — до чего прост сюжет! Нищенка, которой жестко, как собаке, приказали убраться за печку, которая

<sup>12</sup> Жирмунский В. М. Генрих фон Клейст // Жирмунский В. М. Избранные труды: Из истории западно-европейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 95.

<sup>13</sup> Штейн С. Пушкин и Гофман. Сравнительное историко-литературное исследование. Дерпт: изд. К. Маттисен, 1927. С. 16.

умерла и теперь каждый день топает по комнате, а затем укладывается на солому за печкой, но которой при этом никто не видит! Поразительная окраска всего рассказа — вот что так сильно действует на читателя. Клейст не только умел макать свою кисть в горшок с красками, но и наносить эти краски с силою и гениальностью законченного мастера, создавая такую живую картину, как никто другой. Ему незачем было вызывать из могилы вампира, он обошелся старой нищенкой»<sup>14</sup>. Несколько выше, в начале третьего тома цикла, тот же Лотар упоминает о Клейстовом «замечательном, классически совершенном рассказе про барышника Кольхааса»<sup>15</sup>. Подобные рекомендации одного автора другому дорогого стоят.

Но еще дороже стоит прямое использование приема вашего предшественника. Из новеллы Клейста в новеллы Гофмана, шаркая стоптанными домашними туфлями, переходят зловещие старики и старухи — полупризраки, полулюди. «Но как только где-то вдали на башне часы глухо пробили двенадцать, в комнате сразу же послышались тихие размеренные шаги, направлявшиеся то в одну, то в другую сторону, и при каждом шаге раздавался полный тоски стон или вздох, который, усиливаясь все более и более, начинал уже походить на душераздирающие жалобы существа, томимого смертельной мукой. А в соседней комнате что-то скреблось в дверь, что-то фыркало там, почти человеческим голосом скулила и повизгивала собака. Старого мопса, теткина любимца, я видел еще вечером, — это стонал, несомненно, он. Я поднялся с постели и, широко раскрыв глаза, стал пристально вглядываться в бледно мерцающий сумрак комнаты; я вполне отчетливо видел все, что находилось в ней, только не видел никакой фигуры, которая расхаживала бы взад и вперед, и все-таки я слышал шаги, и все-таки вздохи и стоны раздавались, как прежде, у самой моей постели. [...] Вдруг шаги замолкли, стоны также; зато раздалось глухое покашливание, со скрипом открылась дверь какого-то шкафа, как будто застучали серебряные ложки, потом как будто откупорили склянку и опять поставили в шкаф, как будто бы кто-то сделал несколько глотков... странный, отвратительный кашель... долгий, глубокий вздох. В тот же миг от стены отделилась и заковывляла высокая белая фигура, ледяные волны бесконечного ужаса сомкнулись надо мной, я лишился чувств»<sup>16</sup>.

<sup>14</sup> Цит. по: Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1999. С. 400.

<sup>15</sup> Там же. С. 23.

<sup>16</sup> Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья // Гофман Э.-Т.-А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1998. С. 104.

Почти по Клейсту. Но то — и не то одновременно. И собака, и шаги, и стоны старой женщины — все есть в этом описании, и даже рассказ о том, как лишился чувств повествователь. Но не было нужды Клейсту ледяные волны бесконечного ужаса описывать при помощи столь красноречивых (душераздирающие жалобы, смертельная мука, бледно мерцающий сумрак, отвратительный кашель и т. п.) эпитетов. Лаконичность прозы в «Локарнской нищенке» не нуждается в дополнительном стимулировании дрожи. Дрожь и без того охватывает внимательного читателя, которому не приходится дожидаться, пока повествователь расскажет ему, как дрожит сам.

Не читавший Клейста Пушкин в этом отношении оказывается гораздо более последовательным продолжателем повествовательной традиции автора «Локарнской нищенки», нежели читавший Клейста и откровенно ориентировавшийся на него Гофман.

Подобно Клейсту, Пушкин в своей прозе немногословен, старается избегать прямых авторских оценок, лишь изредка позволяя себе подсказывать читателю некоторые выводы — скажем, «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена»<sup>17</sup>. «Следственно» — стало быть, из французского романа почерпнута любовь провинциальной барышни. Но в «Пиковой даме» (как, верно, уже догадался наш читатель, речь идет именно о ней) нет даже таких подсказок. И старуха появляется у него без всяких указаний на ее литературную родословную: «В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Через минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь открылась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, — и Германн узнал графиню!»<sup>18</sup>.

«В этой галлюцинации нет и тени фантастики: она реальна или психологична до малейшей черты»<sup>19</sup>. «Словами величайшей простоты

---

<sup>17</sup> Цит. по: *Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.–Л.: АН СССР, 1948. С. 77.*

<sup>18</sup> Цит. по: *Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.–Л.: АН СССР, 1948. С. 247.* Далее ссылки на данное издание см.: *Пушкин А. С. Пиковая дама.*

<sup>19</sup> См.: *Гершензон М. О. Мудрость Пушкина // Гершензон М. О. Избранное: В 4 т. Т. 1. М.–Иерусалим: Университетская книга — Gesharim, 2000. С. 73.*

и тихой сосредоточенности, с поразительным музыкальным тактом, соединяя прозаический реализм быта с тончайшей жутью замогильного настроения, описывает Пушкин новое явление графини»<sup>20</sup>. В первый раз с начала пушкинской повести мы видим старуху-графиню движущейся, то есть — живой. До тех пор ее переносили, перевозили, но собственно процесса ее ходьбы мы не видели — и шагов не слышали. Ощущение таково, что только сейчас она — дотоле мертвая — ожила. Ожила и явилась своему — убийце?

Мы уже отмечали выше, что маркиз у Клейста не хотел смерти нищенки, погибшей по его вине. Но и пушкинский Германн не хочет смерти графини. Более того, эта смерть ему не нужна, она разрушает все его планы. Так что, в тот момент, когда шаркающие шаги покойницы раздаются за его дверью, Германну, как и Клейстову маркизу, является его *невольная жертва*.

Но является не как призрак, постоянно проживающий в замке и совершающий вояжи по той комнате, где некогда, исполняя холодное веление хозяина замка, охая и шаркая, пошла старуха нищенка к куче соломы, сваленной за нерастопленным очагом, чтобы там и умереть. Старая графиня является не как безмолвная (хотя и не бесшумная) тень, а как равноправный — живой! — собеседник.

В. В. Виноградов отмечает, характеризуя стиль пушкинской повести, что «в структуре диалога Германну лишь однажды выпадает главная роль. Это в сцене вымогательства тайны трех карт у старухи. Однако, в сущности, и здесь Германн разыгрывает диалогический монолог»<sup>21</sup>. Но это не справедливо. Они просто не успели довести до конца свой диалог: перед смертью старуха, за *словом* которой пришел Германн, *не смогла* произнести ни звука. «При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима»<sup>22</sup>. Зато сейчас она выговорила: «Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она *твердым* голосом: — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, — но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил, и чтоб во всю жизнь уже после не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...»<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> См.: Дарский Д. С. «Пиковая дама» / публ. Викторovichа В. А. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV. СПб.: Наука, 1995. С. 321.

<sup>21</sup> Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.—Л.: АН СССР, 1936. С. 119.

<sup>22</sup> Пушкин А. С. Пиковая дама. С. 242.

<sup>23</sup> Там же. С. 247. Выделено нами. — А. Ф.

Твердый голос графини сродни той твердой решимости, которую проявляет Германн, явившись к ней на встречу: «Почему ж не попробовать своего счастья?.. Представиться ей, подбиться в ее милость, — пожалуй, сделаться ее любовником...»<sup>24</sup>. Он холоден и тверд в своей решимости, точно мертвый, пришедший к мертвой, — в этом они с восьмидесятисемилетней Анной Федотовной вполне схожи.

Но старуха не говорит Германну главного: она не говорит, кем она послана. Она, много прожившая, много видевшая и — главное! — помнящая предсказание, знала, кто прислал к ней этого мальчишку. «Старуха является лишь орудием, послушной картой в руках той силы, которая царит над игрой и жизнью»<sup>25</sup>. Она знала о неизбежности происходящего. Ее же окаменевший — как она сама окаменела, обездвижилась при виде Германна за считанные мгновения перед смертью — собеседник, молчащий в ответ, так и не догадывается, что прислала старуху — Судьба. Иначе выполнил бы то, что предназначено.

Но — не выполнил. И старуха уходит от него так же, как и пришла: «С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям, и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко»<sup>26</sup>.

Германн не желал смерти графини. Неслучайно он даже принимает ее за свою *кормилицу*, то есть кроме денщика есть еще один близкий человек, с которым связала его жизнь — *старуха*, знающая его с детства, вскормившая его грудью, заменившая ему *мать*. И когда он придет на похороны умершей не по его воле, но по его вине старой женщины, досужие зеваки примут его за ее сына: «худощавый камергер, близкий родственник покойницы, шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее побочный сын»<sup>27</sup>. Мало того, графиня ведь для того и пришла к нему своей шаркающей походкой то ли в белом платье, то ли в ночной рубашке, то ли в саване, чтобы простить его и фактически *усыновить* — предложить ему жениться на ее бедной *родственнице*, Лизавете Ивановне, к которой она относилась как *мачеха*. Но Германн не желал ее смерти, а потому не собирается искупать свою вину — он ее за собой попросту не чувствует.

Но ведь точно так же, повторимся, следуя в третий раз за нашей шаркающей тенью, не желал смерти нищенки и маркиз, о котором, волею его автора, мы знаем лишь то, что он жил в замке близ города Локар-

<sup>24</sup> Там же. С. 235.

<sup>25</sup> *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.—Л.: АН СССР, 1936. С. 103.

<sup>26</sup> *Пушкин А. С.* Пиковая дама. С. 248.

<sup>27</sup> Там же. С. 247.

но — жил и умер, сойдя с ума, или, как лишь *казалось* окружающим его людям, *сойдя с ума*. И жизнь Германна, которая *заканчивается* в психиатрическом отделении Обуховской больницы (как справедливо заметил Д. Дарский, «от человека остались дымящиеся развалины»<sup>28</sup>), отличается от жизни анонимного маркиза из новеллы немецкого романтика в этом отношении немногим — Клейст слишком явно связывает смерть невольного убийцы с гибелью его жертвы в одном предложении, заканчивающем его маленький шедевр: «он... погиб самым жалким образом, и доныне еще лежат его белые кости, снесенные поселянами, в том углу комнаты, из которого он приказал подняться локарнской нищенке»<sup>29</sup>. Пушкин же, предпочитая не обнажать столь прямолинейно механизмы, используемые Судьбой для восстановления попорченной молодым человеком справедливости, навсегда уводит свою старуху со сцены, так что мы лишь запоминаем ее шаркающие шаги, звук и ритм которых случайно — скорее всего — совпадает со звуком и ритмом шагов старухи в неизвестной русскому гению новелле Клейста.

Воистину — «бывают странные сближения»<sup>30</sup>.

---

<sup>28</sup> Дарский Д. С. «Пиковая дама» / публ. Викторовича В. А. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV. СПб.: Наука, 1995. — С. 324.

<sup>29</sup> Клейст, с. 500.

<sup>30</sup> См.: Пушкин А. С. Заметка о «Графе Нулине» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М.–Л.: АН СССР, 1949. С. 188.

# БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «СЛОН И МОСЬКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

*Автор посвящает данную публикацию  
памяти понятия «интертекстуальность»*

Басня как жанр основывается на воспроизведении устойчивых коллизий, повторяющихся из века в век, из эпохи в эпоху. Причем повторяются именно коллизии, запечатленные в басенной морали, а вовсе не персонажи, изначально придуманные авторами. В этом отношении показательна судьба басни И. А. Крылова «Слон и Моська», их трансформация в эпоху больших социальных преобразований — причем уже вне собственно басенного жанра<sup>1</sup>.

Цель настоящей работы — выявить, почему и в каких именно случаях «Слон и Моська» оказываются востребованными спустя сто лет после создания крыловского текста; следуя каким социальным механизмам происходит актуализация басенной фабулы.

Вспомним текст крыловской басни.

По улицам Слона водили,  
Как видно напоказ —  
Известно, что Слоны в диковинку у нас —  
Так за Слоном толпы зевак ходили.  
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.  
Увидевши Слона, ну на него метаться,  
И лаять, и визжать, и рваться,  
Ну, так и лезет в драку с ним.  
«Соседка, перестань срамиться, —  
Ей шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?»  
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет  
Вперед

---

<sup>1</sup> Басня сама по себе как жанр, несмотря на кажущуюся востребованность, таила в себе в рассматриваемый нами период различные поводы для недовольства властей. См. об этом, в частности: *Кондаков И. В.* «Басня, так сказать», или «Смерть автора» в литературе сталинской эпохи // Вопросы литературы. 2006. Январь — февраль. С. 223–275.



И лаю твоего совсем не примечает». —  
«Эх, эх! — ей Моська отвечает: —  
Вот то-то мне и духу придает,  
Что я, совсем без драки,  
Могу попасть в большие забияки.  
Пускай же говорят собаки:  
“Ай, Моська! знать она сильна,  
Что лает на Слона!”»<sup>2</sup>

Очевидно, что в басне два конфликта. Один — кажущийся — между огромным и сильным Слоном и облаивающей его Моськой. Этот конфликт внятен Шавке, выступающей в роли резонера и пытающейся успокоить. Другой — реальный: Слон безразличен Моське, он интересен ей исключительно как повод для собственного PR-а. Внутренняя слабость Моськи заставляет ее лаять на Слона, при этом осознавая, что реакции на лай — со стороны Слона — не будет. То есть реально Моська не сопротивляется движению Слона, не пытается остановить его, а, скорее, использует его движение как повод для собственного продвижения в сознании своих товарок.

Однако в 20–30-х гг. XX столетия складывается ситуация, формально иллюстрирующая коллизию крыловской басни о гигантском Слоне и демонстрирующей враждебность по отношению к нему крохотной Моськи. Мы имеем в виду сформулированный И. В. Сталиным постулат, согласно которому по мере построения социализма возрастает сопротивление представителей свергнутых эксплуататорских классов: «...Социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чувят смертельную опасность и усиливают свое сопротивление»<sup>3</sup>. Этот постулат, который был облечен не только в чеканную формулу, характерную для «исторического материализма», но и в плоть соответствующих нормативных актов, отразился и в литературном творчестве социалистического реализма. Фактически Слон превращался в них в подобие гобсовского Левиафана<sup>4</sup> — государства-зверя, шествующего вперед, не

<sup>2</sup> Цит. по: Крылов И. А. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. III. Басни. Стихотворения. Письма. М.: ОГИЗ, 1946. С. 61–62.

<sup>3</sup> См.: Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Л.: Госполитиздат, 1952. С. 245.

<sup>4</sup> «...Великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством... по латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для защиты

примечая «лая» — протестов индивидуумов, которые не могут смириться именно с тем, что это движение является античеловечным — ибо антииндивидуалистичным по сути своей.

Однако здесь были некоторые жанровые особенности. Если советская юриспруденция — в частности, ее практическое применение к судьбам отдельных людей — становилась основой для семейных трагедий, то в литературе трагический аспект противостояния социалистического государственного Слона и индивидуалистки Моськи, которая не в состоянии уяснить закономерность происходящего с ней и с другими Моськами — а заодно и со Слоном-Левиафаном, — неизбежно должен был приобретать комический оттенок. Это было связано прежде всего с общей идейной установкой литературы социалистического реализма, в котором социальное движение как переход от воли индивидуумов к воле масс изображалось как закономерный прогресс, как неизбежность<sup>5</sup>. А стало быть, смеясь над Моськами, человечество расставалось со своим обреченным на гибель прошлым<sup>6</sup>.

В этом отношении показательно, как коллизия «Слон и Моська» трактуется, например, в романах И. А. Ильфа и Е. П. Петрова.

Вспомним трагический по своей сути финал «Двенадцати стульев»: Ипполит Матвеевич Воробьянинов, только что в надежде на полноценный куш зарезавший своего сотоварища Остапа Бендера, сталкивается лицом к лицу с овеществленными сокровищами мадам Петуховой.

«— Где же драгоценности?! — закричал предводитель.

— Где, где, — передразнил старик, — тут, солдатик, соображение надо иметь. Вот они!

— Где? Где?

— Да вот они! — закричал румяный страж, радуясь произведенному эффекту. — Вот они! Очки протри! Клуб на них построили, солдатик! Видишь? Вот он, клуб! Паровое отопление, шашки с часами, буфет, театр, в галошах не пускают!..

---

которого он был создан». Цит. по: *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 6.

<sup>5</sup> Ср.: «...Неверно, что капиталистические элементы растут будто бы быстрее социалистического сектора. Если бы это было верно, то социалистическое строительство было бы уже на краю гибели». Цит. по: *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Л.: Госполитиздат, 1952. С. 245

<sup>6</sup> В написанной в этот же период басне известного белорусского советского писателя Кондрата Крапивы «Жаба ў каляіне» тема гибели враждебно настроенного индивидуума обретает и вовсе конкретные очертания: Жаба буквально пытается остановить идущий с грузом воз и гибнет под его колесом.

Ипполит Матвеевич оледенел и, не двигаясь с места, водил глазами по карнизам»<sup>7</sup>.

Возражения Воробьянинова против такого использования принадлежащих ему по праву наследования тещиных драгоценностей, даже будь они сформулированы более членораздельно (Ипполит Матвеевич способен лишь по-звериному завывать от беспомощности), ни в коей степени не повлияли бы на финал романа. Даже совершенное убийство становится бессмысленным: сокровища уже использованы государством-Левиафаном, использованы без учета потребностей их номинального владельца. Используя юридическую терминологию, можно констатировать, что протест индивидуума в данном случае отклонен<sup>8</sup>. В этом отношении Бендер, в шутку предлагавший Воробьянинову процент от тещино наследство, несомненно, был куда более милостив.

При этом сокровище «даже увеличилось»: «Брильянты превратились в сплошные фасадные стекла и железобетонные перекрытия, прохладные гимнастические залы были сделаны из жемчуга. Алмазная диадема превратилась в театральный зал с вертящейся сценой, рубиновые подвески разрослись в целые люстры, золотые змеиные браслеты с изумрудами обернулись прекрасной библиотекой, а фермуар перевоплотился в детские ясли, планерную мастерскую, шахматный кабинет и бильярдную»<sup>9</sup>.

Изображенный таким образом Дворец культуры, формально являющийся объектом недвижимости, несомненно, обладает внутренним потенциалом движения — ибо является воплощением социального прогресса: «Великолепное осеннее утро скатилось с мокрых крыш на улицы Москвы. Город двинулся в будничный свой поход»<sup>10</sup>. Москва — столица, воплощение нового государственного бытия — и дворец, выстроенный на деньги воробьяниновской тещи, движется вместе с ней, походкой Слона, не замечающего оцепеневшего Кисы (и не слышащего, как мы убедимся чуть позже, его воя).

Во втором романе дилогии Ильфа и Петрова та же параллель разворачивается еще более явственно, когда экипаж «Антилопы Гну» вынужден сойти с трассы под давлением социальных обстоятельств: «Полотнища

<sup>7</sup> Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев: Роман. Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев». М.: Панорама, 1995. С. 408–409.

<sup>8</sup> Как и у Гоббса: «...стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога, которая гласит: *non habebis Deos alienos* — да не будет у тебя Богов других народов». См.: Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 264.

<sup>9</sup> Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев: Роман. Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев». М.: Панорама, 1995. С. 409.

<sup>10</sup> Там же. С. 409.

ослепительного света полоскались на дороге. Машины мягко скрипели, пробегая мимо поверженных антилоповцев. Прах летел из-под колес. Протяжно завывали клаксоны. Ветер метался во все стороны. В минуту все исчезло, и только долго колебался и прыгал в темноте рубиновый фонарик последней машины.

Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями.

Искателям приключений остался только бензиновый хвост. И долго еще сидели они в траве, чихая и отряхиваясь»<sup>11</sup>.

Показательно, что здесь даже физически реакция героев-жуликов на социалистический автопробег показана как реакция собак: они сидят в траве, чихая и отряхиваясь. Вместе с тем во втором романе авторы более милостивы к своим «москкам». Это видно по реакции на «сокровище»:

«— Да, — сказал Остап, — теперь я и сам вижу, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Вам не завидно, Балаганов? Мне завидно»<sup>12</sup>.

И совсем по-другому изображена реакция Моськи — Воробьянинова — в финале «Двенадцати стульев»:

«Ипполит Матвеевич потрогал руками гранитную облицовку. Холод камня передался в самое его сердце.

И он закричал.

Крик его, бешеный, страстный и дикий, — крик простреленной навывлет волчицы, — вылетел на середину площади, метнулся под мост и, отталкиваемый отовсюду звуками просыпающегося большого города, стал глхнуть и в минуту зачах»<sup>13</sup>.

Разница между Жизнерадостно отряхивающимися щенятами, испытывающими зависть к комфорту и красоте движущегося объекта, и простреленной навывлет волчицей очевидна. Но в обоих случаях авторы используют образ живого существа, противостоящего неживому объекту, воплощающему социальный прогресс. Левиафан в их изображении механистичен, лишен реальной жизни.

Показательно, что комментатор обоих романов Ильфа и Петрова Ю. К. Щеглов, не обращает внимания на столь явную «животную» параллель. Его интересует другой ассоциативный ряд — обусловленность соответствующих ильфо-петровских сцен мотивом «“экипаж и пешеход”»: один из героев проезжает в экипаже (карете, автомобиле,

---

<sup>11</sup> *Ильф И. А., Петров Е. П.* Золотой теленок: Роман. Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М.: Панорама, 1995. С. 74–75.

<sup>12</sup> Там же. С. 75.

<sup>13</sup> *Ильф И. А., Петров Е. П.* Золотой теленок: Роман. Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М.: Панорама, 1995. С. 409.

поезде...), другой грустно следит за ним с обочины дороги (тротуара, платформы...)»<sup>14</sup>. Такая ассоциация — с некрасовской «Тройкой», например, — имеет, на наш взгляд, право на существование, однако лишь в том случае, если абстрагироваться от реальных политических условий, в которых создается конкретное литературное произведение.

Хотя бы потому, что образ пассажира, отставшего от «транспорта будущего», в эпоху социалистического строительства также оказывается далеко не безобидным. Подобное «отставание» было равнозначно социальному приговору — и осознающий это «отставший пассажир» реагировал яростно, сопротивляясь, то есть «облаивая» уходящий и равнодушный к его судьбе «транспорт». Даже в «Бане» В. В. Маяковского главначпуц Победоносиков, отброшенный машиной времени в прошлое, угрожает: «Хорошо, хорошо, пускай попробуют, поплавают без вождя и без ветрил!»<sup>15</sup>.

Впрочем, Маяковский и сам — правда, опосредованно — как романтический персонаж — оказался в роли такой же Моськи, как и его герой. В данном случае мы имеем в виду сцену из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где поэт Александр Рюхин размышляет о памятнике Пушкину: «Вот пример настоящей удачливости... — Тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека. — Какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся. — Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»<sup>16</sup>.

По мнению, например, Г. Лесскиса, «Булгаков пародирует ситуацию стихотворения Маяковского “Юбилейное” (1924), заставляя Рюхина говорить с “чугунной” статуей Пушкина на Страстной... и даже погрозить памятнику рукой (подобно Евгению в “Медном всаднике”)»<sup>17</sup>. Конечно, «Медный всадник» присутствовал в сознании Булгакова. Однако существенно другое: Евгений из «Медного всадника» имеет несомненное

---

<sup>14</sup> Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок: Роман. Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М.: Панорама, 1995. С. 406.

<sup>15</sup> Цит. по: Маяковский В. В. Баня // Маяковский В. В. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1978. С. 134.

<sup>16</sup> Цит. по: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1990. С. 73.

<sup>17</sup> Лесскис Г. <Комментарии> // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1990. С. 647.

нравственное право выставить свой счет «кумиру на бронзовом коне». Сашка же Рюхин, именованный собратом по перу Иваном Бездомным «балбесом и бездарностью»<sup>18</sup>, величия бронзового («чугунного» в его собственном ощущении) Пушкина не понимает и не принимает, а потому оказывается в роли Моськи перед «солнцем русской поэзии».

Здесь возникает еще один примечательный аспект. Традиционно во всех интерпретациях басни о Слоне и Моське — и тех, о которых мы говорим, и тех, которые останутся вне нашего поля зрения, — движется Слон, а Моське суждено остаться на месте (побегаёт — и вернется). Но Сашка Рюхин начинает двигаться именно в тот момент, когда его речь перерастает в «лай» — в ругань по отношению к великому поэту. Движение в данном случае символизирует не прогресс, а удаление от истинных поэтических ценностей. Причем удаление во вполне конкретном направлении: от Страстной, от памятника Пушкину, платформа везет Рюхина к «Дому Грибоедова» — к МАССОЛИТУ, — явная деградация литературного творчества налицо.

«Мастер и Маргарита» — едва ли не единственное крупное произведение, в котором «Слон и Моська» реинкарнировались, так сказать, в относительном соответствии с изначальным крыловским замыслом. Но это и связано с тем, что вместо Слона-Левифана перед читателем предстает величина, признаваемая автором бесспорной. «Дистанция огромного размера» в данном случае не между массой и индивидуумом, а между личностью, пусть даже воплощенной в памятнике, и ничтожеством. Практически во всех остальных известных нам случаях, самым ярким из которых, на наш взгляд, является «Самоубийца» Н. Р. Эрдмана, терпит поражение именно личность, человек, обладающий личными амбициями<sup>19</sup>.

В этом отношении показателен текст, в котором человек признает закономерность усмирения собственных амбиций, то есть признает поражение. Мы имеем в виду сейчас известное стихотворение О. Э. Мандельштама «Стансы»:

Я не хочу среди юношей тепличных  
Разменивать последний грош души,  
Но, как в колхоз идет единоличник,  
Я в мир вхожу — и люди хороши.  
...Проклятый шов, нелепая затея,

<sup>18</sup> Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1990. С. 68.

<sup>19</sup> Включая уже упоминавшегося Победоносикова — пародию на Л. Д. Троцкого, наделенную именем легендарного религиозного философа-государственника К. П. Победоносцева.

Нас разделили. А теперь — пойми:  
Я должен жить, дыша и большевея,  
И, перед смертью хорошея,  
Еще побыть и поиграть с людьми.  
...И не ограблен я, и не надломлен,  
Но только что всего переогромлен...  
Как «Слово о полку», струна моя туга,  
И в голосе моем после удушья  
Звучит земля — последнее оружие,  
Сухая влажность черноземных га!<sup>20</sup>

«Стансы» Мандельштама сродни белому флагу парламентарера воинствующего индивидуализма, смиренно признавшего свое поражение, надломленного вопреки собственному утверждению. Это заговоривший стихами эрдмановский Подсекальников, однако Подсекальников финальной сцены трагикомедии, больше всего на свете желающий жить и уже не способный протестовать. Вспомним, как Семен Семенович впервые «подает голос»: «Цыц! Все молчат, когда колосс разговаривает с колоссом. Дайте Кремль. Вы не бойтесь, не бойтесь, давайте, барышня! Ктой-то? Кремль? Говорит Подсекальников. Под-се-каль-ни-ков. Индивидуум. Ин-ди-ви-ду-ум. Позовите кого-нибудь самого главного. Нет у вас? Ну, тогда передайте ему от меня, что я Маркса прочел и мне Маркс не понравился. Цыц! Не перебивайте меня. И потом передайте ему еще, что я их посылаю... Вы слушаете?»<sup>21</sup> Реакция обитателя Кремля, поднявшего трубку, на голос разбушевавшегося индивидуума Подсекальникова вполне сродни реакции крыловского Слона на крыловскую Моську («лай» остается незамеченным).

И вот — финальный монолог эрдмановского героя: «Разве мы делаем что-нибудь против революции? С первого дня революции мы ничего не делаем. Мы только ходим друг к другу в гости и говорим, что нам трудно жить. Потому что нам легче жить, если мы говорим, что нам трудно жить. Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шепотом: “Нам трудно жить”. Товарищи, я прошу вас от имени миллиона людей: дайте нам право на шепот. Вы за стройкою даже его не услышите. Уверяю вас. Мы всю жизнь свою шепотом проживем»<sup>22</sup>.

<sup>20</sup> Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Полное собрание стихотворений. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 243–244.

<sup>21</sup> Цит. по: *Эрдман Н. Р.* Самоубийца // *Эрдман Н. Р.* Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 134.

<sup>22</sup> Там же. С. 163.

Пафос гордого индивидуума — гордого от осознания собственной «необщности», готовность противостоять всем, включая непонравившегося ему Маркса, — меняется просьбой разрешить не «лаять» уже, откровенно, публично, а шептать. Шепот протеста — последнее, что остается индивидууму в эпоху победившего Левиафана.

В заключение мне хотелось бы остановиться на не вполне литературной актуализации уже в наши дни образа третьего персонажа из крыловской басни. Многие читатели забывают, что кроме Слона-Левиафана и единоличницы Моськи в басне действует еще и резонерша Шавка.

Показательно то имя, которое избирает Крылов для этой героини. Словарь В. И. Даля не приводит его этимологии, однако, вероятнее всего, оно образовано от слова «шавить». Приведем все значения слова «шавить» по Далю:

«Шавить *арх. олон.* пустобаять, шутить или врать, болтать вздор.

Шавить, *арх.* кривить душой, лукавить, фальшить. Ружье это шавит, шавило, неверно, дурно бьет, дало промаха, это шавое ружьишко, ненадежное, плохое. Шавый... ошибка, неудача; промах, неудачный выстрел по зверю, легкий выстрел, только поранивший зверя, шавок, то же...

Шавить или шаветь и -ся, *безличн.* грезить, бредить во сне; видеться, мерещиться, грезиться. Ему шавилось, что падает, и закричал во сне! Он шавее, бредит»<sup>23</sup>.

Совершенно очевидно, что, согласно Крылову, резонерша Шавка «шавит» вздор, говорит ерунду, а права как раз Моська — ее позиция гораздо более осмысленна. Но этот шавкин вздор — «здравый смысл»! Здравый смысл подсказывает ничтожной собачонке: не стоит облаивать столь огромного зверя, тем паче, что он все равно «идет вперед, и лаю твоего совсем не примечает»! Нужно отступить, смириться с избранным Слоном курсом — или, как говорят в народе, «расслабиться и получать удовольствие».

Если мы вслушаемся в то, что принято называть сегодня российской телевизионной публицистикой, мы увидим, насколько позиция «публицистов» вроде Глеба Павловского, Максима Соколова, Александра Привалова, Михаила Леонтьева совпадает с позицией Шавки. Но идут они — дальше нее. Согласно им, лаять нужно не на Слона, а на тех, кто противостоит ему, кто не согласен с ним и высказывает собственное, отличное от слоновьего, мнение. Они исходят из главного постулата: народ (составляющий, согласно Гоббсу, тело государства-Левиафана) определился в выборе своего курса, а народ ошибаться не может — во всяком случае меньшинство не имеет права навязывать свою позицию

<sup>23</sup> См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1991 (репр. изд. 1882 г.). С. 618.



большинству и даже высказывать свою позицию. Меньшинство, мыслящее иначе, желающее иного, должно безоговорочно подчиниться и умолкнуть.

Позиция обычного резонера. Напомним лишь, что в 1968 г. те немногие, кто вышел на площадь протестовать против ввода советских войск в Чехию, также казались Моськами, противостоящими Слону. Как и генерал Петр Григоренко, как и Александр Солженицын. Напомним, что маленькие балтийские республики в 1989–1991 гг., отстаивающие на съезде народных депутатов СССР свое право на суверенитет и независимость, также казались ничтожными собачонками, мешающими движению Левиафана.

Но именно этот исторический опыт доказывает: то, что кажется волей народа, не всегда является таковой, и Левиафан рассыпается, не будучи в состоянии подавить естественные порывы различных индивидуумов и удержать их на месте. Исторически побеждает Моська, а вовсе не безгласный и бездушный Слон и добровольно обслуживающая его Шавка.

Такова мораль, начертанная Историей на полях басни дедушки Крылова.

# ПУШКИН ГЛАЗАМИ ГРИБОЕДОВА

## Роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»

Проблема адекватности изображения взаимоотношений исторических персонажей, их восприятия друг другом является ключевой для романов, относящихся к «романам исторического костюма». В этой связи весьма показателен роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» — бесспорно, одно из лучших произведений исторической прозы 20–30-х гг. XX в. и, как точно определил А. В. Белинков, «главная книга Тынянова»<sup>1</sup>.

Действительность в романе представлена как увиденная глазами центрального героя — Александра Сергеевича Грибоедова. При этом тенью на протяжении всей книги Грибоедову сопутствует другой персонаж — Александр Сергеевич Пушкин. «Смерть Вазир-Мухтара» начинается характеристикой двух противостоящих друг другу эпох, символами которых, по мнению Тынянова, были эти два человека: «Было в двадцатых годах винное брожение — Пушкин. Грибоедов был укусуемым брожением»<sup>2</sup>. Финальная глава романа, тринадцатая, написана с очевидной установкой на соответствующий эпизод из пушкинского «Путешествия в Арзрум», причем «встречи Пушкина с Кюхельбекером (в «Кюхле». — *А. Ф.*) и Грибоедовым написаны по пушкинским текстам и не искажают источников»<sup>3</sup>. Но если отношение Пушкина к Грибоедову могло быть реконструировано Тыняновым по пушкинским текстам, то грибоедовских текстов, по которым можно было бы проследить отношение реального Грибоедова к реальному Пушкину, как известно, почти нет. И отношение романного Грибоедова к романному Пушкину, таким образом, есть плод художественного вымысла автора «Смерти Вазир-Мухтара». Попытаемся проследить, каково же это отношение.

«Смерть Вазир-Мухтара» — роман о смерти чужого всем человека, русского с персидским титулом, обреченного уже названием романа

<sup>1</sup> См.: *Белинков А. В.* Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. С. 364.

<sup>2</sup> *Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара. Минск: Наука и техника, 1979. С. 5. Далее ссылки на текст романа даются в круглых скобках после цитаты с указанием страницы данного издания.

<sup>3</sup> *Белинков А. В.* Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. С. 313.

и потому воспринимаемого читателем как временно пребывающего среди живых. Эта отчужденность героя продемонстрирована уже в первых эпизодах романа — в беседе с матерью, встречах с Ермоловым, Чаадаевым, Бегичевым. Мать, единомышленники, друг — все они равно отторгают Грибоедова, будучи не в состоянии ни понять его помыслы, ни довериться ему. И он, в свою очередь, отторгает их, поскольку их жизнь чересчур мелка, наполнена мелочами, как и всякая жизнь вообще. На фоне этих мелочей Грибоедов, автор колоссального проекта управления Кавказской компанией, кажется титаном среди пигмеев.

Пушкин — вероятно, единственный из встретившихся с ним в его последний приезд в столицу, кто искренне стремится наладить отношения: «Пушкин подошел к нему и просто протянул руку.

— Рад вас видеть! — закричал он сквозь Буальдые. — Завидую вам. Вы скачете по Персии, а мы по журналам» (с. 45).

Слово «завидую», «зависть» повторяется Пушкиным во время первой встречи трижды. Все три раза Пушкин имеет в виду причастность Грибоедова к историческим событиям, теоретическую возможность полноценной самореализации политических амбиций. Но Грибоедов воспринимает Пушкина в иной социальной роли — не политической, а литературной: «Литературные мальчики... захлебываясь, читали новые стихи Пушкина и с завистью оспаривали друг перед другом первенство в сплетнях и мелочах» (с. 53). Пушкин для Грибоедова — такой же символ поэтического успеха, как Грибоедов для Пушкина — символ успеха политического. При этом ущемленное авторское самолюбие Грибоедова не дает ему смириться с пушкинским успехом. Он чувствует то же чувство зависти: «“Горе” его лежало ненапечатанное, непредставленное, под спудом, он писал теперь другую пьесу. Быть комическим автором одной пьесы — в этом было что-то двусмысленное». И — как вывод: «С Пушкиным должно было быть осторожным. Он смущал его, как чужой породы человек» (с. 45).

Как Чаадаев или Ермолов чувствуют чуждость и враждебность, исходящую от самого Грибоедова («Его вытолкнул Ермолов, ему нечего делать у Чаадаева»<sup>4</sup>), так Грибоедов чувствует пропасть, отделяющую его от Пушкина и не желает ее преодолевать. При этом, завидуя Пушкину-поэту, Грибоедов оправдывает свое неприятие его и как человека с определенной политической установкой: «Александр Сергеевич Пушкин был тонкий дипломат. Сколько подводных камней миновал он с легкостью танцевальной. Но жизнь простей и грубей всего, она берет человека в свои руки. Пушкин не хотел остаться за флагом. Вот он ки-

<sup>4</sup> *Белинков А. В.* Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. С. 307.

дает им кость» (с. 129). Поэтическая «дипломатия» Пушкина — автора «Стансов» — становится фоном, на котором реальная дипломатия Грибоедова смотрится как «нетонкая», негибкая. Точно так же стихи Грибоедова воспринимаются Грибоедовым в контексте пушкинских крайне невыгодно для самого себя: «Вскоре выходил вторым изданием Пушкина “Кавказский пленник”. Так вот, у него в трагедии Кавказ был голый и не прикрашенный, как на картине, а напротив того, дикий и простой, бедный. О “Пленнике”, он, разумеется, ничего не сказал.

Странное дело, Пушкин его стеснял. Читая, он чувствовал, что при Пушкине он написал бы, может быть, иначе» (с. 132).

Это не случайно. Тот же А. В. Белинков обратил внимание на систему двойников в романе — Иван Сергеевич Мальцов (секретарь посольства в Тегеране, единственный спасшийся российский дипломат), слуга Грибоедова Сашка Грибов, Молчалин, чей образ постоянно всплывает в сознании его же создателя<sup>5</sup>. Вместе с тем двойником Александра Сергеевича Грибоедова является и Александр Сергеевич Пушкин, что весьма комически обыгрывается в сцене «литературного обеда» у Булгарина в описании речи Греча:

«Греч встал.

— Александр Сергеевич, — сказал он Грибоедову, — и Александр Сергеевич, — сказал он Пушкину...

Потом он говорил о равных красотах обоих, о Байроне и Гете, о том, что предстоит совершить, — и кончил:

— ...вам, Александр Сергеевич, и вам, Александр Сергеевич.

Все хлопали. Дюрова хлопала. Петя и Леночка захлопали.

Грибоедов встал, желтый, как воск» (с. 130–131).

Реакция Грибоедова однозначно негативна, что и передает характеристика «желтый, как воск» (он помертвел, уподобился остывшей, лишившейся пламени церковной свече). Его краткая ответная речь, адресованная Гречу, подчеркивает это:

«— Нынче Гете и Байрон. Никто не смеет сказать, что он проник Гете, и никто не хочет признаться, что он не понял Байрона. ...Я не понимаю, как ставить под рекрутскую меру разные красоты. Две вещи могут быть хороши, хотя вовсе не подобны. Ваше здоровье, Николай Иванович, — протянул он бокал Гречу, — и здоровье Фаддея Венедиктовича.

И сел.

Говорил он просто и нераздражительно, и опять захлопали» (с. 131).

Здравица в честь литераторов Греча и Булгарина пародирует здравицу самого Греча в честь литераторов Грибоедова и Пушкина. Было

---

<sup>5</sup> Там же. С. 252.

от чего испытывать раздражение и для чего скрывать его от слушателей. Само сопоставление автора непоставленной комедии с самым издаваемым поэтом эпохи воспринимается Грибоедовым как бестактное. Но его реакция на двойную параллель Греча — одновременное сравнение его с Пушкиным и их обоих с Гете и Байроном — также показательна и имеет под собой историко-литературную основу: известно, что Грибоедов переводил «Пролог в театре» к «Фаусту» Гете, а Пушкина именовали «русским Байроном»<sup>6</sup>. Байрон, таким образом, становится для Грибоедова в романе символом дешевого мимолетного успеха, в то время как Гете — символом непостижимой силы великого искусства. При этом созвучие фамилий *Грибоедов* — *Греч* не оставляет сомнений, что этой комической параллелью второму Александру Сергеевичу — Пушкину, — за пределами романа мечтающему о мирной семейной жизни, отводится участь двойника романного «примерного семьянина» Фаддея Булгарина, роконосца и женина подкаблучника.

Невольно возникшая параллель с Булгариным усиливается в следующей главке, когда Грибоедов интересуется чтением своего слуги, Сашки. Слуга, читающий «Талисман» из «слежалого песельника, что ли» (с. 134), именно пушкинские строки считает стихами, в то время как фрагмент из «Грузинской ночи» вызывает у него возражения: « — Вы не стихи читали, Александр Сергеевич, — поучительно сказал Сашка, — стихи это называется песня, а у вас про старуху» (с. 134). Булгарина, как известно, неоднократно упрекали в том, что его произведения читали лакеи<sup>7</sup>. Лакей, читающий Пушкина, вызывает у Грибоедова закономерное раздражение, однако это его собственный лакей, Сашка Грибов, который также в художественной системе «Смерти Вазир-Мухтара» является одним из двойников Грибоедова. Это второе «я» автора «Горе от ума», которое, несмотря на вполне рациональное стремление первого «я» быть осторожным, понимает и принимает пушкинскую поэзию. Шипящий от злости и гонящий прочь Сашку

---

<sup>6</sup> О биографической основе параллели «Пушкин — Байрон» см.: *Федуна А. И., Егоров И. В.* Читатель в творческом сознании А. С. Пушкина. Минск: Лимариус, 1999. С. 59–64.

<sup>7</sup> Ср.: «Пустота, безвкусице, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток — вот качества сего сочинения («Иван Выжигин». — *А. Ф.*), качества, которые составляют его достоинство, ибо они делают его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям». *Киреевский И. В.* Обзорение русской словесности 1829 года // *Киреевский И. В.* Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 58–59.

Грибоедов на самом деле злится на себя и пытается прогнать Пушкина от себя и из собственной жизни<sup>8</sup>.

Но Пушкин словно преследует Грибоедова. Стоит, сидя подле Нины Чавчавадзе, Грибоедову задуматься и вспомнить о Булгарине, Нина вспоминает о Пушкине: «А Пушкин похож на свои портреты?» (с. 300). Выясняется, что ее отец переводил одну из пушкинских элегий, причем Грибоедов тут же отмечает для себя, что именно эту пушкинскую элегию он не любил. Хотя автор не развивает дальнейший ход грибоедовской рефлексии, очевидно, что интерес Нины к Пушкину должен был неприятно поразить жениха.

И Булгарин, второй спутник Грибоедова, его верный и любимый им друг, также вспоминает о Пушкине в разговоре с женой Леночкой: «Говорят, Пушкин на Кавказ просился. За вдохновением. Или в картишки поиграть. В долгах по горло сидит. Только нашего не перешибет, шалишь. Про фонтаны во второй раз не напишешь. Баста» (с. 264). Фактически Булгарин пересказывает то, что не говорит в начале романа Грибоедову сам Пушкин, но что встает ощутимо за его признанием: «Завидую вам. Вы скачете по Персии, а мы по журналам» (с. 45). Но одновременно Булгарин как бы формулирует ответную реплику Грибоедова, злорадную, произнесенную: «Про фонтаны во второй раз не напишешь. Баста» (с. 264).

Булгарин, говоря о Пушкине, как бы артикулирует те мысли, которые засели в голове Грибоедова. Рассказ его Грибоедову о главе «Евгения Онегина», якобы заложенной И. Е. Великопольскому, исполнен злорадства. Особенно чувствуется торжество в пересказе реакции Пушкина на послание Великопольского: «Орет на цензуру, вольнолюбие да и только, — а сам разве не вводит цензуру? И притом если бы сам не был пасквилянт. А то ведь пасквили и пасквили. А попробуй запретить ему ругаться, — так это стихи, вдохновения, сладкие звуки и молитва. И ведь ввернет в восьмую главу такое, что тот бедняк прямо...» (с. 55). При этом показательно, что свою дружбу с Булгариным «романный» Грибоедов также воспринимает «на фоне Пушкина»: «Фаддей был писатель Гостиного Двора и лакейских передних. Это нравилось Грибоедову. Его предки были думные дьяки. Негритянский аристократизм Пушкина был ему смешон» (с. 53). Упоминание о «негритянском аристократизме» явно апеллирует к известной истории о публикации историческим Булгариным анекдота о продаже арапа Ибрагима за бутылку

---

<sup>8</sup> Моральную компенсацию Грибоедов получает в сцене, где Сашка действительно читает булгаринский роман (с. 181–183). При этом присутствуют другие слуги, которые критикуют несообразности, встречающиеся в тексте «Выжигина», однако Сашка, что еще более усиливает его сходство с хозяином, вступает за Булгарина.

рома русскому шкиперу — анекдота, вызвавшего к жизни «Мою родословную» Пушкина. Наконец, неслучайно эту же главку автор заканчивает грибоедовским вопросом: «Умею ли я писать? Ведь у меня есть, что писать. Отчего же я нем, нем, как гроб?» (с. 57).

Две последние встречи Грибоедова и Пушкина в романе произойдут посмертно, за гробом Грибоедова. Первая — в зале театра, подобно тому, как произошла и первая их встреча в начале романа. С той лишь разницей, что на этот раз в зале не будет ни Грибоедова, ни Пушкина: Тынянов опишет представление балета Ш. Дидло на музыку К. Кавоса «Кавказский пленник, или Тень невесты», в котором «прыжки и вальсы были вдохновлены стихами Пушкина» (с. 426). «Пушкина в зале не было. Он был на военном театре» (с. 426). Спектакль дается в честь приезда персидского принца Хозрева-Мирзы, привезшего официальные извинения персидского правительства в связи с гибелью русских дипломатов в Тегеране. Отсутствующий Пушкин — и отсутствующий Грибоедов, тень которого незримо присутствует в зале.

Встречаются они в заключительной сцене романа, написанной по соответствующему эпизоду из пушкинского «Путешествия в Арзрум», — сцене встречи Пушкина с арбой, везущей тело убитого Грибоедова. Причем Пушкину кажется, что Грибоедов — еще недавно, по его же собственным словам, немой «как гроб» (с. 57) — «тонкой рукой прикоснулся к нему... и сказал:

— Я все знаю» (с. 436).

Эта последняя встреча живого Пушкина с оживающим и всезнающим, как и положено тени, вернувшейся из загробного мира, Грибоедовым — пророческая. Изначально мертвый Грибоедов предупреждает о грядущей и неизбежной смерти живого Пушкина. До этого мертвый — и оживающий — Грибоедов уже показан в Петербурге, проходящим тот же путь, что и в начале романа: в частности, он встречается и с дипломатическим начальством, распекающим его за доставленные неприятности («он все-таки вполз неожиданным гостем в Петербург и в Москву. И там был строго распечен графом Нессельродом Вазир-Мухтар», с. 410), и с Фаддеем Булгариным (с. 412–415). Сенковский, в начале романа принимавший вместе с Грибоедовым экзамен у студентов, изучавших восточные языки, в конце романа расшифровывает надписи на гигантском алмазе, присланном в качестве платы за гибель посла. Грибоедов как бы заново проходит тот же путь, что и за год до смерти, в начале романа, заглавие которого его изначально обрекает на смерть. И на этом пути его вновь ждет встреча с Пушкиным.

Все встречи Пушкина и Грибоедова строятся в романе «Смерть Вазир-Мухтара» на противопоставлении живого и мертвого, плодо-

творного и бесплодного. «Укусное брожение» эпохи (с. 5) противопоставит «винному брожению» как смерть противопоставит жизни, старость молодости, душевный порыв рациональному расчету. Тынянов в точности воспроизводит конфликт пушкинских «Моцарта и Сальери», трагедии, в которой зависть обусловлена именно пониманием величия соперника и своего ничтожества на его фоне. А. В. Белинков особо подчеркивает: «О том, что был написан “Борис Годунов”, и о том, что Грибоедов (да еще вместе с Мицкевичем!) присутствовал на пушкинском чтении трагедии, Тынянов не говорит ни слова»<sup>9</sup>. И это объяснимо, поскольку и Грибоедов не говорит о нем ни слова: во-первых, в романе ему просто некому об этом сказать, во-вторых, себе самому он сказать об этом не может — он вынужден был бы еще раз признать гениальность Пушкина, победу автора «Бориса Годунова» над автором «Грузинской ночи». Это чересчур унизило бы героя: прямого противостояния произведений двух поэтов Тынянов не допускает (как и Пушкин, у которого музыка Сальери присутствует лишь опосредованно, в напеве Моцарта). При этом сам Пушкин, неоднократно произносящий применительно к судьбе Грибоедова слово «завидую», завидует прежде всего тем возможностям, которые так и остаются нереализованными Грибоедовым. Зависть Грибоедова — зависть нереализованного потенциала, зависть Пушкина — зависть к нереализованному потенциалу, не способному реализоваться, однако проявляющего себя и свои возможности внешне. Точно так же пушкинский Моцарт завидует пушкинскому Сальери:

Когда бы все так чувствовали силу  
Гармонии!<sup>10</sup>

А. В. Белинков прав, когда утверждает: «В течение всей жизни Тынянова Пушкин был для него мерой вещей. Он же стал мерой и самого автора»<sup>11</sup>. Однако Пушкин стал и мерой тыняновских персонажей, в частности Вазир-Мухтара, Грибоедова. Грибоедов ненавидит Пушкина, как человек, безуспешно старающийся втиснуть себя в рамки времени, ненавидит другого человека, свободного и независимого. Так укус при смешивании уничтожает вино, не будучи в состоянии превратиться в вино. «Мертвый хватает живого». Романские Грибоедов и Пушкин — это не два возможных пути художника в эпоху безвременья, это два возможных пути любого человека, осуществляющего выбор между укусом и вином. И как Христу, страждущему от жажды, подают губку

<sup>9</sup> Белинков А. В. Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. С. 228.

<sup>10</sup> Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические сочинения. Л.: АН СССР, 1935. С. 133.

<sup>11</sup> Белинков А. В. Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. С. 307.



с вкусом вместо питья, так человеку, пытающемуся выжить, вместо свободного выбора жизнь предлагает рациональное приспособление к внешним условиям. Гроб, в котором все обретает определенные раз и навсегда рамки. Пушкин на коне — Грибоедов в гробу. Пушкин едет сам — Грибоедова везут.

И — Грибоедова ли? Рука с перстнем, определенно, его. И это единственное, в чем у автора романа нет сомнений. Осталась лишь простреленная рука, умевшая держать перо и играть на рояле (и этой самой «тонкой рукой» — единственным свидетельством идентичности мертвеца живому человеку — прикоснется тень Грибоедова к живому Пушкину). Больше — ничего.

«В Тифлисе родился у нее (Нины Грибоедовой-Чавчавадзе. — *А. Ф.*) мертвый ребенок» (с. 409).

«Горе» свое Грибоедов завещал Фаддею Булгарину.

Пушкин едет в Арзрум.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Работы, вошедшие в книгу «Письма прошедшего времени», ранее публиковались в следующих изданиях.

- Квартирант (письма М. Малиновского И. Лелевелю) // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Т. 1. Мінск: Лімарыус, 2009. С. 30–91.
- Страдания будущего цензора (Письма О. А. Пржецлавского П. И. Гавевскому) // Цензура в России: История и современность. Сборник научных трудов. СПб.: РНБ, 2008. С. 142–149.
- «Имя отличное уважение...» (Письма А. Н. Оленина С. Богушу-Сестренцевичу) // *Silva rerum nova*. Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі. Vilnius–Мінск: AIDAI-ATHENAEUM, 2009. С. 279–283; то же: Встречи в библиотеке: авторы и читатели. Сборник статей. Тверь: Марина, 2009. С. 192–200.
- Приватная жизнь профессора Сенковского. Публикуется впервые; в основе статьи доклад, прочитанный на конференции «Мемуары русских писателей. Россия и русская культура в мемуарах польских писателей» (Варшава, 23–24 апреля 2009 г.).
- «Подвиг честного человека» (Об источнике пушкинской формулы) // *Philologica*. 2003–2005. Т. 8. № 19–20. М., 2006. С. 199–204.
- Три «Будрыса»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2004. № 5 (10). С. 112–120.
- Пушкин и Лелевель: история одного недоразумения // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2005. № 8 (13). С. 200–204.
- Типы и прототипы // Славянские чтения. VII. — Daugavpils: A. A. «Saule», 2009 (В печати).
- «Выжигинский текст» русской литературы как результат соавторства // Научные труды Вильнюсского университета. Литература. Т. 47(5). Опус № 1–2: Русский мемуар; Соавторство. Сборник статей. Вильнюс: Вильнюсский университет, 2005. С. 161–170.
- Наполеон и Ян Снядецкий (к вопросу о семиотике поведения государя) // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analize. Interpretacija*. Vilnius: VPU leidykla, 2008. Nr. 6(1). P. 120–134.

- Н. Н. Новосильцов в польской литературе 1820–1830-х гг. Публикуется впервые. В основу статьи положен доклад, сделанный автором на конференции «Россия и русские в зарубежных литературах», проходившей в мае 2008 г. в ИМЛИ Российской Академии наук.
- «Гуманный внук воинственного деда»: А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии // *Philologica*. 2007/2009. Т. 9. № 21/22 (в печати).
- Смерть поэта, или Последняя арзамасская речь («Элегия на смерть Василия Львовича» Дмитрия Быкова) // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сборник научных статей. Липецк, 2006. С. 115–125.
- Тень старухи // Филологический сборник к 70-летию профессора Ф. П. Фёдорова. *Daugavpils: A. A. «Saule»*, 2009 (в печати).
- Басня И. А. Крылова «Слон и Моська» в русской литературе 1920-х — 1930-х годов // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija*. Nr. 5. *Mokslinių straipsnių rinkinys*. (Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. № 5. Сборник научных статей). Vilnius: Вильнюсский педагогический университет, 2006. С. 137–145.
- Пушкин глазами Грибоедова (роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара») // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Современная наука — вузу и школе. Материалы Международной научной конференции 20–23 октября 2003 г. Псков: ПГПИ, 2004. С. 103–110.

*Автор благодарит Н. М. Сперанскую и В. Г. Щукина за ценные замечания, благодаря которым он смог предстать перед читателями этой книги чуть более образованным, чем является на самом деле.*

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**вгуст II 84  
Август III 38  
Августин 99  
Аверинцев С. С. 216  
Аделунг Ф. П. 29  
Аксаков И. С. 182, 184  
Александр I 22, 66, 74, 97, 164,  
165, 167–168, 170,  
172, 175–178, 184  
Александр II 181, 184, 197  
Алексеев М. П. 138, 140  
Альбертранди Я. Б. 52  
Альтшуллер М. Г. 138  
Анастасевич В. Г. 8–9, 14, 71, 73,  
76, 78, 79  
Андерсен Г. К. 201  
Анненков П. В. 209, 212  
Арапова А. П. 210  
Аристарх Самофракийский 86  
Ардт И. 99  
Артюшков А. В. 43  
Ахматова Е. Н. 115–118  
**Ба**гратион П. И. 173  
Байрон Дж. Г. Н. 153–154, 243, 244  
Бакланов Я. П. 196  
Балакин А. Ю. 214  
Балинская (Снядецкая) З. 162  
Балинский М. 81, 162, 169,  
174–178  
Бальби А. 29  
Балыш 27  
Бандтке Е. С. 72, 79, 83  
Баратынский Е. А. —  
*см. Боратынский Е. А.*  
Барклай де Толли М. Б. 173  
Бартенев П. И. 148, 203, 212  
Басевич А. М. 9  
Батюшков К. Н. 215  
Батюшков П. Н. 183  
Бахман И. 224  
Бегичев С. Н. 242  
Белинков А. В. 241–243, 247  
*Белинский В. Г. 157*  
Бельский И. 65, 71  
Бельский М. 65, 71  
Беляев М. Д. 186, 187  
Бенкендорф А. Х. 19, 25, 96, 104  
Бенкендорф К. Х. 25, 104  
Бентковский Ф. 10, 23, 62, 73, 76,  
80, 86, 90, 102  
Беранже П. Ж. 209, 210, 213, 217  
Берг Н. В. 149  
Берг Ф. Ф. 190  
Березкин А. М. 154, 156  
Березкина С. В. 185  
Берковский Н. Я. 223  
Бернатович А. 63  
Бернатович Л. 25  
Бернатович Ф. 62  
Бертье А. 167, 179

- Бестужев А. А. 8, 14, 15  
 Бестужев М. А. 14, 15  
 Бестужев Н. А. 14, 15  
 Бестужев П. А. 14, 15  
 Бестужева Е. А. 14, 15  
 Бестужева М. А. 14, 15  
 Бестужева О. А. 14, 15  
 Бестужева П. М. 14, 15  
 Бехтеев А. А. 137  
 Бизаньский Я. Н. 67  
 Бичурин И. 14, 66  
 Блудов Д. Н. 82, 180, 183, 184,  
 187, 188, 216  
 Блудова А. А. 187  
 Блудова А. Д. 180, 182–185, 187,  
 188, 190, 192, 195,  
 196  
 Бобинский В. 31, 64  
 Бобровский М. 74  
 Бобровский Т. 150  
 Боголюбов С. Г. 16  
 Богомолец Фр. 38  
 Богуш-Сестренцевич С. 24, 97–104  
 Боратынский Е. А. 15, 20, 56, 126,  
 127  
 Боровский Л. 35  
 Борхес Х. Л. 162  
 Борщевский Я. 8  
 Брамбеус — см. *Сенковский О. И.*  
 Брониковский  
 (Опельн-Брониковский) А. фон  
 30, 32, 39, 56, 62, 63, 68  
 Бронте Э. 3  
 Брохоцкий К. 90  
 Брюллов А. П. 111  
 Брюллова А. А. 111  
 Буальдые Ф. А. 242  
 Будберг А. Ф. 193  
 Булгаков А. Я. 212, 215  
 Булгаков К. Я. 212  
 Булгаков М. А. 236, 237  
 Булгарин Ф. В. 8, 11–19, 23, 24, 28,  
 30, 31, 44, 50, 52–55, 58–60,  
 64–66, 69, 70, 78, 84–86,  
 90, 91, 101, 103, 125–133,  
 151–160, 178, 243–246, 248  
 Булгарина Е. И. 53, 57, 59, 24  
 Бучинский И. Ю. 88  
 Быков Д. Л. 208, 214–220  
 Быков М. В. 194  
**В**авжецкий Т. 175  
 Вага Т. 31  
 Валуев П. А. 182, 189, 190  
 Ванькович В. 14, 27, 33, 60, 67  
 Вацуро В. Э. 120, 121, 124  
 Вашкевич Я. 0 36, 37 0  
 Веймар Л. 225  
 Вейнерт Ю. Н. 219  
 Великопольский И. Е. 3, 245  
 Венжик Фр. 41  
 Венцкий Ю. 64, 67, 68, 70, 72, 76,  
 84, 86, 88  
 Вергилий Марон П. 63, 129  
 Веревкин Н. Никит. 142  
 Веревкин Н. Никол. 142–146  
 Верига 81  
 Вершинина Н. Л. 155, 156  
 Видеман Е. И. 53, 57, 59

- Виельгорский М. Ю. 183
- Викторович В. А. 228, 230
- Виланд Х.-М. 168, 171, 173, 174, 176
- Виллье Ш. Ф. Д. 163, 178
- Вильбик 204
- Виноградов В. В. 124, 228, 229
- Витгенштейн Л. П. 89, 90
- Витгенштейн П. Х. 89
- Витковская А. 175
- Владислав IV Ваза 52
- Водзинский 43
- Воейков А. Ф. 11
- Волконская З. А. 139
- Волконская М. Н. 139
- Волконский М. Н. 146–150
- Ворожейкина А. Н. 208
- Востоков А. Х. 23, 60, 78, 90, 101, 102
- Вуйцицкий К. В. 53
- Выссогерд (Замбжицкая) Р. 82
- Вышковский П. 67
- Вяземская В. Ф. 208, 210, 212
- Вяземский А. И. 122
- Вяземский П. А. 8, 56, 122, 126, 127, 128, 133, 148, 184, 187, 195, 196, 204, 208–213, 217, 219
- Гаевский П. И. 8, 91–96
- Гальяни Ф. 120–123
- Гамер — см. *Хаммер-Пургальт Й. фон*
- Ган Е. А. 113–115
- Ганнибал А. П. 245
- Гваньини А. 40
- Гедике Ф. Ф. 16
- Гейден Ф. Л. 183
- Гельгардт Р. Р. 14, 178
- Герцен А. И. 143, 194
- Гершензон М. О. 227
- Гете И.-В. 168–171, 173, 174, 176
- Гешковские 67
- Гинцбург Н. С. 48
- Глебович А. Б. 31, 53, 69
- Глюксберг Н. 39, 68
- Гнедич Н. И. 128
- Гоббс Т. 232–234, 239
- Гогель Н. В. 149
- Гоголь Н. В. 9, 112, 153, 154
- Гозиуш Ст. 34
- Голицын Д. В. 37
- Голубева О. Д. 98
- Гомер 86
- Гораций Флакк Кв. 47, 62, 78
- Горчаков А. М. 190, 192, 193, 195
- Горчаков Д. П. 138
- Гостимский 43
- Гофман Э.-Т.-А. 225, 226, 227
- Грабовский Ст. 25, 29, 39, 104
- Грефф 62
- Греч Н. И. 14, 31, 41, 44, 54, 63, 65, 76, 79, 125, 126, 132, 154, 203, 243, 244
- Грибовский Я. 70
- Грибоедов А. С. 20, 57–59, 69, 70, 126, 237, 241–248
- Грибоедова Н. Ф. 70

- Григоренко П. Г. 240  
 Грильпарцер Ф. 174  
 Гримм Я. и В. 173  
 Гроддек Г. Э. 9–11, 25, 62, 78, 87  
 Груббер Й. 147  
 Гурницкий Л. 34, 35  
 Гурский Ст. 33, 34  
 Гутт Е. 11, 23, 102  
 Гутт (Малиновская) Х. 23, 102  
 Гутт Э. 11, 23, 102
- Д**авыдов Д. В. 137, 140  
 Даль В. И. 239  
 Данилович И. Н. 42, 60, 65, 73, 88  
 Дантышек Я. 34  
 Даровский М. 67  
 Дарский Д. С. 228, 230  
 Дарю П. А. Б. 166, 171, 179  
 Дашкевич Ц. 36  
 Дашков А. Я. 82  
 Дельвиг А. А. 126, 154, 221  
 Демутье Ш. А. 31  
 Державин Г. Р. 155, 212  
 Дидло Ш. 246  
 Дидо А. 38  
 Дикинсон Э. 3  
 Дмитриев И. И. 159  
 Дмоховский Фр. С. 34, 35  
 Добишинский Ю. 28  
 Добровольский А. 35, 36  
 Долгих Е. В. 184  
 Долгоруков В. А. 197  
 Долгоруков И. М. 121–124
- Долгоруков П. В. 181, 183, 185,  
 188–190  
 Долгоруков П. И. 122–124  
 Долгорукова Е. Д. 180  
 Долинин А. А. 196  
 Достоевская А. Г. 106  
 Драйден Д. 129  
 Дубельт Л. В. 96  
 Дюкре-Дюмениль Ф. Г. 158  
 Дюма А. 138, 140, 150  
 Дюрова Л. О. 243
- Е**вгений (Болховитинов Е. А.) 73  
 Егоров И. В. 213, 244  
 Ежовский Ю. 40, 62, 63, 78, 88  
 Екатерина II 21, 97, 146, 196  
 Елагин А. А. 56  
 Ельский Л. Ф. 50  
 Ермолаев А. И. 78  
 Ермолов А. П. 216, 242
- Ж**анлис Дюкре де Сент-Обен С.  
 Ф. 158  
 Жельветр Г. 11, 18, 30, 31, 42, 44  
 Жилинский А. 81  
 Жирмунский В. М. 225  
 Жуковский В. А. 126, 129, 187, 208,  
 212, 213, 221
- Жюльен Б. 61
- З**авадский Ю. 10, 12, 22, 23, 30, 34,  
 61–64, 67, 68, 72, 73,  
 76, 79, 86, 88, 90, 102  
 Загорский А. 177  
 Загоскин М. Н. 152, 153, 155, 157  
 Закревский А. А. 155

- Залуские 13, 21, 102  
Залуский К. 82  
Залуский Ю. 21, 23–25, 29, 39, 40, 103  
Залуский Ю. А. 36, 60, 72, 76  
Замбжицкий Т. Л. 82  
Замойский Т. 87  
Замойский Я. 46, 48, 49, 87  
Замятнин Д. Н. 183  
Захарьина (Герцен) Н. А. 143  
Зборовский К. 49  
Зборовский С. 18, 46–49  
Зверева И. С. 98  
Зеленый А. А. 182, 183  
Зенович И. 31  
Зиновьев Н. В. 183  
Золотова О. Н. 154, 156  
Зубов П. А. 205  
Зубова (Валентинович) Т. 205, 206
- И**ванов А. Ю. 175, 176  
Иващенко М. М. 201  
Ивинский Д. П. 148, 149  
Ильф И. А. 233–236
- К**авелин А. А. 148  
Каверин В. А. 107  
Кавос К. А. 246  
Казимир IV 52, 60  
Кайсаров В. С. 57  
Кайсаров П. С. 57, 71  
Каллаш В. В. 140  
Канкрин Е. Ф. 60  
Каннинггам А. 71
- Кантемир Д. К. 101  
Кантемир А. Д. 155  
Капнист В. В. 155  
Каракозов Д. В. 197  
Карамзин Н. М. 11, 52, 53, 64, 65, 120–123, 183, 213  
Карельский А. В. 224  
Карнович Е. П. 149  
Катенин П. А. 209–211, 219  
Катков М. Н. 148, 192, 193  
Качановский Ю. 56  
Квятковский К. 52  
Кевлич Ст. 87  
Кеневич Ст. 55  
Кжижановский А. 68  
Киреевский И. В. 56, 244  
Киреевский П. В. 56  
Киркор А.-Г. 13, 90  
Клапрот Г. Ю. 29  
Клейст Г. фон 221–230  
Клейст Э. К. 221  
Кленович С. Ф. 71  
Клонгевич А. Б. 81, 82  
Ковалевский Ю. 10, 40, 62, 63  
Кожьян К. 199  
Комаров М. 151, 155–159  
Комзолова А. А. 184, 189, 197  
Комиссаров О. И. 197  
Комовский В. Д. 82  
Конарский М. 18  
Кондаков И. В. 231  
Конрад Дж.  
(Коженёвский Т. Ю. К.) 150



- Константин Николаевич 189, 190, 197
- Константин Павлович 18, 19, 44, 56, 149, 198–200
- Контрым К. 9, 12
- Коренева М. Ю. 221
- Корнеев А. В. 151
- Корф М. А. 184
- Костюшко А. Т. Б. 17, 85, 175
- Кохановский П. 62
- Кохановский Я. 44, 133
- Край К. 126, 127
- Крапива К. (Атрахович К. К.) 233
- Красицкий И. 18
- Красовский А. И. 100
- Кридл М. 13
- Кромер М. 34
- Крутелль Л. 61
- Крушчиньский А. 26
- Крылов И. А. 155, 231, 232, 238–240
- Кубасов И. А. 98
- Кукевич Т. 205
- Кукольник В. Г. 144
- Кукольник Н. В. 36, 144, 203
- Кукольник Пав. В. 3, 36, 142–146, 148, 203
- Кукольник Пл. В. 36
- Купала Я. (Луцевич И. Д.) 157
- Куракин А. Б. 173
- Курута Д. Д. 199
- Кушелев-Безбородко А. Г. 27
- Кшицкий А. 65, 71
- Кюн 39
- Кюхельбекер В. К. 216
- Лавринец П. М. 20, 144
- Ламберт У. М. 186
- Латушкин А. М. 20
- Лафайет М.-Ж. 193
- Левик В. В. 202
- Левкович Я. Л. 120, 121, 124
- Лелевель И. 8, 9, 11–90, 102, 126, 136–141, 144, 199–201, 204, 206
- Лелевель П. 21, 26
- Лелевель Ю. 21
- Ленский А. О. 49, 50
- Леонтьев М. В. 239
- Лермонтов М. Ю. 9
- Лернер Н. О. 137
- Лесков Н. С. 192
- Лесскис Г. А. 236
- Либих Ю. 111
- Ливен К. А. 82
- Ливий Т. 87
- Линовский К. А. 50
- Лобаржевская Ю. О. 28, 91
- Лобойко И. Н. 9–12, 142–144, 146, 205
- Лович (Грудзинская) И. 200
- Лопатин В. С. 196
- Лудилова Е. В. 154, 156
- Лушевская Я. 63
- Людвик 54
- Людовик XVIII 146
- Лютгер М. 163
- Лямина Е. Э. 91

- Мазовецкая А. 63
- Маймин Е. А. 124
- Макаров Н. П. 203, 204
- Малевская М. 90
- Малевская Х. — см. Шимановская Х.
- Малевский Фр. 9, 13, 14, 16, 18, 19, 37, 38, 40, 41, 45, 50, 52, 55, 60, 66, 67, 76, 78, 80, 81, 88, 90, 91
- Малевский Ш. 13, 45, 90
- Малиновский М. 8–15, 17–91, 101, 126, 127
- Мальдис (Мальдзіс) А. И. 28
- Мальцов И. С. 243
- Мандельштам О. Э. 236, 237, 238
- Манн Ю. В. 153
- Манфред А. З. 170, 171, 173, 174
- Маре Г.-Б. 166, 179
- Маркс К. 238, 239
- Мартынов И. Ф. 138
- Марциновский А. 86
- Массальский Э. 198, 204, 205
- Массальский Ю. 198
- Матвейчик Д. Ч. 20, 109
- Матфей 16
- Махульский Ю. 198
- Маяковский В. В. 236
- Медишаускайте З. 20
- Мейнеке Фр. 171, 174
- Мельников П. П. 183
- Меттерних К. Л. 192
- Мигурский С. 73
- Миликовский Я. 39, 54
- Милютин Д. А. 180–183, 188–192
- Милютин Н. А. 189, 190
- Михайлова Н. И. 214
- Мицкевич А. 3, 8, 9, 14, 16, 18, 20, 26, 27, 30, 31, 37–47, 49–52, 54–58, 60, 61, 66, 67, 69, 70, 74, 75, 79, 80, 89–91, 125–133, 139, 140, 148, 150, 201, 202, 204, 206, 247
- Мицкевич Ал. 31
- Мицкевич Вл. 20, 61
- Мицкевич Ц. — см. Шимановская Ц.
- Мнишек М. 128
- Мнишек Ю. 128
- Модзалевский Б. Л. 122, 124, 125, 127, 137, 159
- Мольер Ж. Б. 155
- Моравский Ст. 9, 27, 81, 105, 108, 204–206
- Моцарт В. А. 247
- Муравьев М. Н. 122
- Муравьев-Амурский Н. Н. 183
- Муравьев-Апостол С. И. 181
- Муравьев-Виленский М. Н. 149, 180–183, 185, 186, 188–192, 194–197
- Мучковский Ю. 75
- Мюллер И. 173, 174
- На**деждин Н. И. 153, 154, 156, 158, 160
- Наполеон I 44, 162–178
- Наполеон III 191–193, 196
- Нарбутт Т. 81, 131
- Некрасов Н. А. 148, 197
- Немцевич Ю. У. 18, 53, 62, 85

- Нессельроде Д. К. 197  
 Нессельроде К. В. 60, 246  
 Никитенко А. В. 105, 106  
 Николаев Н. В. 20  
 Николаев С. И. 133, 137  
 Николай I 22, 24, 25, 29, 46, 54,  
 56, 59, 79, 83, 128, 178,  
 183–187  
 Никотин И. А. 197  
 Новиков А. Е. 115  
 Новосильцов Н. Н. 10, 16, 17, 19,  
 36, 56, 57, 144,  
 148, 198–206
- О**видий Назон П. 62  
 Огинский М. 175  
 Огрызко И. 149  
 Одоевский А. И. 141  
 Одровонж Г. 63  
 Одынец А. Э. 31, 55, 61–63, 90  
 Ожаровская М. 32  
 Ожаровский А. П. 32  
 Ожаровский П. 32  
 Оленин А. Н. 13, 23–25, 82,  
 97–104  
 Олешкевич Ю. 14, 43, 44, 60  
 Онацевич И. 12, 52  
 Ордынец Я. К. Р. 39, 68  
 Ордынский Л. В. 16  
 Орлов А. А. 151–160  
 Орловский А. 14, 17, 44, 60  
 Орозий П. 99  
 Осинский А. 25, 104  
 Оссолинский Ю. М. 87
- Островская К. 66, 74  
 Охотин Н. Г. 149  
 Ошеров С. А. 75
- П**авел I 59, 97, 145  
 Павлицев Л. Н. 209, 210, 213,  
 216, 217  
 Павлицева О. Л. 209, 217  
 Павловский Г. О. 239  
 Панов С. И. 214  
 Парри У. Э. 51, 52  
 Паскевич И. Ф. 185–188, 200  
 Патрушева Н. Г. 20  
 Пеликан А. А. 145  
 Пеликан В. В. 17, 36, 37, 145, 205  
 Пеликан Э. 36  
 Перикл 213  
 Перовский А. А. 42, 65  
 Петров (Катаев) Е. П. 233–236  
 Петровский Ф. 75  
 Пивницкий М. 26  
 Пильщиков И. А. 15  
 Пиндар 47, 48  
 Пини О. А. 137  
 Пиотровский А. 26, 31, 39, 43  
 Пиотровский И. 31  
 Плетнев П. А. 209, 210  
 Плутарх 213, 216  
 Победоносцев К. П. 237  
 Подольская И. И. 149  
 Полевой Н. А. 56  
 Попов Д. П. 100  
 Поповский 64

- Потоцкий С. О. 24, 32, 101, 102  
 Потоцкий Ст. 83  
 Потоцкий Ст. Щ. 83  
 Потоцкий Я. 41  
 Пржецлавский О. А. —  
     *см. Пшецлавский Ю. Э.*  
 Привалов А. Н. 239  
 Протасова Н. Д. 180  
 Прушинский П. 44  
 Пташинский А. 26  
 Пусловский В. 91  
 Пуффендорф С. 155  
 Пуцыкович В. Ф. 178  
 Пушкин А. С. 3, 9, 14, 44, 56, 113,  
     120–133, 136–141, 145, 148,  
     153–156, 158–160, 185–187,  
     193, 195, 196, 206, 209–215,  
     217–219, 221, 225, 227–230,  
     236, 237, 241–248  
 Пушкин В. Л. 208–220  
 Пушкин С. Л. 127  
 Пушкина-Ланская Н. Н. 210  
 Пшецлавский Ю. Э. 14, 28, 30,  
     42, 43, 45, 49–51, 58,  
     60, 63, 68, 91–96, 144,  
     147–150, 178, 202, 203  
 Пясецкий М. 26  
**Р**адзивилл А. Г. 89  
 Радзивилл Д. И. 89  
 Радзивилл (Витгенштейн) Ст. 89  
 Радклиф А. 158  
 Разумовский А. К. 168, 179  
 Разумовский К. Г. 179  
 Ралль С. А. 115  
 Расин Ж. 145, 155  
 Рахманный — *см. Вережкин Н. Никол.*  
 Рачинский Э. 33, 34  
 Рейтблат А. И. 9, 20, 28, 86, 106, 151  
 Рейсер С. А. 138  
 Ремюса Ж.-П.-А. 29  
 Рогальский А. 60  
 Рогальский Л. 31, 36  
 Рогозиньский Б. 46  
 Родофиникин К. К. 57  
 Рожалин Н. М. 56  
 Романовский Н. 20, 47  
 Ростопчина Е. П. 138, 140  
 Румянцев Н. П. 60  
 Рылеев К. Ф. 15, 85  
 Рюлье К. К. де 167, 179  
**С**авкина И. Л. 143  
 Саводник В. Ф. 137  
 Сальери А. 247  
 Санд Жорж (Дюдеван А. де) 111  
 Сапега А. 164, 169, 175, 178  
 Сапега Лев 45, 46  
 Сапега Леон 44, 49, 50  
 Свидзинский К. 64, 86  
 Свиньин П. П. 77  
 Секст Эмпирик 81  
 Семевский В. И. 182  
 Семевский М. И. 148, 149  
 Семен А. 38  
 Сенека Л. А. 15  
 Сенкевич К. 35, 36, 72, 73, 76, 86  
 Сенковская Адель А. 106–117

- Сенковская Анна 106–109
- Сенковская М. 108
- Сенковский О. И. 8, 11, 15–18, 20, 22–24, 27, 28, 30, 42, 50, 51, 58, 59, 62, 64–66, 69, 70, 75, 83, 87, 103, 105–118, 129, 143, 246
- Серафим  
(в миру Глаголевский С. В.) 66
- Сербинович К. С. 8, 14, 15, 76
- Сервантес Сааведра М. де 169
- Сигизмунд III 45, 49
- Сигизмунд Август 53, 63
- Сидеравичюс Р. 131
- Скандербег Г. К. 17
- Скарбек Фр. 41
- Скиргайло 77, 131
- Скотт В. 71, 74
- Сленин И. В. 76
- Сливиньский А. 21
- Словацкий Ю. 18, 46, 223, 224
- Смирдин А. Ф. 76
- Смирнова-Россет А. О. 186
- Смоковский В. 14, 27, 33
- Снегирев И. М. 142, 182
- Снядецкий Я. 87, 162–178
- Собаньская К. 149
- Собаньский Г. 30
- Собесский Я. 167, 173, 179
- Соболевский Л. 36, 87
- Соболевский С. А. 56
- Соболевский Я. 37
- Сойкин П. П. 150
- Соколов М. Ю. 239
- Соколов П. П. 111
- Солженицын А. И. 240
- Сомов О. М. 154
- Сонцова О. М. 209, 210, 216
- Сосновский Л. 26, 31
- Сперанский М. М. 28, 45, 59, 73, 80
- Сперанский М. Н. 137
- Сталин И. В. 231, 232, 233
- Станислав Август (Понятовский) 52, 89, 97, 165, 179
- Старчевский А. В. 112, 113, 114, 115
- Стендаль (Бейль А.) 169
- Стефан Баторий 46, 48, 52, 165, 179
- Стольцман М. 10, 13
- Строганов Г. А. 137
- Строганов С. Г. 27, 187
- Суворов-Рымникский А. А. 180, 182–183, 185–191, 193, 194, 195, 196
- Суворов-Рымникский А. В. 182, 185–188, 194, 195, 196
- Судольский Зб. 20, 56
- Суханек Л. 20
- Суходольский Р. 200
- Т**алейран Ш.-М. 169–171, 173–176
- Тальма Ж. Ф. 170
- Тарле Е. В. 172, 173
- Тартаковский А. Г. 14
- Тархова Н. А. 149
- Тассо Т. 62, 215, 219
- Тацит К. 99, 171, 172, 174
- Тибулл 43
- Тимофеев Л. В. 98

- Толстой С. А. 106  
Толстой Л. Н. 208  
Толстой Ф. А. 77  
Трембецкий Ст. 75  
Третьяк Ю. 10  
Троц М. А. 86  
Троцкий Л. Д. 237  
Томицкий П. 33  
Тургенев А. И. 210  
Туркулл И. 13, 68, 96  
Тустановский Ф. 36  
Тынянов Ю. Н. 241–248  
Тютчев Ф. И. 180, 181, 183,  
190–195, 216  
Тютчева (Аксакова) А. Ф. 184, 185  
Тютчева Е. Ф. 192  
Тютчева М. Ф. 180, 193  
Тютчева Э. Ф. 193
- У**варов С. С. 82  
Ульдынский Ю. 26
- Ф**айбисович В. М. 98  
Федоров Ф. П. 222  
Федута А. И. 8, 14, 15, 20, 122, 124,  
126, 156, 178, 200,  
206, 211, 213, 244
- Филатьев В. И. 82  
Филипп 32  
Фогель Г. 221  
Фонвизин Д. И. 155, 157  
Фризе К. Г. 35
- Х**аборский 55  
Хаммер-Пургшталь Й. фон 15, 42
- Харон Я. Е. 219  
Хвостов Д. И. 133, 159  
Хейдатель Р. Я. 37, 81  
Хитрово Е. М. 186, 187  
Ходзько А. 50, 57  
Ходзько Л. 66, 74  
Ходкевич А. 44  
Ходкевич Фр. Кс. 44  
Холодковский Н. М. 00  
Хозрев–Мирза 246  
Холодковский Н. М. 169  
Хрулев С. А. 183
- Ц**ецишовской 55  
Цявловская Т. Г. 9
- Ч**аадаев П. Я. 242  
Чавчавадзе (Грибоедова) Н. А.  
245, 248
- Чайников Ю. В. 105  
Чарновский 26  
Чарторижский А. Е. 22, 35, 201  
Черкасский В. А. 189, 191  
Чернышевский Н. Г. 111, 148  
Чечот Я. 10
- Ш**анецкий Я. О. 83  
Швед В. В. 172  
Шевич И. Е. 181, 183  
Шевырев С. П. 56  
Шереметев В. А. 27  
Шидловский И. 12  
Шиллер Фр. 169  
Шиллинг (Шиллинг-  
Канштадт) П. Л. 66

- Шимановская М. 45, 80  
Шимановская (Малевская) Х. 45, 80, 90  
Шимановская (Мицкевич) Ц. 45  
Шимонович С. 87  
Ширин Н. 83  
Ширма М. 83  
Шишков А. С. 28, 29, 39, 41, 56, 57, 148, 211  
Шопович Фр. 41  
Шостакович С. В. 57  
Штейн С. 225  
Штильмарк Р. А. 219  
Шуазель-Гуффье С. 175  
Шувалов И. И. 121–124  
**Щ**еглов Ю. К. 235, 236  
Щеповская А. 106  
Щеповский Болеслав 109  
Щукин В. Г. 20  
**Э**ккерман И. П. 169, 170, 173  
Экштут С. А. 192  
Эрдман Н. Р. 237, 238  
Эттингер П. Д. 9, 27  
**Ю**венал Д. Ю. 190, 194  
Юнгрен А. 194  
**Я**блоновская Ж. 32  
Яблоновский К. 32  
Ягелло, проф. 63  
Якобс Х. Ф. В. 16  
Якубович А. И. 216  
Ян Казимир 68  
Яновский Л. 19  
Янушевский Я. А. 81  
Янушкевич А. 53  
Ясюкович И. 31  
**B**eauvois D. 28, 201  
Beniarzówna J. 89  
Bugeaud T. R. 196  
Borowczyk J. 10, 73  
**D**eotyma — см. Луцевская Я.  
**J**abłonowski A. 51, 58, 65  
Jan Olbracht 52  
**H**enryk Walezyusz 52  
**K**acnelson D. 128, 200  
Kias A. 97  
Komza M. 61, 67  
Kopczyński Krz. 128  
**M**ężyński K. 9  
Młodecki S. 25  
Mościcki H. 202  
**N**iesiecki K. 56, 58  
**O**ldekop Aug. 86  
**P**elissier J. J. 196  
Ptaszycy St. 85  
**S**kowronek J. 178  
Szyndler B. 199  
**W**awrykowa M. 173

# СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь есть текст. Текст есть жизнь . . . . .	3
--	---

## ЭПИСТОЛЯРИЙ

КВАРТИРАНТ: Письма М. Малиновского И. Лелевелю . . . . .	8
СТРАДАНИЯ БУДУЩЕГО ЦЕНЗОРА: Письма О. Пшецлавского П. Гаевскому . . . . .	91
«ИМЕЯ ОТЛИЧНОЕ УВАЖЕНИЕ...»: Письма А. Н. Оленина С. Богушу-Сестренцевичу . . . . .	97
ПРИВАТНАЯ ЖИЗНЬ ПРОФЕССОРА СЕНКОВСКОГО . . . . .	105

## ПИСАТЕЛИ – ЧИТАТЕЛИ

«ПОДВИГ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»: Об источнике пушкинской формулы . . . . .	120
ТРИ «БУДРЫСА»: Авторский текст — подстрочник — поэтический перевод . . . . .	125
ПУШКИН И ЛЕЛЕВЕЛЬ: История одного недоразумения. . . . .	136
ТИПЫ И ПРОТОТИПЫ . . . . .	142
«ВЫЖИГИНСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СО-АВТОРСТВА . . . . .	151

## ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

НАПОЛЕОН И ЯН СНЯДЕЦКИЙ: К вопросу о семиотике поведения государя . . . . .	162
«ГУМАННЫЙ ВНУК ВОИНСТВЕННОГО ДЕДА»: А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии. . . . .	180
Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1820–1830-х гг. . . . .	198

## ЭХО ЭПОХИ

СМЕРТЬ ПОЭТА, или ПОСЛЕДНЯЯ АРЗАМАССКАЯ РЕЧЬ: «Элегия на смерть Василия Львовича» Дмитрия Быкова . . . . .	208
---	-----



ТЕНЬ СТАРУХИ .....	221
БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «СЛОН И МОСЬКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ .....	231
ПУШКИН ГЛАЗАМИ ГРИБОЕДОВА: Роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» .....	241
Библиографическая справка .....	249
Именной указатель .....	251

Научное издание

**Федута Александр Иосифович**  
**ПИСЬМА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ**  
**Материалы к истории литературы**  
**и литературного быта Российской империи**

Ответственный за выпуск *М. В. Шибко*  
Художественное оформление *Г. И. Мацур*  
Верстка *В. Я. Нога*  
Корректор *М. М. Шавыркина*

Подписано в печать с оригинала-макета заказчика 16.07.2009. Формат 60x84 1/16.  
Бумага офсетная. Офсетная печать. Гарнитура тип Таймс. Усл. печ. л. 15,81.  
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 250 экз. Заказ

Издательство ООО «Лимариус». ЛИ № 023300/0494401 от 16.03.2009.  
Ул. Стрелковая, 14, 220030, Минск.

Отпечатано в типографии ОДО «НовоПринт». ЛП № 02330/0150476 от 25.02.2009 г.  
Ул. Купревича, 2, 220047, Минск.